

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА

И. Я. ФРОЯНОВ

КИЕВСКАЯ РУСЬ

Очерки социально-политической истории

©твественный редактор
заслуженный деятель науки
проф. *В. В. Мавродин*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД, 1980

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

В монографии, являющейся продолжением исследования Киевской Руси, первая часть которого, посвященная социально-экономической истории, вышла в 1974 г., рассматриваются важнейшие вопросы социально-политического строя Киевской Руси X — XII вв., деятельность народного веча, социальная природа вечевых собраний. Исследуются проблемы, связанные с социально-политическим значением древнерусского города.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей истории, аспирантов исторических факультетов и всех интересующихся прошлым нашей страны.

Рецензенты: д-р ист. наук проф. А. Л. Шапиро, канд. ист. наук Ю. Г. Алексеев.

Очерки социально-политической истории
Редактор В. В. Макарова Техн. редактор Е. Г. Учаева Корректоры М. В. Унковская, Г. Н. Гуляева

Сдано в набор 18.06.79. Подписано в печать 07.02.80. М-30532. Формат бум. 60x90^{1/2}.
Бумага тип. № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Уч.-изд. л. 19,76.
Печ. л. 16. Тираж 14149 экз. Заказ 2945. Цена 1 р. 50 к.
Издательство ЛГУ имени А. А. Жданова. 199164, Ленинград,
Университетская наб., 7/9.
Типография имени Анохина Управления по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли Совета Министров Карельской АССР. Петрозаводск, ул. «Пра-
ды», 4.

Памяти
Виктора Александровича
Романовского

ПРЕДИСЛОВИЕ

Высказывая замечания по поводу нашей книги, опубликованной в 1974 г.¹, академик Л. В. Черепнин сожалел об отсутствии в ней социально-политической проблематики.² Однако в монографии, специально посвященной социально-экономической истории Киевской Руси, едва ли целесообразно было рассматривать социально-политические вопросы. Судить же о надстройке по базису без анализа конкретного материала, извлеченного из источников, мы сочли тогда преждевременным. И вот теперь вниманию читателя предлагается исследование социально-политической структуры Руси X—XII вв.

Сюжеты, представленные в этом исследовании, имеют давнюю историографическую традицию. Много здесь трудились С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров, В. И. Сергеевич, А. Е. Пресняков, Н. П. Павлов-Сильванский, М. А. Дьяконов и другие выдающиеся ученые. Огромный вклад в изучение социально-политических отношений в Киевской Руси внесли советские историки Б. Д. Греков, Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, В. Т. Пащута, В. Л. Янин, А. А. Зимин, В. В. Мавродин, Б. А. Романов, С. В. Юшков. Благодаря их разысканиям научные знания по социально-политической истории Древней Руси значительно обогатились. Следует при этом заметить, что современные исследователи главное свое внимание сконцентрировали на явлениях, знаменовавших наступление -нового феодального строя, тогда как порядки старого доклассового общества оставались в тени.

В настоящей книге осуществлена попытка дать должную оценку этим порядкам. Такая попытка нам представляется целесо-

¹ Ф о я н о в И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.

² Ч е р е п н и н Л. В. Еще раз о феодализме в Киевской Руси. — в кн.: Из истории экономической и общественной жизни России. Сб. статей к 90-летию академика Н. М. Дружинина. М., 1976, с. 17, 22.

образной, поскольку переход от первобытнообщинной социальной организации к феодализму был длительным и сложным.

В. И. Ленин указывал, что стремление «определить с точностью аптекарских весов, где именно кончается крепостничество и начинается чистый капитализм»,³ — значит впасть в бесплодный педантизм. Указания В. И. Ленина применимы и к древности, когда происходила смена первобытнообщинных отношений феодальными. Понятно, почему Б. А. Рыбаков, говоря о возникновении государства на Руси, писал: «Процесс первичного возникновения государственности из недр первобытнообщинного строя является процессом настолько медленным и постепенным, что рубеж двух формаций иногда бывает еле приметен для глаза позднейшего историка»⁴. Столь же не характерны и слова

Б. Мавродина: «Точно установить грань, где кончается эпоха военной демократии и начинается феодализм, когда союзы племен уступают место государству, когда обычное право сменяется законодательством, невозможно. И это отнюдь не результат слабой научной разработки проблемы, а естественное следствие марксистско-ленинского учения о динамике общественного развития в эпоху антагонистических формаций»⁵.

Наш интерес к архаическим явлениям в сфере социально-политической обусловлен еще и тем, что в социально-экономической области Киевской Руси, как мы полагаем, дофеодальным факторам принадлежала в высшей степени существенная роль⁶. Феодализм тогда лишь зарождался, и феодальные элементы напоминали собой островки в море свободных земледельческих общин⁷. По глубокому замечанию В. И. Ленина, «когда новое только что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни»⁸. Важность изучения «старого», таким образом, вполне мотивирована.

Предлагаемая работа заключена в очерковую форму. Однако это не означает, что в ней собраны разрозненные описания, взя-

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 12, с. 46; «Жизнь, — читаем в другом труде В. И. Ленина, — создает такие формы, которые соединяют противоположные по своим основным чертам системы хозяйства с замечательной постепенностью». — Там же, т. 3, с. 191.

⁴ Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III—IX вв. М., 1958, с. 831.

⁵ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 97; «Генезис феодализма», — говорил ранее В. В. Мавродин, — не одноактное действие, а длительный процесс, сложный и многообразный. Здесь нет места статике, все в динамике, все в развитии. Здесь, на обломках старого возникает новое, опутанное нитями старого, отживающего, цепкими еще, но обреченными». — См.: Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 114.

⁶ Фроинов И. Я. Киевская Русь... с. 43.

⁷ Там же, с. 158.

⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 39, с. 20.

тые в случайной комбинации. Каждый ее очерк прямо или косвенно связан с остальными. Так, исследование социальной природы и функций княжеской власти, вассалитета князей приводит к необходимости рассмотрения взаимных отношений князя и дружины, влияния последней на характер власти первого. Положение князя и дружины в обществе трудно в достаточной степени уяснить, абстрагируясь от проблемы сеньориального режима в Киевской Руси. Тщетны попытки разобраться в этом, если игнорировать отношения древнерусской знати, прежде всего князей, с массой рядового населения, именуемого в письменных памятниках «люди», «людь». Далее обнаруживается, что тема «Князь и люди» не может достаточно быть исчерпана без обращения к вечу Древней Руси. Установленная в ходе исследования названных сюжетов большая активность народа в социально-политической жизни возбуждает вопрос, чем объяснить тот факт, что знати приходилось серьезно считаться с народной волей. Ответ на него дает изучение военной организации Руси X—XII вв. Но поскольку средоточием веча и военным центром являлся город, то неизбежно встает проблема социально-политической роли города в Киевской Руси. В результате перед нами возникает целый комплекс важнейших явлений, познание которых открывает возможность составить вполне обоснованное мнение о социально-политическом устройстве Руси в главнейших его чертах.

В данной книге имеется аспект, особенно для нас притягательный. Тому есть свои причины. Советские историки, следуя глубоко справедливому указанию классиков марксизма-ленинизма, согласно которому подлинным творцом истории является народ, наглядно и всесторонне показали решающее значение народных масс в экономическом развитии Древней Руси. Ныне историческая наука располагает фундаментальными трудами, освещавшими созидающую роль народа в производстве материальных ценностей⁹, лежавших в основе самобытной и яркой культуры Киевской Руси⁹. Оценивая это как огромный успех советской историографии Киевской Руси, одновременно приходится с сожалением констатировать заметное отставание исследования вклада народа в социально-политическую историю Руси. Правда, в сочинениях, посвященных классовой борьбе XI—XIII вв., говорится о влиянии, какое оказывала она на развитие государства, законодательства, форм и методов эксплуатации непосредственных производителей¹⁰. Но все это подается, как правило,

⁹ Советская историография Киевской Руси. Л., 1978, с. 61—77 10 Фроянов И. Я. Советская историография о формировании классов и классовой борьбе в Древней Руси. В кн.: Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л., 1967, ч. 1; Советская историография Киевской Руси с 119-127

в виде уступок со стороны господствующего класса, напуганного народными восстаниями. Что касается политических институтов, то они предстают насквозь пронизанными феодальным началом. Для народа в них нет или почти нет места¹¹. Отдельные специалисты порой настолько обезличивают древнерусский народ, что отводят его представителям роль жалких статистов в политических спектаклях, поставленных по сценарию феодальной знати¹², или изображают их какими-то простачками, плодами борьбы которых ловко пользовались различные группировки господствующего класса, оставляя народу, если можно так выразиться, «пирожок с ничем»¹³. Мы старались преодолеть эту ошибочную тенденцию, наметившуюся в современной историографии, и показать творческий характер деятельности народных масс в сфере социально-политической, большую активность демократических кругов населения в политической жизни древнерусского общества¹⁴.

В книге нашей нет очерка об общественном строе Киевской Руси. Мы и на этот раз решили подождать с ним, пока не закончим изучение истории социальной борьбы и культуры на Руси X—XII вв. Вряд ли надо доказывать, сколь это существенно для воссоздания общей социальной картины интересующей нас эпохи.

Однако изданием настоящей работы завершается важный этап изысканий, предпринятых нами в области истории Киевской Руси. Поэтому считаем приятным долгом выразить глубокую благодарность своему учителю Владимиру Васильевичу Мавродину за добрые наставления, постоянную поддержку и помошь, без которых наши занятия историей Киевской Руси едва ли бы состоялись. Автор весьма признателен А. А. Зимину и А. Л. Шапиро за дружеское внимание к работе и ценные рекомендации. Он также благодарит Ю. Г. Алексеева, А. И. Копанева, Ю. А. Лимо-нова, Н. Е. Носова, И. П. Шаскольского за конструктивные заме-

¹¹ См., напр.: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949; Пашутин В. Т. Черты политического строя Древней Руси. — В кн.: Новосельцев А. П. (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.— Только для горожан делается иногда исключение. См.: Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 355—370; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 214—231.

¹² Толочкин П. П. Вече и народные движения в Киеве. — В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов: Эпоха средневековья: Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972.

¹³ Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М., 1976.

¹⁴ Изучая процесс образования Русского централизованного государства в XIV—XV вв., Л. В. Черепнин считал необходимым напомнить о творческой силе народных масс именно в политической жизни (Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 783). Тем больше оснований говорить об этом применительно к Киевской Руси, предшествовавшей Руси Московской.

чания и советы, высказанные в тот или иной момент его исследования древнерусской истории.

И последнее, наконец. Автор отнюдь не тешит себя иллюзией, что ему удалось разрешить все поставленные в книге вопросы. Он отдает себе отчет в том, что многое из предложенного им спорно. Но его воодушевлял научный поиск, ибо, как великолепно сказал некогда Н. Я. Марр, «у науки нет вовсе владычества вечного, она сама в вечном движении, пока не перестает быть наукой, она не "владычество вечное", а "строительство вечное"»¹⁵.

Очерк первый

ДРЕВНЕРУССКИЕ КНЯЗЬЯ

Происхождение государственных учреждений на Руси органически связано с возникновением и ростом княжеской власти. Отсюда понятно, почему дореволюционные исследователи, разделявшие в массе своей мысль о том, что элемент политический, государственный представлял единственно живую сторону отечественной истории, а развитие государства составило ее национальное своеобразие¹, уделяли древнерусским князьям самое пристальное внимание. Классические труды С. М. Соловьева «Об отношениях Новгорода к великим князьям» и «История отношений между князьями Рюрикова дома», В. И. Сергеевича «Вече и князь», Н. И. Костомарова «Начало единодержавия в Древней Руси», А. Е. Преснякова «Княжее право в древней Руси» — наиболее заметные вехи в изучении данной темы. Что касается остальных научных сочинений, где специально или попутно шла речь о князьях, их взаимоотношениях, княжеской власти, то им «несть числа».

Не ослабевал интерес к древним князьям и в советское время. Важные соображения относительно социальной роли и значения князей в древнерусском обществе были высказаны М. Н. Покровским, Б. Д. Грековым, Д. С. Лихачевым, Б. А. Рыбаковым, Л. В. Черепнином, В. Т. Пашуто, В. Л. Яниным, С. В. Бахрушиным, А. А. Зиминым, В. В. Мавродиным, А. Н. Насоновым, Б. А. Романовым, И. И. Смирновым, Я. Н. Щаповым, С. В. Юшковым, О. М. Раповым и другими². Общественное положение

князя, изменения в его статусе советские историки рассматривали на качественно новой методологической основе, в свете марксистско-ленинского учения о базисе и надстройке, классовой сущности государства, что открывало возможность подлинно научного познания исторической действительности вообще и древнерусского института князей в частности. Ныне наши сведения о княжеской верхушке, как никогда ранее, разнообразны и полны. Но это отнюдь не значит, что здесь сказано последнее слово, поставлена последняя точка. Несмотря на богатейшую литературу вопроса, не все моменты княжеской истории на Руси достаточно полно уяснены.

Мы не ставим перед собой цель определить исчерпывающим образом место князя в социально-политической структуре древнерусского общества. Наша задача более скромная, она заключается в том, чтобы выявить функциональные свойства княжеской власти, ее социальную природу, а также разобраться в вассальных связях, которыми была охвачена княжеская среда.

История князей уходит вглубь столетий, ко временам далекого прошлого восточного славянства. Ф. Энгельс убедительно и наглядно показал, как у древних германцев племенной старейшина-вождь, военачальник превращался в короля³. Этим он

В кн.: Из истории феодальной России. Л., 1978; Рыбаков Б. А. 1) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; 2) Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; Чепринин Л. В. 1) Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; 2) К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X—начала XIII в.— Исторические записки, 1972, 89; Пашута В. Т. Черты политического строя Древней Руси. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение; Янин В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила». — ТОДРЛ, 1960, 16; Бахрушин С. В. «Держава Рюриковичей»— Вести, древней истории, 1938, №2; Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда.— Исторические записки, 1965, 76; Мародин В. В. 1) Образование Древнерусского государства. Л., 1945; 2) О племенных княжениях восточных славян. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971; 3) Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971; Насонов А. Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле.— Века (Пг.), 1924, 1; Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1966, с. 20—24, 111—149; Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XIII—XIII вв. М., 1963 с. 230—280; Чапов Я. Н. Княжеские Уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972; Юшков С. В. 1) Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л, 1939, с. 29-31, 44-51, 182—188, 216-219; 2) Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 96—98, 034—340; Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X—первой половине XIII в. М., 1977.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 143—144, 150—151, 164—165. Наблюдения Ф. Энгельса находят полное подтверждение в современных исследованиях.— См.: Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963, с. 23—

¹ Кавелин К. Д. Собр. соч. в 4-х т. СПб., 1897. Т. 1, с. 277; Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858, с. 232.

² Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М., 1925, ч. 1 с 178—184; Греков Б. Д. 1) Борьба Руси за создание своего государства. М.; Л., 1945; 2) Киевская Русь. М., 1953, с. 288-309; Лихачев Д. С. 1) Комментарий к «Повести временных лет» — В кн.: Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. 2; 2) Великое наследие. М., 1975, с. НI-130; 3) К вопросу о политической позиции Владимира Мономаха. —

поставил в генетическую связь власть племенного вождя с королевской властью. Вполне естественно, что советские историки, обогащенные указаниями Ф. Энгельса, искали истоки власти древнерусских князей в сфере социально-политического быта восточных славян⁴. Последуем и мы их примеру.

Слово «князь» общеславянское⁵. Оно, по мнению лингвистов, заимствовано из германского языка: общеславянское «князь» связано с древненемецким «*minoing*», означавшим первоначально старейшину⁶. Не случайно в болгарском языке кнез — старейшина⁷. Древнейшее качество князя как «родовла-

⁴ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 293—294; Рыбаков Б. А. ⁸Первые века русской истории. М., 1964, с. 7—32; 2) Обзор общих явлений русской истории IX—середины XIII века.— Вопросы истории, 1962, № 4, с. 36; Мародин В. В. 1) Образование Древнерусского государства, с. 35—64; 2) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности, с. 5—15; Юшков С. В. Общественно-политический строй... с. 35—39, 42—44.— Необходимо заметить, что в дореволюционной историографии действительную историю древнерусских князей ученые начинали с призыва варягов, которому в социально-политическом развитии Руси придавалось чрезмерное значение. Так, В. И. Сергеевич писал, что призвание 862 г. «имело решительные последствия для всей Русской земли: оно положило начало особой породе людей, которые и в силу своего происхождения от призванного князя считались способными к отправлению высшей судебной и правительственной деятель-«, ности».— См.: Сергеев В. И. Вече и князь. М., 1867, с. 68—69.— Другой историк русского права А. Д. Градовский, противопоставляя народное общинное начало княжескому, воспринимал «призвание князей» как реакцию против общинного быта, смысл которой состоял в том, что князь «должен был заменить общину, как политический организм, и вытеснить ее из политической сферы» (Градовский А. Д. Государственный строй Древней России.— Собр. соч. в 9-ти т. СПб., 1899. Т. 1, с. 359—360). Неудивительно, что в печати появлялись работы с характерным названием: «Княжеская и докняжеская Русь» (см.: Пасек В. Княжеская и докняжеская Русь.—ЧОИДР, 1870, кн. 3). Вместе с тем были и такие исследователи, которые указывали на исконность и повсеместность княжей власти и находили корни этой власти в доисторическом патриархальном быту.— См., напр.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1907, с. 37; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912, с. 136.

⁵ Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971, с. 201.

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х т. М., 1967. Т. 2, с. 266; Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка в 2-х т. М., 1959. Т. 1, с. 324; Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка, с. 201.— А. С. Львов придерживается несколько иного взгляда. С точки зрения социологической, считает он, сомнительно, чтобы слово «князь» в древнерусском языке «являлось праславянским наследием». Более естественным ему кажется заимствование этого слова «из памятников старославянской письменности или из болгарского языка изустно».— См.: Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 203—204.

⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 2, с. 266; Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка, т. 1, с. 324.

дыки» отложилось, судя по всему, в свадебной лексике русского народа, где новобрачные (условно говоря, основатели рода) называются князем и княгиней⁸.

Вероятно, о племенных вождях сообщают нам иностранцы. По свидетельству Псевдо-Маврикия, писателя VI в. н. э., у славян было множество предводителей, «криков», постоянно находящихся во взаимных распрях⁹. В. О. Ключевский не без основания уподоблял их древнегреческим филархам — племенным князьям и родовым старейшинам¹⁰. О многочисленности племенных вождей («царей») у славян VI в. рассказывает арабский географ Масуди¹¹. Все эти вожди племен являлись порождением родового строя¹².

С ростом населения племя, подразделявшееся на несколько родов, распадалось на ряд родственных племен, образующих племенной союз¹³. Возникла организация, хотя и более сложная, чем отдельное племя, но всецело соответствующая родовым принципам и условиям¹⁴. Такие родственные союзы, выступающие в Повести временных лет под именами полян, дрэвлян, северян, радимичей, вятичей, дреговичей и прочих¹⁵, довольно четко фиксируются археологами¹⁶. Логично предположить, что во главе этих союзов стояли вожди, возвышающиеся над вождями отдельных племен, входивших в союз. Исторические воспоминания о подобных вождях донесла до нас летописная легенда о Кие и его потомках,

⁸ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т. М., 1956. Т. 2, с. 126; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 2, с. 265; см. также: Рабинович М. Г. 1) Свадьба в русском городе в XVI в.— В кн.: Русский народный свадебный обряд. Л., 1978, с. 14; 2) Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978, с. 228.

⁹ Маврикий. Стратегикон.— Вести, древней истории, 1941, № 1, с. 255.

¹⁰ Ключевский В. О. 1) Соч. в 8-ми т. М., 1956. Т. 1, с. 115; 2) Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919, с. 16, 21.

¹¹ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, с. 138.

¹² Ср.: Державин Н. С. Славяне в древности. Изд-во АН СССР, б. г., с. 84.

¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 156.

¹⁴ Там же, с. 156—157.

¹⁵ Намек на родственный характер указанных племенных союзов содержится в Повести временных лет, которая называет полян братьями. — ПВЛ, ч. I. М., 1950, с. 12.— Родственные союзы племен замечаются не только у восточных славян. См., напр.: Нидерле Л. Человечество в доисторические времена. СПб., 1898, с. 523.

¹⁶ Рыбаков Б. А. Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси.— В кн.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969, с. 26; Соловьева Г. Ф. 1) Славянские племенные союзы по археологическим данным: Автореф. канд. дис. М., 1953; 2) Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э.— Советская археология, 1956, XXV.

державших «княжение в полях»¹⁷. Летописец извещает, что, кроме полян, такие «княженья» были и у древлян, дреговичей, словен, полочан¹⁸, т. е. свидетельствует о повсеместном распространении предводителей племенных союзов, сложившихся среди восточного славянства. В современной историографии данные союзы фигурируют под названием «племенные княжения». Историки по-разному определяют их характер. Одни из них полагают, что под племенными княжениями скрывались примитивные государственные образования¹⁹. Другие думают, что тут перед нами истоки Древнерусского государства, зачатки государственности, воплощавшие переходную форму от союзов племен к государству²⁰. Более убедительной представляется точка зрения Б. А. Рыбакова, подчеркивающего принципиальное отличие племенного «княжества» от государства²¹. Союзы племен, по Б. А. Рыбакову, есть «политическая форма эпохи военной демократии, т. е. того переходного периода, который связывает последние этапы развития первобытнообщинного строя с первыми этапами нового классового строя»²². Важно иметь в виду, что образование племенных союзов было выражением «прогрессивного развития институтов родоплеменного строя»²³. Здесь, следовательно, мы находим достигший полного развития родовой строй, описанный Ф. Энгельсом в его замечательном труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Ф. Энгельс указывал: «Племя делилось на несколько родов, чаще всего на два; эти первоначальные роды распадаются каждый, по мере роста населения, на несколько дочерних родов, по отношению к которым первоначальный род выступает как фратрия; самое племя распадается на несколько племен, в каждом из них мы большей частью вновь встречаем прежние роды; союз вклю-

¹⁷ ПВЛ, ч. I, с. 12—13.— Об исторических реалиях в легенде о Кие.— См.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 22—38; Сахаров А. Н. Кий: легенда и реальность.— Вопросы истории, 1975, № 10.

¹⁸ ПВЛ, ч. I, с. 13.

¹⁹ Третьяков П. Н. 1) Восточнославянские племена. М., 1953, с. 229; 2) У истоков Древней Руси.— В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, с. 32; К о р о л ю к В. Д. 1) Основные этапы развития раннефеодального государства у східніх і західних слов'ян.— Украшсь-кій історичний журнал 1969, № 12, с. 44; 2) Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян.— В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972, с. 17—18; Г о р е м ы к и н а В. И. К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск, 1970, с. 32.

²⁰ Б а р у ш и н С. В. «Держава Рюриковичей», с. 90; М а в р о-д и н В. В. О племенных княжениях восточных славян, с. 48, 55; П а-ш у т о В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства с. 83—92.

²¹ Рыбаков Б. А. Первые века русской истории, с. 11.

²² Там же.

²³ Там же, с. 10.

чает, по крайней мере в отдельных случаях, родственные племена. Эта простая организация вполне соответствует общественным условиям, из которых она возникла. Она представляет собой не что иное, как свойственную этим условиям, естественно выросшую структуру; она в состоянии улаживать все конфликты, которые могут возникнуть внутри организованного таким образом общества»²⁴. Отсюда следует, что вожди (князья) восточнославянских племенных союзов (племенных княжений) не могут рассматриваться как носители государственной, публичной власти²⁵. Они — органы рода-племенного строя и как таковые не противостоят ему, а находятся с ним в единстве²⁶.

Помимо союза племен восточным славянам была известна еще одна разновидность союзной организации, когда союз образуют племена, которые сами уже входят в племенной союз. Это — вторичные союзы племен, суперсоюзы, или «союзы союзов», по терминологии Б. А. Рыбакова²⁷. Будучи внушительными межплеменными объединениями с противоречивыми стремлениями и центробежными тенденциями, они без элементов публичной власти, способной подняться над узкоплеменными интересами, вряд ли смогли бы существовать. Поэтому политическая организация суперсоюзов («союза союзов», «сверхсоюзов») заключала в себе ростки государственности, олицетворяемой вождями, наделенными властью, не совпадающей отчасти с народом.

Коренной причиной образования суперсоюзов являлась внешняя опасность²⁸. Так, в области славянской лесостепи, по мнению Б. А. Рыбакова, в VI—VII вв. сложился оборонительный союз под гегемонией сначала русов, а потом полян, объединивший северян, волынян, дулебов, хорватов²⁹. Мы знаем также,

²⁴ М а р к с К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 156.

²⁵ Некоторые авторы изображают всех восточнославянских «князей» как политических властителей (монархов), обладающих властью, противопоставленной в какой-то мере народу (Д о в ж е н о к В., Б р а й ч е в - с к и и М. О времени сложения феодализма в Древней Руси.— Вопросы истории, 1950, № 8, с. 75—76). И. И. Ляпушкин показал ошибочность этих утверждений (Л я п у ш к и н И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968, с. 156—159).

²⁶ Подробнее об общественном строе Восточных славян см.: М а - в р о д и н В. В., Ф р о я н о в И. Я. Об общественном строе Восточных славян VIII—IX вв. в свете археологических данных.— В кн.: Проблемы археологии. Л., 1978, вып. 2, с. 125—132.

²⁷ Рыбаков Б. А. Предпосылки образования Древнерусского государства.— В кн.: Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III—IX вв. М., 1958, с. 857.— С. С. Ширинский пользуется термином «сверхсоюз».— См.: Ш и - р и н с к и й С. С. Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства.— В кн.: Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 206.

²⁸ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966, т. 1, с. 342—343.

²⁹ Там же, с. 342—343, 350.

что на северо-западе Восточной Европы завязался разноэтничный межплеменной союз, направленный против варяжской агрессии³⁰. Восточнославянские племенные суперсоюзы вели не только оборонительные, но и наступательные войны, приобретая благодаря этому громкую известность в соседних землях и странах. О вождях восточных славян, возглавлявших мощные союзы племен, наперебой заговорили иностранные писатели и хронисты. Иордан сообщает о «короле» антов Боже, окруженном семьюдесятью старейшинами³¹. Масуди рассказывает нам об одном славянском племени, которое господствовало некогда над остальными, «его царя называли Маджак, а само племя называлось Валинана. Этому племени в древности подчинялись все прочие славянские племена ибо (верховная) власть была у него и прочие цари ему повиновались»³². Далее Масуди снова возвращается к «царю» Маджаку, «коему повиновались в прежнее время остальные цари их» (славян. — // Ф.)³³. Сопоставляя рассказ Масуди с летописными известиями о дулебах, «примученных» обрами³⁴, В. О. Ключевский пришел к выводу, что оба повествования относятся к военному союзу восточных славян VI в., живших на карпатских склонах³⁵. Сомкнуться прикарпатских славян побудила, согласно В. О. Ключевскому, продолжительная борьба с Византией³⁶. Военный союз, сложившийся на Карпатах,

³⁰ П а ш у т о В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 21—22.

³¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, с. 115.

³² Г а р к а в и А. Я. Сказания мусульманских писателей... с. 135—136.

³³ Там же, с. 137—138.

³⁴ «Си же обри,— читаем в «Повести временных лет»,— воеваху на словенах, и примучиша дулебы, сущая словены...» — ПВЛ, ч. I, с. 14. — В литературе высказываются различные суждения о том, какое племя скрывалось под именем летописных дулебов: восточно- или западнославянское. Ф. Вестберг и А. Е. Пресняков искали его в Чехии (В е с т-б е р г Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе.—ЖМНП, 1908, февраль, с. 394—397; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938, т. 1, с. 19). Сравнительно недавно В. Д. Королюк предпринял попытку связать дулебов Повести временных лет с паннонскими дулебами (К о р о л ю к В. Д. Авары (обры) и дулебы русской летописи.— В кн.: Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963). Доводы В. Д. Королюка нам кажутся не убедительными. Добавим к этому, что археологические раскопки на Волыни, подтвердили давнее пребывание славян на этой территории, подкрепив тем самым версию Масуди о волыньях как «коренным племени славянском».— См.: Б а р а н В. Д. Археологич. пам'ятки VI—VII ст. на территории Захвадно! Болит — зажли-во джерело до вивчения лмописных дулеб¹в. — Україцький ^торичний журнал, 1969, № 4. Ср.: Х а б у р г а е в Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979, с. 146—147.

³⁵ К л ю ч е в с к и й В. О. Соч., т. 1, с. 109—110.

³⁶ Там же, с. 110; Б о я р с к а я дума Древней Руси, с. 18. Предположения В. О. Ключевского насчет военного союза славян на Карпатах в VI в. вызвали различную реакцию у советских историков. Б. Д. Греков, В. В. Мавродин, П. Н. Третьяков признали их правильными (Г р е -к о в Б. Д. 1) Борьба Руси за создание своего государства с. 25—31;

историк понимал не как племенное объединение, а как «ополчения боевых людей, выделявшихся из разных родов и племен на время похода, по окончании которого уцелевшие товарищи расходились, возвращаясь в среду своих родичей, под действие привычных отношений»³⁷. С этим, конечно, нельзя согласиться, поскольку Масуди говорит именно о племенном составе союза, управляемом «царем» Маджаком.

Бож и Маджак, — не единственные дошедшие до нас имена восточнославянских вождей, стоявших во главе крупных племенных союзов. Менандр сообщает о неком Межамире, имевшем большую власть у антов и внушавшем серьезное опасение враждебным аварам. Б. А. Рыбаков предположил, что Межамир «мог быть князем целого племенного союза антов, так как иначе он не был бы так страшен для аваров»³⁸. Феофилакт Симокатта упоминает славянского предводителя Ардагаста, распустившего свое господство на целую страну³⁹. Уместно здесь будет назвать и славянского князя Бравдина, громившего где-то в первой половине IX столетия Сурож⁴⁰. Список восточнославянских князей, возглавлявших крупные межплеменные объединения и попавших в анналы истории, можно было бы продолжать⁴¹.

Приведенный материал свидетельствует о неоднородности состава вождей (князей) у восточных славян. Вождь племени, вождь союза родственных племен, вождь суперсоюза, т. е. «союза союзов», — вот ряд, в который выстраиваются восточнославянские князья. Разные ранги — разные функции. Вождь племени

2) Киевская Русь, с. 441—443; М а в р о д и н В. В. Образование Древнерусского государства, с. 176—177; Т р е т'я к о в П. Н. Восточнославянские племена, с. 297—298). Б. А. Рыбаков, напротив, полагает, что В. О. Ключевский ошибался, когда считал «Валинан» Масуди «союзом племен под главенством Волынья». По мнению Б. А. Рыбакова, «у Масуди речь идет не о восточных славянах на Волыни, а о городе Волине в земле балтийских славян» (Рыбаков Б. А. Союзы племен... с. 26). Нам представляется сомнительной данная локализация. В. В. Седов, рассмотрев соответствующий материал, добытый археологами, пришел к заключению, что он подтверждает гипотезу В. О. Ключевского о союзе славянских племен во главе с «валинаном» (волыньями).— Седов В. В. О юго-западной группе восточнославянских племен.—> В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 197—203. См. также: Х а б у р г а е в Г. А. Этнонимия «Повести временных лет»... с. 97—98, 144—145.

³⁷ К л ю ч е в с к и й В. О. Соч., т. 1, с. 115.

³⁸ Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь.— Вести, древней истории, 1939, № 1, с. 328.— М. Б. Свердлов без каких бы то ни было доказательств считает, будто «Мезамир — не вождь племени. Он — знатный по происхождению» (Свердлов М. Б. Общественный строй славян в VI — начале VII века.— Советское славяноведение, 1977, № 3, с. 52).

³⁹ Ф е о ф и л а к т Симокатта. История.— Вести, древней истории, 1941, № 1, с. 263.

⁴⁰ В а с и л ь е в с к и й В. Г. Труды в 4-х т. Пг., 1915. Т. 3, с. 95, CCLXXVI, CCLXXIX.

⁴¹ Д е р ж а в и н Н. С. Славяне в древности, с. 87; М а в р о д и н В. В. Образование Древнерусского государства, с. 38, 44

(военный предводитель) едва ли являлся постоянно действующим лицом. Он избирался на время, в период военных событий. Власть его была невелика, он должен был вести в бой своих соплеменников, воодушевляя их собственным примером⁴². Иначе видится вождь племенного союза. Его статус постоянный, о чем прямо говорит Повесть временных лет, сообщая о «княжениях» у восточных славян. Указания Ф. Энгельса многое здесь объясняют. Он пишет: «Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа. Военный вождь народа — rex, basileus, thiudans — становится необходимым, постоянным должностным лицом»⁴³. А это означает, что и функции военных вождей (князей) подобного рода сложнее, чем у вождя отдельного племени. Им, вероятно, приходилось заниматься внутренним строительством союза, чтобы последний не распался, собирать, организовывать и возглавлять войско как для оборонительных, так и наступательных операций, они, наконец, ведали внешней политикой союза, — во всяком случае, любые дипломатические акции не осуществлялись без их участия. Впрочем, военные обязанности, надо полагать, преобладали в деятельности князей, поскольку гражданские дела находились пока в компетенции старейшин или, согласно летописной лексике, старцев⁴⁴. Однако по мере консолидации союза племен и связанного с этим упрочения княжеской власти усложнялись и функции князя. Органическое слияние родственных племен в целое, соединение племенных территорий в общую территорию союза полностью завершилось в IX в., показателем чего служит появление племенных средоточий, совпадающих, как правило, с летописными городами⁴⁵. Эти города приобрели значение политических, военных, административных и религиозных центров племенных союзов⁴⁶. В данных условиях власть вождя (князя) союза племен должна была возрастать. И князья кроме указанных выше функций отправляют новые, религиозные и судебные.

⁴² См.: Маркс К, Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 142.

⁴³ Там же, с. 164.

⁴⁴ О разделении военной и гражданской власти в родо-племенном обществе см. там же, с. 142; Морган Л. Древнее общество. Л., 1934, с. 71; Ольгерссон Э. Из прошлого исландского народа. М., 1957, с. 119—120. См. также: Мавродин В. В., Фроянов И. Я. «Старцы градские» на Руси X в.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974.

⁴⁵ См., напр.: Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967, с. 11; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвилья. М., 1970, с. 77, 91; Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси.— Вестн. Ленингр. ун-та, 1970, № 20, с. 14—15.

⁴⁶ Подробнее см. с. 223—232 настоящей книги.

В языческую пору наши предки имели обыкновение задабривать своих богов жертвоприношениями, чтобы те обеспечили им удачу⁴⁷. Требы, в частности, свершались перед битвой с врагом и после возвращения из похода, которому сопутствовал успех⁴⁸. Легко поэтому представить военного предводителя (князя) инициатором и организатором жертвоприношений. Что касается судебных княжеских прав, то они, по всей видимости, только зарождались и потому были весьма условны. Ибн Русте сообщает, что если кто-нибудь из русов «возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым (они) и препираются. Когда же царь произнес приговор, исполняется то, что он велит. Если же обе стороны недовольны приговором царя, то по его приказанию дело решается оружием (мечами), и чей из мечей острее, тот и побеждает. На этот поединок родственники (обеих сторон) приходят вооруженные и становятся. Затем соперники вступают в бой, и кто одолеет противника, выиграет дело»⁴⁹. Итак, судебный приговор царя русов не обязателен для тяжущихся. Факт — примечательный. В должной мере мы должны оценить и участие в суде родственников с обеих сторон⁵⁰. Перед нами архаические порядки, уводящие к первобытным истокам⁵¹. Следует к этому добавить, что, по свидетельству того же Ибн Русте, власть царя довольно ограничена, поскольку у русов «есть захари, из которых иные повелеваю царем как будто они их (русов) начальники»⁵². Вообще же, сообразно понятиям ученых арабов, верховный глава славян не был суверенным государем, подобно владельцам восточных стран или Хазарии. Он выступал «вождем из вождей, т. е. главой объединения племен, у которых были свои «ра'исы», т. е. главы или вожди»⁵³. Принимая в расчет все эти детали, нельзя, однако, забывать, что верховным органом союза племен, перед которым отступали на второй план

⁴⁷ Любопытные факты на сей счет приводит Ибн Фадлан.— См.: Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, с. 142—143.

⁴⁸ «История» Льва Диакона и другие сочинения византийских писателей/Пер. Д. Попова. СПб., 1820, с. 93; ПВЛ, ч. I, с. 58; Дучев в И. С. К вопросу о языческих жертвоприношениях в Древней Руси.— В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 33.

⁴⁹ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.— В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение, с. 397—398.

⁵⁰ Ср.: Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе, с. 104, 111, 125; Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1977, с. 17, 69.

⁵¹ А. А. Зимин полагает, что Ибн Русте, рассказывая о суде у царя русов, имел в виду военно-дружинную среду. К сожалению, А. А. Зимин никак не доказывает своей догадки.— См.: Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда.— Исторические записки, 1965, т. 76, с. 239.

⁵² Новосельцев А. П. Восточные источники... с. 398.

⁵³ Там же, с. 396.

прочие племенные власти, являлось народное собрание-вече⁵⁴ — что закономерно, ибо племенной союз, как мы уже отмечали, есть этап в развитии рода-племенного строя. Но коль так, то и вождь (князь) племенного союза воплощает политический институт родо-племенного общества, всецело отвечая его условиям⁵⁵. Вместе с тем союз племен — высший этап в истории рода-племенного строя⁵⁶. Поэтому образование союза племен кладет начало разрушению родовой организации⁵⁷. Это означает, что князь племенного союза приобретает свойства, которые выступают предпосылкой превращения (правда, в далеком будущем) княжеской власти из орудия народной воли в инструмент господства и угнетения, обращенный против собственного народа. Практическое выражение это получало в том, что князь начинает заниматься делами, составляющими сферу компетенции рода-племенных органов самоуправления⁵⁸. Но тут еще нет узурпации, насильственного отторжения прав у своих соплеменников. Перед нами добровольная передача прав, обусловленная усложнением социально-политической организации общества⁵⁹. Следовательно, рано еще говорить о разрыве между народом, и княжеской властью⁶⁰.

Иная возникла ситуация, когда князь союза племен становился князем «союза союзов» — политических образований, появлявшихся вследствие главным образом внешних причин и обстоятельств, и потому противоречивых и недолговечных. Деятельность главы «союза союзов» отличала известная самостоятельность и независимость с вытекающим отсюда принуждением. Следовательно, восточнославянский князь открывается нашему взору как сложный социально-политический феномен, характеризуемый двойственностью: с одной стороны, он, будучи князем союза племен, воплощал родо-племенную власть, с другой стороны, являясь князем «союза союзов», выступал как носитель элементов публичной власти⁶¹, имевшей, однако, примитивный характер, по-

⁵⁴ См. с. 160 настоящей книги.

⁵⁵ Это положение нам представляется принципиальным, почему мы еще раз и обращаем на него внимание.

⁵⁶ Рыбаков Б. А. Спорные вопросы образования Киевской Руси. — Вопросы истории, 1960, № 9, с. 25.

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 99.

⁵⁸ Князь союза племен чем дальше, тем больше концентрировал внешнеполитические связи, расширял свои права в вопросах управления, суда и религии.

⁵⁹ Ширинский С. С. Объективные закономерности и субъективный фактор... с. 195.

⁶⁰ Думается, что С. С. Ширинский слишком торопит события, говоря об отрыве княжеской власти от народа, о противопоставлении ее массе соплеменников. — Там же, с. 202.

⁶¹ Надо заметить, что далеко не каждый князь союза племен сочетал в себе эту двойственность, ибо «союзы союзов» существовали н& везде и не всегда. Да и те объединения, которые возникали, нередко в скором времени рассыпались. Их скрепляла внешняя опасность. Как

скольку в атмосфере господства рода-племенных отношений она принимала и не могла не принять форму главенства одного союза племен над остальными, сформировавшими вместе с ним «союз союзов». В результате вождь (князь) возвысившегося племенного союза подчинял вождей прочих союзов. Яркую иллюстрацию этому берем у Масуди, который рассказывает о племени Валинана, управлявшем другими славянскими племенами, чьи цари повиновались Маджаку — царю Валинаны⁶².

Князь «союза союзов» влиял на князя союза племен, пробуждая в нем стремления вывести свою власть за пределы, очерченные рода-племенными традициями. Эти стремления находили поддержку и опору в дружине⁶³, которая в IX в. уже постоянно окружала князя и занимала в социально-политической сфере прочные позиции⁶⁴. Усилиению княжеской власти содействовали богатства, добываемые во время войн. Правда, материальные ценности тогда не стали еще средством социального порабощения и эксплуатации. Они имели сакральный характер, попадая в землю либо в виде кладов, либо в качестве погребального антуража⁶⁵. Богатство заключало в себе еще и престижный момент, укрепляя общественное положение тех, кто владел им⁶⁶.

Все это, вместе взятое, порождало тенденции к отлету княжеской власти от народной почвы, способствуя тем самым возникновению знатков публичной власти. Но мы слишком опередим события, если скажем, что такой отлет состоялся. Княжеская власть находилась пока под покровом рода-племенных отношений. И князь, несмотря на перемены в своем положении, по-старому был еще органом рода-племенного строя.

только она исчезала, узкоплеменные интересы брали верх и союз расстраивался. О подобных явлениях узнаем от Масуди (Гарка и А. Я. Сказания мусульманских писателей... с. 137—138). О том же говорит и «Повесть временных лет», где под 859 г. читаем: «Имаху дань варяг из заморья на чюди и на словенах, на мери и на всех кривичех». Владычество варягов вызвало совместное противодействие племен: «Изгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в собе володети...» Но лишь внешняя угроза миновала, «въстала род на род. и быша в них усобица, и воевати почаша сами на ся». — ПВЛ, ч. I, с. 18.

⁶² Гарка и А. Я. Сказания мусульманских писателей... с. 135—136.

⁶³ О роли дружины в становлении королевской власти у древних германцев см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 143.

⁶⁴ См. с. 188 настоящей книги.

⁶⁵ Марковин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности, с. 59—60; см. также: Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, с. 74—75. — Не случайно слова «бог» и «богатый», «богатство» одно-коренные. — См.: Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, с. 92; Львов А. С. Лексика «Повести временных лет», с. 248; Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь... с. 50; Этимологический словарь славянских языков. М., 1975, вып. 2, с. 158, 161—162.

⁶⁶ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса... с. 68; см. также с. 148—149 настоящей книги.

Мы нарисовали лишь самые общие контуры роста княжеской власти у восточных славян VI — середины IX в. Скудость источников не позволяет дать более полную и наглядную картину истории князей в восточнославянском обществе. Поневоле приходится излагать сюжет схематично и приблизительно.

На протяжении второй половины IX—X вв. обозначенные нами свойства княжеской власти получили дальнейшее развитие. Важную роль при этом сыграл ряд факторов. Одним из них было появление варягов в Восточной Европе.

Сейчас становится очевидным, что игнорирование деятельности варяжских отрядов на Руси столь же ошибочно, как и преувеличенное представление об их значении в истории древнерусского общества⁶⁷. Мы оставляем в стороне так называемую норманскую проблему, поскольку в нашу задачу не входит ее обсуждение⁶⁸. Это — предмет специального исследования. Нам хочется высказать лишь некоторые соображения о влиянии варягов на эволюцию княжеской власти.

С превращением отдельных пришельцев-варягов в древнерусских князей⁶⁹ тенденции к отрыву княжеской власти от народа, наметившиеся в восточнославянском обществе, получили новый импульс. Понять, почему это произошло, нетрудно: причиной послужило то, что варяги являли собой инородное тело, которому надлежало прижиться в чужой среде. Вот эта инородность и способствовала углублению упомянутых тенденций. Не надо, разумеется, чрезмерно переоценивать данный факт, ибо варяжские князья весьма скоро ассимилировались со славянами⁷⁰. Но какую-то роль, пусть даже минимальную, он все-таки сыграл. Другой стимулирующий толчок публичная власть князя испытала в связи с объединением северной и южной Руси при Олеге. Ф. Энгельс по поводу образования большой государственной территории у германцев говорил: «Ввиду обширных размеров государства нельзя было управлять, пользуясь средствами старого родового строя...»⁷¹. Нечто похожее наблюдаем и на Руси, когда Олег объединил Новгород и Киев, вследствие чего образовалась огромная территория, управление которой предъявляло несколько иные запросы к княжеской власти, требуя от нее большей активности

⁶⁷ Рыбаков Б. А. Спорные вопросы образования Киевской Руси» с. 18.

⁶⁸ Наиболее правильное решение «норманского вопроса» содержится на наш взгляд, в трудах Б. А. Рыбакова и В. В. Мавродина.—См.: Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений истории IX — середины XIII века.—Вопросы истории, 1962, № 4, с. 36—39; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства, с. 382—386.

⁶⁹ О реальности такого превращения см.: Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства, с. 50—51; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности, с. 121—122; Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений... с. 36.

⁷⁰ Мавродин В. В. К. Маркс о Киевской Руси.—Вестн. Ленингр. ун-та, 1968, № 8, с. 5.

⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 151.

и самостоятельности. И мы видим, что Олег преуспевает в этом; «Се же Олег нача города ставити, и устави дани словеном, кривичем и мери, и устави варягом дань даяти от Новагорода гривен 300 на лето, мира деля...»⁷².

В истории публичной власти, персонифицирующейся в лице киевского князя и его дружины, существенную роль сыграло подчинение племенных княжений (союзов племен) Киеву. Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что конец IX и X вв. прошел под знаком объединения древлян, северян, радимичей, вятичей, уличей и прочих вокруг полянской столицы⁷³. В результате к исходу X в. сложился грандиозный «союз союзов», охвативший территориально почти всю Восточную Европу⁷⁴. Образование этого, если можно так выразиться, общенационального восточнославянского союза протекало отнюдь не мирно, а в напряженной межплеменной борьбе, завершившейся в конечном счете победой Киева. В основе объединения племенных княжений лежали противоречивые стремления. С одной стороны, к союзу влекли национальные задачи: освобождение от владычества хазар, противодействие варяжской агрессии, ликвидация серьезнейшей угрозы, нависшей над Русью с появлением в южных степях печенегов, организация совместных походов на Византию, Болгарию, страны Востока⁷⁵; с другой стороны, строительство союза осуществлялось с помощью прямого насилия, идущего от Киева, озабоченного поисками данников. В процессе многочисленных «примучиваний» восточнославянских племен выковывалась публичная власть киевских князей и окружавшей их знати. Однако следует иметь в виду, что эти «примучивания» не являлись делом рук исключительно князей и дружины. Для покорения соседних племенных княжений и удержания их в даннической зависимости сил одной дружины явно не хватало. Только народное войско (летописные «вой») в состоянии было сделать это. И мы нередко наблюдаем, как киевские князья прибегают к услугам народных ополчений⁷⁶, используя военную организацию племени полян как орудие военно-политической гегемонии и господства над остальными племенами⁷⁷. Отсюда вполне убедительной представляется точка зрения тех исследователей, которые рассматривали взаимоотношения восточно-

⁷² ПВЛ, ч. I, с. 20.

⁷³ Подчинение племенных княжений наблюдалось еще во время княжения Владимира Святославича (978—1015 гг.).—См.: Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда, с. 242.

⁷⁴ Возможность образования этого союза исторически была подготовлена опытом предшествующих столетий, на протяжении которых восточные славяне не раз объединялись в «союзы союзов».

⁷⁵ Барышников С. В. «Держава Рюриковичей» — Вестн. древней истории, 1937, № 2, с. 93.

⁷⁶ См. с. 190 настоящей книги.

⁷⁷ Сходную картину мы видим и у других народов.—См.: Першиц А. И. К вопросу о саунных отношениях.— В кн.: Основные проблемы африканистики: Этнография. История. Филология. М., 1973, с. 6; Хазанов А. М. Социальная история скитов. М., 1975, с. 163.

славянских племен конца IX—X в. как историю возвышения полянской общины, подчинявшей окрестные славянские племена⁷⁸. Получается, таким образом, что складывание союза племенных княжений в указанное время выливалось в форму господства племенного княжения полян над другими племенными союзами. Само собой разумеется, что киевская знать, кровно заинтересованная в данях, проявляла недюжинную энергию в утверждении господства своего племени. Такой ход событий имел очень важные социальные и политические последствия, ибо он вел к сглаживанию общественных противоречий у полян, вынося их как бы во вне⁷⁹. А это значит, что в Полянском обществе внешняя эксплуатация в виде даней превалировала над внутренней⁸⁰, что оторванная от народа и опирающаяся на насилие публичная власть упражнялась преимущественно на покоренных и покоряемых племенах.

В источниках прослеживается постепенное установление и усиление власти киевских князей над племенными союзами восточных славян. Повесть временных лет под 883 г. рассказывает, как Олег, обосновавшись в Киеве, начал «воевати древляны, и примучив а, имаше на них дань по черне куне»⁸¹. В следующем году он пошел «на северяне, и победи северяны, и возложи на нь дань легъку, и не дастъ им козаром дань платити, рек: „Аз им противен, а вам не чему”»⁸². Затем Олег «посла к радимичем, ръка: „Кому дань даете?” Они же реша: „Козаром.” И рече им Олег: „Не дайте козаром, но мне дайте”. И въдаша Ольгови по щълягу, яко же и козаром даяху»⁸³. Легко заметить, что политику Олега ха-

⁷⁸ Линниченко И. Вече в Киевской области. Киев, 1881, с. 57.—Автор верно замечает, что при малочисленности княжеской дружины «завоевание могло совершаться только при помощи земского ополчения, т.е. завоевателем являлся весь народ» (там же). Столы же справедливы « слова Н. И. Костомарова, который писал: «...вместе с дружиной сила князя опиралась также на киевлянах или полянах, как на первенствующем племени, среди которого князь жил и с которым должен был делить господство над другими покоренными народами».— См.: Костомаров Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси.— Вести. Европы, 1870, № 11, с. 13; см. также: Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 328.

Ср.: Хазанов А. М. 1) Социальная история скитов, с. 255; 2) «Военная демократия» и эпоха классообразования.— Вопросы истории, 1968, № 12, с. 96; 3) Роль рабства в процессах классообразования у кочевников евразийских степей.— В кн.: Становление классов и государства. М., 1976, с. 274—275, 279; Пештиц А. И. Некоторые особенности классообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов.— Там же, с. 290—291.

⁸⁰ Отголосок этих порядков сохранился во введении к Начальному своду, где повествуется о древних князьях и их «мужах», которые кормились, «воююще ины страны».— НПЛ. М.; Л., 1950, с. 104.

⁸¹ ПВЛ, ч. I, с. 20.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

растеризует определенная гибкость. К непримиримым врагам полян древлянам князь применяет неприкрытое ничем насилие⁸⁴. С радимичами и северянами завязываются более сложные отношения. Учреждение власти над северянами, сопряженной с взиманием дани, Олег осуществляет под флагом освобождения их от владычества хазар, бросая при этом приманку — «дань легъку». Радимичи платят по старой таксе, но тоже освобождаются от гнета хазар, что, надо полагать, было благом. Вероятно, подчинение северян и радимичей (в отличие от древлян, «примученных» Олегом) являлось в какой-то степени добровольным. Следовательно, собирание восточнославянских племен вокруг Киева производилось как с помощью насилия, так и согласия⁸⁵.

О том, что формирующийся союз племенных княжений предполагал не только голое насилие, но добрую волю, можем судить и по некоторым другим летописным фактам. В 907 г. «киде Олег на Грекы, Игоря оставил Киеве, пой же множество варяг, и словен, и чудь... и кривиче, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и севере, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци, яже суть толковины»⁸⁶. В приведенном перечне союзников Олега встречаем тех, чей союз с Киевом был, как яствует из предшествующих событий⁸⁷, добровольным. Это — словены, кривичи, северяне, радимичи и некоторые финские племена. Но в перечне названы еще и племена, которые завоеваны были киевскими князьями позднее, например вятичи, хорваты и дулебы⁸⁸. Отсюда заключаем, что названные племена вошли в Олегов союз на

⁸⁴ Об извечной вражде полян с древлянами говорит летописец, сообщая, что некогда поляне «быша обидимы древлями и ииими оклоними». (ПВЛ, ч. I, с. 16). О том же свидетельствует и последующая ожесточенная борьба древлян против господства Киева, приведшая даже к убийству в 945 г. киевского князя Игоря (Там же, с. 31, 40, 42—43). Л. В. Падалка писал о «добровольном подчинении» древлян Киеву, с чем, разумеется, нельзя согласиться. Следует сказать, что Л. В. Падалка рисовал несколько идеалистическую картину объединения восточнославянских племен вокруг Киева. По его мнению, они «без особых трений примыкают к новому политическому центру» (Падалка Л. В. Происхождение и значение имени «Русь».— В кн.: Труды XV археологического съезда. М., 1914, т. 1, с. 374).—Эту мысль Л. В. Падалки воспринял В. Новицкий (Новицкий В. С chemи Русько! Земл! Х—ХII вв.— В кн.: Праці КОМіСІї для вивчення історії західно-руського та вкраїнського права. Кити, 1927, вип. 3, с. 5).

⁸⁵ Аналогично складывались союзы и у других народов. Так, у индейцев Северной Америки межплеменные союзы и конфедерации возникали обычно на добровольных началах, но были примеры и принудительного включения в военный союз одного племени другим.— См.: Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974, с. 327.

⁸⁶ ПВЛ, ч. I, с. 23.

⁸⁷ Там же, с. 18—20.

⁸⁸ Вятичей, как мы знаем, впервые завоевал и обложил данью Святослав.— ПВЛ, ч. I, с. 47.—Хорваты и дулебы были покорены, вероятно, в результате походов Владимира Святославича, предпринятых в 981 и 992 гг. (ПВЛ, ч. I, с. 58, 84).—См. также: Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964, с. 88, 92—93.

добровольных началах⁸⁹. Образующийся восточный всеславянский «союз союзов» строился отнюдь не на принципах равенства племен. Господствующее положение в нем занимало «княжение» полян, что ставило киевского князя на голову выше «периферийных» князей, бывших у него «под рукой». Подтверждение нашей мысли находим в договорах Олега с греками, заключенных от имени «великого» князя киевского и «великих», «светлых» князей, «под Олгом сущих»⁹⁰. Упоминаемые в документах «великие» и «светлые» князя суть племенные князья, т. е. главы племенных княжений, подвластные Олегу⁹¹. Несмотря на подчинение ему, они пока титулются «великими» и «светлыми»⁹².

В дальнейшем власть киевского князя усиливалась за счет поглощения власти князей племенных союзов, что запечатлел договор Игоря с Византией 944 г. Там по-прежнему фигурирует «великий» князь киевский, но вместо «великих» и «светлых» князей мелькают просто «князья», подручные Игорю⁹³. Можно на этом основании полагать, что титул «великий» к середине X в. сохранялся лишь за киевским князем, тогда как другие

⁸⁹ Участие хорватов и дулеев в походе Олега на Царьград Н. М. Карамзин понял так, будто они были завоеваны Олегом.—См.: Карамзин Н. М. История государства российского. СПб., 1892, т. 1, с. 85, 87.—Мы думаем, что Н. М. Карамзин здесь ошибался.

⁹⁰ ПВЛ, ч. I, с. 24, 25.

⁹¹ С. М. Соловьев пытался представить их то родичами великого кня-чя киевского, то мужами его (Соловьев С. М. I) История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847, с. 41; 2) История России с древнейших времен. М., 1959, кн. 1, с. 142). К. Н. Бестужев-Рюмин также считал этих князей мужами-боярами Олега (Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872, т. 1, с. 113). По мнению А. Е. Преснякова, отказавшегося признать «великих» князей из Оле-гова договора родней киевскому князю, они — самостоятельные варяжские князья, вроде полоцкого Рогволода и турковского Туры (Пресняков А. Е. I) Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909, с. 25—26; 2) Лекции по русской истории, т. 1, с. 74—75). Сочувственно относился к высказываниям автора «Княжого права» С. В. Юшков (Юшков С. В. Общественно-политический строй... с. 94). Однако есть другой более правильный, как нам кажется, взгляд, по которому все эти «великие» и «светлые» князя есть местные славянские племенные князья (Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896, с. 57; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., с. 57; Грееков Б. Д. Киевская Русь, с. 298; Мародин В. Б. Образование Древнерусского государства, с. 227; Рыбаков Б. А. Предпосылки... с. 357; Чепринин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства, с. 358, 360).

⁹² Суть здесь не столько в византийской терминологии, как думал Б. Д. Греков (Киевская Русь, с. 298), или в своеобразии перевода текста договора с греческого оригинала, как считал А. Е. Пресняков (Лекции по русской истории, т. 1, с. 74), сколько в действительном положении дела.

⁹³ ПВЛ, ч. I, с. 35.—На эту деталь обратил внимание О. М. Рапов.—См.: Рапов О. М. Княжеские владения на Руси, с. 31.

племенные князья его утратили. Следовательно, статус их значительно пал по сравнению с началом X в.⁹⁴

Новый решающий шаг в укреплении власти киевского князя сделал Святослав — князь-витязь, жаждущий битв и воинской славы, приводивший «под ся» окрестные племена и народы. В договоре Святослава с императором Цимисхием, как тонко подметил С. В. Бахрушин, нет никаких упоминаний о племенных князьях⁹⁵. В нем речь идет о «велицем князи рустем» Святославе, его воеводе Свенельде, о «болярах» и всех остальных, заключенных в общем понятии «русь»⁹⁶. С. В. Бахрушин отсюда верно заключил, что во времена княжения Святослава с «мелкими князьями», под которыми он разумел племенных князей, было в основном покончено: их либо истребили, либо свели на степень посадников великого князя киевского⁹⁷. Показательно в этой связи то, что Святослав «сажает» сына своего Олега «в деревех»⁹⁸. Дело, начатое Святославом, завершил Владимир, посадивший, по словам летописца, «Вышеслава в Новегороде, а Изяслава Полотьске, а Святополка Турове, а Ярослава Ростове. Умершю же старейшему Вышеславу Новегороде, посадиша Ярослава Новегороде, а Бориса Ростове, а Глеба Муроме, Святослава Деревех, Всеволода Володимири, Мстислава Тмуторокани»⁹⁹. Практически все восточнославянские земли оказались в руках «володимерова племени». Династия киевских князей

⁹⁴ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси... с. 31.—В. Л. Янин в работе, посвященной изучению актовых печатей Древней Руси, пришел к выводу об отсутствии на протяжении XI — начала XII в. в русской княжеской титулатуре строго выдержанного иерархического принципа, противопоставляющего киевского князя всем остальным князьям. Более того, «обращение к памятникам ранней русской сграффитики не обнаруживает никакого противопоставления» (Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. 1, с. 22). Для А. Г. Кузьмина эти наблюдения послужили одним из оснований отрицания титула «великий» по отношению к киевским князьям X в. «Великими» они стали позднее с легкой руки летописцев. «Может быть,— пишет А. Г. Кузьмин,— противостояние, а затем сближение с Византией и побудило придать особую значимость титулам Владимира и князей, ранее заключавших договоры с греками» (Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 83). А. Г. Кузьмин, к сожалению, не отличает князей X в., их состав, взаимоотношения и положение в обществе от князей XI в. Достаточно сказать, что князья — потомки Владимира — оттеснили и сменили остальное княжье. Отношения среди них, безусловно, отличались от межкняжеских отношений в X в., будучи более нивелированными, чем прежде. Это не могло не повлиять на княжескую титулaturу.

⁹⁵ Бахрушин С. В. «Держава Рюриковичей», с. 93. ⁹⁸

ПВЛ, ч. I, с. 52.

⁹⁶ Бахрушин С. В. «Держава Рюриковичей», с. 93.

⁹⁷ ПВЛ, ч. I, с. 49.—Возможно, что подобная практика началась еще при князе Игоре, брат которого Святослав, если верить Константину Багрянородному, сидел в Новгороде.—См.: Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1, с. 74.

⁹⁹ ПВЛ, ч. I, с. 83.

утвердилась на костях племенных князей, павших в борьбе с Киевом. Отзвуки этой кровавой борьбы сохранились в летописных записях, рассказывающих об умертвленных древлянских старайшинах и об убийстве Владимиром полоцкого князя Рогволода¹⁰⁰.

Положение князей «Рюрикова дома», сменивших племенных князей, представляется двойственным. С одной стороны, они являлись наместниками великого князя киевского, что обязывало их поддерживать контакт с Киевом, оказывая ему военную и финансовую помощь. С другой стороны, принимая на себя роль местных князей, они как бы срастались с туземной почвой, превращаясь в орган власти местного общества. В этом последнем своем качестве князья-наместники неизбежно проникались интересами управляемых ими обществ и в известной мере противостояли Киеву¹⁰¹.

В процессе властевования над «примученными» племенами социальные позиции киевского князя и его дружины все более укреплялись¹⁰². Это не могло не сказаться на функциях княжеской власти, ставшей сложнее и самостоятельнее. Чем же занимались киевские князья X столетия? На них по-прежнему возлагали задачи военного руководства и дипломатических сношений. Они выступали организаторами походов в чужие страны и соседние восточнославянские земли. В их облике еще многое черт, присущих военным вождям прошлого, главная из которых — непосредственное участие в сражении, причем в качестве передового воина, увлекающего своей личной удачью и отвагой остальную рать. «Не имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами пойду: аще моя главая ляжеть, то промыслите собою», — говорил Святослав своим бойцам накануне битвы с греками. И воодушевленные «вои» отвечали: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложим»¹⁰³. Если взятый

¹⁰⁰ ПСРЛ, т. II. М., 1962, стб. 48; ПВЛ, ч. I, с. 54. См. также: Ширинский С. С. Объективные закономерности... с. 208.

Вспомним засвидетельствованный летописью конфликт киевского князя Ярополка с древлянским князем Олегом (ПВЛ, ч. I, с. 53—54). Этот конфликт нельзя, по нашему мнению, толковать лишь как кульминационный момент соперничества сыновей Святослава за власть. В нем мы видим отражение давнего антагонизма древлянской общины с Киевом. Еще нагляднее связь князя-наместника с интересами местного общества прослеживается в политике Ярослава, который, будучи новгородским князем, прекратил выплату дани Владимиру, что явилось равносильным отложению от Киева (Там же, с. 88—89). Нетрудно понять, чьим желаниям это соответствовало. Конечно, желаниям новгородцев. Последующее активное их участие в добывании киевского стола Ярославу подтверждает наше предложение. Поведением новгородцев в данном случае руководило не стремление к объединению с Киевом, как полагал С. В. Бахрушин («Держава Рюриковичей», с. 93), а расчет на ослабление зависимости от Киева.

¹⁰² Тому же способствовали походы на Византию, страны Востока. ¹⁰³ ПВЛ, ч. I, с. 50.

из летописи эпизод можно еще объяснить свойствами характера Святослава, которого наши историки нередко чрезсур противопоставляют Владимиру¹⁰⁴, то другой случай, описанный Повестью временных лет, не вызывает сомнений насчет князя — военного предводителя в самом непосредственном смысле слова. В 946 г. Ольга «собра вой много и храбры и иде на Деревьскую землю. И изидоша деревляне противу. И сънемьшемася обема полкома на скупъ, суну копьем Святослав на деревляны, и копье лете сквозе уши коневи, и удари в ноги коневи, бе бо детеск. И рече Свенелд и Асмольд: „Князь уже почал; потягаете, дружина, по князе”. И победиша деревляны»¹⁰⁵. В приведенной записи, независимо от того, был ли реальным упомянутый в ней эпизод, отразился взгляд на древнерусского князя как на вождя-воина, ведущего в бой свое войско¹⁰⁶.

Кроме организации наступательных войн князь должен был «блести» землю, где княжил, т. е. оборонять ее от внешних врагов. Летопись достаточно рельефно изображает озабоченность Игоря, Святослава, Владимира в плане оборонительных мер, направленных против угрозы извне¹⁰⁷.

В круг занятий киевского князя X в. входило подчинение восточнославянских племен и поддержание военно-политического господства над «примученными» соседями. Более здраво, чем раньше, выступают религиозные функции князя. Летопись рассказывает о языческой реформе, проделанной Владимиром¹⁰⁸, о многочисленных жертвах «кумирам», приносимых киевскими людьми во главе с князем¹⁰⁹.

Расширились права князя в области суда и управления. Правда, у нас нет уверенности в том, что князь X в. являлся

¹⁰⁴ См., напр.: Бахрушин С. В. «Держава Рюриковичей», с. 96; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства, с. 297. Владимир выступает на страницах летописи не только как «строитель» Земли, но и как «князь-воин», весьма похожий на Игоря и Святослава. — Кузьмин А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969, с. 117.

¹⁰⁵ ПВЛ, ч. I, с. 42.

¹⁰⁶ Р. С. Липец допускает возможность фольклорного происхождения этой записи. Сопоставляя ее с произведениями устного народного творчества других народов, она приходит к выводу, что «образ героя-малолетка принадлежит мировому фольклору и соответствует определенному историческому периоду. Профессиональная выгучка в эпоху военной демократии, готовившая высококвалифицированных, тренированных воинов, должна была начинаться с детства». — См.: Липец Р. С. Отражение этно-культурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (Х^вв.). — В кн.: Этническая история и фольклор. М., 1977, с. 229. — В данной характеристике Р. С. Липец видна односторонность, поскольку автор не учитывает другой смысловой нагрузки, заключенной в летописном рассказе, а именно указания на предводительство древнерусского князя в сражениях.

¹⁰⁷ ПВЛ, ч. I, с. 31, 32, 48, 83, 87.

¹⁰⁸ Там же с. 56.

¹⁰⁹ Там же, с. 56, 58.

законодателем. Однако современные исследователи пытаются восстановить некоторые моменты правотворчества князей рассматриваемой поры. Так Л. В. Черепнин утверждает, что уже в начале X в. на Руси «существовал какой-то правовой кодекс, служивший руководством для суда»¹¹⁰, т. е. «был создан сборник законов («устав и закон русский», прототип позднейшей Русской Правды), на основе которого производился суд. Это был закон классового общества»¹¹¹. По мнению Л. В. Черепнина, составлением сборников правовых норм («уставов»), предназначенных для судебных органов, занималась также княгиня Ольга¹¹². Политическая линия, намеченная в «уставах» Ольги, была продолжена в «Уставе земленом» князя Владимира¹¹³. По Л. В. Черепнину, все это — памятники феодального права. В своих предположениях автор часто основывается на логических допущениях, на сомнительном сравнении русско-византийских договоров и летописных записей о событиях X в. со статьями Русской Правды, точнее — с отдельными ее нормами и терминами. С большей осторожностью рассуждает А. А. Зимин, «Вопрос о существовании письменных законов русских в начале X в. остается спорным», — говорит он¹¹⁴. А. А. Зимин полагает, что в период княжения Олега еще действовало «обычное право („законы“)» и лишь при Игоре появляются княжеские законы — «уставы» и «поконы»¹¹⁵. При этом «все княжеские узаконения первой половины X в., вероятно, состояли из отдельных казусов. Общинное право еще далеко не полностью утратило свою силу. «Уставы» князей пока лишь дополняли его, не вводя новых правил, в корне ломающих правовые устои общин. Для этого княжеская власть еще не чувствовала себя достаточно сильной»¹¹⁶. И только Ольга в «уставах» и «уроках» подвела юридическую основу под княжее хозяйство и ввела закон, охраняющий жизнь княжеских дружины¹¹⁷. Законодательство по вопросам княжего хозяйства, начатое Ольгой, продолжил Владимир в принадлежащем ему «уставе земленом»¹¹⁸.

Нам представляется весьма сомнительной законодательная практика Ольги и Владимира в том виде, в каком ее изобража-

¹¹⁰ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения... с. 141.

¹¹¹ Там же, с. 143. (Кстати, ранее Л. В. Черепнин рассуждал не столь однозначно, полагая, что «закон русский» являлся комплексом правовых норм, оформленных в виде юридического сборника или неписанных установлений. — См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948, ч. 1, с. 246).

¹¹² Там же, с. 146—152.

¹¹³ Там же, с. 152—154.

¹¹⁴ Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда, с. 234.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же, с. 240—242.

¹¹⁸ Там же, с. 242—244

от Л. В. Черепнин и А. А. Зимин. Правотворчество этих «правителей», по нашему убеждению, не шло дальше выработки отдельных казусов, дополнявших обычное право¹¹⁹.

Значительно отчетливее (сравнительно с законодательством) в письменных памятниках вырисовывается княжой суд. Из источников, в частности из Повести временных лет, яствует, что во времена Игоря, Святослава и Владимира князья не только судили, но и взимали денежные судебные штрафы — виры. «И умножися зело разбоеве,— читаем в Повести,— и реша епископи Володимеру: „Се умножиша разбойници, почто не казниши их?“ Он же рече им: „Боюся греха.“ Они же реша ему: „Ты поставлен еси от бога на казнь злым, а добрым на милование. Достоить ти казнити разбойника, но со испытом“. Володимер же отверг виры, нача казнити разбойники, и реша епископи и старци: „Рать многа; оже вира, то на оружки и на коних буди“. И рече Володимер: „Тако буди“. И живяше Володимер по устроению отню и дедню»¹²⁰. Обращает внимание характер преступлений, подлежащих княжескому суду. Это — разбойные дела, или преступления, связанные с нарушением внутреннего мира¹²¹, в соблюдении которого народ был кровно заинтересован¹²². Вот почему князь, преследующий нарушителей внутриобщественного мира, действовал в соответствии с народными потребностями. Красноречиво в данной связи звучит мотив о вири. Она, по словам епископов и старцев, шла на покупку оружия и коней, необходимых для обороны от кочевников. Следовательно, князь, чиня суд и справу над разбойниками и обращая судебные штрафы на вооружение, выполнял двойную общественно полезную функцию, обеспечивая населению внутреннюю я внешнюю безопасность. Таким образом, мы можем говорить о том, что княжеская власть не была чужда народным интересам как во внешнеполитической¹²³, так и внутриобщественной сферах.

Говоря о княжеском суде в X в., мы не должны забывать о значительной его условности, определявшейся большой самостоятельностью народных общин в управлении судопроизводства. Ценной иллюстрацией здесь служит свидетельство, содержащееся в «Саге об Олаве Трюгвасоне». Мальчик Олав убил на новгородском торгу некоего Клеркона и укрылся в доме княгини. «В Хольмграде,— рассказывает сага,— был такой великий мир,

¹¹⁹ Об этом подробно речь у нас пойдет в специальной работе, посвященной суду и праву в Киевской Руси.

¹²⁰ ПВЛ, ч. I, с. 86—87.

¹²¹ Мы не можем согласиться с Л. В. Черепнином, который толкует разбои, упоминаемые «Повестью временных лет», как проявление классовой борьбы (Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения... с. 152).

¹²² Ср.: Ольгейрссон Э. Из прошлого исландского народа, с. 149—157.

¹²³ Рыбаков Б. А. Древняя Русь... с. 60.

что по законам следовало убить всякого, кто убьет неосужденного человека; бросились все люди по обычаю своему и закону искать, куда скрылся мальчик. Говорили, что он во дворе княгини и что там отряд людей в полном вооружении; тогда сказали конунгу. Он пошел туда со своей дружиной и не хотел, чтобы они дрались; он устроил мир, а затем соглашение; назначил конунг виру, и княгиня заплатила»¹²⁴. Любопытно, что люди «по обычаю и закону своему» разыскивают преступника, чтобы воздать ему должное. Не менее интересно и то, что княгиня платит виру, не имея, следовательно, никаких преимуществ перед лицом закона.

Князь не только судил, но и рядил, иначе — управлял. Как правитель он не являлся полным антиподом народным массам, поскольку в условиях разложения рода-племенного строя, наблюдавшегося в X в., ощущалась острая потребность в князе — регуляторе общественных отношений. Это становится очевидным, если распад первобытности понимать как «процесс деструкции замкнутых родовых ячеек, высвобождавший то изгоеv, потерпевших поражение в борьбе с сородичами, то крестьянские семьи, вырвавшиеся из принудительного родового сообщества и ищающие опоры вне своих старых связей»¹²⁵. При таких обстоятельствах правительенная роль князя возрастала. И недаром в Повести временных лет князь Владимир изображен думающим «о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем»¹²⁶, т. е. занятым вопросами государственного строительства и управления¹²⁷.

Итак, к концу X в. функции киевского князя заметно умножились и усложнились, а власть — усилилась, что явилось прямым результатом распада родового строя?) Нельзя признать правильным стремление некоторых историков представить княжескую власть в примитивном виде. Н. И. Костомаров, например, думал, что целью княжеской власти были добыча, «а средством для достижения цели — дружина, пестрая шайка удальцов,

¹²⁴ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978, с. 62–63.

¹²⁵ Рыбаков Б. А. Древняя Русь... с. 61.

¹²⁶ ПВЛ, ч. I, с. 36.

¹²⁷ Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. М., 1865, кн. 1, с. 77; Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней Руси: Опыты по истории русского гражданского права. М., 1869, с. 117; Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. с. 13; Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. СПб., 1898, с. 6; Бахрушин С. В. «Держава Рюриковичей», с. 96; Пашутов В. Т. Черты политического строя... с. 16.— Показательны в данной связи различия, встречающиеся в летописях. Так, в Радзивилловской летописи вместо «о строи земленем» читается «о устрой земнем» (ПСРЛ. М., 1962, т. I, стб. 126, прим. 55). В Новгородской Первой летописи сказано: «...и с ними думая о строении земльском» (НПЛ, с. 167).

¹²⁸ Мы говорим главным образом о киевских князьях, поскольку деятельность других князей в источниках почти не прослеживается.

набранных отовсюду»¹²⁹. Подобное упрощенное мнение о княжеской власти на Руси X в. не соответствует фактам, в частности приведенным выше.

Отмечая усложнение и усиление княжеской власти в указанное время, мы не хотим сказать, что князь властвовал безраздельно и в отрыве от народа. Между тем в исторической литературе имеются противоположные суждения. Еще В. Н. Татищев изображал древнерусских князей по Мстислава Владимиевича (1076—1132) включительно в качестве самовластных государей, а политическую систему Руси — как монархию¹³⁰. С появлением варягов, полагал Н. М. Карамзин, в России возникло монархическое правление. Первые русские государи, хотя делились правами с дружиной и оставляли за народом некоторые вольности, обладали верховной судебной и законодательной властью¹³¹. Д. Я. Самоквасов открыл «страшную политическую силу русских князей»¹³². Против такого чрезмерно преувеличенного представления о силе власти древнерусских князей возражал Ф. И. Леонович¹³³. «Нет ничего ошибочнее, как воображать себе Владимира и Ярослава монархами,— писал Н. И. Костомаров»¹³⁴. Однако, несмотря на эту критику, мысль о князьях-самодержцах X в. жила на страницах исторических сочинений. Так, М. Н. Покровский считал возможным (правда, с оговорками) применять к князьям X в. термины «государь», «самодержавный монарх»¹³⁵. Он также рассуждал о «варяжском абсолютизме», свергнутом революциями 1068 и 1113 гг.¹³⁶ В трудах современных ученых князь конца X в.— раннефеодальный монарх, осуществляющий волю господствующего класса феодалов¹³⁷. Мы не можем принять эту точку зрения по многим основаниям. Она нам кажется неверной уже потому, что Русь

¹²⁴ Костомаров Н. И. Начало единодержавия... с. 13.

¹³⁰ Татищев В. Н. История Российской. М.; Л., 1962, т. 1, с. 365—366.

¹³¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского, т. 1, с. 158–160.

¹³² Самоквасов Д. Я. Заметки по истории русского государственного устройства.— ЖМНП, 1869, ноябрь, с. 99—100.— М. С. Грушевский считал, что история застает князей у полян полновластными почти государями, если не de jure, то de facto.— Грушевский М. С. История Киевской земли. Киев, 1891, с. 292.

¹³³ Леонович Ф. И. Задружно-общинный характер политического быта Древней Руси.— ЖМНП, 1874, август, с. 194—197.

¹³⁴ Костомаров Н. И. Начало единодержавия... с. 17.

¹³⁵ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М.; Л., 1925, ч. 1, с. 179.

¹³⁶ Там же, с. 181.

¹³⁷ Грееков Б. Д. Киевская Русь, с. 293—294, 306—307; Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений... с. 35, 39; Чепренин Л. В. К вопросу о характере и формах Древнерусского государства... с. 359; Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства, с. 233.

Х — начала XI в. к феодализму еще не пришла¹³⁸. Известно далее, что власть князя в Х в. была ограничена советом родоплеменной знати, скрывающейся под именем старцев градских¹³⁹. Кроме совета старейшин (и это особенно важно для понимания сути княжеской власти), князь должен был считаться с народным собранием-вечем, значение которого для Х в. новейшими исследователями явно недооценивается¹⁴⁰. Социально-политическая мобильность рядового населения Руси Х в. была выше, чем принято думать; ни одно сколько-нибудь значительное общественное дело не решалось без участия народа¹⁴¹. Все это не укладывается в рамки раннефеодальной монархии, а скорее соответствует политической организации рода-племенного общества в последний период его существования, когда рушились родовые устои и старые политические институты, модифицируясь, приспосабливались к новой обстановке¹⁴².

О чьих интересах радел русский князь Х в.? По Н. И. Костомарову, он усерднее заботился о своих ближайших выгодах, нежели о порядке в земле и о спокойствии ее жителей¹⁴³. Согласно Б. Д. Грекову, князь «существлял прежде всего интересы растущего класса бояр»¹⁴⁴. Такого рода характеристики страдают односторонностью. Нельзя, конечно, отказать князю в преследовании собственных целей. Надо признать и то, что князь выражал интересы дружины и рода-племенной знати, ибо в обществах, переживающих процесс разложения родовых связей, социальная верхушка пользовалась большим общественно-политическим влиянием¹⁴⁵. Но мы слишком упростим картину, если не учтем роли князя как выразителя интересов свободного люда в целом, о чем речь у нас уже шла выше. Следовательно, княжеская власть на Руси Х в. была многозначной, и подвести под нее монолитный фундамент — значит пренебречь сложно-

138 Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.

139 Мародин В. В., Фроянов И. Я. «Старцы градские» на Руси Х в.

140 См. с. 152, 153—154 настоящей книги.

141 Там же, с. 130.

142 К мысли о соответствии политических институтов Руси Х в. учреждениям рода-племенного строя склоняют нас структурные особенности политической власти в древнерусском обществе, звеньями которой являлись князь, наделенный несомненными чертами вождя, совет старейшин (старцев градских) и народное собрание — вчес. Здесь перед нами не формальное сходство, а совпадение по существу, поскольку и совет старейшин и вчес являлись единственными органами власти. (Мародин В. В., Фроянов И. Я. «Старцы градские» на Руси Х в.; см. также с. 184 настоящей книги).

143 Костомаров Н. И. Начало единодержавия... с. 15.

144 Греков В. Д. Киевская Русь, с. 306.

145 Хазанов А. М. «Военная демократия» и эпоха классообразования; см. также: Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976, с. 92.—110.

стью социальной конъюнктуры, сложившейся к исходу X столетия¹⁴⁶.

Конец X — начало XI в.—важная веха в развитии княжеской власти на Руси. Это время неудержимого разложения родовых отношений¹⁴⁷, перехода от верви-рода к верви-общине, «от колективного родового земледелия к более прогрессивному тогда — индивидуальному»¹⁴⁸. Родо-племенные связи вытесняются территориальными. Место племенных союзов заступают союзы общин — волости, земли, по терминологии летописцев, состоящие из главных городов, пригородов и прилегающих к тем и другим сельских округ¹⁴⁹. К сожалению, начальная история образования городовых волостей не нашла отражения в источниках, которыми располагает современная наука. Но в конце XI столетия и особенно в XII в. мы уже видим городовые волости с достаточно устойчивыми конститутивными признаками. Какое положение занял князь в новой социальной системе? Какова его роль? А. Е. Пресняков был прав, когда писал, что князь в городовой волости — «вождь и организатор народного ополчения, глава общего управления земли, охранитель внешней безопасности и внутреннего мира, внутреннего „наряда“»¹⁵⁰. Рассмотрим подробнее занятия князя XI — XII вв.

Следует с самого начала подчеркнуть, что князь на Руси XI—XII вв. являлся *необходимым* элементом социально-политической организации общества¹⁵¹. Отсутствие князя нарушило нормальную жизнь волости¹⁵², ставило ее на грань опасности в первую очередь перед внешним миром. Поэтому в летописях старательно фиксируются случаи, когда в том или ином волостном центре временно наступало бескняжье. В 1141 г. «седеша новгородцы бес князя 9 месяцъ»¹⁵³. В другой раз они сидели без князя «от Сменя дни до велика дни»¹⁵⁴. Всю зиму 1196 г. новгородцы также провели без князя¹⁵⁵. Было ли в этом какое-нибудь неудобство? Разумеется. Однажды, например, «новгородцы не терпяко без князя седети», ибо «жито к ним не идяше ни откуда же»¹⁵⁶.

146 Эта многозначность объясняется тем, что процесс классообразования на Руси в данное время был весьма далек от своего завершения.

147 Рыбаков Б. А. Древняя Русь... с. 57.

148 Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений... с. 42.

149 См. с. 232—236 настоящей книги.

150 Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1, с. 197.

151 Костомаров Н. И. Начало единодержавия... с. 34; Хлебников Н. И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872, с. 264; см. также: Пашутов В. Т. Черты политического строя древней Руси, с. 35.

152 Костомаров Н. И. Начало единодержавия... с. 34; Сергеевич В. И. Вчес и князь, с. 98.

153 НПЛ, с. 26, 212.

154 Там же, с. 32, 220.

155 Там же, с. 43, 236.

156 ПСРЛ, т. I, стб. 309; т. II, стб. 308.

Владимирский летописец, рассказывая о соперничестве родового города Владимира со «старыми» городами Ростовом и Суздалем, многозначительно замечает, что владимирцы семь недель «безо князя будуще в Володимири граде, толико възложыше всю свою надежю и упованье к святей Богородице и на свою правду»¹⁵⁷. Следовательно, Владимир, будучи без князя, можно сказать, чудом устоял в борьбе с врагами¹⁵⁸. Несколько раньше владимирцы, ростовцы, сузальцы и переяславцы, съехавшиеся во Владимир, чтобы обсудить положение, создавшееся в результате убийства Андрея Боголюбского, рассуждали так: «Нам суть князи Муромьские и Рязаньский близ в суседех, боимся льсти их, еда пойду вънезапа ратью на нас, князю не сущю у нас»¹⁵⁹.

Довольно примечательна запись под 1154 г., касающаяся Киева: «Тогда же тяжко бысть Кыяном. не остал бо сябяшеть у них никаков князь, и послаша Кыяне епископа Демьяна Каневьского по Изяславу по Давыдовича, рекутце: „пойди к Кыеву, ать не возмуть нас Половци“. Изяслав же вниде в Кыев»¹⁶⁰. С князем киевляне чувствовали себя спокойнее. Когда Изяслав Мстиславич, отлучившийся из Киева на несколько месяцев в Новгород и Смоленск, вернулся обратно, «ради быша людъе»¹⁶¹.

В Юго-Западной Руси встречаем то же самое. В 1206 г. галичане, «убоявшись полков Русских, еда възвратяся на ны опять, а князя у них нету, здумавше послашася по Володимера»¹⁶².

Привлеченные летописные факты свидетельствуют об острой потребности в князьях, испытываемой городовыми волостями. Они говорят о том, что в князьях волостные общины нуждались прежде всего как в военных специалистах, призванных обеспечить внешнюю безопасность. Князь вооруженной рукой должен был оберегать землю, где княжил. Эта военная функция князя в источниках очерчивается выпукло. Приведем несколько наиболее характерных примеров. Согласно новгородскому летописцу, князь Изяслав Ярославич «быше посажен на Луках княжити и от Литвы оплечье Новугороду»¹⁶³. По словам того же книжника, великий князь Всеволод послал однажды сказать новгородцам: «В земли вашей рать ходить, а князь вашь, сын мой Святослав, мал; а даю вы сын свои старейший Костянтин»¹⁶⁴. В 1211 г. «посла князь Мстислав Дмитра Якуния на Луки с новгородьци города ставити, а сам иде на Търъкъ блоности волости»¹⁶⁵. По известиям Ипатьевской летописи, «князь Свято-

158 пТшу т о В."т. Черты политического строя... с. 35.

159 ПСРЛ, т. I, стб. 372.

160 Там же, стб. 343—344.

¹⁶¹ Там же, стб. 320.

162 Там же, т. II, стб. 427.

163 НПЛ, с. 44, 237.

164 Там же, с. 49—50, 246.

165 Там же, с. 52, 249.

слав со сватом своим с Рюриком, совокупившеся и с братьем, и стояща у Канева все лето, стерегучи земли Русские. И тако сблюще землю свою от поганых и разидашся во своясн»¹⁶⁶. В сходной позиции застаем князя Рюрика, который «много стояша у Василева, стерегше земле своея»¹⁶⁷. На князей возлагалось руководство как оборонительными военными операциями, так и наступательными. Им предписывалась также охрана торговых путей. Намек на это содержится в приведенном уже нами летописном сообщении о новгородцах, не стерпевших «безо князя седети», так как в Новгород прекратился подвоз жита. Но есть и прямые указания летописи на сей счет. В 1167 г., половцы, разузнав, что русские князья «не в любви живуть, шедше в порогы начата пакостити Гречником. И посла Ростислав Володислава Ляха с вой и възведоша Гречники»¹⁶⁸. В следующем году Ростислав направил снова рать, которая «стояща у Канева долго веремя, дондеже взиде Гречник и Залозник»¹⁶⁹. Русское войско стояло у Канева, ожидая «гречников» и в 1170 г.¹⁷⁰.

В князе XI—XII вв., боевом командире и организаторе, немало еще от военного вождя и предводителя старых времен. Это выражалось в том, что ему приходилось принимать в битвах непосредственное участие в качестве передового бойца увлекающего своим мужеством дружину и воев: «Въеха переже всех в противныя и дружина его по нем ехаша»¹⁷¹; «Андреи же Дюргевич взъмя копье и еха на перед и съехася переже всех и изломи копье свое»¹⁷²; «перед всеми полки въеха Изяслав один в полки ратных и копье свое изломи»¹⁷³; «и потече сам князь преди всех ко граду; видевши же его воя вси устремиша ко граду»¹⁷⁴. Отсутствие князя иногда роковым образом сказывалось на исходе военных действий. В 1152 г. люди князя Изяслава не смогли удержать днепровский брод, «зане не бяше ту князя, а боярина не вси слушають»¹⁷⁵. Князья прекрасно сознавали, сколь важно и необходимо быть им при войске, как нужен их вдохновляющий пример: «Князи же здумавши вси, не крепко боятся дружины и Половци, оже с ними не ездим сами»¹⁷⁶.

Чтобы поднять боевой дух воинов, князья действовали не только делом, но и словом, произнося по древней традиции зажига-

¹⁶⁶ ПСРЛ, т. II, стб. 673.

¹⁶⁷ Там же, с. 679.

¹⁶⁸ Там же, стб. 526.

¹⁶⁹ Там же, стб. 527—528.

¹⁷⁰ Там же, стб. 541.

¹⁷¹ Там же, стб. 390.

¹⁷² Там же, стб. 437.

¹⁷³ Там же, стб. 438.

¹⁷⁴ ПСРЛ, т. VII, с. 127.— Участие князя в качестве передового воина являлось отголоском традиций рода-племенного общества.— См.: Ольгерд с о н Э. Из прошлого исландского народа, с. 275, прим.

¹⁷⁵ ПСРЛ, т. I, стб. 332.

¹⁷⁶ Там же, т. I, стб. 338; т. II, стб. 456; См. также: Сергеевич В. И. Вече и князь, с. 350.

тельные речи накануне битвы. В Ипатьевской летописи под 1152г. читаем: «Изяслав же рече дружине своей: „Братья и дружино! Бог всегда Русы земле и Руских сынов в беществи не положил есть, на всех местех честь свою взимали суть, ныне же, братье, ревнуими тому всеми, у сих землях и перед чюжими языки дай ны Бог честь свою взяти“. И то рек Изяслав дружине своей, потому всими своими полкы...»¹⁷⁷ Другую подобную речь донесла до нас Лаврентьевская летопись: «И нача же Мстислав с Володимером укрепляти Новгородцы и Смолняны: „Братие, се вошли есмя в землю силную, а позря на Бога, станем крепко, не озпраимся назад, побегше не уйти, а забудем, братье, домов, жен и дети, а кому не умирати...“»¹⁷⁸

Цель такого витийства, как видим, заключалась в том, чтобы укрепить воев и дружину или, по выражению южного летописца, «подать дерзость воям своим»¹⁷⁹.

В понятиях людей XI—XII вв. дальний князь тот, кто сам занимается военным «нарядом». Не случайно Владимир Мономах в своем педагогическом трактате, поучая собственных детей, писал: «На войну выshed, не ленитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни еденю не лагодите, ни спанью; и стороже сами наряживайте, и ночь, отовсюду нарядивше, около вой тоже лязите, а рано встанете»¹⁸⁰.

Храбрость князя «на рати» высоко ценилась в древнерусском обществе XI—XII вв.¹⁸¹ Трусость, напротив, осуждалась. Большим позором и даже провинностью являлось бегство князя первым с поля боя. Вот почему новгородцы, изгоняя Всеволода, поставили ему в вину и то, что уехал он «с пылку переди всех», т. е. бежал с поля битвы на Ждане горе¹⁸².

Итак, участие в сражениях и непосредственное руководство ратями являлось типичным для князей XI—XII вв. Имели место, правда, исключения. Так, Ярослав Осмомысл, хотя и был «славен полкы», но «где бо бяшеть ему обида, сам не ходяшеть полкы своими водами»¹⁸³. Тот факт, что летописец специально говорит о привычке Ярослава посыпать в походы своих воевод, свидетельствует о необычности его поведения. Известно также, что Андрей Боголюбский в последний период жизни больше сидел дома, поручая воевать подручным князьям и воеводам. Но мы знаем, что

¹⁷⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 448—449.

¹⁷⁸ Там же, т. I, стб. 497; см. также: т. II, стб. 576, 803; т. VII, с. 127.

¹⁷⁹ Там же, т. II, стб. 611.

¹⁸⁰ ПВЛ, ч. I, с. 157.

¹⁸¹ См.. напр.: ПСРЛ, т. II, стб. 550, 653, 703, 716.—Трудно согласиться с Б. А. Рыбаковым в том, что «личная удасть князей и богатырей в XII — XIII вв. становится достоянием былин». — См.: Рыбаков Б. А. Военное дело.— В кн.: История культуры Древней Руси в 2-х т. М.; Л., 1948. Т. 1, с. 414.

¹⁸² НПЛ, с. 24, 209.

¹⁸³ ПСРЛ, т. II, стб. 656.

в молодости Андрей вызывал восхищение у людей удальством и отвагой, проявленными в боях¹⁸⁴. Случалось, князя из-за преклонного возраста не могли сражаться и командовать войсками. Летописец приводит эпизод, служащий в данной связи яркой иллюстрацией. К Ростиславу, вокняжившему в Киеве, обращается князь Вячеслав: «Сыну, се уже в старости есмь, а рядов всих не могу рядити... а се полк мои и дружина моя, ты ряди»¹⁸⁵. Устранились князя от битв и по юности своей. Перед боем с Изяславом «мужи» галицкие «почаша молвти князю своему Ярославу: „Ты еси молод, а поеди прочь и нас позори... оже ся тебе што учинить, то што нам деями, а поеди, княже, к городу, ать мы ся бьем сами с Изяславом, а кто нас будеть жив, а прибегнет к тебе, а тогда ся затворим в городе с тобою“». И тако послана князя свое прочь, а сами поехаша биться»¹⁸⁶. Однако все это, повторяем,— исключения, а не правила. И мы не согласны с Б. А. Рыбаковым в том, что, «начиная с XII в., князья все больше и больше устраниются от непосредственного управления войсками»¹⁸⁷. Летописи буквально пестрят сообщениями об участии князей в походах, сражениях, во время которых и осуществлялось «непосредственное управление войсками». В битвах князья нередко получали раны, а бывало и погибали. Смерть князя на поле брани считалась явлением отнюдь не из ряда вон выходящим. Владимир Мономах, имея в виду гибель сына своего Изяслава, говорил в письме к Олегу: «Дивно ли, оже муж умерл в полку»¹⁸⁸. По словам Мономаха, «тем бо путем шли деди и отци наши»¹⁸⁹. Особенно примечательна та его мысль, что в бою умирали лучшие из князей-предков: «Лепше суть измерли и роди наши»¹⁹⁰. Так мог сказать человек, для которого воинская доблесть — одна из высших нравственных ценностей. Перед нами образец психологии, родственной героической эпохе доклассового общества.

К числу военных обязанностей князя относилось снабжение войска оружием и конями. «Се половцы росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними»,—говорили «людье киевстии» князю Изяславу Ярославичу¹⁹¹. Чтобы удовлетворить военную потребность в лошадях, князья ускоренными темпами развивали в своем хозяйстве коневодство¹⁹². Волостные княже-

¹⁸⁴ Там же, стб. 390, 437.

¹⁸⁵ Там же, стб. 470—471.

¹⁸⁶ Там же, стб. 466-467.

¹⁸⁷ Рыбаков Б. А. Военное дело, с. 405.

¹⁸⁸ ПВЛ, ч. I, с. 165.—Нечто подобное скажет спустя полтора столетия и Даниил Галицкий (ПСРЛ, т. II, стб. 822).

¹⁸⁹ ПВЛ, ч. Т, с. 165.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Там же, с. 114.

¹⁹² Ф о р я н о в И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории, с. 55—59.

ские доходы также шли на содержание дружины, заготовку оружия и коней для нее и народного ополчения¹⁹³.

Таким образом, военная функция князей на Руси XI—XII вв. была едва ли не самой главной, требовавшей от князя наибольшей отдачи энергии¹⁹⁴. Как военный деятель князь еще во многом схож с военным предводителем, вождем предшествующих времен.

С военными попечениями князей тесно переплетались заботы по дипломатической части, ибо война, сколь бы длительной она не была, неизбежно сменялась миром, сопровождаемом различными дипломатическими комбинациями. Нет нужды распространяться о дипломатии древнерусского княжья, так как в труде В. Т. Пашуто этот вопрос исследован достаточно основательно¹⁹⁵.

Военно-дипломатическая работа князя имела целью прежде всего достижение внешней безопасности общества. Внутренний «наряд», охрана внутреннего мира и порядка — вторая существенная задача княжеской власти. На переднем плане здесь стоит княжой суд. По сравнению с предшествующим периодом компетенция князя в области суда значительно расширилась¹⁹⁶. «Княж двор» стал привычным местом суда¹⁹⁷. Судебное разбирательство превратилось почти в повседневное занятие князя¹⁹⁸. Появился штат судебных агентов князя, занимавшихся судебным разбирательством¹⁹⁹. Но, несмотря на это, личный суд князя на Руси XI—XII вв. играл важнейшую роль в судопроизводстве. Дневное расписание Владимира Мономаха включало время, когда он должен был «люди оправливати»²⁰⁰. Сам судил, по всему вероятию, и отец Мономаха Всеволод. Только на склоне лет Ярославич по немощи и болезням отошел от дел, передоверив их своим помощникам, отчего, рассказывает летописец, до людей перестала доходить «княжа правда»²⁰¹. Согласно воззрениям изучаемого времени, князь обязан был «в правду суд судити»²⁰². В летописном некрологе в связи с кончиной Всеволода Большое Гнездо отмечено, что он суд судил «истинен и нелицемерен»²⁰³.

Личное судебное разбирательство князя отвечало прежде всего желаниям народных масс. Не случайно «кияне» поставили претенденту на киевский стол Игорю Ольговичу условие: «...аще

¹⁹³ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1, с. 206.

¹⁹⁴ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1900, т. 2, с. 349; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1, с. 198-199.

¹⁹⁵ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

¹⁹⁶ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1, с. 199.

¹⁹⁷ ПР. М.; Л., 1940, т. I, с. 72, 108.

¹⁹⁸ ПВЛ, ч. I, с. 158.

¹⁹⁹ Гейман В. Г. Право и суд.— В кн.: История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951, т. 2, с. 55.

²⁰⁰ ПВЛ, ч. I, с. 158.

²⁰¹ Там же, с. 142.

²⁰² ПСРЛ, т. II, стб. 530.

²⁰³ Там же, т. I, стб. 437.

кому нас будет обида, да ты прави»²⁰⁴. Нам представляется, что здесь в некотором роде проявлялось первобытное сознание, отличавшееся глубоким уважением и доверием к родо-племенным властям²⁰⁵. Именно оно толкало народ к мысли, что «князь без греха», а в непорядках и нарушении правды повинны его злые советники²⁰⁶. Однако, как бы там ни было, бесспорно следующее: личное участие князя в судебных делах характеризует княжой суд с архаической стороны.

К этому надо добавить, что княжеский суд вершился гласно, в присутствии представителей местных общин²⁰⁷. В одном памятнике XII в. говорится о «великой татьбе», которую заинтересованные лица «не уложат отаи, но сильно прюо съставлять перед князем и пред людьми»²⁰⁸. Косвенный намек на решение судебных дел на виду у народа содержит Повесть временных лет в записи под 1096 г., согласно которой князья Святополк и Владимир предлагали Олегу: «Поиде Кыеву, да поряд положим о Русьстей земли пред епископы, и пред игумены²⁰⁹ и пред мужи отець наших, и пред людми градьскими...»²¹⁰. Олег дал знаменательный для нас ответ: «Несть мене лепо судити епископу, ли игуменом, ли смердом»²¹⁰.

Следует помнить об активной роли в княжеском суде всякого рода «видоков», «послухов», «поручников», необходимых для послушства, поручительства и сохранения в памяти судебного решения²¹¹. Больше того, в отдельных случаях «отзыв послухов-свидетелей бывал, по существу, приговором и установлением обычно-правовой нормы для данного случая»²¹².

Нельзя, наконец, забывать о значительной активности в судопроизводстве самих заинтересованных сторон, в первую очередь потерпевшей стороны, разыскивавшей преступника²¹³ вызывавшей его в суд, представлявшей на суд свидетелей и пр. Это, по мнению А. Е. Преснякова, предопределяло «большую пассивность судьи, будь то князь, будь то судящий по поручению князя муж княжой»²¹⁴.

²⁰⁴ Там же. т. П, стб. 321—322.

²⁰⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 171; Оль-гейрссон Э. Из прошлого исландского народа, с. 106, 124.

²⁰⁶ См.: напр.: ПВЛ, ч. I, с. 142, 150; ПСРЛ, т. I, стб. 375.

²⁰⁷ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1, с. 200; Гейман В. Г. Право и суд, с. 55.— Народное представительство в княжом суде было остаточным явлением тех времен, когда народное собрание ведало судебными делами, разбирало жалобы, выносило приговоры.— См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 142.

²⁰⁸ РИБ, СПб., 1880, т. 6, с. 46.

²⁰⁹ ПВЛ, ч. I, с. 150.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Гейман В. Г. Право и суд, с. 52.

²¹² Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1, с. 200.

²¹³ Там же, с. 199—200.

²¹⁴ Там же, с. 199; см. также: Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа. Киев, 1911, с. 107.

Личное участие князя в суде, гласность княжеского суда, выражавшаяся в присутствии на нем народных представителей, активность в судебном разбирательстве истца и ответчика, а также «послухов» — свидетельства определенной демократичности княжего суда на Руси XI—XII вв., ставящие под сомнение распространенное среди новейших историков представление о княжеском суде как феодальном, сеньориальном. На XI—XII вв. приходится интенсивная законодательная деятельность князей. Создаются Правда Ярослава, Правда Ярославичей, Уставы Владимира Мономаха, церковные княжеские уставы. Причастность князей к законодательству Руси XI—XII вв. советскими учеными изучена досконально²¹⁵. Поэтому нет надобности здесь повторять то, что хорошо уже известно. Но мы считаем нужным подчеркнуть следующее: составление правд и уставов не являлось сугубо частным делом князя или его ближайшего окружения. Древнерусское земство через своих представителей тоже имело отношение к созданию судебных сборников. На эту мысль наводит заголовок Правды Ярославичей, где читаем: «Правда уставлена руськои земли, егда ся съвокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко, Перенег, Микифор кыянин, Чудин, Микула»²¹⁶. В перечне «мужей», собравшихся вместе с Ярославичами для составления Правды, наше внимание останавливают Коснячко, Микифор кыянин, Чудин, Микула. Кто они — эти люди? Едва ли только княжеские слуги, как полагал С. В. Юшков²¹⁷. Под именем Коснячко, вероятно, скрывался упоминаемый Повестью временных лет под 1068 г. киевский воевода²¹⁸. Скорее всего, Коснячко был не простым воеводой, а тысяцким, т. е. земским киевским чином²¹⁹. Связанный тесными узами с киевской общиной, он, следовательно, выступал в качестве ее представителя при «уставлении» Правды. Аналогичную роль на съезде играл «кыянин» Микифор, человек в киевском обществе известный и влиятельный²²⁰. Довольно характерна и фигура Микулы, которого можно отождествить с вышгородским «старейшиной огородником» Николой из Сказания о перенесении

²¹⁵ Тихомиров М. Н. Исследования о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941; Юшков С. В. Русская правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950; Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда; Щапов Я. Н. Княжеские Уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972.

²¹⁶ ПР, т. III. Факсимильное воспроизведение текстов. М., 1963, с. 16.

²¹⁷ Юшков С. В. Русская Правда... с. 302.

²¹⁸ ПВЛ, ч. I, с. 115; Тихомиров М. Н. 1) Исследование о Русской Правде, с. 65; 2) Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, с. 80.

²¹⁹ См. с. 210 настоящей книги.

²²⁰ В Повести временных лет фигурирует «двор Никифоров» (ПВЛ, ч. I, с. 40). Это значит, что для летописца и его современников Никифор был хорошо известен; см. также: Тихомиров М. Н. Исследование о Русской правде, с. 64.

мощей Бориса и Глеба²²¹. Перед нами, стало быть, еще один земский лидер. Что касается Чюдина, то в нем М. Н. Тихомиров видит киевлянина, державшего Вышгород²²². Суммируя все эти наблюдения, убеждаемся в том, что киевская и вышгородская общины через своих представителей оказались сопричастны к составлению Правды Ярославичей.

При сходных обстоятельствах создавался Устав о резах Владимира Мономаха, для выработки которого князь «созва дружину свою на Берестовемь: Ратибора Киевского тысячьского, Прокопию Белогородьского тысячьского, Станислава Переяславьского тысячьского»²²⁴.

Возможно, что введение новых законов или отмена старых, письменная фиксация права производились не без участия народных собраний, как это было в раннесредневековой Исландии и Норвегии²²⁵. Показательна в данной связи преамбула Уставной

²²¹ Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971, с. 63; Тихомиров М. Н. 1) Исследование о Русской Правде, с. 64; 2) Пособие для изучения Русской Правды, с. 80.

²²² Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде, с. 65; см. также: Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания, с. 213.

²²³ Иначе думал Н. И. Хлебников (Хлебников Н. И. Общество и государство... с. 265).

²²⁴ ПР, т. I, с. 110.— Термин «дружина» здесь означает сотрудников, советников князя (см.: Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 4. М., 1977, с. 363); Л. В. Черепнин, учитывая приведенный текст из Пространной Правды, пишет о связи тысяцких с городским населением (Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме древнерусского государства, с. 385). По нашему убеждению, следует говорить о связи тысяцких не только с городским, но и вообще с волостным населением.

²²⁵ Ольгейсон Э. Из прошлого исландского народа, с. 123—126; Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье. Проблемы социального строя и культуры. М., 1977, с. 14—16.— А. Я. Гуревич, исследовавший норвежские областные законы, напоминающие ему варварские Правды, отмечает, что «приурочивайте той или иной редакции законов к правлению определенного государя нельзя понимать в прямом смысле... Короли не являлись их авторами... судебники состоят из ряда обширных разделов, или глав. По большей части эти главы представляют собой записи (вероятно, произведенные в разное время) докладов знатоков права — лагманов, хранивших народные обычая в памяти и «говоривших закон» на тингах, когда в том возникала нужда. Записи, по-видимому, были произведены по инициативе королевской власти, но по своему содержанию отражают преимущественно именно стариинную народную обычно-правовую традицию, в ряде случаев восходящую к догосударственному периоду истории Норвегии. При последующем редактировании отпечаток, наложенный политикой короля, стал явственным и заметным, к судебникам были присоединены целые новые разделы, защищающие интересы государства и церкви» (Гуревич А. Я. Норвежское общество... с. 15—16). Мы не должны пренебрегать историческим опытом раннесредневековой Норвегии, поскольку древнерусское и древнескандинавское общества стояли, примерно, на одинаковом уровне развития.— См.: Щакольский И. П. 1) Проблемы периодизации истории Скандинавских стран.— В кн.: Скандинавский сборник. Таллин, 1964, вып. 7, с. 354—357; 2) Норманская теория в современной

грамоты Ростислава смоленской епископии, уведомляющая, что князь готовил документ, «сдумав с людми своими», т. е. рассудив на вече²²⁶.

Помимо суда и законодательства в руках князя сходились «элементарные нити древнерусской волостной администрации»²²⁷. Посредством своих «чиновников» он выполнял и некоторые полицейские функции.

После принятия христианства князя устранились от непосредственного отправления религиозных действ. Но на них легла обязанность всячески способствовать распространению христианства в древнерусском обществе и материально обеспечить духовенство.

Итак, мы коснулись наиболее важных общественных занятий князей Руси XI—XII вв. Они, как видим, были разнообразны. Княжеская власть являлась составной и необходимой частью социально-политической структуры Киевской Руси²²⁸. Сравнивая деятельность князей X и XI—XII вв., замечаем на протяжении XI и особенно XII в. явное увеличение княжеских забот о внутреннем наряде волостей, что соответствовало усложнению социального организма Руси того времени. Князь-правитель XI—XII вв. во многом еще играл общественно полезную роль, отвечающую интересам общества в целом, в том числе и народных масс. Вот почему у нас вызывает сомнение мысль Б. А. Рыбакова, по которой верхи «феодального класса Руси в XI в. — князья — далеко не всегда содействовали прогрессу и в известной мере стали в этот период реакционной силой»²²⁹.

Бескняжье, как мы убедились, нарушало нормальную жизнь общества, ставя его на грань серьезных неустройств²³⁰. Благодаря своей большой общественной значимости, князь высоко котировался в глазах современников, будучи в их понятиях «главой земли»²³¹. Наиболее толковые и дальние князья пользовались на Руси особой любовью и уважением. К числу таких

буржуазной науке. М.; Л., 1965, с. 21; Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв., с. 133, 134.

²²⁶ ПРП. М., 1953, вып. 2, с. 39, 45.

²²⁷ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1, с. 197.

²²⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права, с. 41; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси, с. 137; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1, с. 174.

²²⁹ Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений... с. 43.— Автор противопоставляет князей боярам, считая последних «прогрессивным классом» (Там же). Темная сторона деятельности князей открывается Б. А. Рыбакову в их частом перемещении из земли в землю, в результате чего «они не могли выполнять важнейшие функции государственной власти» и обеспечить в полной мере развитие «феодального класса» (Там же). Нам представляется, что Б. А. Рыбаков искусственно отрывает князей от бояр, тогда как и те и другие были взаимосвязаны. Передвижка князей нередко зависела именно от бояр, о чем речь впереди.

²³⁰ Пашутов В. Т. Чертежи политического строя Древней Руси, с. 34.

ПСРЛ, т. I, стб. 381.

любимцев принадлежал Владимир Мономах, стяжавший делами своими добрую славу в памяти народной. Недаром народ, втягиваемый силой различных обстоятельств в межкняжеские драки, не раз отказывал князьям поднять руку «на владимирово племя»²³². Князь Мстислав Ростиславич, популярнейший представитель «владимирова племени», был настолько любезен народу, что «не бе бо тое земле в Руси, которая же его не хотяшеть, ни любяшеть»²³³.

Несмотря на значительный общественный вес, князь в Киевской Руси все же не стал подлинным государем²³⁴. Этому препятствовала самодеятельность народных общин²³⁵. Трудно назвать сувереном князя, который, приезжая в ту или иную волость, должен был входить в соглашение с вечевой общиной и принимать выдвигаемые вечем условия, ставящие его в определенные рамки. Князь заключал ряд с народным собранием — вечем²³⁶. А это значит, что он превращался в известном смысле в общинную власть, призванную блюсти интересы местного общества. Такая постановка вопроса позволяет внести некоторые уточнения в представления ученых о социальной природе княжеской власти.

В дореволюционной историографии сложилось мнение, будто княжеская власть на Руси являлась народной властью²³⁷, а князь был органом веча и общины²³⁸. Советские историки справедливо отвергли этот, безусловно, идеализированный взгляд на существование княжой власти в Древней Руси. Но они, к сожалению, впали в другую крайность, утверждая, что князь олицетворял лишь власть древнерусской знати, стоял только на страже ее классовых интересов²³⁹. Только для отдельных князей

²³² Там же, т. И, стб. 344, 355—356.

²³³ Там же, стб. 611.

²³⁴ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1, с. 174, 207.

²³⁵ Там же, с. 205; см. также: Щапов Я. Н. О функциях общины в Древней Руси.— В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975.

²³⁶ Сергеевич В. И. 1) Вече и князь, с. 100—106; 2) Русские юридические древности, т. 2, с. 81—93; Пашутов В. Т. Черты политического строя Древней Руси, с. 34—51.

²³⁷ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910, с. 155; Пресняков А. Б. Лекции по русской истории, т. 1, с. 174.

²³⁸ Костомаров Н. И. Начало единодержавия... с. 34; Леонтиевич Ф. И. Задружно-общинный характер политического быта Древней Руси, с. 230.

²³⁹ Грецов Б. Д. Киевская Русь; Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства; Пашутов В. Т. Черты политического строя Древней Руси; Черепнин Л. В. 1) Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда; 2) Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.— В кн.: Новосельцев А. П. и др. Пути развития феодализма. М., 1972; Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в.

делались исключения, например, для Мономаха, который иногда изображался «смердолюбцем». Надо, впрочем, сказать, что И. И. Смирнов решительно возражал против идеи о «смердолюбии» Мономаха, считая его закоренелым феодалом, проводником планов феодальной верхушки²⁴⁰. Социальная роль древнерусских князей XI—XII вв. нам видится несколько иначе.

Князья Руси XI—XII вв. властвовали во имя интересов знати. Это — бесспорно. Но вместе с тем они правили и во благо народа. Следовательно, их правительственную деятельность нельзя толковать однозначно. Политика князей — противоречивая политика, сочетающая в себе древний демократизм с новыми, постепенно углубляющимися классовыми²⁴¹ тенденциями, идущими на смену демократическим порядкам²⁴². В противоречивости княжеской политики отражались противоречия исторической действительности Руси XI—XII вв., где, несмотря на имущественное неравенство и социальную дифференциацию, процесс классообразования не завершился и общество не стало антагонистическим, ибо подавляющая масса населения состояла из свободных общинников, чье хозяйство доминировало в экономике Киевской Руси²⁴³. Словом, перед нами переходный период от доклассового строя к классовому. Эта промежуточность древнерусского общества и обусловила двойственность княжеской власти, которая наряду с интересами знати выражала также и общенародные интересы²⁴⁴.

В XI—XII вв. количество князей на Руси заметно увеличилось. Значительно умножилось число княжеских линий²⁴⁴. Между князьями завязывались сложные, подчас запутанные отноше-

²⁴⁰ Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков, с. 230—280.

²⁴¹ М. С. Грушевский гостил краски, когда говорил, что древнерусские князья (правительство, по терминологии автора) имели в виду охрану интересов прежде всего «богатых классов». — См.: Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа, с. НО.

²⁴² Форюнов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории; см. также: Ученко С. Л., Дьяконов И. М. Социальная стратификация древнего общества.— В кн.: XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970, с. 4; Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977, с. 84.

²⁴³ Сходная картина открывается взору исследователя в истории варварских королевств Западной Европы с их более или менее устойчивой королевской властью, еще не ставшей выразительницей одного лишь господства знати и по-прежнему продолжающей «отражать наряду с интересами знати также и общеплеменные интересы» (Несых и А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от рода-племенного строя к раннефеодальному.— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, кн. 1, с. 601, 604). В параллель к древнерусскому князю можно привлечь и древнеисландского гоуди, занимавшего «положение между родовым вождем, который был лишь предводителем, и угнетателем, правителем классового общества с государственной властью» (Ольгейрссон Э. Из прошлого исландского народа, с. 106).

²⁴⁴ Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа, с. 75.

ния. Княжеские отношения в Древней Руси пристально и тщательно изучались многими поколениями историков.

В дореволюционной историографии предпринимались попытки объяснить межкняжеские отношения с помощью одного какого-либо начала: родового старшинства²⁴⁵, общинно-задружного быта²⁴⁶, семейно-вотчинах принципов²⁴⁷, договорного права²⁴⁸. Однако исследование всей совокупности данных в значительной мере корректировало однолинейность подхода к проблеме. Так, К. А. Неволин, рассматривавший преемство великокняжеского киевского стола и заключавший, что «главным основанием к замещению киевского престола принималось родовое старшинство», в то же время подчеркивал, что «начало родового старшинства не действовало исключительно и безусловно»²⁴⁹. Кроме родового старшинства в княжеские отношения вторгались другие начала. Это — завещание князя, народное призвание, личные княжеские достоинства, добывание стола силой²⁵⁰. В итоге К. А. Неволин так пишет о родовом старшинстве: «Оно не имело в себе твердого основания, по которому бы оно возвышалось над всяким произволом человеческим, над всеми случайными условиями и обстоятельствами. Начало родового старшинства даже и в то время, когда оно преимущественно действовало, подлежало такому множеству ограничений, что скорее могло быть рассматриваемо не как начало господствующее, но как одно из многих начал, на которых основывалось замещение киевского престола»²⁵¹. Характерны и замечания В. О. Ключевского, конструировавшего вслед за С. М. Соловьевым систему лестничного восхождения князей. «Что такое был этот порядок? Была ли это только идеальная схема, носившаяся в умах князей, направлявшая их политические понятия, или это была историческая действительность, политическое правило, устанавливавшее самые отношения князей», — спрашивал В. О. Ключевский²⁵². Указав на помехи мирному применению порядка владения, согласно родовому старшинству (ряды и усобицы князей, их вотчинные стремления, выделение князей-изгоев, личные доблести княжеские, вмешательство главных областных городов), историк дал следующий ответ на поставленные вопросы: «Он был и тем и другим: в продолжение более чем полутора века со

²⁴⁵ Соловьев С. М. 1) Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846; 2) История отношений между русскими князьями Рюриковы дома.

²⁴⁶ Леонтьев Ф. И. Задружно-общинный характер политического быта Древней Руси.

²⁴⁷ Пресняков А. Е. Княжеское право в древней Руси.

²⁴⁸ Сергеевич В. И. Вече и князь.

²⁴⁹ Неволин К. А. Поли. собр. соч. в 6-ти т. СПб., 1859. Т. 6, с. 617—618.

²⁵⁰ Там же, с. 619—624.

²⁵¹ Там же, с. 632.

²⁵² Ключевский В. О. Соч., т. 1, с. 180.

смерти Ярослава он действовал всегда и никогда — всегда отчасти и никогда вполне»²⁵³. В конце концов пришлось признать, что «вообще не существовало какого-либо единого порядка в преемстве столов»²⁵⁴. Этот итог научных исследований наглядно демонстрирует неупорядоченность и незрелость межкняжеских отношений на Руси XI—XII вв., отразивших, как в капле воды, многозначность и сложность эпохи, переживаемой древнерусским обществом.

Рассматривая богатый спектр княжеских отношений, представители досоветской историографии упустили из вида вассальные связи; дальше некоторых вариаций о служебных князьях они не пошли²⁵⁵. Правда, в трудах Н. П. Павлова-Сильванского история русского вассалитета стала в ряд центральных сюжетов. Но это не меняло картину, ибо действие вассалитета автор приурочил к так называемому удельному периоду (XIII — середина XVI в.), а не ко временам Киевской Руси. Кроме того, он вел речь лишь о боярском вассалитете, оставляя в стороне вопрос о княжеских вассальных связях²⁵⁶.

Надо сказать, что мысль о неравенстве князей решительно отвергалась отдельными исследователями. Так, М. А. Дьяконов был уверен, что «источники не содержат никаких указаний на подчинение одних князей другим», за исключением «зависимости князей родных детей от князя отца»²⁵⁷. Каждый владельческий князь, по М. А. Дьяконову, был юридически равен другим владельческим князьям. «Поэтому в междукняжеских отношениях, вместо подчинения всех одному великому или старшему, можно, скорее, отметить принцип равного достоинства князей, который нашел свое выражение в братстве князей»²⁵⁸.

Советские историки взглянули на дело иначе. Уже М. Н. Покровский, распространивший феодализм на Древнюю Русь, писал об иерархии землевладельцев, напоминающей «нечто вроде лестницы», т. е. о вассальных связях²⁵⁹. Однако М. Н. Покровский, подобно Н. П. Павлову-Сильванскому, вел речь о боярском вассалитете, когда сюзереном выступал князь, а вассалами — бояре. Невнимание к вассальной субординации князей в Киев-

²⁵³ Там же, с. 182—187, 188.

²⁵⁴ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси, с. 142; см. также: Рожков Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения. М., 1905, ч. 1, с. 76—78.

²⁵⁵ См., напр.: Карамзин Н. М. История Государства Российского. СПб., 1892. т. 3, с. 125; Сергеевич В. И. Русские юридические древности, т. 2, с. 302—319.

²⁵⁶ Павлов-Сильванский Н. П. 1) Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907, с. 95—104, 147; 2) Феодализм в Удельной Руси. СПб., 1910, с. 353—378.

²⁵⁷ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси, с. 149.

²⁵⁸ Там же, с. 150.

²⁵⁹ Покровский М. Н. Избр. произв. в 4-х кн. М., 1966, кн. 1, с. 104, 126—131.

ской Руси присуще и другим авторам, работавшим в первое послереволюционное десятилетие²⁶⁰.

Княжеский вассалитет оставался плохо изученным до 30-х годов. Среди первых, кто занялся его анализом, был С. В. Юшков²⁶¹. С тех пор в данной области накоплено немало знаний. И ныне княжеский вассалитет — понятие, прочно вошедшее в историческую науку²⁶².

Понимание социальной сути княжеского вассалитета целиком зависит от решения проблемы княжой собственности. Поэтому, прежде чем поделиться своими соображениями насчет вассальных княжеских отношений в Древней Руси, определим, сколь далеко простирались собственнические права князей в волостях-княжениях. И здесь нам опять придется войти в историографические подробности.

В дореволюционной исторической науке не раз высказывалось мнение о том, что древнерусским князьям принадлежало право собственности на всю государственную территорию. Н. М. Карамзин, например, полагал, будто «вся земля Русская была, так сказать, законной собственностью Великих князей, они могли, кому хотели, раздавать города и волости»²⁶³. Н. М. Карамзин открыл «поместную систему» уже во времена «вещего» Олега²⁶⁴. Аналогичные идеи мелькали и у Н. А. Полевого²⁶⁵. Но особенно настойчиво проявил себя тут А. Лакиер. Первые древнерусские князья ему мнились государями-вотчинниками, распоряжавшимися всей землей по личному произволу²⁶⁶. На этом стоял и Б. Н. Чичерин²⁶⁷. Построения о князе как государе-собственнике были отброшены К. Д. Кавелиным, В. О. Ключевским, Н. И. Костомаровым, И. Д. Беляевым, А. Д. Градовским, Н. Л. Дювернуа, Ф. И. Леонтиевичем, Г. Ф. Блюменфельдом и др. Теория Лакиера — Чичерина, не-

²⁶⁰ См., напр.: Юшков С. В. Феодальные отношения в Киевской Руси. — Учен. зап. Саратовск. ун-та, 1925, т. 3, вып. 4, с. 61—71.

²⁶¹ Юшков С. В. 1) Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, с. 28, 167; 2) Общественно-политический строй и право Киевского государства, с. 95, 231, 329—333.

²⁶² Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники, с. 86—157; Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства... с. 369—378; Пашутин В. Т. Черты политического строя Древней Руси, с. 53—68; Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в.

²⁶³ Карамзин Н. М. История Государства Российского, т. 1, с. 159.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Полевои Н. А. История Русского народа. М., 1829, т. 1, с. 72—73.

²⁶⁶ Лакиер А. О вотчинах и поместьях. СПб., 1848, с. 3—5.

²⁶⁷ Чичерин Б. Н. 1) Областные учреждения в России в XVII веке. М., 1855, с. 2; 2) Опыты по истории русского права, с. 64—67.

²⁶⁸ Кавелин К. Д. Рецензия на книгу А. Лакиера «О вотчинах и поместьях». — Современник, 1848, т. 10, отд. 3, с. 63, 65; Ключевский В. О. Соч., т. 1, с. 178—179; Костомаров Н. И. Начало единодержавия... с. 32—35; Беляев И. Д. 1) Обзор исторического разви-

смотря на критику, направленную против нее, оказалась все-таки живучей, всплывая в трудах последующих историков. Я. Галышкин, к примеру, писал: «Расширил свои завоевания до пределов Славянского племени, князья без ошибки сочли всю завоеванную территорию за свою личную собственность и как таковую стали делять ее на волости для своих сыновей. Русь стала для них обширным поместьем, отдельные части которого отдавались в заведование княжеским сыновьям еще при жизни их отца»²⁶⁹. Ю. В. Готье предполагал, что уже в X—XII вв. «верховным собственником верхней земли считался князь»²⁷⁰. Будучи верховным собственником земель общинников-смердов, он свободно раздавал их своим мужам и духовенству²⁷¹.

Итак, в вопросе о земельной собственности князей на Руси X—XII вв. дореволюционные исследователи не преодолели разногласий. Не удалось достигнуть единого мнения по данному вопросу и советским авторам.

Складывание княжеской земельной собственности М. Н. Покровский связывал с развитием государственности в Древней Руси. Он думал, что «древнейший тип государственной власти развился непосредственно из власти отцовской»²⁷². Отсюда и та особенность, в силу которой «князь, позже государь московский, был собственником всего своего государства на частном праве, как отец патриархальной семьи был собственником самой семьи и всего ей принадлежащего»²⁷³. Однако в другом месте своей «Русской истории...» М. Н. Покровский, нарушая собственную логику, вычленяет из княжеской собственности древнерусский город, заявляя: «Наемный сторож в городе, князь был хозяином-вотчинником в деревне»²⁷⁴.

Если М. Н. Покровский наделял князей Киевской Руси правами верховных земельных собственников, то В. И. Пичета отказывал им в этом. «Трудно сказать, — пишет В. И. Пичета, — каковы размеры княжеских владений, так как для этого не име-

тия сельской общины в России. — Русская беседа, 1856, 1, отд. Критика, с. 105—107; 2) Еще о сельской общине. — Русская беседа, 1856, 2, с. 123—128; 3) Крестьяне на Руси. М., 1903, с. 18—19; Градовский А. Д. История местного управления в России. СПб., 1868, т. 1, с. 16—21; Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней Руси. Опыт по истории русского гражданского права, с. 115—121; Леонович Ф. И. Задружно-общинный характер... с. 224—227; Блюменфельд Г. Ф. О формах землевладения в Древней России. Одесса, 1884, с. 86—88.

²⁸⁹ Галышкин Я. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. (в связи с воззрениями родовой теории). — В кн.: Издания Исторического общества при Московском университете. М., 1898, т. 2, с. 267—268.

²⁷⁰ Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915, с. 9.

²⁷¹ Там же, с. 10.

²⁷² Покровский М. Н. Избр. произв., кн. 1, с. 96.

²⁷³ Там же, с. 100.

²⁷⁴ Там же, с. 168.

ется никаких данных. Но, конечно, нельзя согласиться с теми исследователями, которые считают, что в начале княжеской эпохи земля принадлежала одному князю и что дружины, как думает Чичерин, силой оружия захватывали землю, чем содействовали распаду родовой общины... Князья на правах собственности владели только отдельными земельными участками...»²⁷⁵

В 30-е и отчасти 40-е годы проблема верховной княжеской собственности на Руси X—XII вв. оказалась как бы в тени, поскольку внимание ученых сконцентрировалось на изучении крупного частного землевладения, легшего в основу феодализации древнерусского общества²⁷⁶. И только в конце 40-х годов она снова выходит на авансцену. С. В. Юшков, имея в виду изменения, произошедшие при Владимире и Ярославе, говорил: «Одним из крупнейших моментов в истории этого периода явилось то, что вся территория Киевского государства сделалась владением единого рода Владимира... Во всяком случае, во всех более или менее крупных центрах сидели его двенадцать сыновей. Но как-то до сих пор недостаточно сознается этот факт в исторической литературе. А между тем ликвидация местных князей и местных династий означала не только введение единого административного и правового режима на всей территории Русского государства, но и экспроприацию всей этой территории, всей земли в пользу князя Владимира. Отныне земля является собственностью этого рода, княжеским доменом»²⁷⁷.

Вскоре в советской историографии был выдвинут тезис об «окняжении» земли, сопровождаемом поборами с населения в форме дани-ренты, как основном факторе феодализации Руси²⁷⁸. Этот тезис нашел поддержку у некоторых специалистов по истории Древней Руси²⁷⁹.

²⁷⁵ Пичета В. И. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии. Минск, 1927, ч. 1, с. 23.

²⁷⁶ Фроянов И. Я. Советская историография о формировании классов и классовой борьбы в Древней Руси. — В кн.: Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л., 1967, ч. 1, с. 24—30.

²⁷⁷ Юшков С. В. 1) Общественно-политический строй и право Киевского государства, с. 229—230; 2) К вопросу о политических формах русского феодального государства до XIX века. — Вопросы истории, 1950, № 1, с. 76—77.

²⁷⁸ Довженок В. и Брайчевский М. О времени сложения феодализма в Древней Руси. — Вопросы истории, 1950, № 8; см. также: Довженок В. И. О некоторых особенностях феодализма в Киевской Руси. — В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972.

²⁷⁹ Черепинин Л. В. и Пашутин В. Т. О периодизации истории России в эпоху феодализма. — Вопросы истории, 1951, № 2; Черепяин Л. В. 1) К вопросу о периодизации истории СССР периода феодализма. — Изв. АН СССР, 1952, т. 9, № 2; 2) Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.). — Вопросы истории, 1953, № 4.

В настоящее время концепция верховной княжеской собственности в Киевской Руси наиболее детально разработана в трудах Л. В. Черепнина и О. М. Района²⁸⁰.

Наряду с данной концепцией в советской историографии существует другая, отрицающая идею верховной земельной собственности древнерусских князей, утверждающая наличие в X—XII вв. сектора свободного крестьянского землевладения, не попавшего под пяту феодализма. Она содержится в работах Б. Д. Грекова, Н. Е. Носова, А. М. Сахарова, И. И. Смирнова, А. Л. Шапиро, В. И. Горемыкиной²⁸¹.

В свое время мы приводили аргументы, доказывающие несостоятельность положений Л. В. Черепнина, О. М. Рапова и прочих сторонников верховной княжеской собственности в Древней Руси²⁸². К сказанному уже нами хочется еще кое-что добавить.

Верховная собственность князя на территорию управляемой им волости немыслима в условиях постоянного перемещения князей по Руси, замечаемого на протяжении второй половины XI—XII столетий²⁸³. Эту истину исследователи постигли давно. «Отношений по собственности,— писал некогда К. Д. Кавелин,— нет и быть не может, потому что нет прочной оседлости. Князья беспрестанно переходят с места на место, из одного владения в другое, считаясь между собою только по родству, старшинством»²⁸⁴. В словах К. Д. Кавелина много правды.

Трудно представить верховным собственником князя, которо-

280 ч е р е п и н Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.; Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X—первой половине XIII в.— Следует отметить, что во взглядах авторов названных произведений нет полного тождества. Если О. М. Рапов включает в княжескую верховную собственность и город и село, то Л. В. Черепнин, искусственно отрывая город от сельской округи, склонен рассматривать города вне этой собственности. Во всяком случае, он говорит: «Князья не раз стремились распространить на города право верховной собственности».— См.: Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства... с. 382.

²⁸¹ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М., 1952, кн. 1, с. 189—197, 210—211; Носов Н. Е. О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв.—В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972Д с. 67; Сахаров А. М. Рец. на кн.: Пути развития феодализма.—Вопросы истории, 1973, № 5, с. 161; Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков. М., Л., 1963, с. 13, 23, 56, 62 и др; Шапиро А. Л. О природе феодальной собственности на землю.—Вопросы истории, 1969, № 12, с. 67—69; Горемыкина В. И. К проблеме истории докапиталистических обществ, с. 39. *см.*

²⁸² Ф о я н о в И. Я. Киевская Русь... с. 9—12.

²⁸³ Перемещения князей в Древней Руси, столь выразительно показанные в дореволюционной науке, признаются и современными учеными. — См.: Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений... с. 43; Довженок В. И. О некоторых особенностях феодализма... с. 104; Рапопорт О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в., с. 206—214.

²⁸⁴ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, с. 286

го вечевая община приглашает на княжеский стол. Акт призываания никак не вяжется со статусом собственника²⁸⁵.

Невозможно согласовать мысль о князе-собственнике с весьма распространенной практикой изгнания князей, по тем или иным мотивам не устраивавших волошин.

Противоречит выводу о князе как верховном собственнике и обычай заключения «ряда» между вечем и князем, когда тот «садился» в каком-либо городе. «Ряд», как правило, возлагал на князя определенные обязательства по отношению к принявший его волостной общине, что опять-таки характеризует князя отнюдь не как собственника, а скорее как контрагента²⁸⁶.

Надо сказать, что общий стиль отношений князей с массой свободного населения совершенно не укладывается в пределы, сжатые понятиями «господство» и «подчинение». Князья, контролируемые народным вечем, считались с «простой чадью», видели в ней мощную социально-политическую силу, активно участвовавшую в общественных делах²⁸⁷.

Показательны, наконец, земельные купли князей и членов их семей²⁸⁸, совершаемые с соблюдением всех формальностей, принятых на Руси при осуществлении сделок по земле²⁸⁹. А это значит, что в правосознании людей Древней Руси князь не был верховным земельным собственником²⁹⁰.

²⁸⁵ Говорит о «посажении» князей «людьми» (горожанами) и Л. В. Черепнин (К вопросу о характере... с. 381—382). Но он, как мы отмечали, отрывает древнерусский город от села, противопоставляя, следовательно, городских жителей сельским, что неправомерно.— См. с. 227, 233—234 настоящей книги.

²⁸⁶ Мы не согласны с теми исследователями, которые склонны думать, будто договор, «ряд», князья заключали с городским патрициатом, высшим духовенством и местным боярством (Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники, с. 160; Черепинин Л. В. 1) Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII в.—В кн. Польша и Русь. М., 1974, с. 26—31; 2) К вопросу о характере и форме Древнерусского государства... с. 383; Пашут о В. Т. Черты политического строя Древней Руси, с. 34—51; Рапов О. М. К вопросу о боярском землевладении на Руси в XII—XIII вв., с. 202). Князья обычно «рядились» на вече — народном собрании Древней Руси.—См. с. 134, 164—184 настоящей книги.

²⁸⁷ См. с. 149 настоящей книги.

²⁸⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь... с. 96—97; см. также: ПСРЛ, т. II, стб. 904. ²⁸⁹

²⁸⁹ В ы с о ц к и и С. А. Древнерусские надписи на Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966, вып. 1, с. 64.

290 Точно так же решает аналогичную проблему из истории древнего Шумера И. М. Дьяконов. Он пишет: «Древнешумерийский правитель не был собственником всей земли государства... Если луталю Энхегалю, или энси Эанатуму, или даже царю Маништуси нужно приобрести земельный участок, он покупает его за обычную цену, с соблюдением всех обычных формальностей, как всякий иной смертный (хотя, вероятно, он имел возможность оказать давление на владельцев и продажа фактически могла носить и принудительный характер; но раз сделка оформлялась как покупка, значит в правосознании шумерийца царь не был собственником продаваемой земли)».—См.: Дьяконов И. М. 06-

Таким образом, рассуждения о древнерусском князе как верховном и непосредственном собственнике всей земли в государстве, патrimonиальном властелине и феодальном господине нам предстаиваютя несостоятельными²⁹¹. Этот вывод очень важен для уяснения социальной сути княжеского вассалитета, к которому мы и обращаемся.

Возникает вопрос, к какому времени относится зарождение вассальных связей среди древнерусских князей. По С. В. Юшкову, это произошло в X столетии. Опираясь на указание К. Маркса о наличии на Руси X в. примитивных отношений, образовавших вассалитет «без фьефов, или фьефы, состоящие исключительно из даней»²⁹², С. В. Юшков подразделил княжой вассалитет на два порядка вассальных связей: 1) без фьефов (денона, по терминологии автора) и 2) с фьефами, состоявшими из даней²⁹³. Под первый порядок С. В. Юшков подводит племенных князей, подчиненных великому князю киевскому, а под второй — князей-наместников, получавших из рук великого князя лены-дань²⁹⁴.

С. В. Юшков слишком субъективно интерпретировал высказывание К. Маркса, из которого никак не следует, что княже-

щественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959, с. 135; см. также: Переломов Л. С. Эволюция общинны и рост частной земельной собственности в Китае в IV в. до н. э. — III в. н. э. — В кн.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966, с. 155—156; Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971, с. 122; Ашрафян К. З. Феодализм в Индии: особенности и этапы развития. М., 1977, с. 29—30.

²⁹¹ Ловмьянский Г. 1) Происхождение славянских государств.— Вопросы истории, 1977, № 12, с. 188—189; 2) Рец. на кн. И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории» — В кн.: Roczniki dziedzictwa Spolecznych i gospodarczych. 1977, t. XXXVIII, s. 149—150.— Необходимо заметить, что вопрос о государственной верховной собственности на землю в древних обществах вызывает споры и у историков других стран. Так, В. П. Илюшечкин, возражая против мнения, утверждающего наличие подобной собственности в раннечжоуском Китае, справедливо говорит: «...государственная собственность на землю в классово-антагонистических обществах является особой разновидностью частной собственности — ассоциированной частной собственностью господствующего класса — и возникает она лишь вместе с возникновением частной земельной собственности (крупной и мелкой) и антагонистических классов» (Илюшечкин В. П. К вопросу о формировании характеристики древнего и средневекового общества в Китае.— В кн.: Социальная и со-циально-экономическая история Китая. М., 1979, с. 29). С этой точки зрения построения Л. В. Черепнина (Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв., с. 149—166), доказывавшего мысль о раннем, первоначальном развитии верховной княжеской земельной собственности на Руси и последующем росте частного крупного землевладения, не выдерживает критики.

²⁹² Marx K. Secret diplomatic history of the eighteenth century. New-York, 1969, p. 109.

²⁹³ Юшков С. В. 1) Очерки по истории феодализма... с. 28; 2) Общественно-политический строй и право... с. 95.

²⁹⁴ Там же.

ский вассалитет на Руси X в. складывался из двух систем. К. Маркс, как нам думается, говорит об однородной вассальной зависимости без фьефов, считая, однако, возможным пользоваться термином «фьеф», но в смысле дани, а не земельного пожалования. В вассалитете, возникшем на даннической основе, К. Маркс увидел примитивную организацию.

По С. В. Юшкову, князья-наместники получали от великих князей землю²⁹⁵. Не ясно, что разумеет С. В. Юшков под понятием «земля». Если он имеет в виду передачу права сбора дани, то с ним можно согласиться, но если им мыслится земельные пожалования, то здесь ученый вряд ли прав²⁹⁶. Вызывают сомнение и попытки С. В. Юшкова включить в орбиту исследуемого вассалитета племенных князей. Этой операцией сглаживалась принципиальная разница в отношениях великого князя киевского к своим периферийным наместникам-князьям и племенному княжью, характеризовавшаяся тем, что наместники жаловались данью, а племенные князья сами платили ее вместе с соплеменниками «мира деля», т. е. во избежание разорительных войн с Киевом. Следовательно, связи великого князя с князьями-наместниками были внутрикорпоративными, тогда как его связи с князьями подчиненных полянской общине племен носили внешнеполитический характер.

Итак, условиям вассалитета как внутреннего социального явления отвечают лишь взаимоотношения великих киевских князей с их наместниками-князьями.

Запас наших сведений о княжеском вассалитете второй половины X — начала XI в. весьма скучен. Известно, что Святослав посадил Олега «в деревех»²⁹⁷, а Владимира отправил в Новгород²⁹⁸. Позже новгородской данью «кормился» Ярослав²⁹⁹. На покорм в племенные центры разбрелось все семейство Владимира.³⁰⁰ Князья-наместники находились в вассальной зависимости от великого князя киевского, обязуясь быть у него в послушании и верности, оказывать ему военную и финансовую помощь³⁰¹.

Несмотря на чрезвычайную ограниченность данных, мы все-таки имеем возможность выявить некоторые специфические черты княжеского вассалитета изучаемой поры. Первое, что сразу же бросается в глаза, — это совпадение вассальных и семейных отношений: сюзереном выступает князь-отец, а вассалами — сыновья-княжичи. Вероятно, С. В. Юшков был прав, когда писал,

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Наше возражение относится и к О. М. Рапову, который всюду усматривает земельные пожалования.— См.: Рапов О. М. Княжеские владения на Руси... с. 30—34.

²⁹⁷ ПВЛ, ч. I, с. 49.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Там же, с. 83, 88—89.

³⁰⁰ Там же, с. 83.

³⁰¹ Юшков С. В. К вопросу о политических формах... с. 78.

что семейные отношения не изменяли «существа организационно-политических форм», являвшихся «разновидностью сюзеренитета и вассалитета»³⁰². Но при этом надо помнить о влиянии, какое оказывали они на развитие вассалитета, действуя в качестве сдерживающего, тормозящего фактора. На наш взгляд, родственные связи, особенно семейные, мешали складыванию субвассалитета, поскольку семейные отношения есть прямые и непосредственные отношения младших родичей к главе семейства. Промежуточных звеньев здесь нет и быть не может. Понятно, почему источники не содержат никаких фактов о существовании субвассалитета князей на протяжении интересующего нас сейчас периода, что, безусловно, свидетельствует о недоразвитости вассалитета в целом³⁰³.

Другой важнейший показатель примитивности княжой вассальной организации — ее неземельная основа. Вассалитет, как яствует из анализа памятников и указаний К. Маркса, возникал через пожалование дани, а не земли.

Все это, взятое в совокупности, говорит о крайней элементарности княжеского вассалитета на Руси второй половины X — начала XI в.

С окончательным падением родового строя, образованием на обломках восточнославянских племен древнерусской народности, возникновением городских волостей, резким сокращением доходов в виде даней³⁰⁴ вассалитет князей вступил в следующую фазу своего развития. Случилось это приблизительно в конце XI в. Известия источников о вассальных княжеских отношениях становятся теперь многочисленнее и разнообразнее. Межкняжеские связи облекаются в терминологию родства: «отец», «брать», «брать старейший», «брать молодший», «сын» — слова, постоянно звучащие в речах князей, обращавшихся друг к другу. Родственная лексика — своеобразная вуаль, сквозь которую просвечиваются отношения политические³⁰⁵, и в частности вассальные³⁰⁶. Явным симптомом перерождения кровнородственных связей в политические служит термин «господин», употреблявшийся князьями при взаимном общении³⁰⁷.

Необходимо заметить, что применение всех названных терми-

³⁰² Там же; см. также: Тихомиро в М. Н. Древняя Русь. М., 1975, с. 278.

³⁰³ Отсутствие субинфеодации расценивается современными исследователями истории раннего средневековья стран Западной Европы как проявление незавершенности процесса формирования вассально-ленных отношений.— См.: Савело К. Ф. Раенфеодальная Англия, с. 101.

³⁰⁴ Фроинов И. Я. Даниники на Руси X—XII вв.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965 г. М., 1970, с. 38—39.

³⁰⁵ Галашкин Я. Очерк личных отношений... с. 228—285.

³⁰⁶ Чепинин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства... с. 309.

³⁰⁷ ПСРЛ, ч. I, стб. 387, 403, 452, 501; т. II, стб. 471; 667; 900; см. также: Сергеевич В. И. Вече и князь, с. 264.

нов не было строго упорядоченным. К одному и тому же лицу нередко прилагалось по нескольку обозначений: «Присластася Глебовича Всеволод и Володимер ко Всеволоду Юрьевичу, рекуще ты господин, ты отец, брат нау старейший»³⁰⁸; «послаша к нему, глаголюще, ты отец, ты господин, ты брат»³⁰⁹; «поклонишаася Юрью вси, имуще его отцем себе и господином»³¹⁰; «выеха князь Ярослав и удари челом князю Константину и рече, господине, аз есмь в твоей воли, не выдавайте мя отцю моему князю Мстиславу, ни Володимеру, а сам, брате, накорми мя хлебом»³¹¹; «Ростислав же ему отвеча, брате и отце»³¹²; «вы быста уладилася с своим братом и сыном Изяславом»³¹³; «и посла ко Всевододу, ко уеви своему, в Суждаль и моляся ему, отче, господине»³¹⁴; «ты мои еси отец, а ты мои сын, у тебе отца нету, а у мене сына нету, а ты мои сын, ты же мои брат»³¹⁵. Такая терминологическая сбивчивость была, очевидно, обусловлена некоторой неопределенностью и запутанностью находящихся в процессе формирования межкняжеских отношений. Поэтому мы далеко не всегда можем четко себе представить место, занимаемое тем или иным князем на иерархической лестнице³¹⁶. Незавершенность упомянутого процесса сказывалася и на княжеском «старейшинстве», которое обеспечивало его носителю право политического верховенства, превращая последнего в сюзерена, окруженного вассалами. Старейшинство приобреталось отнюдь не всякий раз посредством родового старшинства, т. е. по старости лет. Оно добывалось различными способами вплоть до захвата силой³¹⁷. Но нельзя закрывать глаза на нередкие, зафиксированные летописями, случаи, когда генеалогический критерий в определении старейшинства играл далеко не пассивную роль. По признанию князя Изяслава Мстиславича, он «имел» Всеволода Ольговича «в правду брата старейшего, занеже ми брат и зять, старей мене, яко отец»³¹⁸. Достаточно красноречивы слова Ростислава, обращенные к тому же Изяславу Мстиславичу: «Брате, кланяюти ся, ты еси мене старей, а коко ты вгдаеши, а яз в том готов есмь»³¹⁹. После убийства Андрея Боголюбского

³⁰⁸ ПСРЛ, т. I, стб. 387.

³⁰⁹ Там же, стб. 493.

³¹⁰ Там же, стб. 452.

³¹¹ Там же, стб. 501.

³¹² Там же, т. II, стб. 373.

³¹³ Там же, стб. 387.

³¹⁴ Там же, стб. 667.

³¹⁵ Там же, стб. 418.

³¹⁶ Ср.: Чепинин Л. В. К вопросу о характере и форме... с. 369.— М. Н. Тихомиро в М. Н. Древняя Русь, с. 278.

³¹⁷ Там же, с. 370—371; см. также: Сергеевич В. И. Вече и князь... с. 273—327.

³¹⁸ ПСРЛ, т. I, стб. 323.

³¹⁹ Там же, стб. 365.

владимирский стол оказался пустым. Среди претендентов на «княжение» старшим по возрасту являлся Михалко, на которого князья и возложили старейшинство³²⁰. К исходу XII в. самым старшим в «племени» Владимира Мономаха был Всеволод Юрьевич. Князь Рюрик Ростиславич, доводившийся Всеволоду Юрьевичу двоюродным племянником, говорит в послании к дяде так: «А ты, брате, в Володимери племени старей еси нас, а думай и гадай о Руской земли и о своей чести и о нашей»³²¹. С полным сознанием своих преимуществ как старшего годами князь Святослав держит речь перед младшими родичами: «Се яз старее Ярослава, а ты, Игорю, старее Всеволода, а ныне я вам во отца место остался, а велю тебе, Игорю, еде остати с Ярославом блюсти Чернигова и всее волости своей, а я пойду с Всеволодом к Суждалю и възищю сына своего Глеба»³²².

Перед старостью Святослава склонил голову и Рюрик Ростиславич, который, «размыслив с мужи своими угадав, бе бо Святослав старей леты, и урядився с ним, съступупис ему старешинства и Киева»³²³. Мы должны по достоинству оценить тот факт, что нарушение принципа родового старейшинства в князьях осуществлялось порой под флагом борьбы за его утверждение. Согласно свидетельству престарелого Вячеслава Владимировича, князь Изяслав Мстиславич (племянник Вячеслава), искавший под Игорем Ольговичем Киев, говорил, будто он город ищет не себе, а отцу своему и брату старейшему Вячеславу³²⁴. Этим Изяслав старался успокоить общественное мнение, придать известную законность своим действиям. Войдя в Киев, он не только удержал его за собой, но и отнял у Вячеслава Туров и Пинск. Тогда «вступил в стремя» младший брат Вячеслава Юрий, которому явно не нравилось пребывание Изяслава в Киеве. И опять-таки, подобно Изяславу, князь Юрий говорил: «Аз Киева не собе ищо, оно у мене брат старей Вячъслав, яко и отецъ мне, а тому его ищю»³²⁵. Юрий, так же как и Изяслав, не сдержал слова. Прибегая к обману, Изяслав и Юрий для маскировки своих истинных намерений придумали версию, в которую легко можно было поверить. И это, конечно, знаменательно, поскольку указывает на действенность прав старшего в исторической жизни XII в. Выразительным в данной связи является и то обстоятельство, что Изяслав, человек отважный и воинственный, любивший повторять поговорку «не

³²⁰ Там же, т. I, стб. 373; т. II, стб. 596.

³²¹ Там же, т. II, стб. 686.

³²² Там же, стб. 618.

³²³ Там же, стб. 623—624.— Отзвук этих правил сохранила Новгородская Первая летопись, где под 1270 г. читаем: «Новгороди же послаша по Дмитрия Александровича; Дмитрии же отречеся, тако река: „не хочю взяти стола перед стрыемъ своимъ“. И быша новгородцы печални». — НПЛ, с. 88, 320.

³²⁴ Там же, стб. 429.

³²⁵ Там же.

идет место к голове, но голова к мести»³²⁶, вынужден был в конце концов признать старейшинство Вячеслава и пригласить его в Киев в качестве дуумвира, дабы парализовать притязания Юрия на «матерь градов русских»³²⁷.

Таким образом, на Руси конца XI—XII вв. старейшинство генеалогическое еще не оторвалось от старейшинства политического, хотя расхождение между ними наметилось вполне определенно³²⁸. В совмещении этих социальных явлений нет ничего странного. Оно и понятно, ибо князья в Киевской Руси — это родственники, часто близкие, «единого деда внуки», как они сами заявляли³²⁹. Вот почему мы разделяем мысль С. В. Юшкова о том, что «сюзеренитет-вассалитет, в особенности в XI в., переплетался с элементами родовых отношений»³³⁰. Хотелось бы лишь уточнить: не только в XI, но и в XII в. это переплетение хорошо прослеживается. Выясняя степень зрелости вассалитета в Древней Руси, исследователь обязан учитывать данное обстоятельство.

Необходимо принимать во внимание и меру устойчивости вассальных княжеских отношений. А она была незначительной. Летописи заполнены сообщениями о том, как князья, «преступая крестное целование», нарушают верность друг другу, как они, разрывая связи сюзеренитета-вассалитета, «мечут крестные грамоты»³³¹. По подсчетам Б. А. Рыбакова, князь Святослав Всеволодович за сравнительно короткий срок «одиннадцать раз (!) сменил сюзерена, совершив при этом десять клятвопреступлений. Иногда это делалось поневоле, под давлением непреодолимых обстоятельств, а иной раз и по собственной воле, в поисках выгоды»³³². Летописец описывает колоритную сцену, разыгравшуюся

³²⁶ Там же, стб. 442.

³²⁷ ПСРЛ, т. I, стб. 336; т. II, стб. 399-400; 419-420, 445.

³²⁸ О. М. Рапов полагает, будто уже «князья из первых поколений Ярославичей никогда не руководствовались принципами старшинства при занятии княжеских столов» (Рапов О. М. Княжеские владения на Руси... с. 211). Много ближе к истине Л. В. Черепнин, который пишет: «По идеи старейшинство политическое должно быть связано со старейшинством генеалогическим... Но генеалогический критерий в определении старейшинства все более отходил на второй план, уступая место соображениям чисто политическим, исходящим из реальных междукняжеских отношений» (Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства... с. 370). Важно иметь в виду, что этот критерий именно *отходил* на второй план, но не отошел. О сохранении принципа родового старшинства среди князей в Киевской Руси см.: Комаровиц В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв.—ТОДРЛ, 1960, 16.

³²⁹ ПСРЛ, т. II, стб. 578, 685.

³³⁰ Юшков С. В. Общественно-политический строй... с. 332.— Автор, впрочем, тут же вводит такие оговорки, которые перечеркивают эту мысль.— Там же, с. 333.

³³¹ См., напр.: ПСРЛ. т. I, стб. 296—297, 413; т. II, стб. 312, 314—315, 346—347, 461, 566, 670.

³³² Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники, с. 116.

у Стародуба. Святослав после многочисленных перелетов от сюзерена к сюзерену встречает Юрия Долгорукого, идущего на Киев, и бьет ему челом, «река: „избезумился есмь“». Святослав же Олгович поча молитися свату своему Дюргеви, веля ему прияти в любовь сыновца своего Всеволодича. Гюрги же тому мир дастъ, и целова хрест к Дюргеви на все воли его и к строеви, и повеле ему Дюрги с собою пойти»³³³. Святослав Всеволодович не феномен, конечно. Он — типичный представитель древнерусского князя. О другом, ему подобном, князе Владимире Мстиславиче летописец говорит: «Се же много подъ беды, бегая передо Мъстиславом, ово в Галечь, ово Угры, ово в Рязань, ово в Половиц; за свою вину, занеже не устояше в крестномъ целованъи, всегда же и то гоняше»³³⁴.

Зыбкость вассальных отношений в княжеской среде объясняется тем, что в своей политике князя руководствовались сиюминутными выгодами и, как говорится, дальше своего носа ничего не видели. Они плохо сознавали себя в качестве социальной группы, спаянной во имя общих корпоративных целей³³⁵. Неустойчивость княжего вассалитета вызывалась также активным вмешательством в межкняжеские отношения боярства и городских общин³³⁶. Ее порождало еще и то, что сюзеренитет навязывался часто силой, принудительным порядком³³⁷. Поэтому князь, ставший вассалом поневоле, ждал случая, чтобы избыть тягостной зависимости. Наконец, немалую роль здесь играло коловращение князей, их переезды из волости в волость, в результате чего нередко рвались старые связи сюзеренитета-вассалитета и возникали новые.

Все это толкало к некоторой замедленности в развитии отношений в княжеском сюзеренитете-вассалитете. Но наличие сдерживающих факторов не должно, разумеется, заслонять от нас поступательных явлений.

По сравнению с предшествующим временем XII в. отличается переменами в структуре вассалитета, которая становится более сложной и развитой благодаря складыванию субвассалитета³³⁸. О существовании его на Руси XII — начала XIII вв. мы заключаем на основании косвенных сведений. Рост количества князей, особенно усилившийся в XII в., привел к дроблению волостей, к появлению княжеской мелкоты, вроде князей городенского, несвежского, рыльского, шумского, угличского, яневского и пр.³³⁹

³³³ ПСРЛ, т. II, стб. 477.

³³⁴ Там же, стб. 567.

³³⁵ Они более сознавали себя как генеалогическую общность и менее как социальную.

³³⁶ См. с. 84, 85, 134 настоящей книги.

³³⁷ См., напр.: ПСРЛ, т. I, стб. 429, 500-501; т. II, стб. 283, 285, 315,

³³⁸ 574. П а ш у т о В. Т. Черты политического строя Древней Руси, с. 62. ³³⁹ ПСРЛ, т. I, стб. 309, 509, 523.

Легко представить этих князьков в положении подвассалов. Еще проще считать таковыми служебных князей, поступавших к владетельным князьям в услужение³⁴⁰. Правда, самые ранние известия о них идут с середины XIII в.³⁴¹ Но можно полагать, что они существовали уже во второй половине XII в.

Некоторым прогрессом в развитии сюзеренитета-вассалитета была выработка процедурных формальностей, сопровождавших вступление в вассальную зависимость, терминов, обозначавших эту зависимость, взаимных обязанностей сюзерена и вассала.

Князь, становящийся вассалом, должен был «поклониться», «ударить челом» сюзерену³⁴², принимавшему новоиспеченного, вассала «в любовь и мир»³⁴³. Сюзерен и вассал клялись добра хотеть друг другу³⁴⁴. Вассальная зависимость облекалась в различные выражения: «...и обещася Глеб по всему послушати Володимера»; «и поча водити подле ся»; «а мы подле тебе ездим»; «за Русскую землю хочю страдати и подле тебе ездити»; «подле твои стремень еждю»; «быти с ним на всех местах»; «оны же вси зряху на Ростислава, имеяху и отцем собе»; «и в моемъ вы послушаны ходити»; «и въ всей воли его ему ходити»; «и его ся не отлучити не добрѣ, ни в лисе»; «бяше бо тогда в руках его»; «в его воли быти и зretи на нь»; «во твоей воле есмь всегда» и т. д.³⁴⁵

Разнообразие приведенных формул, их расплывчатость — знак, указывающий на отсутствие в Древней Руси вполне сложившегося вассального права. Б. А. Рыбаков резонно замечает, что на Руси XII в. юридическая сторона «отношений между сюзереном и вассалами не была четко разработана и многое во взаимоотношениях князей определялось не правом, а реальной силой»³⁴⁶. Правда, Б. А. Рыбаков называет эти отношения феодальными, с чем нельзя согласиться³⁴⁷. Но в остальном он гораздо ближе к истине, нежели В. Т. Пашуто, доказывающий наличие в Древней Руси каких-то рыцарских правд, якобы регулирующих отношения сюзеренов и вассалов³⁴⁸.

Говоря о несовершенстве вассального права в Киевской Руси, мы не хотим сказать, что в правосознании, а тем более в истори-

³⁴⁰ О служебных князьях см.: Сергеевич В. И. Русские юридические древности, т. 2, с. 302—304.

³⁴¹ Там же, с. 302.

³⁴² ПСРЛ, т. I, стб. 452, 500—501; т. II, стб. 283, 315, 367, 401, 477, 496.

³⁴³ Там же, т. I, стб. 283, 313, 387, 500-501; т. II, стб. 283, 313, 477.

³⁴⁴ Там же, т. I, стб. 567, 570.

³⁴⁵ Там же, стб. 283, 327, 346, 367, 452, 453-454, 465, 482, 503, 509, 574, 667, 697.

³⁴⁶ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники, с. 116.

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ П а ш у т о В. Т. Черты политического строя Древней Руси, с. 54, 56, 62.

ческой действительности не было выработано норм и правил, образовавших основу древнерусского вассалитета. К ним прежде всего относится обязанность военной службы вассала своему сюзерену. В 1146 г. Игорь Ольгович накануне войны с Изяславом Мстиславичем наделяет вассальных князей волостями и велит им на помочь «ити к себе, она же поидоста»³⁴⁹. К Изяславу Мстиславичу, отнявшему Киев у Игоря, пришел однажды «Гюргевич старейший Ростислав, роскоторавъся с отцем своим, оже ему отец волости не да в Сужданской земли». Ростислав, «поклонившись» Изяславу, молвил: «...за Русскую землю хочо страдати и подле тебе ездити». Изяслав принял «Гюргевича» и дал ему несколько городов³⁵⁰. В задачу вассала входила охрана Русской земли³⁵¹. К Изяславу Мстиславичу обращается и Ярослав Галицкий со словами: «...прими мя, яко сына своего Мстислава, также и мене, ать ездить Мстислав подле твои стремень по единой стороне тебе, а я по другой стороне подле твои стремень еждю всеми своими полкы...»³⁵² Святослав Всеволодович, присягнувший Юрию Долгорукому «на всей воли его», по распоряжению сюзерена едет с ним добывать Киев³⁵³. Несли военную службу Мстиславу Изяславичу черниговские Ольговичи, «бяху бо тогда Олговичи в Мстиславли воли», т. е. находились на положении вассалов³⁵⁴. То же самое видим и в примере с Андреем Боголюбским³⁵⁵. Весьма красноречиво послание «молодших» князей Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо: «ты отец, ты господин, ты брат, где твоя обида будет, мы переже тебе главы своя сложим за тя»³⁵⁶.

Факты, как убеждаемся, говорят не только о военной службе вассалов, но и о том, чем она обусловливалась,— о пожаловании волостей. Можно утверждать, что пожалование волостей являлось источником вассалитета в целом. Вернемся опять к летописям, чтобы окончательно укрепиться в данной мысли. В 1117 г. Владимир Мономах укротил князя Глеба Всеславича, и тот обещал «по всему послушати Володимера. Володимер же, омирев Глеба и наказав его о всемъ, вдастъ ему Менеск»³⁵⁷. Святослав Всеволодович, будучи вассалом Изяслава Мстиславича, «держаша у Изяслава Божьски и Мечибожие, Котелницю, а всих пять городов»³⁵⁸. После смерти Изяслава он помог соправителю его Вячеславу удержать Киев. В благодарность за это князь Ростислав, младший брат Изяслава, прибывший в Киев на княжение, дал Святославу

Туров и Пинск. Святослав «поклонися Ростиславу³⁵⁹ и прия с радостью», т. е. признал себя вассалом киевского князя³⁶⁰. В 1180 г. великий князь Всеволод в Рязани «мир створи с Романом и со Игорем, на всей воли Всеволожи целоваша крест, и поряд створив всей братъи, раздав им волость их комуждо по старешиныству, възвратися в Володимерь».

Случалось и такое, что слабый князь просил сильного «удержать под ним» его волость, изъявляя готовность принять вассальную зависимость, как это было, скажем, с Владимиром Галицким, который «посла ко Всеволоду, ко уеви своему, в Суждаль и моляся ему, отче и господине, удержи Галич подо мною, а яз Божий и твои есмь со всим Галичем, а во твоей воле есть всегда»³⁶¹.

За измену и непослушание вассал лишался волости³⁶². В Ипатьевской летописи под 1130 г. читаем: «В се же лето поточи Мстислав Полоцкий князи с женами и с детми в Грекы, еже преступиша хрестьное человование»³⁶³. Это несколько туманное известие проясняется в Московском летописном своде конца XV в. и в Воскресенской летописи, где рассказывается, что Мстислав Владимирович «поточи князи Полоцкие Царюгороду и с женами я с детми, зане не бяху в воли его и не послушау его, егда завяшеть и в Русскую землю собе в помочь. И разгневася на яя Мстислав и хоте на них ити, но нелзя бяше тогда, Половци бо налегоша на Русскую землю... Егда же упразднися Мстислав от рати, и помяну первыи гнев свои, послав по Кривъские князи, по Давида и по Ростислава и Святослава и по Рогъволодовича два, по Василья и по Иоана, и всажав их в лодии и поточи к Царюграду за ослушание их, а по городом их посажа мужи своя»³⁶⁴. Этот рассказ, впрочем, содержитя также в Ипатьевской летописи, но под 1140 г., когда «взидоста княжича два ис Царяграда», всвязи с чем летописец и вспоминает о Мстиславе, подвергшем опале «кривъских» князей³⁶⁵. Изяслав Мстиславич, заподозрив в измене Ростислава Юрьевича, отобрал у него города, которые ранее дал, арестовал его дружинников, отнял «товар»³⁶⁶ и, посадив в лодку с четырьмя «отроками», отправил домой к отцу³⁶⁷. Брат Ростислава Андрей Боголюбский как-то говорил смоленским Ростиславичам: «Нарекли мя есте собе отцем, а хочю вы добра, а даю Романови, брату вашему, Киев»³⁶⁷. Вскоре, однако, между сюзереном и вассалами возникли трения. Андрей требовал выдачи киевских бояр Григория Хотовича, Степанца и Олексу, уморивших

³⁴⁹ ПСРЛ, т. II, стб. 324.
³⁵⁰ Там же, стб. 366—367.

³⁵¹ Там же, стб. 368.

³⁵² Там же, стб. 465.

³⁵³ Там же, стб. 477.

³⁵⁴ Там же, стб. 538—539.

³⁵⁵ Там же, стб. 574.

³⁵⁶ Там же, т. I, стб. 403.

³⁵⁷ Там же, т. II, стб. 283.

³⁵⁸ Там же, стб. 343.

³⁵⁹ Там же, стб. 471.

³⁶⁰ Там же, т. I, стб. 388.

³⁶¹ Там же, т. II, стб. 667.

³⁶² «Оже ся князь извинить, то в волость»,— так говорили тогда (ПСРЛ, т. II, стб. 603-604).

³⁶³ Там же, стб. 293.

³⁶⁴ Там же. М.; Л., 1949, т. XXV, с. 31; т. VII, с. 28—29.

³⁶⁵ Там же, т. II, стб. 303—304

³⁶⁶ Там же, стб. 372—373.

³⁶⁷ Там же, стб. 567.

будто бы Глеба Юрьевича, андреева брата. Ростиславичи не послушали Боголюбского и бояр не выдали. Тогда он, разгневавшись, «рече» Роману Ростиславичу: «Не ходиши в моей воли с братьем своею, а поиде с Киева, а Давыд ис Вышегорода, а Мстислав из Балахорода, а то вы Смоленск, а тем ся поделите»³⁶⁸. Роман ушел из Киева в Смоленск³⁶⁹.

Итак, княжеский вассалитет на Руси второй половины XI — начала XIII в. вытекал из пожалования сюзеренами волостей. Дележ волостей — излюбленное занятие князей. «Искать волости», «волоститься», «ладиться о волостях», «рядиться о волостях» — фразеология, отражавшая княжеские разделы, добровольные и насильственные³⁷⁰.

Наделение вассалов волостями не имело поземельного характера, ибо мы знаем, что в Киевской Руси не было верховной княжеской собственности на землю³⁷¹. Стало быть, пожалование волости надо понимать как передачу доходов с нее, как пожалование кормлений³⁷². Отсюда заключаем, что вассальная зависимость князей в Древней Руси второй половины XI—XII вв. являла собой вассалитет без фьефов, или фьефы, состоящие преимущественно из кормлений. Перед нами дофеодальная система, хотя она и ближе к феодализму, чем та, которая господствовала

³⁶⁸ Там же, стб. 569—570.— Другие Ростиславичи, не чувствуя за собой никакой вины, воспротивились Андрею, выступив не против принципа послушания сюзерену, а против его произвола.— Там же, стб. 570—571.

³⁶⁹ Там же, стб. 570.

³⁷⁰ Там же, стб. 309, 312, 493, 498; 523; 534.—Читая летопись, можно податься иллюзии всесилия князей в распределении волостей. На деле это было совсем не так. Общины главных городов играли здесь далеко не последнюю роль. Например, Владимир Мономах со Святополком Изяславичем «ряд имел, яко Новгороду быти Святополчю» и княжить там его сыну. Новгородцы же расстроили этот «ряд» и взяли себе князя, какого пожелали, а Святополку иронически заявили: «Аще ли две голове имеТЬ сын твои, то посли и» (ПСРЛ, т. II, стб. 251). Всеволод Ольгович заручился крестным целованием князей в том, что после него в Киеве князем быть Игорю. Но «княи», не хотевшие у Ольговичей «быти аки в заднички», превратили в прах замыслы Всеволода (Там же, стб. 322—327). Нельзя думать, что борьба за волости как доходные статьи была единственной пружиной межкняжеских отношений. Стремление удержать свою «честь», занять престижные позиции также управляло князьями. Это становится особенно наглядным, если учесть, что богатство в Киевской Руси еще не приобрело исключительно утилитарное значение, сохраняя престижность, свойственную понятиям варварского общества.

³⁷¹ См. с. 50—52 настоящей книги.—В неземельном вассалитете нет ничего несообразного с исторической действительностью. Напомним, что Ф. Энгельс, говоря о складывании вассальных отношений, подчеркивал, что «земельное пожалование отнюдь не обязательно было с этим связано и в действительности имело место далеко не во всех случаях».— См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 510.

³⁷² О значительном развитии практики кормлений в Киевской Руси см.: Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси, с. 51—53; Форянов И. Я. Киевская Русь... с. 62—65.

в X столетии. Следовательно, эволюция княжеских вассальных отношений на Руси X—XII вв. шла от вассалитета, основанного главным образом на пожаловании даней, к вассалитету, основанному на пожаловании кормлений. Этим был сделан крупный шаг в сторону феодального вассалитета, поскольку центр тяжести с внешней эксплуатации в форме даней переместился на извлечение доходов внутри общества в виде кормлений. Но сам феодальный вассалитет был еще впереди³⁷³.

Таковым представляется нам развитие княжеских вассальных отношений в Киевской Руси. Княжеский вассалитет дополнялся вассалитетом боярским. История боярского вассалитета есть в известном смысле история разложения дружиных связей³⁷⁴. Вот почему необходимо взглянуть на вопрос о возникновении и росте вассалитета бояр более широко — в плане отношения князя и дружины. Да и характер княжеской власти нельзя правильно понять, абстрагируясь от дружины. К изучению некоторых ее важнейших сторон мы и приступаем.

³⁷³ В свете вышеприведенного совершенно беспочвенным представляется заявление А. Г. Кузьмина, будто «к середине XI века в основных районах Руси „вассалитет без ленов“ сменился вассалитетом посаженных на землю феодалов».— Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания, с. 359.

³⁷⁴ См.: Павлов-Сильванский Н. П. 1) Феодализм в Древней Руси, с. 95—96; 2) Феодализм в Удельной Руси, с. 348, 353—354; К) так о в С. В. 1) Очерки... с. 147; 2) Общественно-политический строй и право Киевского государства, с. 230, 246; 3) К вопросу о политических формах... с. 78—79.

Очерк второй КНЯЗЬ И ДРУЖИНА

В письменных памятниках Древней Руси князь неизменно выступает на фоне дружинном, в обществе своих товарищей и помощников, деливших с ним, как говорится, и радость и горе. По верному определению А. Е. Преснякова, дружины — это ближайшие соратники и сотрудники князя, окружающие его и в мире и на войне; дружины обнимают круг лиц, постоянно состоящих при князе, живущих при нем, болеющих его интересами¹. Одна из главных характерных особенностей союза князя и дружины — общность очага и хлеба².

Дружины в социальном развитии Киевской Руси сыграли весьма существенную роль. Это ее значение прекрасно понимали уже дореволюционные ученые. Правда, оценивая общественное значение дружины, они подчас впадали в крайности. Б. Н. Чичерин, например, полагал, что дружинная организация разбила первоначальную родовую связь и вошла составным элементом «в большую часть гражданских отношений того времени»³. По словам другого крупнейшего исследователя отечественной старины С. М. Соловьева, дружины оказала могущественное воздействие на образование нового общества тем, что внесла в социальную среду новый сословный принцип в противоположность прежнему родовому⁴.

Для Е. А. Белова «князь и дружины в Киевской Руси были единственными двигателями событий, причем решающий голос

¹ Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909, с. 220, 228.

² Там же, с. 225.

³ Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858, с. 344.

⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959, кн. 1, с. 226.

в случаях, выходящих из ряда вон, принадлежал дружине⁵. Вот почему «киевский период в русской истории — по преимуществу дружинный или... аристократический»⁶.

Под покровом дружины, согласно А. Е. Преснякову, древнерусский князь собирал вокруг себя новые социальные силы, «противопоставляя их народным общинам и организуя их по началам, независимым от народного права», в результате чего был заложен «фундамент нового общественно-политического строя, пришедшего на смену строю вечевых общин»⁷.

Советские историки придавали и придают дружинным отношениям важное значение в социальной эволюции Древней Руси. При этом они постоянно держат в поле зрения указания Ф. Энгельса насчет влияния, какое имели дружины на процесс разложения первообытнообщинного строя у варваров Западной Европы. Дружины, отмечал Ф. Энгельс, содействовали возникновению королевской власти⁸. «Военный вождь, приобретший славу, собирая вокруг себя отряд жаждавших добычи молодых людей, обязанных ему личной верностью, как и он им. Он содержал и награждал их, устанавливал известную иерархию между ними; для малых походов они служили ему отрядом телохранителей и всегда готовы к выступлению войском, для более крупных — готовым офицерским корпусом»⁹. В дружинах, по выражению Ф. Энгельса, таился «зародыш упадка старинной народной свободы»¹⁰.

В результате длительных и кропотливых исследований, проведенных советскими учеными, стало совершенно очевидным активное участие дружины в складывании княжеской власти на Руси, в подготовке условий перехода от доклассовых отношений к классовым. Много в этом плане было сделано Б. Д. Грековым, Б. А. Рыбаковым, М. Н. Тихомировым, Л. В. Черепнином, В. Т. Пашуто, А. А. Зиминым, В. В. Мавродиным, Б. А. Романовым, С. В. Юшковым и др.

⁵ Белоу Е. А. Об историческом значении русского боярства до конца XVII века.—ЖМНП, 1886, январь, с. 75.

⁶ Там же, с. 78.

⁷ Пресняков А. Е. Княжое право... с. 219.

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 143.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953; Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964; Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда.—В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда.—Исторические записки, 1965, т. 76; Мародин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945; Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966; Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Ижевского государства. М., 1949.

Слово «дружина» является общеславянским¹². Оно образовано от слова «друг», первоначальное значение которого — спутник, товарищ на войне¹³. Следовательно, дружина — это боевые спутники, товарищи. Не исключено, впрочем, что дружина означала сперва просто товарищей, спутников, домочадцев, челядь, а также общину, членов общины, товарищество, артель, компанию¹⁴. Со временем к этим значениям присоединились новые: родовая или племенная дружина во главе с местным вождем, княжеская дружина, войско вообще¹⁵. Из приведенного этимологического перечня нас интересует дружина как ближайшее окружение князя, разделяющее с ним ратные подвиги и мирные заботы.

Надо сказать, что изучение княжеской дружины сталкивается с затруднениями, обусловленными полисемичностью слова «дружины», препятствующей во многих случаях выявлению его точного смысла. Трудности преследуют исследователя с самого начала, поскольку даже в наиболее ранних известиях летописи дружины выступает в качестве сложного понятия, подразумевающего товарищей, спутников и друзей¹⁶, войско в целом¹⁷ и непосредственно княжескую дружины¹⁸. К рассмотрению последней мы и обращаемся. Ближайшее, что надлежит нам уяснить, в каком отношении находилась дружина князя с восточнославянским, а затем древнерусским обществом. Иначе, была ли она внешним придатком к нему или же органически входила в политическую его структуру.

В дворянско-буржуазной историографии, выдвинувшей вслед за

¹² Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971, с. 133; Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1968, вып. 5, с. 134—135; Этимологический словарь русского языка. М., 1973, т. 1, вып. 5, с. 196.

¹³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964, т. 1, с. 543; Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь, с. 133.

¹⁴ Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древне-киевской эпохи. Л., 1949, с. 22; Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке XI—XVII вв. Л., 1970, с. 56—57; Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 281.

¹⁵ Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка... с. 22; Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря Древней Руси. М., Л., 1937, с. 104—106; Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1967, вып. 2, с. 51—52.

¹⁶ «Русь же възвратиша к дъружине своей»; «кде суть дружина наша, их же послахом по тя»; «и взяша и в лодью и привезоша и к дружины»; «потягнем мужьски, братъя п дружины»; «потягнете, дружина, по князе» (ПВЛ, ч. I, с. 33, 42, 47, 50).

¹⁷ «Возми дань на нас, и на дружины свою»; «се идеть вы Святослав с малом дружины» (ПВЛ, ч. I, с. 50, 52).

¹⁸ «Рекоша дружина Игореви»; «деревляне убиша Игоря и дружины его»; «како аз хочю ин закон прияти един? А дружина моя сему смеятися начнуть»; «книде Владимир в град и дружина его»; «се же видевше дружина его, мнози крешиася» (ПВЛ, ч. I, с. 39, 40, 46, 76, 77).

летописцем древнерусских князей «из заморья», дружины нередко мыслилась чем-то иностранным, привнесенным извне вместе с княжеской властью. И. Д. Беляев, например, повествуя о временах первых «варяжских князей», замечал: «Князь и дружины были сами по себе, а городская и сельская земщина была сама по себе»¹⁹. Дружины, по убеждению И. Д. Беляева, резко отделялись от земщины, имея «свое особое устройство, непохожее на устройство земщины»²⁰. Такое положение сохранялось долго. И только во второй половине XII в. наметилось сближение дружины с земщиной, явившееся следствием перемены взаимоотношений князя и земства²¹. По Н. И. Хлебникову, первые князья и их дружины «были совершенно чужды народной жизни и не принимали в ней ни малейшего участия»²². Н. И. Костомаров считал дружины стихией, отрезанной от народа, которая лишь постепенно сливалась с ним²³. На противопоставлении дружины и земства строилась концепция, утверждавшая мысль о существовании на Руси до XI в. княжих и земских бояр²⁴. А. Е. Преснякову дружины представлялась союзом, «выделяющимся из общего уклада народной общины в особое, самодовлеющее целое»²⁵. М. С. Грушевский, доказывая происхождение князя с дружины из туземной общины, все же заявлял: «Княжеско-дружины элемент противополагается общинному, потому что князь и дружины, хотя были выдвинуты самой общиной из своей среды, объединяются затем и обособляются от общины»²⁶.

Все эти попытки изолировать дружины от гражданского общества искусственны и едва ли оправданы.

Известная односторонность подхода к древнерусской дружины замечается в работах советских авторов, которые в возникновении и развитии дружины видят один лишь процесс формирования господствующего класса, полностью отрывая тем самым дружины элементы от народной почвы и превращая их в социальный антипод рядовому населению Древней Руси²⁷. В том, что

¹⁹ Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. М., 1865, кн. 1,-

²⁰ Там же, с. 55.

²¹ Там же, с. 329—330.

²² Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872, с. 146—147.

²³ Костомаров Н. И. Собр. соч. в 21-м т. СПб., 1904, кн. 5, с. 331.

²⁴ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1907, с. 26—30; Довнар-Запольский М. В. Дружины и боярство.—В кн.: Русская история в очерках и статьях Б. м., б. г. т. 1, с. 290—311.

²⁵ Пресняков А. Е. Княжеское право... с. 225.

²⁶ Грушевский М. С. История Киевской земли. Киев, 1891, с. 290, прим.

²⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 338—346; Рыбаков Б. А. Первые века русской истории, с. 21—22; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953, с. 305; Мародин В. В. Образование Древ-

при образовании классов дружины принадлежала важная роль, сомневаться не приходится. Однако этим не исчерпывается ее историческая миссия. Возникнув в условиях первобытнообщинного строя, дружины поначалу нисколько не нарушала доклассовой социальной структуры²⁸. Дружины, группировавшиеся возле князя, были его сподвижниками, товарищами и помощниками. Очень скоро дружины так срослись с князем, что стала в некотором роде социальной предпосылкой его деятельности. Но коль князь у восточных славян и в Киевской Руси олицетворял политический орган, исполнявший определенные общественно полезные функции²⁹, то и дружины, теснейшим образом связанная с ним и помогавшая ему во всем, неизбежно должна была усвоить аналогичную роль и конституироваться в институт, обеспечивающий совместно с князем нормальную работу социально-политического механизма восточнославянского, а впоследствии и древнерусского общества. Этим объясняется важность изучения дружины.

Исследование дружиныных отношений, кроме того, проливает свет на некоторые особенности княжеской власти и социально-экономическую основу служилой знати. Как это происходит?

Среди дружины князь, насколько известно, не господин, а первый между равными. Стало быть, выявляя степень прочности дружины связей, мы в то же время измеряем меру самостоятельности и силы княжеской власти. Далее, дружины отношения служат показателем незрелости класса землевладельцев: чем глубже и шире они захватывают знать, тем менее землевладельческой она выступает. Когда дружины полностью садится на землю, он перестает быть дружины, превращаясь в земельного собственника — феодала³⁰.

Встает вопрос, до какой поры удержалась на Руси дружины. Историки предлагают разные ответы на этот вопрос. Н. П. Павлов-Сильванский считал, что «полное господство дружины склада высшего класса относится к Киевскому периоду нашей истории, от времен Игоря, Святослава и Владимира Святого, через

нерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 80—87. — Иной взгляд у В. И. Горемыкиной, которая полагает, что выделение профессиональных воинов-дружины в восточных славян было связано с потребностями всего общества, нуждавшегося в защите от внешних врагов. «Социальная категория воинов» обеспечивала, по словам В. И. Горемыкиной, нормальные условия «развития хозяйства оседлого землевладельца». — См.: Горемыкина В. И. К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск, 1970, с. 29, 30, 34—35.

²⁸ Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963, с. 158.

²⁹ См. с. 19, 26—44 настоящей книги.

Грееко в Б. Д. Киевская Русь, с. 345; Юшков в С. В. Общественно-политический строй... с. 243; Мародин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности, с. 80.

век Ярослава Мудрого и его сыновей, до времен Владимира Мономаха и его сына Мстислава Великого»³¹. На протяжении XII в. дружины обзаводятся землей и теряют подвижность. Делаясь оседлыми, они «сближаются с земскими боярами; княжеские бояре в свою очередь становятся боярами земскими»³². В итоге дружины распадается: «С оседлостью княжеских бояр-дружины исчезает прежняя дружины — тесное товарищество. Прежде никакие иные связи не ослабляли уз товарищества дружины; теперь оседлость обособляет отдельных членов дружины, они приобретают особые интересы, особые связи. Дружины землевладельцы не могут уже жить в прежнем тесном товарищеском кругу лиц, не имеющих других интересов, кроме интересов товарищества. Князь теперь имеет дело уже не с дружины, как с одним целым, но с отдельными слугами, боярами»³³.

Менее долговечной древнерусской дружины казалась С. В. Юшкову, согласно которому «процесс разложения дружины, начавшийся еще в IX—X вв., усилившись при Владимире, закончился при Ярославе»³⁴. Впрочем, в другой своей работе С. В. Юшков несколько продлил срок существования дружины на Руси. Он писал, что разложение дружины особенно усилилось с середины XI в. Но, несмотря на это, долго еще наблюдалась «живучесть дружины организационных форм»³⁵. Главную причину распада дружины С. В. Юшков усматривал в постепенном превращении дружины в феодальных землевладельцев, отрывавшихся от княжеской гридницы и приобретавших хозяйственную самостоятельность³⁶. Признаками разложения дружины С. В. Юшков считал два обстоятельства: 1) неопределенность, а иногда и бессодержательность термина «дружины» («под дружины начинают понимать вооруженные отряды») и 2) местный характер дружины, называемых в источниках владимирской, русской и т. д.³⁷

Мы не можем признать эти обстоятельства признаками разложения древнерусской дружины. Неопределенность термина не дает повода думать, что дружины дезорганизуются, поскольку эта неопределенность — факт значительно более раннего времени, чем казалось С. В. Юшкову. Есть основания даже полагать, что слово «дружины» в качестве военного термина применялось сперва для обозначения боевых отрядов племени или мужских союзов, являвшихся военными единицами общеплеменной военной орга-

³¹ Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди: Происхождение русского дворянства. СПб., 1898, с. 10—11.

³² Там же, с. 13.

³³ Там же, с. 12.

³⁴ Юшков С. В. К вопросу о политических формах русского феодального государства до XIX века. — Вопросы истории, 1950, № 1, с. 77.

³⁵ Юшков С. В. Общественно-политический строй... с. 342.

³⁶ Там же, с. 243.

³⁷ Там же.

низации, как это имело место у индейцев Северной Америки³⁸. И лишь потом, с консолидацией дружинных элементов, данным словом начали называть ближайшее окружение князя. При такой смысловой последовательности отмечаемую С. В. Юшковым неопределенность термина «дружины» нельзя квалифицировать как признак разложения дружинных отношений, ибо эта неопределенность — языковое наследие прошлого, не больше. Появление на Руси местных дружины (владимирской, белозерской, переславской и пр.) также нет причин относить к признакам разложения княжеской дружины. Возникновение местных дружинных соединений есть результат развития военной организации городских общин, стоявших во главе волостей-государств Древней Руси³⁹. Наличие городовых дружины отнюдь не означало, что княжеская дружины вступила в глубокий кризис.

Более осторожной интерпретации требует и обзывание дружинников землей, наблюдаемое на Руси второй половины XI—XII вв. Оно, во всяком случае, не свидетельствует о полном разложении дружины. Надо помнить, что значительная часть дружины, состоящая из отроков, детских и других, продолжала жить при князе и на его содержании, будучи с ним в бытовом и хозяйственном единстве. Но и те дружины (главным образом, бояре), которые приобретали дома и села, не рвали всех нитей, связывавших их с дружиной. Сопоставляя германскую и русскую дружины, Н. П. Павлов-Сильванский высказал очень ценное соображение. «Сожительство дружины с князем,— говорил он,— весьма рано начинает разрушаться. В меровингское время многие дружины, сохранив принадлежность к княжескому дому, мундиуму (огнищу), живут уже в отдалении от князя на пожалованной им земле или во вверенном их управлению округе. В Киевской Руси мы также видим многих дружины, управляющих городами в качестве посадников в отдалении от князя или живущих в своих боярских селах. У нас, совершенно так же как на западе, с течением времени дружины все больше отдаляются от князя, приобретая земельную оседлость. Но близость сохраняется в приездах к княжескому двору: раньше жили вместе, теперь съезжаются»⁴⁰. Следовательно, дружины, а лучше сказать часть дружины, хотя и садится на землю, но близость ее к князю остается. Эта мысль Н. П. Павлова-Сильванского является, на наш взгляд, весьма конструктивной. От себя лишь добавим: отмеченная близость оседающей на землю дружины к князю выражается не только в приездах на княжеский двор и даже далеко не единственно в приездах. Сами приезды говорят, пожалуй, за то, что

³⁸ А в е р к и е в а Ю. П. Индейцы Северной Америки. М. 1974, с. 316: см. также: Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка... с. 22

³⁹ См. с. 211 настоящей книги.

⁴⁰ П а в л о в - С и л ь в а н с к и й Н. П. Феодализм в Удельной Руси. СПб., 1910, с. 349—350.

между князем и покидающей его гридницу ради собственного дома дружиной еще есть нечто общее, притягивающее их друг к другу, чем и объясняются периодические возвращения дружины в княжеские пенаты. Отсюда заключаем: появление у дружины земельной собственности отнюдь не означало полного крушения дружины. Она пока жила, совмещая в себе старые традиции с новыми веяниями, т. е. клонилась к упадку, но еще не пала окончательно. Таким образом, мы наблюдаем постепенное (vères промежуточные формы) превращение дружины в класс землевладельцев-феодалов. Сформулировав эти общие положения, обратимся к анализу конкретного материала, чтобы подтвердить фактами справедливость сказанного. Начнем с данных, указывающих на существование дружинных отношений в Древней Руси XI—XII столетий, в их нерасчлененном по персональному составу дружины виде.

Достаточно красноречиво само наличие в древнерусской лексике XI—XII вв. слова «дружины» в специфическом или, если можно так выразиться, техническом значении ближайшего окружения князя, его помощников и соратников на войне и в мирных делах⁴¹. В летописях, повествующих о событиях XI—XII вв., князь и дружины мыслятся как нечто нерасторжимое. Князь без дружины, словно «птица опешена». В свою очередь дружины без князя, будто корабль без кормчего. Князья XI—XII вв. подобно своим предшественникам, князьям X в., постоянно изображаются летописцами на дружинном фоне. Дружины неизменно окружает князя в самых различных ситуациях. Примеров тому множество⁴².

Довольно характерно, что судьбы князя и дружины тесно переплетались. Вместе с князем дружины переживали его удачи и (что особенно показательно) неудачи. Однажды Владимир Мономах, вынужденный Олегом Святославичем оставить Чернигов, ушел в Переяславль со своей дружиной. Там ему и дружине было очень не сладко. «И седех в Переяславли,— рассказывает Мономах,— 3 лета и 3 зимы, и с дружиною своею, и многие беды прияхом от рати и от голода»⁴³. Изяслав Мстиславич, обращаясь к дружине, говорил: «Вы есте по мне из Руски земли вышли, своих сел и своих жизней лишився, а яз покы своея дедины и отчины не могу перезрети, но любо годову свою сложю, паки ли отчину свою налезу и вашю всю жизнь»⁴⁴. Дружины,

⁴¹ С о р о к о л е т о в Ф. П. История военной лексики... с. 56—62.

⁴² П ВЛ, ч. I, с. 92, 96, 98, 100, 101, 105, 111, 114, 120, 133 135-136, 143, 144, 160, 161, 172, 175, 181, 183; ПСРЛ, т. I, стб. 296, 301, 305, 307, 313, 314, 319, 320, 321, 323—324, 327, 336, 354, 355, 358, 365, 366, 375, 376, 382, 384, 386, 388, 389, 402, 415, 461, 468; т. II, стб. 275, 283, 290, 297, 305, 307, 321, 322, 328, 339-340, 354-355, 357-358, 359, 360, 364, 369, 372, 380, 389, 390, 397, 402, 406, 409, 412, 415, 424, 426, 442, 459, 473, 490, 495, 507, 515—516, 534, 537, 542, 544, 555, 562, 565, 577, 609, 625—626, 637—638, 652, 660, 677, 738, 758.

⁴³ П ВЛ, ч. I, с. 161.

⁴⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 409—410.

стало быть, следует за князем, изгнанным удачливыми соперниками из Киева, разделяя его невзгоды. В летописях мы часто наблюдаем, как дружины тянутся за князем из города в город, из волости в волость, в чем, несомненно, запечатлена общность ее интересов с княжескими⁴⁵. Есть основания полагать, что подвижность князей Киевской Руси, отмечаемая исследователями (в том числе новейшими⁴⁶), делала мобильной и княжескую дружины⁴⁷. Нельзя, разумеется, абсолютизировать это явление, ибо мы располагаем сведениями и о дружинной оседлости. Так, в Повести временных лет описывается случай, когда половцы, прослышиав о смерти князя Всеволода Ярославича, «послаша слы к Святополку о мире. Святополк же, не здумав с болею дружиною отнею и стрыя своего, совет створи с пришедшими с ним, и изъимав слы, всажа вистобык»⁴⁸. Святополк, как известно, пришел в Киев из Тура-ва. В Киеве он застал «болею дружины» отца своего и дяди, которая, по словам В. О. Ключевского, осаживалась здесь «в продолжение 40 лет, при великих князьях Изяславе и Всеволоде»⁴⁹. С приходом Святополка она должна была пополниться за счет его дружиныхников. «Так к Киеву,— говорит В. О. Ключевский,— шел постоянный прибой, который наносил на поверхность тамошнего общества один дружины слой за другим. Это делало Киевскую область одною из наиболее дружинных по составу населения, если не самой дружинной»⁵⁰. Едва ли Киев резко выделялся в этом отношении среди других крупных волостных центров Руси, где имел место аналогичный процесс кристаллизации местных дружинных элементов.

Коловращение князей не всегда увлекало за собой дружины. Согласно Ипатьевской летописи, в 1146 г. князь Святослав Ольгович, теснимый полками Изяслава Мстиславича, «побеже» из Новгорода Северского в Корачев, «дружина же его они по нем идоша, а друзии оставша его»⁵¹. Подобное случалось, вероятно, не так уж редко. Дружины оставляли князя, поскольку были людьми свободными, пользовавшимися правом служить кому хотели⁵².

Итак, в древнерусской дружине XI—XII вв. уживались противоречивые тенденции. С одной стороны, дружины проявляют склонность к подвижности, обусловленной перемещениями князей,

⁴⁵ ПВЛ, ч. I, с. 98, 143, 160—161; НПЛ, с. 35; ПСРЛ, т. I, стб. 305, 313, 314, 320, 327, 354, 461; т. II, стб. 307, 328, 369, 402, 409, 495, 515-516, 544, 561—562, 660.

⁴⁶ См. с. 50 настоящей книги.

⁴⁷ Ключевский В. О. Соч. в 8-ми т. М., 1956. Т. 1, с. 196.

⁴⁸ ПВЛ, ч. I, с. 143.

⁴⁹ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919, с. 63-64.

⁵⁰ Там же, с. 64

⁵¹ ПСРЛ, т. II, стб. 334.

⁵² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960, кн. 2, с. 17—18.

с другой стороны, они испытывают некоторую тягу к оседлости. Первое укрепляло традиционные дружинные связи, второе, на-против, способствовало их постепенному разрушению. В противоборстве этих стремлений отражался переходный характер эпохи, совмещавшей старые порядки доклассового строя с формирующимиися новыми социальными отношениями, ведущими к классовому феодальному обществу.

Однако до тех пор, пока классовое общество не сложилось, дружинные связи были еще достаточно прочными. На протяжении XI—XII вв. сохраняются некоторые дружинные обычаи, восходящие к начальной стадии истории дружины. К ним относится обычай совещания, «думы» князя с дружиной. Эта «дума», как явствует из Поучения Владимира Мономаха, являлась чуть ли не повседневным занятием князя⁵³. В летописных источниках содержатся многочисленные известия о советах князей с дружинами⁵⁴. Мнение, высказанное дружины, отнюдь не обязательно для князя. Он мог поступать по-своему⁵⁵. Это облегчалось тем, что в дружине возникали разногласия по обсуждаемым вопросам и князь, следовательно, имел возможность выбирать из рекомендаций ту, какая казалась ему правильной⁵⁶. Но и дружины, в свою очередь, не соглашалась с князем и даже отказывала ему в поддержке, если последний затевал что-нибудь без ее ведома⁵⁷. Такие отношения князя с дружиной нельзя толковать иначе, как проявление древних принципов, на которых строился дружинный союз. Но время брало свое, внося перемены, нарушающие прежний порядок и в конечном счете отрицающие его. В XI—XII вв. все явственнее ощущается стремление определенной части дружины, состоящей из бояр, монополизировать право подачи совета князю. В источниках она получила название «старшей», «передней», «большой» дружины. К концу XII в. выработались даже понятия о «боярах думающих» и «мужах хоробрствующих»⁵⁸. Если раньше перед лицом князя дружины были все равны, то теперь положение меняется и дружиное право диф-

⁵³ ПВЛ, ч. I, с. 158.

⁵⁴ Там же, ч. I, с. 143, 144, 158, 181, 183; ПСРЛ, т. I, стб. 307, 319, 358, 375, 376, 389, 415; т. II, стб. 305, 354, 355, 357, 358, 409, 412, 522, 537, 555, 561-562, 637, 638.

⁵⁵ См., напр., ПСРЛ, т. II, стб. 389, 473-474, 637.

⁵⁶ См., напр., там же, стб. 308—381.

⁵⁷ Однажды князь Владимир Мстиславич задумал военный поход, не посоветовавшись с дружиной, и получил отказ: «А тебе еси, княже, замыслил, а не едем по тебе, мы того не ведали». В результате затея Владимира провалилась (там же, стб. 536). Дружины хорошо сознавали меру своего влияния на князя. Когда одного князя оклеветали в том, что он хочет изменнически схватить союзных князей, тот «яви Дружины своей». И дружины сказала ему: «Тобе без нас того нелзя было замыслити, ни створити, а мы вси ведаем твою истиньную любовь к всей братье» (там же, стб. 526).

⁵⁸ ПСРЛ, т. II, стб. 643.

ференцируется. Но и в дифференциированном виде оно пока остается в основе своей дружинным.

По источникам XI—XII вв. прослеживается бытовая близость князя и дружины. Она выражается не только в том, что дружины постоянно с ним, как *alter ego*, но и в повседневных застольях, гремевших под сводами княжеских гридниц. Пир князя с дружины относится к числу заурядных летописных сцен⁵⁹. В княжеских «пированиях» преломлялась, по нашему мнению, еще одна грань общности князя с дружины, лежащая в хозяйственной плоскости их отношений, которая характеризовалась, помимо всего прочего, единением по хлебу⁶⁰. Это единение мало-помалу отходило в прошлое. И в XI—XII вв. оно сохраняется в качестве остаточного явления, причем в урезанном виде⁶¹.

Более осозаемо чувствуется хозяйственная связь дружины с князем в сфере материального ее обеспечения. Мы можем с уверенностью говорить, что дружины жила главным образом за счет княжеских доходов. Осуществлялось это двояким образом: дружины либо получали денежное содержание из рук князя, подобно жалованью, либо пользовались отчислениями от волостных кормов и различных платежей, поступающих от населения, исполняя при этом полицейские, судебные и административные поручения князя. Во Введении к Начальному своду конца XI в. читаем: «Вас молю, стадо христово, с любовию приклоните уши ваши разумно: како быша древний князи и мужие их, и како от-барааху Руския земле, и ины страны придаху под ся; теи бо князи не зираху многа имения, ни творимых вир, ни продаж въскла-даху люди; но оже будяще правая вира, а ту возмѧ, дааше дружине на оружье. А дружины его кормяхуся, воююще ины страны и бьющиеся и ркуще: „Братие, потягнем по своем князе и по Ру-ской земле“; глаголюще: „Мало есть нам, княже, двусот гривен“. Они бо не складаху на своя жены златых обручей, но хожаху жены их в сребряных; и росплодили были землю Руськую»⁶². В понятиях летописца, следовательно, 200 гривен были для XII в. обычным окладом жалованья дружины — сумма по тем временам довольно внушительная⁶³. Вознаграждение дружиинников

⁵⁹ ПВЛ, ч. I, с. 96, 111; ПСРЛ, т. II, стб. 415, 473.

⁶⁰ Пресняков А. Е. Княжье право... с. 225.

⁶¹ Это надо понимать в том смысле, что дружины уже находилась не на полном княжеском довольствии, как было раньше.

⁶² НПЛ, с. 103—104.— Л. Г. Кузьмин, полемизируя с А. А. Шахматовым, ставит Введение (Предисловие) в связь с новгородским летописанием ХТТТ в. и считает, что оно по происхождению новгородское, а не киевское.—См.: Кузьмин А. Г. 1) К вопросу о происхождении варяжской легенды.— В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 50—51' 2) Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969, с. 142; 3) Начальные этапы древнерусского летописания. М.,

⁶³ Ключевский В. О. Соч., т. 1, с. 197; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1907, с. 81.

кормами и судебными пошлиными зафиксировала Русская Правда⁶⁴. Весьма рельефно дружинные кормления изображены в летописях. Нам уже приходилось изучать соответствующий летописный материал⁶⁵. К тому, что нами было собрано, добавим два очень выразительных фрагмента, взятых из Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. В 1148 г. Юрий Долгорукий послал сына своего Ростислава с дружины «в помочь Ольговичем на Изяслава Мстиславича». Но Ростислав пошел не к Ольговичам, а к Изяславу. Летописец рассказывает об этом так: «Здумав Ростислав с дружиною своею, река: „Любо си на мя отци гневати, не иду к ворогом своим, то суть были ворози и деду моему и строем моим. Но пойдем, дружино моя, к Изяславу, то ми есть сердце свое, *тути дастъ ны волость*“», (курсив наш — Я. Ф.). И послася к Изяславу. Изяслав же рад был послу противу ему мужи свои, и пришедше ему, рад бысть Изяслав и створи обед велик и да ему Божькы и ины города»⁶⁶. Следовательно, волость, а точнее доходы с нее,— достояние не только князя, но и дружины. Каким образом дружины получала волостные доходы, показывает другая летописная запись. В 1164 г. в Чернигове умер Святослав Ольгович. Овдовевшая княгиня с «передними мужами» покойного князя решили звать в Чернигов Олега, сына Святослава, в обход племянника, Святослава Всеволодовича. Однако епископ Антоний, выражавший на словах согласие с княгиней и боярами, тайно послал грамоту к Всеволодовичу, в которой писал: «Стрьи ти умерл, а по Олга ти послали, а дружины ти по городам далече, а княгини седить в изумени с детьми, а товара множество у нея, а поеди вборзе»⁶⁷. Дружины, седящая по городам «далече» — это дружины, занятые судебными и административными делами, получающие за свою работу корм и прочую мзду. В. О. Ключевский был недалек от истины, когда говорил: «Сев на новом столе, князь спешил рассажать по городам и волостям княжества своих мужей и детских, оставляя некоторых при себе для правительственныех и дворцовых надобностей. Но общество всех этих больших и малых „посадников“ не теряло характера лагеря, рассеявшегося по княжеству на торопливый и кратковременный „покорм“ до скорого похода или перемещения в новое княжество»⁶⁸. Быть может, В. О. Ключевский несколько абсолютизирует явления, но одна из сторон дружинного быта на Руси XII в. показана им с пластической выразительностью.

Таким образом дружины в Киевской Руси жила в значительной мере на княжеские средства. Идеальным считался князь,

⁶⁴ См. ст. 41, 42 Краткой и ст. 9, 20, 74, 86, 107, 108, 114 Пространной Правды.

⁶⁵ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974, с. 66—68. ⁶⁶ ПСРЛ, т. I, стб. 319—320. ⁶⁷ Там же, т. II, стб. 523.

⁶⁸ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси, с. 57.

который щедро одаривал своих дружинников. В летописных некрологах о смерти того или иного князя особо восхваляется княжеская щедрость по отношению к дружине: «Любяще дружину по велику, именья не щадяще, ни питья, ни еденья браняще»⁶⁹; «достойно честью чияще имеяще дружину и именья не щадяще, не сбираше злата и сребра, но даваше дружине»⁷⁰; «бе бо любезнив на дружину и именья не щадяшеть и не сбирашеть злата ни сребра, но даяше дружине своей»⁷¹; «бе бо любя дружину и злата не собирашеть, именья не щадяшеть, но даяшеть дружине»⁷²; «злата и сребра не собирает, но дает дружине, бе бо любя дружину»⁷³.

Материальная зависимость дружинников от князя, близость их к своему вождю содействовали выработке взгляда, что дружина неотделима от князя. Поэтому за каждое поражение князя дружина расплачивалась собственным имуществом, плenом, а то и головой⁷⁴.

Разобранные нами материалы свидетельствуют о наличии на Руси XI—XII вв. дружинных отношений. Конечно, дружина к этому времени утратила былую первозданность, оказавшись во власти разрушительных процессов. С расколом дружины на старшую и младшую все явственне стали проявляться симптомы ее распада. Особенно ощутимы они становятся с конца

⁶⁹ ПВЛ, ч. I, с. 101.

⁷⁰ ПСРЛ, т. II, стб. 551.

⁷¹ Там же, стб. 611.

⁷² Там же, стб. 653.

⁷³ Там же, стб. 703.

⁷⁴ «А дружину его в погреб въсажаша» (НПЛ, с. 30, 218); «выгна Олговичъ Всеволод стрыя Ярослава ис Чернигова и дружину его исече и разграби» (ПРСЛ, т. I, стб. 296); «Изяслав же послушав их, отима у него именье и оружье и коне, и дружину его искавав расточи» (Там же, стб. 320); «Изяславич бежа с братом ис Киева Володимерю с малою дружиною, а княгиню его яша и сына и дружину его изъима» (Там же, стб. 354); «ять брата князя Андрея Всеволода и Ростиславича Яропол-ка и дружину их» (Там же, стб. 365); «седящо Ярославу князю Изяславу-вичу в Кыеве, еха на ны взъездом Черниговъскыи князь Святослав и въеха в Кыев, дружину его изъима, а князь Ярослав утече» (Там же, стб. 366); «и шюрина его Мстислава Ростиславича и дружину его изъимаша» (Там же, стб. 384); «и дружина их вся изъимана» (Там же, стб. 385); «и розъграбиша Кияне с Изяславом дружины Игореве и Все-вологе, и села и скоты» (Там же, т. II, стб. 328); «и тако ведше всади-ша в насад с 4 ми отроки, а дружину его изъимаша, а товар отъята» (Там же, стб. 373); «и товары его взяша и дружину его изъимаша» (Там же, стб. 395); «много изъимаша дружины Гюргеви по Киеву» (Там же, стб. 416); «и дружину его изограби и товар весь отъя» (Там же, стб. 485); «и двор его разграбиша горожане и дружину его» (Там же, стб. 493); «Мстислав же зая товара много изяславли дружины, золота и серебра и челяди и кони и скота и все прави Володимирию» (Там же, стб. 502); «и товар его разграбиша и дружины его» (Там же, стб. 511); «и дружину его яша всю и послаша к Чернигову» (Там же, стб. 579); «и дружину его тако же изъимаша около его» (Там же, стб. 614); «Святослав же изъима дружину его и товары» (Там же, стб. 615); см. также: Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси, с. 124—125.

XII в. Разложение старшей и младшей дружины проявлялось по-разному. В первой, состоящей из бояр, мы наблюдаем эволюцию дружинных отношений в вассальные, во второй, составленной из отроков, детских и им подобных, видим превращение дружины в княжеский двор, живущий на иных основаниях и по другим законам, нежели дружины союз. В исходе XII в. дружины вступила в полосу заката. Но окончательное ее исчезновение падает примерно на вторую половину XIII—XIV вв. В результате термин «дружины», обозначавший постоянное кадровое воинство, находящиеся при князе на положении его соратников и помощников, выходит из словаупотребления⁷⁵. Возникают новые социально-политические институты взамен отслужившей свой век дружины⁷⁶.

Рассмотрев главнейшие черты дружины в целом, бросим взгляд на составные ее элементы, начав с верхнего дружинного слоя — боярства.

Происхождение слова «боярин» доселе остается в некотором роде загадкой, хотя многие поколения историков пытались проникнуть в его тайну. В. Н. Татищев термин «боярин» возводил к сарматскому слову «поярик» — «боярик», означавшему умную голову. Этим словом сарматы «всех вельмож именовали, и у нас из того испорченное боярин значило вельможу»⁷⁷. И. Н. Болтину казалось, что мнение В. Н. Татищева «всех прочих мнений есть вероятнейшее или, по крайней мере, лучшее»⁷⁸. Н. М. Карамзин в отличие от В. Н. Татищева корни имени «боярин» искал в русской языковой среде, думая, что оно «без сомнения происходит от боя и в начале своем могло знаменовать воина

⁷⁵ Сороколетов Ф. П. История военной лексики... с. 154, 156, 294.

⁷⁶ «Термин дружины,— пишет Ф. П. Сороколетов,— в военном значении выходит из употребления (по крайней мере перестает употребляться в письменности) значительно раньше отмирания самого явления общественно-социальной жизни. В самом деле дружина как ближайшее военное окружение князя продолжает существовать до конца периода феодальной раздробленности, т. е. до XVI в., а термин для обозначения этого явления неизвестен в активном употреблении уже в XIV в. Это объясняется теми коренными изменениями в социальной жизни русского общества, которые привели к изменению роли дружины как социально-общественного института» (Сороколетов Ф. П. История военной лексики... с. 156). Мы не можем согласиться с такой трактовкой вопроса. Дружины как социально-политический институт, характерный для определенной эпохи, сходит с исторической сцены вместе с этой эпохой. Говорить о дружины применительно к XVI в. можно только по недоразумению. Во всяком случае, проводить знак равенства между ближайшим военным окружением князя XVI в. и времен Киевской Руси — значит утратить чувство исторической перспективы.

⁷⁷ Татищев В. Н. 1) История Российская с самых древнейших времен. М., 1768, кн. 1, ч. 1, с. 330; 2) История Российская. М.; Л., 1962, т. 1, с. 260.

⁷⁸ Болтина И. Н. Примечания на историю древния и нынешние России г. Леклерка. М., 1788, т. 2, с. 442.

отличной храбрости, а после обратилось в народное достоинство»⁷⁹. Догадку Н. М. Карамзина В. Булыгин счел «как подходящую к истинному источнику, но еще не доказанную и от того остающуюся в области сомнения»⁸⁰. Развивая мысль Н. М. Карамзина, автор заключает, что «бой» составляет первую половину слова (боярин.—*И. Ф.*) и, так сказать, ядро онаго, а *ярин* — вторую, которая служит указанием, к какому классу должно отнести взятое в рассуждение слово»⁸¹. Боярин в древности, по В. Булыгину,— воин-победитель⁸². С. Сабинин отверг словоизменение и Татищева — Болтина и Карамзина — Булыгина. Термин «боярин» он выводил из скандинавского языка, в частности из слова *baearmenn*, *baejarmen* (байармен, байярмен), которое значило: 1) гражданин, муж града; 2) служащий при каком-либо дворе⁸³. Отсюда боярин — это живущий в городе и служащий «при дворе князя или при дворе других больших чиновников»⁸⁴. Ю. Венелин, принимая чтение «болерин-болярин», в качестве источника указывал на «болгарское наречие», где *балерин* есть господин, барин⁸⁵.

После всех столь разноречивых толкований слова «боярин» И. И. Срезневский имел основания сказать, что этим словом «играли многие ученые»⁸⁶. Сам И. И. Срезневский допускал два возможных варианта возникновения наименования «боярин»: 1) из раздвоившегося корня *бой-вой* с прибавлением суффикса *-арь*; 2) из корня *боль-вель* с присоединением того же суффикса. Образовавшийся таким способом термин применялся для обозначения вельможи, представителя первенствующего сословия⁸⁷. И. И. Срезневский подчеркивал славянскую принадлежность слова «боярин»⁸⁸, с чем согласился С. М. Соловьев⁸⁹.

Обилие противоречивых суждений порождало известную неуверенность в их справедливости. Поэтому, вероятно, В. О. Ключевский не нашел в литературе удовлетворительного объяснения этимологического значения термина «боярин»⁹⁰. Но В. О. Клю-

⁷⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892, т. 1, с. 50.

⁸⁰ Булыгин В. О происхождении наименования боярин или боля-рие — ЖМНП, 1834, июль, с. 64.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же, с. 66.

⁸³ Сабинин С. О происхождении наименований: боярин или боля-рин — ЖМНП, 1837, октябрь, с. 44.

⁸⁴ Там же, с. 74—75.

⁸⁵ Венелин Ю. О слове боярин — ЧОИДР, М., 1847, № 1, с. 2.

⁸⁶ Срезневский И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850, с. 133-134.

⁸⁷ Там же, с. 134.

⁸⁸ Там же, с. 133.

⁸⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 1, с. 326.

⁹⁰ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси, с. 38.

чевский, подобно И. И. Срезневскому, допускал, что в образовании этого названия могли участвовать два корня: *-бой* и *-боль*⁹¹. Одноказалось ему несомненным: чисто славянское происхождение слова⁹². Точку зрения И. И. Срезневского воспринял и В. И. Сергеевич⁹³. Для М. С. Грушевского же начальная история слова «боярин» терялась во мраке неизвестности. Однако он отмечал его большую древность и общность «с иными (полу-дневими) славянскими мовами»⁹⁴. Столь же темным по происхождениюказалось оно и А. И. Соболевскому, который не исключал, что перед ним — тюркизм⁹⁵.

Несмотря на возобновляющиеся то и дело усилия ученых выявить этимологию термина «боярин», поныне многое здесь остается гадательным. До сих пор в науке на сей счет не умолкают споры. Одни исследователи, относя слово «боярин» к славянским языкам, производят его от существительного *бои* — битвы, сражения⁹⁶, другие усматривают в нем тюркизм⁹⁷. Нет единства у современных специалистов и в том, когда появились и окрепли бояре на Руси. Так, С. В. Бахрушин думал, что это случилось не ранее конца X в., а скорее всего — в XI столетии⁹⁸. По Б. А. Ларину, упрочение боярской прослойки произошло лишь во времена создания Пространной Правды⁹⁹. Б. А. Рыбаков наблюдает ясно обозначившийся процесс сложения боярства еще в конце VIII в.¹⁰⁰ С. В. Юшков считал возможным говорить о боярах-феодалах с начала X в.¹⁰¹

При всех этимологических контролах в науке все же таки просвечивается общая мысль, в соответствии которой боярин есть знатный, богатый человек, принадлежащий к социальной

⁹¹ Ключевский В. О. 1) Боярская дума Древней Руси, с. 527; 2) Соч. М., 1959, т. 6, с. 145-146.

⁹² Ключевский В. О. Соч., т. 6, с. 146.

⁹³ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1902, т. 1, с. 331.

⁹⁴ Грушевский М. Галицкое боярство XII-XIII в. — В кн.: Записки научного товариства имени Шевченко, 1897, т. XX, с. 1.

⁹⁵ Соловьев С. Е. Несколько заметок по славянскому вокализму и лексике. — Русский филолог, вести., 1914, т. 71, вып. 2, с. 440; см. также: Мелиоранский П. М. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — ИОРЯС, 1902, т. 7, кн. 2; Корш Ф. Е. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — ИОРЯС, 1903, т. 7, кн. 4.

⁹⁶ Этимологический словарь русского языка. М., 1965, т. 1, вып. 2, с. 181-182; Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка, с. 55.

⁹⁷ Малов С. Е. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». — НОЛЯ АН СССР, 1946, т. 5, вып. 2; Львов А. С. Лексика..., с. 215—216; Менгос К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, с. 85.

⁹⁸ Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Киевской Руси. — Историк-марксист, 1937, кн. 2, с. 54-55.

⁹⁹ Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X—середина XVIII в.). М., 1975, с. 84.

¹⁰⁰ Рыбаков Б. А. Первые века русской истории, с. 25.

¹⁰¹ Юшков С. В. Общественно-политический строй... с. 91.

верхушке¹⁰². Принимая данное определение как вполне убедительное, мы не можем разделить мнение исследователей, полагающих, будто бояре уже при первых Рюриковичах выступали в качестве крупных земельных собственников, возвысившихся над массой населения благодаря своей земельной собственности¹⁰³. Боярское землевладение возникло не ранее второй половины XI в.¹⁰⁴ Поэтому всякие рассуждения о боярах-землевла-дельцах предшествующего времени беспочвенны. Не стала земельная собственность главной, отличительной чертой бояр и в эпоху Русской Правды, ибо она в ту пору была не столь значительной, чтобы служить основным источником доходов боярской знати¹⁰⁵. Вот почему трудно согласиться с В. О. Ключевским в том, что термин «боярин» в Древней Руси означал привилегированного землевладельца¹⁰⁶. У В. О. Ключевского, впрочем, есть другое, более правильное, как нам кажется, определение боярского статуса. За боярином в древнейших памятниках скрывался, по мнению ученого, «правитель и вместе с тем знатный человек, человек высшего класса общества»¹⁰⁷. В характеристике В. О. Ключевского привлекает наше внимание правительственный аспект деятельности боярства. Дальнейшие исследования показали, что именно должностная, служебная роль бояр, возглавлявших древнерусское общество в качестве руководящей силы, являлась главным признаком, свойственным этой социальной категории Руси XI—XII вв.¹⁰⁸ Следовательно, бояре предстают перед нами прежде всего как лидеры, управляющие обществом, т. е. выполняющие известные общеполезные функции. Не исключено, что в этом амплуа они сменили родо-племенную знать, сошедшую с исторической сцены в результате падения родового строя и возникновения новой социальной организа-

¹⁰² Срезневский И. Мысли об истории русского языка, с. 134; Львов А. С. Лексика «Повести временных лет», с. 214.

¹⁰³ Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872, с. 101-102, 104; Яблочкин М. История дворянского сословия в России. СПб., 1876, с. 4, 5, 28, 31; Юшков С. В. Общественно-политический строй... с. 91-92; Грееков Б. Д. Киевская Русь, с. 122-129; Рыбаков Б. А. Первые века русской истории, с. 19-20.

¹⁰⁴ Данилов А. В. Дискуссионные проблемы докапиталистических обществ.— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, кн. 1, с. 43; Черепин и Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX-XV вв.— В кн.: Новосельцев А. П. и др. Пути развития феодализма М., 1972, с. 160; Фроянов И. Я. Киевская Русь... с. 65.

¹⁰⁵ Фроянов И. Я. Киевская Русь... с. 87-90.

¹⁰⁶ Ключевский В. О. Соч., т. 6, с. 146.

¹⁰⁷ Там же.

юз Грушевский М. Галжцкое боярство... с. 5; Пресняков А. Е. Княжеское право... с. 247, 249; см. также: Юшков С. В. Феодальные отношения в Киевской Руси.— Учен. зап. Саратовск. ун-та, 1925, т. 3, вып. 4, с. 64.

ции, которую можно назвать, пользуясь терминологией А. И. Несухина, общинной без первобытности¹⁰⁹.

Будучи «людьми начальными», бояре, естественно, теснились вокруг князя, державшего в своих руках нити управления древнерусским обществом. Отношения князей с боярами нельзя воспринимать как нечто монотонное. Связи в княжеско-боярской среде отличались сложностью, обусловленной противоречивостью исторической действительности Киевской Руси с ее незавершенным процессом формирования классов.

Не подлежит никакому сомнению причастность бояр к дружине¹¹⁰. ВОИХ входили в дружинный союз, образуя верхний его слой, именуемый нередко в источниках, как мы замечали, «лучшей», «старейшей», «передней», «большой» дружиной. Бояре — непременные спутники князей, их постоянное окружение. Летописи пестрят рассказами о князьях, находящихся в боярской компании при самых различных жизненных ситуациях, общественных и бытовых¹¹¹. Старая традиция думы князя с дружиной была основополагающей в отношениях князя с боярством¹¹². Что бы князь ни затевал, он всегда должен был «явиТЬ» свой замысел служившим ему боярам, рискуя в противном случае лишиться боярской поддержки, что грозило неудачей¹¹³. Конечно, князья иногда пренебрегали советом с боярами. Но такие факты оценивались современниками как аномалия¹¹⁴. Позиция бояр часто предопределяла поведение князя. И летописи не раз говорят нам, что князья начинали то или иное дело, послушав бояр своих¹¹⁵. Понятно, отчего перед боярами сильных князей заискивали князья более слабые. Характерен в этой связи рассказ Ипатьевской и Лаврентьевской летописей о том, как Всеволод Ольгович, опасаясь Мстислава Владимировича, одаривал бояр последнего, чтобы расположить их к себе и тем самым

¹⁰⁹ Несухин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от ро-до-племенного строя к раннефеодальному.— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ, кн. 1, с. 597. — Большой научный интерес представляют наблюдения ученых насчет сравнительно позднего появления в древнерусском языке термина «боярин» и самого боярства как такового.— См.: Барышин С. В. К вопросу о крещении... с. 54 — 55; Львов А. С. Лексика «Повести временных лет», с. 211, 218; Ларин Б. А. Лекции... с. 84.

¹¹⁰ Пресняков А. Е. Княжеское право... с. 243—249; Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 344; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности, с. 104.

¹¹¹ ПВЛ, ч. 1, с. 121, 136, 144, 172; ПСРЛ, т. I, стб. 295, 311, 380, 381, 440, 457, 495; т. II, стб. 282, 314, 343-344, 399, 487, 638, 658; 729-730, 751, 763, 851, 876, 901, 908, 928, 933, 937.

¹¹² ПСРЛ, т. I, стб. 341, 342, 347, 349, 473, 495; т. II, стб. 355, 469, 513, 522, 538, 607, 624, 638, 676, 683, 686, 688, 689, 694, 699.

¹¹³ Там же, т. II, стб. 536—537.

¹¹⁴ Там же, стб. 614-615, 659; ПВЛ, ч. 1, с. 142.

¹¹⁵ См., напр.: ПСРЛ, т. I, стб. 314, 326, 375, 381, 402; т. II, стб. 330, 394, 607.

повлиять на Мстислава¹¹⁶. Межкняжеские соглашения зачастую нарушались по вине бояр, толкавших князей на взаимные рас-цри. Для придания крепости договорам князя не только сами целовали крест, но и привлекали к присяге бояр. В 1150 г. Изяслав и Вячеслав в Вышгороде «целоваста хрест у святою мученику на гробе, на том Изяславу имети отцем Вячеслава, а Вячеславу имети сыном Изяслава, на том же и мужи ею целоваша хрест, ако межи има добра хотети и чести ею стеречи, а не сва-живатц ею»¹¹⁷.

Определенная зависимость князей от боярства, таким образом, прослеживается в источниках достаточно здраво. Но то была двусторонняя зависимость. Бояре нуждались в князьях но в меньшей мере, чем князья в боярах. «Ты еси у нас князь один, оже ся тебе што учинить, то што нам деяти», — говорили галицкие бояре, князю своему Ярославу¹¹⁸. Весьма красноречиво свидетельство некоего «лечьца» Петра, родом сириянина, который укорял Николу Святошу, принявшего схиму: «Се бояре, служив-ше тебе, мнящеся иногда велици быти тебе деля, ныне же лищение твоего любве, желитве домы великыя створше, седять в них в мнозе унынии»¹¹⁹. Бояре, следовательно, достигали величия со всеми вытекающими отсюда выгодами посредством службы князю.

Интересы князя и служивших ему бояр настолько переплетались, что их трудно было расчленить. В единстве целей и планов князя с видами состоящих у него на службе бояр находят объяснение факты преследования князьями бояр друг друга¹²⁰. Чтобы избежать репрессий, боярам поневоле приходилось следовать за своим князем, теснимым удачливыми соперниками¹²¹. Так бояре перемещались вместе с князьями из волости в волость. Мы не хотим сказать: это было всеобщее движение. Однако надо признать, что им оказалась охвачена значительная масса боярства.

Иногда бояре покидали своего неудачливого князя. «Выбеже Ярослав Святополчичь из Володимера угры, — читаем в летописи, — и бояре его и отступша от него»¹²². Боярская служба являлась вольной, что опять-таки сообщало подвижность боярству. Между 1051 и 1228 гг. в летописях встречается около полутораста имен бояр. Произведя соответствующие подсчеты, С. М. Соловьев убедился, что из всего этого количества нашлось не более

¹¹⁶ Там же, т. I, стб. 297; т. II, стб. 291.

¹¹⁷ Там же, т. II, стб. 399.

¹¹⁸ Там же, т. I, стб. 340; т. II, стб. 467.

¹¹⁹ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 184; см. также: Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси, с. 124.

¹²⁰ См., напр.: ПСРЛ, т. II, стб. 327, 502, 570, 605.

¹²¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960, кн. 2, с. 16.

¹²² ПСРЛ, т. II, стб. 285.

шести примеров, чтобы друдинник-боярин служил после отца сыну, не более шести же примеров, чтобы друдинник-боярин после смены князя оставался в прежней волости¹²³. М. П. Погодин, сделав выборку боярских имен, содержащихся в летописях от 1054 до 1240 г., пришел к заключению, согласно которому «разделить бояр по княжествам (киевские бояре, черниговские) или даже по князьям нет, кажется, никакой возможности; даже без переходов, по смерти одного князя, они расходились между его сыновьями. Только новгородские и галицкие бояре не подлежат этому замечанию. О рязанских, смоленских, галицких мы имеем слишком мало известий»¹²⁴. М. П. Погодин не совсем прав. Летописи упоминают бояр киевских, черниговских, ростовских, владимирских и т. д. С этим надлежит считаться. Вместе с тем материалы, извлеченные М. П. Погодиным, дают яркие иллюстрации подвижности боярства на Руси XII в. Приведем одну, наиболее выразительную из них, относящуюся к боярину Жирославу Ивановичу. Сперва этот боярин выступает в качестве посадника князя Вячеслава в Турове, затем в 1147 г. мы его видим при Глебе Юрьевиче. В 1149 г. он действует по поручению князей Вячеслава и Юрия, а в 1159 г. едет послом от Святослава Ольговича к Изяславу Давыдовичу. Потом он оказался, посадником в Новгороде. В 1171 г. князь Рюрик лишил Жирослава новгородского посадничества, но по выходе из Новгорода Рюрика князь Андрей прислал его посадничать снова. С. В. Юшков, подводя итог деятельности Жирослава, писал: «Таким образом, Жирослав, меняя князей, искал буквально всю Русь»¹²⁵. О боярской подвижности говорит происшествие, запечатленное Ипатьевской летописью. Князь Даниил Галицкий, как сообщает летописец, послал к боярину Доброславу стольника своего Якова сказать: «Князь вашь аз есмь, повеления моего не творите, землю грабите. Черниговьских бояр не велех ти, До-брюславе, приимате, но дати волости Галичким»¹²⁶. Из цитированной речи яствует, что черниговские бояре, оказавшиеся в Галицкой земле, держали там волости. Едва ли это было чем-то экстраординарным. Подобного рода перемещения бояр опирались на старые традиции.

¹²³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 2, с. 116—117; см. также: Ключевский В. О. Соч., т. 1, с. 197.

¹²⁴ Погодин М. П. О наследственности древних санов в период времени от 1054 до 1240 года. — В кн.: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. СПб., 1876, кн. 1, с. 91.

¹²⁵ Там же, с. 81.

¹²⁶ Юшков С. В. Общественно-политический строй... с. 246. — Если мы туровского посадника Жирослава и новгородского посадника Жирослава сочтем за разных лиц, то и пример первого Жирослава, переходившего от князя к князю, довольно выразителен. — См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 1, с. 444, 498, 526—

¹²⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 789.

Итак, можно утверждать, что древнерусское боярство X—XII вв. не успело полностью выйти из сферы дружинных отношений. Мы разумеем здесь прежде всего бояр, поступавших на службу к князьям, которая сохраняла еще во многом дружинную подкладку¹²⁸. Контингент таких бояр был значительный. Он представлял собой отнюдь не застывшую, а текучую массу. В него постоянно вливались так называемые «земские бояре», из него же происходил отток бояр в ряды земской знати. Вот почему противопоставление княжеских бояр боярам земским выглядит условно. А если вспомнить, что сам князь являлся в известном смысле общинной, земской властью¹²⁹, то это противопоставление становится еще более условным.

Трудно стать на точку зрения Б. А. Рыбакова, кладущего слишком резкую грань между древнерусскими князьями и «земскими» боярами. Автор усматривает в боярах, стремившихся к стабильности княжеской власти, «прогрессивный класс», а в князьях—«реакционную силу». Он пишет: «Постоянное перемещение князей из земли в землю, из города в город создавало ту неустойчивость общей жизни, которая в первую очередь обостряла социальные противоречия. Князь, думавший о новых городах, не мог хорошо организовать свое домениальное хозяйство, повышал норму эксплуатации выше разумного предела, плохо управлял своим времененным владением, недостаточно был связан с местным земским боярством; интересы его личной дружины и части вассалов, пришедших с ним из его предыдущего княжения, должны были неизбежно приходить в противоречие с интересами местных феодалов»¹³⁰. Князь у Б. А. Рыбакова выглядит, следовательно, каким-то внешним придатком к волости, к городу. Против такой квалификации князя в свое время решительно возражал А. Е. Пресняков¹³¹. Надеемся, что и наше исследование княжеского статуса на Руси XI—XII вв. показывает неубедительность подобного рода представлений¹³². Однако дело здесь не только в самом положении князя, но и в политике земского боярства, принимавшего деятельное участие в княжеских усобицах. Земские бояре нередко сами выступали инициаторами смены князей. События 1146 г. в Киеве — наглядное тому свидетельство. Летописец рассказывает, что именно киевские бояре Улеб, Иван Войтипич, Лазарь Саковский, Василь Полоча-нин, Мирослав «скупиша около себе Кияны и свещащася, како

¹²⁸ Дружинный строй отношений князя с боярами рельефно изображен в летописном некрологе князю Васильку, который был «до бояр ласков, никотоже бо от бояр, кто ему служил и хлеб его ел и чашю пил и дары имал, тот нікакож у іного князя можаше быти...» — Там же, т. I, стб. 467.

¹²⁹ См. с. 43—44 настоящей книги.

¹³⁰ Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX—середины XIII века.— Вопросы истории, 1962, № 4, с. 43—44.

¹³¹ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1, с. 174.

¹³² См. с. 33—42 настоящей книги.

бы им узымоши перельстити князя своего» Игоря¹³³. В результате «совета злого» названных бояр, сумевших привлечь на свою сторону народные массы, князь Игорь пал, а на киевском столе вокняжился Изяслав Мстиславич. Земское боярство не отличалось сплоченностью. Оно распадалось на партии, поддерживавшие различных князей¹³⁴. В Киеве, например, были бояре которые стояли за Игоря. При въезде Изяслава в город их схватили, а потом отпустили «на искуп». Летописец приводит имена опальных бояр. Это — Даниил Великий, Юрий Прокопьевич, Ивор Юрьевич¹³⁵. Особенно наглядно борьба партий во главе с боярами, сопровождавшаяся сменой князей, проявлялась в Новгороде¹³⁶. Не думаем, чтобы Новгород в этом смысле резко выделялся среди городов Руси XII в.

Говоря о дружинных связях бояр с князьями, мы не хотим сказать, будто эти связи были всеобъемлющими. Бояр нельзя принимать за дружиинников в чистом виде, живущих под княжеским кровом и на иждивении князя. Они имели собственные дома, заводили села¹³⁷. Приобретаемая боярами определенная бытовая и хозяйственная самостоятельность способствовали перерастанию дружинных отношений в вассальные¹³⁸. Из советских историков боярский вассалитет в Киевской Руси наиболее основательно изучал С. В. Юшков¹³⁹. Важное место вассалитету бояр отводили в своих исследованиях Л. В. Черепнин и В. Т. Пашуто¹⁴⁰.

История боярского вассалитета прослеживается в источниках если не с конца IX в., то, по крайней мере, с середины X в. К. Маркс, характеризуя вассальную организацию, утвердившуюся на Руси X в., писал о том, что она представляла собой «вассалитет без феодов, или феоды, состоящие исключительно из даней»¹⁴¹. К. Маркс, таким образом, констатировал на Руси указанной поры вассалитет без земельных пожалований. В совет-

¹³³ ПСРЛ, т. II, стб. 324—325.

¹³⁴ Грушевский М. С. История Киевской земли, с. 170.

¹³⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 327.

¹³⁶ Рожков в Н. Исторические и социологические очерки. М., 1906, ч. 2, с. 30—35; см. также: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948, ч. 1, с. 269.

¹³⁷ Юшков С. В. Общественно-политический строй... с. 244.

¹³⁸ Наши историки не всегда различают дружинные и вассальные отношения. В качестве типичного примера можно назвать В. Т. Пашуто, У которого дружины — это вассалы и подвассалы.— См.: Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси.— В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 52.

¹³⁹ Юшков С. В. 1) Феодальные отношения в Киевской Руси, с. 61—71; 2) Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939, с. 146—151; 3) Общественно-политический строй... с. 245—250.

¹⁴⁰ Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы... с. 159—162; Пашуто В. Т. Черты политического строя... с. 51—68.

¹⁴¹ Магх К. Secret diplomatic history of the eighteenth century. New York, 1969, р. 109.

ской исторической науке о времени существования «вассалитета без ленов» высказываются различные суждения. Б. А. Рыбаков полагал, что этот вассалитет к началу X в. являлся уже пройденным этапом¹⁴². Л. В. Черепнин усомнился в справедливости вывода Б. А. Рыбакова¹⁴³. И в этом он, по нашему мнению, был прав.

В легенде о призвании варягов читаем: «И прия власть Рюрик, и раздан мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов другому Белоозеро»¹⁴⁴. Возможно, тут речь идет о пожаловании рюриковым «мужам» даней с перечисленных городов. Но вполне вероятно и то, что летописец начала XII в., поместивший в летопись упомянутую легенду, переносил современные ему порядки в прошлое. Поэтому отдать предпочтение какому-нибудь из этих вариантов затруднительно.

Повествуя о походе Олега к Киеву, летописец сообщает, как Олег, приняв Смоленск и взяв Любеч, посадил там «муж свои»¹⁴⁵. Можно предполагать, что оставленные князем в Смоленске и Любече «мужи» пользовались правом сбора дани. Но это предположение, конечно,— догадка, а не твердо установленный факт.

Приведенные летописные сведения, как видим, поддаются различной интерпретации. И только с первой четверти X в. исследователь располагает прямыми указаниями о передаче «княжеским мужам» права сбора дани с завоеванных племен. В Новгородской Первой летописи под 922 г. содержится следующая запись: «Игорь же седяше в Киеве княжа, и воюя на древляны и на угличе. И бе у него воевода, именем Свенделд; и примучи углече, въложи на ня дань, и вдасть Свеньделду... И дастъ же дань деревьскую Свеньделду, и имаша по черне куне от дыма»¹⁴⁶. В 940 г., по рассказу летописца, «яшася уличи по дань Игорю, и Пересечень взят бысть. В се же лето дастъ дань на них Свеньделду»¹⁴⁷. Наконец, последняя аналогичная запись под 942 г. гласит: «Въдасть дань деревьскую Свеньделду тому же»¹⁴⁸. Свенельд — не просто дружиинник. Он достаточно самостоятелен. У него своя дружина — отроки. Свенельд был вассалом киевского князя Игоря. Его вассальная зависимость основывалась не на земельном пожаловании, а на предоставлении даней. Не исключено, что в подобном положении находились «мужи» из варягов, которым Владимир раздавал города, т. е. жа-

¹⁴² Рыбаков Б. А. 1) Древности Чернигова.—В кн.: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. М.; Л., 1949, т. 1, с. 52; 2) Столпный город Чернигов и удельный город Вещик.— В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, с. 92.

¹⁴³ Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы... с. 160.

¹⁴⁴ ПВЛ, ч. I, с. 18.

¹⁴⁵ Там же, с. 20.

¹⁴⁶ НПЛ,

¹⁴⁷ С. 109.

¹⁴⁸ Там же, с. 110.

¹⁴⁹ Там же.

довал права по сбору даней¹⁴⁹. Во всяком случае, такое предположение согласуется с данными скандинавских саг, откуда узнаем, что князья Владимир и Ярослав, принимая на службу выходцев из «стран полночных», жаловали их данями с покоренных племен и народов¹⁵⁰.

Итак, есть основания говорить о боярском вассалитете X в., возникшем из пожалования даней. Л. В. Черепнин, определяя существо передачи сбора дани дружиинникам, писал: «Это была передача феодальным монархом своему вассалу не вотчины, находившейся у него в частной собственности и населенной зависимыми от вотчинника людьми, а территории, на которую простирались его права как верховного собственника. Выражением подвластности ему населения такой территории была дань»¹⁵¹. Мы не считаем киевских князей X в. ни феодальными монархами, ни верховными земельными собственниками¹⁵². По нашему глубокому убеждению, князья наделяли своих вассалов не территориальными владениями, а правом сбора даней, никак не связанных с поземельной собственностью. В этом вассалитете нет и грана феодализма.

Неизвестно, встречались ли на Руси X в. подвассалы из бояр. Правда, Л. В. Черепнин рассуждает об усложнении вассальных отношений в рассматриваемое время. Он оперирует понятием «малая дружина» как обозначением приближенной к князю Игорю знати, в отличие от рядовых дружиинников¹⁵³. Во-первых, здесь Л. В. Черепнин смешивает вассальные и дружиинные связи, между которыми ставить знак равенства, конечно, нельзя. Во-вторых, он опирает свою конструкцию на ложно понятое выражение «малая дружина». Когда летописец сообщает, как Игорь отправился снова за данью к древлянам с «малом дружины», он хочет сказать о небольшом количестве дружиинников, окружавших князя, что с очевидностью вытекает из последующих его слов? «И вышедше из града Изъкорьстяне деревляне убиша Игоря и дружину его, бе бо их мало»¹⁵⁴.

Боярский вассалитет в X в., по нашему мнению, едва лишь вышел из зачаточного состояния, будучи примитивным по социальной сути и простым по организации.

В дальнейшем, однако, боярский вассалитет претерпел изменения. В результате складывания на Руси XI—XII вв. городских волостей-государств¹⁵⁵ и сокращения возможностей обога-

¹⁴⁹ ПВЛ, ч. I, с. 56.

¹⁵⁰ Рыдевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978, с. 30, 38, 104.

¹⁵¹ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения... с. 146.

¹⁵² См. с. 31—32, 52 настоящей книги.

¹⁵³ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения... с. 147.

¹⁵⁴ ПВЛ, ч. I, с. 40; см. также: Рыбаков Б. А. Смерды.—История СССР, 1979, № 2, с. 47.

¹⁵⁵ Об этом речь пойдет в последнем очерке.

щения знати за счет даней¹⁵⁶ вассалитет бояр, основанный на пожаловании даней, трансформировался в вассалитет, основанный на пожаловании кормлений, т. е. доходов с той или иной волости, поступавших ранее князю как верховному правителю за исполнение общественно полезных функций. Нельзя, впрочем, сказать, что передача князьями даней своим вассалам-боярам полностью прекратилась. Это не могло произойти, поскольку дан-ничество существовало и в XI и в XII вв.¹⁵⁷ Вспомним хотя бы Яна Вышатича, собиравшего дань на Белоозере.¹⁵⁸ Но все-таки во второй половине XI в., и особенно в XII — начале XIII в. уже не дань, а кормления играли ведущую роль в развитии боярского вассалитета.

VO пожаловании князьями боярам в кормление городов и сел источники свидетельствуют со всей определенностью. Мы не станем сейчас приводить соответствующие факты, ибо они фигурируют в нашем исследовании, посвященном социальному-экономической истории Киевской Руси¹⁵⁹. Подчеркнем только одну мысль: передача в кормление городов и сел носила неземельный характер. Ведь передавалась не территория, а право сбора доходов с живущего на ней населения. Стало быть, вассалитет, строящийся на пожаловании кормлений, не имел феодального содержания, поскольку был лишен земельной основы¹⁶⁰. Тем не менее он знаменовал собой важный шаг на пути к феодальному вассалитету, так как центр тяжести с внешней эксплуатации покоренных племен и народов переносился теперь в сферу извлечения доходов из древнерусского непосредственно населения, чем создавались предпосылки для превращения кормления в феодальную ренту.¹⁶¹

По сравнению с X в. вассальные отношения бояр XII — на-с чала XIII в. заметно усложнились. Мы можем с полной уверенностью говорить о наличии боярского субвассалитета в рассматриваемое время. М. С. Грушевский, изучая галицкое боярство XII—XIII вв., обратил внимание на то, что бояре для сбора налогов и отправления государственных функций получали не только города, "но и села"¹⁶². Отсюда он сделал покрепленный фактами вывод, что с такого небольшого владения, каким было

¹⁵⁶ Перемену обстановки остро почувствовал автор Начального свода, сожалевший о старых добрых временах, когда дружины «кормились», «воюющие ины страны». — НПЛ, с. 103—104; см. также: Фроянов И. Я. Данники на Руси X—XII вв. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970.

¹⁵⁷ Фроянов И. Я. Киевская Русь... с. 117—118.

¹⁵⁸ ПВЛ, ч. I, с. 117.

¹⁵⁹ Фроянов И. Я. Киевская Русь... с. 65—69.

¹⁶⁰ Ср.: Гуревич А. Я. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства. — В кн.: Средние века. М., 1953, вып. 4, с. 63; Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964, с. 286.

¹⁶¹ Грушевский М. Галицкое боярство XII—XIII вв., с. 5—6.

село, начиная свою карьеру мелкий галицкий боярин, которому значительно более крупный боярин, державший целый округ, жаловал во владение кормление этого села¹⁶². Если мы учтем, что бояре в Древней Руси располагали штатом собственных слуг и дружинами¹⁶³, из которых выходили боярские подвассалы, то данное наблюдение С. М. Грушевского становится еще убедительнее.

Бояре получали кормления в качестве своеобразной платы за участие в управлении обществом. Вместе с князьями они составили правительственный прослойку. В их деятельности не видно проявления исключительно классового господства, что и понятно, ибо Киевская Русь не знала сложившихся классов. Само же по себе сосредоточение публичной власти в руках определенной группы людей, по верному замечанию Ю. В. Каченовского, «не может породить классовые противоречия. До тех пор пока нет монополии (собственности) меньшинства на средства производства, нет и классовых антагонизмов. При первобытнообщинном строе и даже при социализме возможны те или иные противоречия между управляющими и управляемыми, однако, поскольку нет эксплуататорской собственности на средства производства, подобные противоречия не являются ни классовыми, ни антагонистическими»¹⁶⁴.

Вассальные отношения бояр разлагали дружинный строй. Правда, вассалитет, основанный на пожаловании кормлений не отрицал полностью, дружину. Он предполагал тесную связь боярина с князем, вызывал перемещения бояр вслед за князем, что в свою очередь содействовало возрождению дружинных отношений. Боярская по составу дружины исчезла лишь тогда, когда вассалитет, возникший из пожалования кормлений сменился вассалитетом, в основе которого лежало земельное держание. Последнее произошло уже за пределами древнерусского периода. Несмотря на известную совместимость боярского вассалитета, выросшего на почве кормлений, с дружинным союзом, все-таки первый был началом лебединой песни второго. Что касается бояр, служивших князьям, то они зачастую представляли собой некий симбиоз дружинников и вассалов. Это двойственное положение боярства было обусловлено переходным состоянием отношений (от дружинных к вассальным) между князьями и боярами. Отсюда, вероятно, и та сбивчивость в употреблении терминов «бояре» и «дружины», какую замечаем у летописцев: в одних случаях эти термины совпадают¹⁶⁵, в других — нет¹⁶⁶.

¹⁶² Там же, с. 6.

¹⁶³ Рапов О. М. К вопросу о боярском землевладении на Руси XII—XIII вв. — В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 194—195.

¹⁶⁴ Каченовский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971, с. 152.

¹⁶⁵ ПСРЛ, т. I, стб. 382, 384; т. II, стб. 298, 522, 536, 544, 570—572. ¹⁶⁶ Там же, т. II, стб. 275, 380, 381, 638.

Более прочные узы связывали князя с младшей дружиной, куда входили «отроки», «детские», «милостники» и др. С отроками источники знакомят нас раньше, чем с остальными представителями младшей дружины. Самые ранние сведения об отроках датируются серединой X в.¹⁶⁷ Затем мы их встречаем в известиях XI, XII и XIII вв.¹⁶⁸ Они находятся при князе, можно сказать, неотступно. Отроки — прежде всего слуги князя¹⁶⁹. Служебное назначение отроков выявляется в письменных памятниках без особого труда. Повесть временных лет рассказывает об отроках, прислуживавших Ольге и Святославу¹⁷⁰. В Пространной Правде княжой отрок поставлен в ряд с конюхом и поваром¹⁷¹. Довольно показательный материал содержится в Погучении Владимира Мономаха, где читаем: «В дому своем не ленитися, но все видите; не зrite на тивуна, ни на отрока, да не посмеются приходящий к вам ни дому вашему, ни обеду вашему»¹⁷².

Отроки не только домашние, но и военные слуги князя. Святополк Изяславич имел 700 отроков, готовых к бою¹⁷³. Военные дела отроков засвидетельствованы летописями неоднократно¹⁷⁴.

Данные об отроках, какими мы располагаем, говорят о принадлежности отроков к княжескому дому, о полной их зависимости от князя. Похоже, что они происходили из рабов. Намеки на это у нас есть. Отроки, как мы убедились, являлись слугами, занятыми, кроме всего прочего, и по хозяйству. Но служба по дому — это обычно удел рабов. Далее, в Русской Правде пространной редакции отрок взят за одну скобку с княжеским поваром¹⁷⁵. Известно, однако, что поварами у князей бывали рабы¹⁷⁶. Симптоматично, что в старославянском, чешском и словацком языках слово «отрок» означало раб¹⁷⁷. Любопытна и такая деталь: иноземное происхождение какой-то части отроков. Нам известны отроки князя Бориса Георгий и Моисей, родом

¹⁶⁷ ПВЛ, ч. I, с. 39, 42, 51.

¹⁶⁸ НПЛ, с. 15, 170, 171, 175; ПВЛ, ч. I, с. 90, 91, 93, 98, 136; 143; 149, 157, 158, 163, 173; ПСРЛ, т. II, стб. 373, 763, 775, 830, 832.

¹⁶⁹ В летописях есть примеры взаимозамены слов «отрок» и «слуга», — ПВЛ, ч. I, с. 90—91; НПЛ, с. 171; см. также: Львов А. С. Лексика «Повести временных лет», с. 227.

¹⁷⁰ ПВЛ, ч. I, с. 42, 51.

¹⁷¹ ПР, т. I, с. 105.

¹⁷² ПВЛ, ч. I, с. 157.

¹⁷³ Там же, с. 143.

¹⁷⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 769, 775, 832.

¹⁷⁵ ПР, т. I, с. 105.

¹⁷⁶ См.: Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 40.

¹⁷⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971, т. 3, с. 172; Конечный Ф. Ф. К этимологии слав. о́гокъ. — В кн.: Этимология. 1966. М., 1968, с. 54; Львов А. С. Лексика «Повести временных лет», с. 226.

угры¹⁷⁸, отрок Владимира Мономаха Бяндюк из половцев¹⁷⁹, отроки Давыда Игоревича Улан и Колчко¹⁸⁰, которые, судя по их именам, были выходцами из кочевников¹⁸¹. Мы знаем о не-ком безымянном отроке, умевшем изъясняться по-печенежски¹⁸², — знак, явно указывающий, что перед нами чужеземец. М. Д. За-тыркевич, рассмотрев названные имена, пришел к выводу о формировании древнерусских отроков из военнопленных¹⁸³. На фоне вышеизложенных фактов мысль М. Д. Затыркевича выглядит вполне правомерной. Весьма интересна этимология слова «отрок». По мнению лингвистов, оно, будучи общеславянским, образовано с помощью отрицательного префикса *от-* («не») от *рoк*, «говорящий». Отсюда отрок — это неговорящий, бессловесный¹⁸⁴. Возможно, в древности отроком славяне называли пленника, т. е. человека, не умевшего говорить на славянском наречии. Невольно здесь напрашивается параллель со словом «немец», которое в древнерусском языке означало того, кто говорил неясно, непонятно, т. е. любого иностранца¹⁸⁵.

Мы, разумеется, далеки от мысли, что все княжеские отроки вышли из пленников-рабов. Но какая-то часть отроков, несомненно, совершила этот путь. Данное обстоятельство накладывало отпечаток на положение отроков в целом, ущемляя их свободу и ставя в тесную зависимость от князя. Несколько в ином положении пребывали «детские».

Ученые, как правило, объединяют отроков и детских, не усматривая между ними различий¹⁸⁶. И лишь отдельные исследователи

¹⁷⁸ ПВЛ, ч. I, с. 91; Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 102.

¹⁷⁹ ПВЛ, ч. I, с. 149; Затыркевич М. Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя русского государства в до-монгольский период. М., 1874, с. 151.

¹⁸⁰ ПВЛ, ч. I, с. 173.

¹⁸¹ Затыркевич М. Д. О влиянии борьбы... с. 151.

¹⁸² ПВЛ, ч. I, с. 47.

¹⁸³ Затыркевич М. Д. О влиянии борьбы... с. 24, прим. 8.

¹⁸⁴ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959, т. 1, с. 669; Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка, с. 319; Конечный Ф. Ф. К этимологии... с. 55.

¹⁸⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 3, с. 62.

¹⁸⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 2, с. 19; Ключевский В. О. Соч., т. 6, с. 148—179; Порай-Кошиц И. А. Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века. СПб., 1874, с. 7; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права, с. 29; Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди, с. 9; Сергеевич В. И. Русские юридические древности, т. 1, с. 389—390; Довнар-Запольский М. В. Дружина и боярство, с. 299; Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 344; Юшков С. В. Общественно-политический строй... с. 111; Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, с. 146; Зимин А. А. Историко-правовой обзор Русской Правды. — В кн.: ПРП, вып. I, с. 117; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности, с. 104.

пытались установить такие различия. В. И. Сергеевич в своей ранней книге «Вече и князь» отличие детских от отроков видит в том, что «термин» „детские“ не употребляется для обозначения рабов: это по преимуществу молодые люди свободного происхождения»¹⁸⁷. Н. Загоскин, принимая мнение В. И. Сергеевича, высказал дополнительные соображения, согласно которым детские носили «исключительно военный характер, между тем как отроки ополчались лишь в случае надобности,— главное назначение их хозяйственно-дворцовая служба князю»¹⁸⁸. Принципиальная грань, разделявшая отроков и детских, по М. Яблочкову, заключалась в свободе последних, тогда как отроки состояли из свободных и рабов¹⁸⁹. М. А. Дьяконов замечал, что «детские — тоже младшие дружины, но по своему положению стоящие выше отроков. Это надо заключить из того, что в памятниках они упоминаются отнюдь не в качестве домашних слуг, а как военная сила при князе»¹⁹⁰.

Следует признать оправданным стремление историков разграничить детских и отроков, ибо, несмотря на принадлежность и тех и других к младшей дружины, между ними не было полного тождества. Если отрокам приходилось выступать в роли заурядных домашних слуг князя, то детские, насколько явствует из источников, службы по княжескому дому не несли¹⁹¹. Больше того, некоторые детские сами даже имели собственные дома, чего не скажешь об отроках. О наличии домов у детских говорит владимирский летописец, повествуя о волнениях, последовавших за убийством Андрея Боголюбского: «И много зла створися в волости его (Андрея.— И. Ф.), посадник его и тиунов его домы пограбиша, а самех избиша, детьцкие и мечники избиша, а домы их пограбиша»¹⁹². Сближаясь в области военной¹⁹³, детские и отроки заметно расходились в сфере общественной деятельности. Дальше элементарного участия в суде с вытекающим отсюда правом сбора судебных пошлин отроки не пошли¹⁹⁴. Детские же порой занимали высшие правительственные должности, получая «посадничества». Старый наш знакомый владимирский летописец рассказывает: «Седящема Ростиславичема в княжены земля Росто-

¹⁸⁷ Сергеевич В. И. Вече и князь. М., 1867, с. 353.— Впоследствии В. И. Сергеевич перестал различать отроков и детских.— См.: Сергеевич В. И. Русские юридические древности, т. 1, с. 389—390.

¹⁸⁸ Загоскин Н. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань, 1875, с. 53—54.

¹⁸⁹ Яблочков М. История дворянского сословия в России. СПб., 1876, с. 41.

¹⁹⁰ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912, с. 83.

¹⁹¹ Использование отроков в качестве слуг в быту объясняет тот факт, что ими обзаводились и бояре. Любопытно при этом отметить отсутствие детских у бояр.

¹⁹² ПСРЛ, т. I, с. 370.

¹⁹³ Военная функция детских в источниках прослеживается четко.— ПСРЛ, т. I, стб. 325; т. II, стб. 390; НПЛ, с. 73, 284.

¹⁹⁴ ПР, т. I, с. 106.

вьскыя п раздаяла бяста по городом посадничество Руськым дедыцким»¹⁹⁵. Столь широкие общественные возможности детских выдают в них людей свободных. Быть может, значительную их часть составляли дети знати, в частности боярства, хотя это, конечно, только догадка. Характер известий о детских склоняет к мысли, что детские были взращены на туземной, древнерусской почве, в то время как отроки нередко пополнялись за счет иноzemцев-пленников. Таким образом, выясняется определенное различие источников формирования отроков и детских, обусловившее разницу в их правах: детские, будучи слугами вольными, пользовались правом «отъезда» от князя; отроки же подобного права не имели. Все это, разумеется,— предположения, к которым исследователь вынужден прибегать ввиду крайней скучности конкретного материала.

В число дружиных элементов помимо отроков и детских входили «милостники». О них мы знаем очень мало. Причина тому — ничтожное количество исторических данных. Милостники вместе с отроками и детскими образовывали младшую дружины, о чем заключаем по следующему летописному фрагменту: «И тогда Святослав, сдумав с княгинею своею и с Кочкарем милостьни-ком своим, и не поведе сего мужем своим лепшим думы своея»¹⁹⁶. Следовательно, милостник Кочкарь не принадлежал к «лепшим мужам», старшим дружиным. М. Н. Тихомиров полагал, что «милостники — это не просто княжеские любимцы, а особый разряд княжеских слуг, занятых непосредственно в дворцовом хозяйстве, в первую очередь ключники и слуги,— разряд, соответствующий средневековым министериалам в Западной Европе»¹⁹⁷. Соглашаясь с М. Н. Тихомировым в том, что под милостниками скрывались княжеские слуги, мы не можем принять его идею о занятости этих слуг преимущественно в дворцовом хозяйстве, поскольку она покоятся на шатких основаниях. Опорой автору послужила Новгородская летопись, где говорится, будто Андрея Боголюбского убили его же «милостыни»¹⁹⁸. Сопоставив версию новгородского летописца с текстом Ипатьевской летописи и обнаружив в этом тексте среди заговорщиков любимого «слугу» князя Андрея, а также княжеского ключника Анбала, М. Н. Тихомиров сделал вывод о милостниках как слугах, «занятых непосредственно в дворцовом хозяйстве»¹⁹⁹. Анализ источников, однако, опровергивает логику М. Н. Тихомирова. Вызывает сомнение известие новгородского летописца, плохо информированного о кровавой драме в Боголюбове: у него Андрея убивают во

¹⁹⁵ ПСРЛ, т. I, стб. 374.

¹⁹⁶ Там же, т. II, стб. 614—615.

¹⁹⁷ Тихомиров М. Н. Условное феодальное держание на Руси XII в.— В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 101.

¹⁹⁸ НПЛ, с. 34, 223.

¹⁹⁹ Тихомиров М. Н. Условное феодальное держание... с. 100—101.

Владимире ночью в то время, когда князь спал в Боголюбове. М. Н. Тихомиров обратил внимание на эту несообразность. Он писал: «Тут новгородский летописец показывает явную неосведомленность в топографии Владимира и Суздаля (?). Однако основная деталь обстоятельств убийства Андрея запомнилась летописцу: князь был убит своими милостниками»²⁰⁰. Мы сомневаемся в правильном освещении новгородским книжником «основной детали». Достаточно рассмотреть состав заговорщиков, чтобы убедиться в правоте наших слов. М. Н. Тихомиров к зачинщикам убийства Андрея относит безымянного слугу, «возлюбленного» князем, забывая сказать, что слугу звали Якимом Кучко-вичем. Не упоминает он и другого «нечестивца», Кучкова зятя Петра²⁰¹. Яким и Петр — бояре. Причастность бояр к составлению заговора и его исполнению историкам представляется очевидной²⁰². Но бояр нельзя считать милостниками. Значит, новгородский летописец, приписавший убийство князя Андрея ми-лостникам, заблуждался. Поэтому новгородский вариант изложения обстоятельств смерти Боголюбского не дополняет рассказ Ипатьевской летописи новыми подробностями, а искаляет его, внося путаницу. Вот почему мы считаем текст Ипатьевской летописи наиболее исправным. Язык ее ясен и точен. Яким и Петр в ней милостниками не называются, что и естественно, ибо они были боярами, а не милостниками. Анбаль выведен тем, кем был в действительности — ключником. М. Н. Тихомиров, словно заразившись примером новгородского книжника, пишет: «Всех убийц, которых летописец далее называет паробками князя, насчитывалось до двадцати»²⁰³. По М. Н. Тихомирову выходит, что летописец бояр Якима и Петра приравнял к паробкам. Но ничего подобного в Ипатьевской летописи нет. М. Н. Тихомиров принял за паробков всех участников убийства, вероятно, под впечатлением сцены у дверей «ложницы», где спал Андрей: «И рече один (из убийц. — И. Ф.), стоя у двери: „Господине, господине!“ И князь рече: „Кто есть?“ И он же рече: „Проко-

²⁰⁰ Там же, с. 100.

²⁰¹ ПСРЛ, т. II, стб. 585-586.

²⁰² Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. М., 1953, ч. 1, с. 301; Мародин В. В. Народные восстания в Древней Руси XI—XIII вв. М., 1961, с. 84.— Да и сам М. Н. Тихомиров позднее скажет: «...заговор против Андрея Боголюбского был тесно связан с борьбою вла-димиро-сузdalьских бояр против княжеской власти» (Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 230). В Тверском сборнике есть прямое указание на то, что князь Андрей погиб «от своих бояр, от Кучковичей» (ПСРЛ, т. XV, с. 250—251). В этом же сборнике говорится об участии в заговоре княгини, что подтверждилось в результате исследования летописных миниатюр (Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965, с. 82; Рыбаков Б. А. Борьба за сузdalьское наследство в 1174—1176 гг. по миниатюрам Радзивиловской летописи.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 90).

Тихомиров М. Н. Условное феодальное держание... с. 101.

цья.” И рече князь: „О паробче, не Прокопъя!”²⁰⁴. Описанная сцена не дает абсолютно никакого повода думать, что летописец всех убийц назвал паробками. Впрочем, в Ипатьевской летописи есть еще один эпизод, где фигурируют паробки. Кузмище Кия-нин, возмущенный нежеланием людей князя «отомкнуть божнице», куда он хотел положить тело убитого Андрея, говорит: «Уже тебе, господине, паробьи твои тебе не знать»²⁰⁵. Кузмище, следовательно, обращает свое слово не к убийцам, а к слугам княжеским, проявившим постыдное равнодушие к памяти погибшего господина.

Итак, милостники, по нашему мнению, есть младшие дружины, т. е. прежде всего слуги военные, хотя, возможно, им приходилось заниматься и вопросами дворцового хозяйства²⁰⁶. В плане военной службы милостников нас ориентирует летописное известие о «милостных конях» и «милостном оружии»²⁰⁷. Легко сообразить, что эти кони и оружие предназначались для княжеских милостников-дружиинников. Но если князь снабжал милостников конями и оружием, то естественно предположить, что и в остальном они обеспечивались за его счет, находясь на содержании княжеского²⁰⁸. То же самое надо сказать об отроках и об основной массе детских.

Отроки, детские и милостники были воплощением дружиных отношений в Киевской Руси. С конца XII в. мы получаем возможность наблюдать, как младшая дружина (отроки, детские, милостники и пр.) мало-помалу поглощается княжеским двором. Появляется в источниках и термин «дворяне».

Впервые он встречается в Лаврентьевской летописи под 1175 г., когда после убийства Андрея Боголюбского горожане «боголюбьескыи и дворяне разграбиша дом княжъ»²⁰⁹. Такая особенность Лаврентьевской летописи позволила И. А. Порай-Ко-шицу утверждать, что якобы с разделением Древней Руси «на две половины, южную и северную, в последней, именно в великом княжестве Владимирском, личные слуги князя, носившие дотоле наименование „отроков“, или „детских“, начали называться дворянами»²¹⁰. Примерно в том же ключе рассуждал Н. Загоскин, по которому термины «двор», «дворяне» возникли

²⁰⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 586.

²⁰⁵ Там же, стб. 591.

²⁰⁶ Это только допущение. В источниках хозяйственная деятельность милостников не прослеживается.

²⁰⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 589.

²⁰⁸ М. Н. Тихомиров считал, что милостники XII в. все более и более становились держателями земель, пожалованных князем в условное феодальное владение (Тихомиров М. Н. Условное феодальное держание... с. 104). С этим трудно согласиться.— См.: Чепинин Л. В. Русь. Спорные вопросы... с. 161; Форнов И. Я. Киевская Русь... с. 70—73.

²⁰⁹ ПСРЛ, т. I, стб. 369-370.

²¹⁰ Порай-Кошиц И. А. Очерки истории русского дворянства... с. 8.

сперва в Ростово-Суздальской земле²¹¹. К. Н. Бестужев-Рюмин., отдавая предпочтение Ипатьевскому списку, где слово «дворяне» в сказании об «убиении» князя Андрея отсутствует, полагал это слово в Лаврентьевской летописи вышедшем из-под пера позднейшего редактора²¹². К. Н. Бестужев-Рюмин писал, что «до татар и в начале татарского владычества» термин «дворяне» употреблялся «исключительно в Новгородских летописях». Единственный случай употребления его в летописях Северо-Восточной Руси едва ли не следует считать поправкою²¹³. Недавно М. Б. Свердлов, отметив хождение наименования «дворяне» в Ростово-Суздальской и Новгородской землях XII в., высказал предположение, подтверждаемое, как ему кажется, «всем комплексом южнорусских источников XII—XIII вв.», будто «в Южной Руси термин «дворянин» не существовал, тогда как в Северо-Восточной он уже сложился ко второй половине XII в.»²¹⁴ М. Б. Свердлов не придает должного значения слову «дворской», часто встречаемому в Ипатьевской летописи²¹⁵. Умаляет он и факт наличия в южнорусском источнике терминологического выражения «слуги дворные»²¹⁶, объявляя его новообразованием второй половины XIII в. и ничем не доказывая этот свой постулат²¹⁷. Едва ли можно сомневаться в том, что термины «дворской», «слуги дворные» являются производными от слова «двор»²¹⁸. Поэтому есть основания предположить о существовании в Южной Руси конца XII — начала XIII в. княжеских дворов как обозначения совокупности слуг князя. Подтверждение нашему соображению находим в сообщении новгородского летописца под 1220 г.: «И поиде князь Всеволод с Городища с всем двором своим, и скрутся в бръне, аки на рать...»²¹⁹ Здесь речь идет о князе Всеволоде Мстиславиче, сыне киевского князя Мстислава Романовича Старого²²⁰. Всеволод Мстиславич княжил в Новгороде недолго: всего два с половиной года²²¹. В 1221 г.

²¹¹ Загоскин Н. Очерки... с. 58.

²¹² Бестужев-Рюмин К. Н. О значении слова «дворянин» по памятникам до 1462 года.— В кн.: Труды Второго археологического съезда. СПб., 1876, вып. 1, отд. 4, с. 122.

²¹³ Там же, с. 122-123.

²¹⁴ Свердлов М. Б. Дворяне в Древней Руси.— В кн.: Из истории феодальной России: Статьи и очерки. Л., 1978, с. 56.

²¹⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 777, 795, 798, 803, 804, 811, 822; 829, 834, 839.— Любопытно, что слово «дворской» в Ипатьевской летописи встречается под 1171 г. в связи с киевским князем Мстиславом Изяславичем.— Там же, стб. 544.

²¹⁶ Там же, стб. 887, 899, 918.

²¹⁷ Свердлов М. Б. Дворяне в Древней Руси, с. 58.

²¹⁸ Сороколетов Ф. П. Военная лексика... с. 158.

²¹⁹ НПЛ, с. 60, 262.

²²⁰ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977, с. 192.

²²¹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. 1, с. 91.

новгородцы «показали путь» ему, и он отправляется в «Русь», где княжит на киевском столе²²². Вместе с ним, разумеется, переехал и его двор. Но раз у южных князей были дворы, то, надо думать, были и дворяне. И опять-таки мы имеем интересное свидетельство новгородского летописца: «Мстислав же князь възя на них (чоди.— И. Ф.) дань, и да новгородцем две части дани, а третью часть дворяном»²²³. Мстислав Мстиславич, о котором говорит летописец, — сын Мстислава Храброго. Известно, что, прежде чем попасть в Новгород, он княжил в Трепеле, Торче-ске, Торопце. После новгородского княжения ему около 1219 г. удалось в окрестности Галича и продержаться там до 1227 г. Умер Мстислав в Торческе в 1228 г.²²⁴ Таким образом, перед нами другой южный князь, у которого свой двор — дворяне. Все это убеждает нас в том, что слово «дворяне» было известно в Южной Руси. Замечательно, что оно фигурирует и в Ипатьевской летописи, о чем почему-то умалчивает М. Б. Свердлов. «Уведав же се Миндого,— читаем в записи 1252 г.,— яко хотять ему (Товтевилу. — И. Ф.) помочати Божий дворяне и пискун и вся вой Рижкая, и убоявся»²²⁵. Тут летописец называет меченосцев божьими дворянами. В его устах божьи дворяне — это, конечно, божьи слуги²²⁶. Употребление южным летописцем слова «дворяне» в таком переносном смысле не оставляет сомнений в том, что данное слово было хорошо известно и весьма привычно в Южной Руси.

В сообщении Лаврентьевской летописи о дворянах обращает внимание одна подробность: летописец отделяет дворян от посадников, тиунов, детских и мечников, предупреждая тем самым от ошибки смешения их с дворянами²²⁷. Поначалу дворяне, видимо²²⁸, представляли собой дворовых слуг князя, свободных и зависимых²²⁹. Постепенно состав этих слуг усложнялся за счет вхождения в него военных элементов, выпадавших из младшей дружины и оседавших в княжеском дворе. По мере разложения дружины и отношений, ясно обозначившегося к концу XII в., младшая дружина постепенно переваривается княжеским двором. Преобразуясь в двор, она переносит некоторые дружины принципы в жизнь двора. Не случайно двор во многом похож на дружины: он слит с князем воедино, всюду следует за

²²² ПСРЛ. т. I, стб. 741; Рапов О. М. Княжеские владения... с. 192.

²²³ НПЛ, с. 52—53, 251.

²²⁴ Рапов О. М. Княжеские владения... с. 182.

²²⁵ ПСРЛ. т. II, стб. 816.

²²⁶ Ср.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века. М.; Л., 1965, с. 164.

²²⁷ ПСРЛ, т. I, сто. 370.— Ср.: Порай-Кошиц И. А. Очерк истории русского дворянства, с. 8; Сергеевич В. И. Русские юридические древности, т. 1, с. 461—462.

²²⁸ Павлов Сильванский Н. П. Государевы служилые люди, с. 27; Дьяконов М. А. Очерки... с. 84.

ним²²⁹, подобно дружине воюет²³⁰. Не мудрено, что порою летописцы не различали княжеский двор и дружину²³¹.

Материальная сторона быта дворян отражена в исторических памятниках весьма скромно. Поэтому судить о ней мы можем только в форме предположений. Дворяне, по нашему мнению, стояли преимущественно на княжеском довольствии, стояли у князя и получая денежное вознаграждение за службу. Известно, например²³², что князь Мстислав жаловал своих дворян частью чудской дани²³³. Примечательны слова Даниила Заточника: «Всякому дворянину имети честь и милость у князя»²³⁴. Понятия «честь» и «милость» в те времена обычно связывались с благодеяниями, так сказать, натурай. Да и сама общая направленность «Моления» Даниила Заточника, бывшего, скорее всего, дворянином²³⁵, довольно красноречива. «Даниил,—писал Д. С. Лихачев,— подчеркивает свою полную зависимость только от князя. Только в князе видит он возможный источник своего благополучия, только князя восхваляет, превозносит до небес»²³⁶. После татаро-монгольского нашествия, разстроившего прежнюю финансово-земельную систему князей²³⁷, дворяне постепенно становятся земельными держателями, что запечатлели договорные грамоты новгородцев с князьями²³⁸.

Несмотря на четко выраженный процесс распада дружинных связей, замечаемый в конце XII — первой половине XIII в., дружина как социально-политический институт продолжала действовать²³⁹, влияя на положение князя как в рамках дружинного союза, так и древнерусского общества в целом.

Чтобы еще рельефнее представить место князя и дружинной знати в Киевской Руси, обратимся к изучению проблемы сеньориального режима XI—XII вв.

²²⁹ НПЛ, с. 60, 61, 63—64, 78.

²³⁰ Там же, с. 40, 52—53, 64.

²³¹ Там же, с. 79, 304.—Не всегда отличают дружинников от дворян по некоторые новейшие историки.—См.: Па шут о В. Г. Очерки истории СССР XII—XIII вв. М., 1960, с. 13; С в е р д л о в М. Б. Дворяне в Древней Руси, с. 57, 232 НПЛ, с. 52—53, 251.

²³³ С л о в о Даниила Заточника. Л., 1932, с. 68.

²³⁴ И с т о р и я русской литературы. М.; Л., 1958, т. 1, с. 154; Б у д о в - н и ц И. У. 1) Памятник ранней дворянской публицистики (Моление Даниила Заточника).—ТОДРЛ, т. VIII; 2) Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960, с. 289.

²³⁵ Л и х а ч е в Д. С. Великое наследие. М., 1975, с. 207.

²³⁶ Ф р о я н о в И. Я. О возникновении крестьянских переходов в России.—Вестн. Ленингр. ун-та, 1978, № 14, с. 32.

²³⁷ ГВНП, № 1, с. 10, № 2, с. И. Ср.: С в е р д л о в М. Б. Дворяне в Древней Руси, с. 58—59.

²³⁸ См. с. 76—77 настоящей книги.

Очерк третий

К ВОПРОСУ О СЕНЬОРИАЛЬНОМ РЕЖИМЕ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В современной исторической науке термин «сеньория» толкуется двояко: в смысле комплекса феодальной земельной собственности и вытекающих из нее обширных прав на зависимое население, а также в значении одного из видов вотчины, отличающейся малой ролью барского, домениального хозяйства или же полным отсутствием оного¹. Нас сеньория интересует в первом своем качестве и преимущественно как социально-политическое учреждение, лежавшее некогда в основе феодального строя. В какой мере Киевская Русь была знакома с порядками сеньориального характера?

Древнерусская сеньория стала предметом изучения еще в дореволюционной историографии. Тут прежде всего вспоминаются труды Н. П. Павлова-Сильванского, в которых настойчиво проводилась идея о существовании в истории России особого феодального периода, когда господствующей социальной организацией выступала сеньория-боярщина. Данный период автор именовал «удельным» и относил его к XIII — середине XVI в.² Ранее же, «от доисторической древности до XII в., основным учреждением является община или мир, мирское самоуправление, начиная с низших самоуправляющихся верней до высшего самоуправляющегося союза; земли, племени, с полновластным народным собранием, вечем»³.

Необходимо заметить, что еще в дореволюционной науке наметилась тенденция к архаизации сеньориальных порядков, якобы обнаруженных в отечественной истории. Так, Б. И. Сыромят-

¹ С о в е т с к а я историческая энциклопедия в 16-ти т. М., 1969. Т. 12, стб. 777.

² П а в л о в - С и л ь в а н с к и й Н. П. 1) Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907; 2) Феодализм в Удельной Руси. СПб., 1910.

³ П а в л о в - С и л ь в а н с к и й Н. П. Феодализм в Древней Руси, с. 146—147.

ников, принимая тезис Н. П. Павлова-Сильванского о феодальном содержании «кудельного периода», несколько раздвинул его рамки;» обозначив начальную грань XII в.⁴ Кроме того, он в XI в. наблюдал зарождение феодального иммунитета, а вместе с ним и владельческой юрисдикции, которая превращала земельного собственника в «государя» над зависимым населением⁵. Другой историк русского права П. И. Беляев открыл сеньорию уже во времена князя Владимира Святославича, т. е. где-то на рубеже X—XI столетий⁶.

Особенно широко развернулось исследование древнерусской сеньории в послереволюционное время. Многие советские историки считают сеньорию для Киевской Руси фактом доказанным⁷. Рассмотрим аргументацию тех авторов, в чьих работах специально и сравнительно подробно речь идет о сеньориальной организации в Древней Руси.

С. В. Юшков принадлежит к числу первых в советской историографии, кто обратился к проблеме сеньории на Руси. Он считал, что «организационный тип феодальной сеньории, установленный Павловым-Сильванским для XIII—XV вв., сложился еще в эпоху Киевской Руси»⁸. В XI—XII вв., по словам С. В. Юшкова, «возник и оформился административно-хозяйственный центр феодальной сеньории — село». Ему казалось, будто «в новейшей исторической литературе слишком мало обращают внимание на этот факт, а между тем правильное понимание на-звания «село» может вскрыть много важных моментов в истории возникновения и первоначального развития феодализма. В большинстве случаев под селом понимают сравнительно большое поселение сельских людей, в отличие от малых поселений — деревень. Но в наших памятниках село XI—XII вв. полностью соответствует селу XIII—XV вв. Село — это villa западного средневековья, это центр феодального владения. Селом не может быть названо поселение, если не будет там феодала, если оно не принадлежит феодалу»⁹.

⁴ Муравьев В. А. Б. И. Сыромятников о становлении феодальных отношений в Древней Руси.—В кн.: История и историки. М., 1975, с. 153—154.

⁵ Там же, с. 150.

⁶ Беляев П. И. Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение.—Журнал министерства юстиции, 1916, № 9, с. 147.

⁷ Рубинштейн Н. Л. Нарис історії Київської Русі. Хар'ков; Одеса, 1930, с. 17, 39, 44; Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939, с. 129—131; Геков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 155—156; Черепинин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М., 1951, ч. 2, с. 114; Пашута В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956, с. 55; Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков. М.; Л., 1963, с. 82; Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977, с. 34.

⁸ Юшков С. В. Очерки... с. 130.

⁹ Там же.

С. В. Юшков допустил неточность, когда говорил, что в современной ему литературе слишком мало обращалось внимания на село как центр феодального хозяйства. За несколько лет до появления «Очерков» С. В. Юшкова были опубликованы монографические исследования Н. Н. Воронина и С. Б. Веселовского, посвященные сельским поселениям вообще и селу в частности. Н. Н. Воронин и С. Б. Веселовский высказались о древнерусском селе в том же духе, что и С. В. Юшков¹⁰. Остается недоумевать, почему С. В. Юшков прошел мимо их высказываний. Впрочем, главное не в этом. Оно заключается в том, что в вопросе о селе на Руси XI—XII вв. С. В. Юшков стоял на неверных позициях. Односторонность его понимания слова «село» прекрасно иллюстрируют разыскания С. В. Бахрушина, Б. А. Романова и Г. Е. Ко-чина. С. В. Бахрушин отмечал, что «селу феодальному предшествует село смерда-общинника (т. е. участок земли с дворовой усадьбой), возникшее еще на территории общинника и существовавшее рядом с погостом, который объединял окрестные села»¹¹. Согласно Б. А. Романову, «село» — «исконный термин для обозначения сельского поселения как крестьянского так и господского», причем «крестьянское сельское поселение старше сельского поселения феодала, и термин „село“ применялся к нему в известном нам языке искони. Термин этот покрыл затем и феодальные внегородские владения, будь то рабочий поселок земледельческого типа или резиденция владельца»¹². Определяя смысл слова «село», Г. Е. Кочин писал: «В Южной и Юго-Западной Руси этим словом обозначались вообще все сельские поселения — поселки с усадьбами крупных землевладельцев и селения земледельческие. Так было в Древней Руси X — XIII вв., так осталось и в последующее время»¹³. Надо иметь в виду, что термин «село» кроме указанных С. В. Бахрушиным, Б. А. Романовым и Г. Е. Кочинным значений имел еще одно, а именно участок возделанной земли — прототип «села земли» в источниках XIV-XV вв.¹⁴

¹⁰ Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси: Погост, свобода, село, деревня. Л., 1935, с. 43; Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.; Л., 1936, с. 12, 21, 22.—Аналогичные взгляды содержались в трудах, вышедших значительно позднее, см.: История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948, т. 1, с. 186; Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли VIII—XV вв. М., 1960, с. 31; Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. 1: Материалная культура. М., 1969, с. 233.

¹¹ Бахрушин С. В. Рец. на кн. Н. Н. Воронина «К истории сельского поселения феодальной Руси».—Историк-марксист, 1936, № 6, с. 193.

¹² Романов Б. А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма.—В кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в русском государстве XII—XVII веков. М.; Л., 1960, с. 413, 417.

¹³ Коchin Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. М.; Л., 1965, с. 107.

¹⁴ Потебня А. А. Этимологические заметки. Варшава, 1891; см. также: Рыбаков Б. А. Смурды.—История СССР, 1979, № 1, с. 54; № 2, с. 56, прим.

Таким образом, село на Руси X—XII вв.—далеко не однозначное понятие. С этой точки зрения аргументы С. В. Юшкова, смотревшего на древнерусское село через сеньориальные очки, весьма уязвимы. Не убеждают и другие факты, которыми он оперирует. Приведя выдержку из грамоты князя Ростислава о пожаловании смоленской епископии сел Дросенского и Ясенского с землями, С. В. Юшков заключает: «В грамоте подчеркивается, что село и земля, тянувшая к селу,— два разных объекта. Где нет села как административного центра, говорится просто о земле, о нивах, рольях, пашнях и пр. Так, указанная грамота продолжает: „И се есми дал землю в Погоновичах Моншинскую святей богородице и епископу¹⁵». Значит, в Погоновичах не было административного центра¹⁶. Грамота Ростислава не дает, на наш взгляд, оснований для подобных выводов. Конечно, села Дросенское и Ясенское можно отделить от пожалованных остальных земель. Но этого абсолютно недостаточно, чтобы говорить о названных селах как административных центрах сеньории. Пойдем, однако, навстречу С. В. Юшкову и вообразим на минуту, что он прав. Тогда мы окажемся перед сущей несуразностью: наличием нескольких административно-хозяйственных центров в пределах одной сеньории (села Ясенское и Дросенское). Искусственность построений С. В. Юшкова с особой наглядностью проявляется на примере новгородского боярра Клиmenta. Покидая бренный мир, он составил завещание, по которому Юрьев монастырь получал боярские «два села с оби-льем, и с дошадьми, и с борьтью, и с малыми селици, и пынь и колода»¹⁷. По тому же завещанию некий Калист становился собственником села Микшинского «с огородом и борьтью», а Воинов сын Андрей— села Самуиловского с бортными угодьями и лесными вырубками¹⁸. Завещаемые села со всем, что к ним «потягло» (селища, бортные участки и пр.), разлагаются, по методе С. В. Юшкова, на восемь объектов: 4 села и столько же земельных комплексов, тянувших к каждому селу¹⁹. Но значит ли это, что Климент имел четыре сеньориальных административно-хозяйственных центра? Отнюдь, нет. Однако, по логике С. В. Юшкова, ответ здесь должен быть положительным и, следовательно, как минимум, курьезным. Вспомним, наконец, летописное свидетельство о «блаженной княгине Глебовен», падившей Печерскому монастырю 5 сел с челядью²⁰. Неужто кто-нибудь решится утверждать, что летописец рассказывает о вкладе феодального владения с пятью центрами²¹?

¹⁵ Юшков С. В. Очерки... с. 130.

¹⁶ Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. **Два памятника** новгородской письменности. М., 1952, с. 8.

¹⁷ Там же, с. 8—9.

¹⁸ Юшков С. В. Очерки... с. 130.

¹⁹ ПСРЛ, т. II, стб. 492—493.

С. В. Юшков ссылается далее на летописца, по рассказу которого князь Изяслав вместе с киевлянами грабил имущество враждебной игоревой и всеволодовой дружины, в том числе ее «села и скоты», а также на фрагмент из речи Изяслава, обращенной к своим дружиным: «Вы есте по мне из Русской земли вышли, своих сел и своей жизни лишився»²⁰. Все это призвано подтвердить идею о селах «как сложившихся феодальных административно-хозяйственных центрах». Но взятые С. В. Юшковым тексты не оправдывают надежд автора, ибо они лишены каких бы то ни было намеков на сеньориальный характер упоминаемых летописцем сел. Добавим к этому, что села, которые потеряли покинувшие Киев мужи Изяслава, совсем не обязательно относить к разряду крупного землевладения. Скорее всего то были волостные «кормленые» единицы, которыми пользовались дружины Изяслава, пока сидели в Киеве²¹.

Функционирование при князьях и боярах административной — мелкоты, хозяйственных агентов в лице тиунов, сельских и ратайных старост, рядовичей — последний аргумент в руках у С. В. Юшкова, взятый для обоснования мысли об организационном оформлении в Киевской Руси феодальной сеньории²². Но опять-таки сведения письменных памятников насчет вотчинного административного аппарата сами по себе не предопределяют вывода о сеньориальной его природе. Рабовладельческое хозяйство ведь тоже нуждается в управителях, приставленных к невольникам. Они необходимы и в феодальной вотчине, не дорошней еще до сеньории. Стало быть, здесь возможны различные варианты в интерпретации источников. С. В. Юшков не учитывает данного обстоятельства, теряя тем самым объективность в подходе к источникам.

После сеньории светской С. В. Юшков обращается к сеньории церковной. Под первом ученого древнерусская церковь предстает каким-то локомотивом феодализма в Киевской Руси. Подчеркнув то, что в Византийской империи, современной Руси, сложился феодализм развитого типа, С. В. Юшков пишет: «Само собой разумеется, византийское духовенство, прия на Русь, должно было в своей деятельности проводить организационные принципы развитого феодального общества. Оно должно было сделаться основной силой, которая будет проводником и организатором экономики развитого феодального общества, будет оформлять феодальную идеологию, способствовать утверждению централизованной политической власти и рецепции развитого феодального византийского права»²³. Затем С. В. Юшков с заметным

²⁰ Юшков С. В. Очерки... с. 130.

²¹ Фроянов И. Я. Киевская Русь. **Очерки** социально-экономической истории. Л., 1974, с. 68.

²² Юшков С. В. Очерки... с. 130—131.

²³ Там же, с. 53.

подъемом говорит о создании мощной, как он выражается, экономической базы русской церкви и чуть ли не головокружительном росте церковного землевладения, усматривая в этом возникновение и развитие церковных сеньорий²⁴. Темпы формирования церковно-монастырского землевладения нам представляются значительно более умеренными, чем С. В. Юшкову²⁵. Однако суть проблемы не в замедленном или бурном распространении землевладения. Рост земельной собственности без сопоставления с другими факторами не в состоянии дать ответ, какое мы имеем землевладение, сеньориальное или несеньориальное. Качество тут определяется посредством иных показателей. С. В. Юшков, правда, пытается найти их, но тщетно. Его рассуждения о внедрении в социальную ткань Руси византийским духовенством институтов зрелого феодализма мало стоят, ибо они постулируются, а не доказываются. И мы вправе усомниться в подобных декларациях, наделяющих горстку людей, какой являлось духовенство в полуязыческой Руси XI—XII вв., почти магической силой. Внимание отцов церкви было приковано к христианизации древнерусского общества, но отнюдь не к насаждению высокоразвитых форм феодализма. И если бы они все же решились вводить на Руси византийские феодальные порядки, то потерпели бы фиаско. Сам С. В. Юшков невольно подтверждает это, выясняя степень возможности применения церковью в юридической практике Древней Руси норм византийского права. Итог оказался скромным, поскольку церковники убедились, что «византийское законодательство не могло быть полностью применено в стране, где процесс феодализации был еще далек от своего окончательного завершения. Византийское законодательство могло быть только далеким идеалом. Тогда византийское духовенство стало стремиться ввести в действие различного рода переработки византийского законодательства для славянских народов, которые отражали феодализм раннего периода»²⁶.

С. В. Юшков говорит также о церковном иммунитете и видит в нем свидетельство сеньориальной постановки древнерусской церкви²⁷. Но иммунитет на Руси отличался от феодального иммунитета, о чем мы скажем ниже.

Итак, доводы С. В. Юшкова о наличии на Руси XI—XII вв. сеньориальных вотчин, принадлежавших светским и духовным феодалам, не выдерживают критики.

Столь же неосновательны и построения И. И. Смирнова, стремившегося показать превращение раннефеодальной вотчины X—XI вв. в вотчину-сеньорию XII—XIII столетий. Материалы для этого он черпал из Пространной Правды, которая якобы «в своих постановлениях о смердах и верви отразила процесс

²⁴ Там же, с. 53—56.

²⁵ Ф о я н о в И. Я. Киевская Русь... с. 73—87.

²⁶ Юшков С. В. Очерки... с. 60.

²⁷ Там же, с. 57—59.

возникновения древнерусской сеньории и создала юридическую базу для дальнейшего развития ее институтов»²⁸.

Схема И. И. Смирнова опирается на традиционное понимание смердов, делящее древнерусских смердов на две категории: свободных и феодально зависимых. В новейшей литературе высказываются обоснованные сомнения насчет такого понимания статуса смердов²⁹. Уже с этой точки зрения положения И. И. Смирнова выглядят спорными. Однако примем пока мысль автора и посмотрим за ходом его суждений.

Очень важная конструктивная роль отведена у И. И. Смирнова ст. ст. 80—84 Пространной Правды, определяющим ответственность за кражу или умышленную порчу чужого имущества и вещей. Субъект преступления в этих статьях обозначен местоимением «кто»³⁰. И. И. Смирнов полагает, что за безликим «кто» ст. ст. 80—84 прячется смерд, которому противостоит феодал — господин, упоминаемый в ст. ст. 80—82 и 84. По отношению к этому господину смерд фигурирует в качестве зависимого, хотя и сохраняющего юридическую свободу, человека³¹. Данные положения И. И. Смирнова сплошь проблематичны. Однако мы не станем сейчас приводить контраргументы, ибо в том нет никакой надобности³². Для нас в настоящий момент важнее установить, насколько казусы ст. ст. 80—84, понятые по И. И. Смирнову, соответствуют сеньориальным порядкам. И тут наше внимание останавливает в высшей степени примечательное явление: смерда, покусившегося на феодальную собственность, судят не в господской, сеньориальной курии, а в княжеском суде. Это со всей очевидностью явствует из предписания Пространной Правды уплаты обвиняемым продажи, т. е. штрафа за преступление, который взимался в пользу князя³³. Да и сам И. И. Смирнов воссоздает картину княжего суда, когда применяет процедуру ст. 85, определяющей правила послушества с участием холопа и «муки железом», к ст. ст. 80—84. Это — суд без видимых привилегий для господина, даже чреватый для него денежной пеней в случае ложного обвинения³⁴, суд, в котором «заседают» княжеские чиновники,

²⁸ Смирнов И. И. Очерки... с. 82.

²⁹ Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973; см. также: Форянов И. Я. Киевская Русь... с. 119—

³⁰ «Аже кто подотнеть вервь в перевесе»; «аже кто украдеть в чьем перевесе»; «аже кто двор зажъжеть». — ПР, т. I, с. 113.

³¹ Смирнов И. И. Очерки... с. 32—40, 56.

³² Серьезные возражения высказал в связи с этим А. А. Зимин. — См.: Зимин А. А. О смердах Древней Руси XI — начала XII в. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962.

³³ «Аже кто подотнеть вервь в перевесе, то 3 гривны продажи»; «аже кто украдеть в чьем перевесе ястреб или сокол, то продаже 3 гривны»; «а кто пакощамп конь порежеть или скотину, продаже 12 гривен». — ПР, т. I, с. 113.

³⁴ Смирнов И. И. Очерки... с. 58—59.

мечник и детский, санкционирующие своим присутствием судебное разбирательство и получающие «от тяжущихся железный урок: мечник — пять кун, а детский — полгривны»³⁵. Подходит ли это под сеньориальную мерку? Разумеется, нет. Потому как сеньориальное право есть, кроме всего прочего, право суда над зависимыми людьми. Население вотчины судил сеньор или тот, кому он «приказывал».

Не свидетельствуют о складывании сеньориального строя и те перемены в положении свободной общиной-верви, о которых пишет И. И. Смирнов. Одна из существеннейших перемен, по автору, заключалась «в установлении контроля со стороны княжеской власти над судебными функциями верви, над народным судом»³⁶. Происходит «окняжение суда», аналогичное «окняжению земли»³⁷, и вервь включается в систему феодальных связей. «Она уже не объект борьбы со стороны феодалов, а составной элемент феодального общества (хотя ее члены — люди — еще не стали крепостными, не вошли в состав населения феодальной вотчины)»³⁸. Последним признанием И. И. Смирнов опровергает собственный тезис о возникновении в XII в. вотчины-сеньории. Подрывает построенное И. И. Смирновым здание и его интерпретация ст. 90 о смердьей «заднице». Статья, по его словам, «демонстрирует одну из форм вторжения феодалов в сферу общинной собственности, один из путей перехода к феодалу общинной собственности»³⁹. Вместе с тем она отражает «более раннюю стадию процесса закрепощения смерда, чем право «мертвой руки». В плане социальном — это та самая стадия, которая политически означала установление контроля над общиной-вервью со стороны органов власти феодального государства и которая нашла свое выражение в ст. ст. 3—8 (Устав о верви) и в ст. 78 о муке смерда»⁴⁰. И. И. Смирнов, стало быть, вводит нас в ранний, а точнее в начальный, период феодализации, предшествующий сеньориальной эпохе, являющейся апогеем в развитии феодализма. В условиях сеньориального режима контроль над крестьянской общиной, потерявшей самостоятельность, осуществляется не феодальное государство, а феодальный землевладелец, сеньор, которому передаются судебные, полицейские и административные функции, присущие прежде представителям государственной власти — княжеским или королевским чиновникам. Следовательно, «установление контроля над общиной-вервью со стороны органов власти феодального государства» никоим образом не означает учреждения сеньориальных принципов подчинения. Это случится

³⁵ Там же, с. 59.

³⁶ Там же, с. 61.

³⁷ Там же, с. 62.

³⁸ Там же, с. 63.

³⁹ Там же, с. 80.

⁴⁰ Там же.

тогда, когда государство уступит право контроля над общиной вотчиннику.

Итак, И. И. Смирнову не удалось найти убедительный материал, свидетельствующий о появлении на Руси XII в. вотчины-сеньории. И в этом нет ничего удивительного, ибо известные нам источники не содержат такой материал. Не случайно Б. Д. Греков, развивавший мысли о трансформации раннефеодальной вотчины в сеньорию, вынужден был признать явный недостаток данных на сей счет. Он писал: «Меня могут упрекнуть в том, что процесс, сейчас изображенный (складывание сеньории. — И. Ф.), не всегда подтвержден фактами. Действительно, следить по источникам за всеми этапами эволюции вотчины, за процессом превращения ее в сеньорию нет возможности»⁴¹. Что верно, то верно: фактов, подтверждающих существование сеньориальной вотчины в Киевской Руси, нет. Да их и быть не может, поскольку на Руси X—XII вв. крупное землевладение было развито слабо, а феодальные отношения едва лишь зарождались⁴².

Таким образом, вотчина-сеньория в Древней Руси — скорее мираж, нежели реальность. Нельзя, по нашему убеждению⁴³, считать сеньориальными по характеру и отдельные земли-княжения⁴⁴. От этого предостерегают нас отсутствие права верховной земельной собственности у древнерусских князей и особый стиль их отношений с рядовым населением, совершенно не укладывающийся в рамки формулы «господство и подчинение»⁴⁵.

Дав отрицательный ответ на вопрос о сеньории на Руси X—XII вв., мы задаемся другим вопросом, не встречались ли в ней отдельные явления сеньориального строя или же нечто похожее на эти явления. И здесь мы упираемся в проблему иммунитета.

Древнерусский иммунитет привлек внимание отечественных ученых уже в прошлом столетии. К. А. Неволин, разбирая жалованые грамоты эпохи Московской Руси, обнаружил, что землевладелец тогда «получал многие права державной власти и становился в своей вотчине как бы князем»⁴⁶. Такой порядок существовал искони «сам собою и по общему правилу», причем «в древнейшие времена права вотчинника были не теснее, а напротив еще обширнее, чем они были во времена позднейшие. Власть княжеская постепенно распространялась, а не уменьшалась. При слабой власти общественной сильный вотчинник в пределах своей земли был самовластным господином. Никто не мог вступать на его землю без его согласия. Он был посредником между

⁴¹ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 156.

⁴² Фроянов И. Я. Киевская Русь...

⁴³ Ср.: Юшков С. В. К вопросу о политических формах русского феодального государства до XIX века.—Вопросы истории, 1950, № 1, с. 78; Рац О. М. Княжеские владения на Руси... с. 34.

⁴⁴ См. с. 118—149 настоящей книги.

⁴⁵ Неволин К. А. Поли. собр. соч. в 6-ти т. СПб., 1857. Т. 4, с. 149.

правительством и лицами, жившими под его рукою на его земле. Он производил суд между ними по делам, у них между собою возникавшим, и никто не мог вмешиваться в отправление судебной его власти»⁴⁶. Древнейшие времена в устах К. А. Неволина — это, надо думать, времена домонгольской Руси.

К весьма отдаленной старине отнес зарождение иммунитетных прав и привилегий другой почтенный историк русского права В. И. Сергеевич, который под иммунитетом понимал «освобождение от суда королевских чиновников и от даней, следуемых королю, жалуемое королем»⁴⁷. Это освобождение предполагало действие королевской власти на всех подданных, уплачивающих ей повинности и состоящих под судом ее агентов⁴⁸. Иммунитетное право, по В. И. Сергеевичу, «совершенно не укладывается в рамки феодальной системы», хотя между ним и феодализмом «есть несомненная историческая связь»⁴⁹. Возникший по милости монарха иммунитет являлся предвестником феодализма⁵⁰.

Таким образом, сближаясь с К. А. Неволиным во мнении о древности льготных прав, обладаемых землевладельцами, В. И. Сергеевич иначе смотрел на их источник, находя его не в обычae, а в доброй воле государя.

Дореволюционная наука наиболее подробным исследованием иммунитета в качестве важнейшего института феодального строя в России обязана Н. П. Павлову-Сильванскому⁵¹. Подобно К. А. Неволину, он утверждал, что «иммунитетные права проистекают не из отдельных княжеских пожалований, а из общего обычного права»⁵². Самое раннее известие о древнерусском иммунитете П. П. Павлов-Сильванский извлек из жалованной грамоты 1125—1132 гг. князя Мстислава Владимировича новгородскому Юрьеву монастырю⁵³. Сходные положения развивал впоследствии П. И. Беляев⁵⁴.

В советской историографии одним из первых занялся проблемой иммунитета С. В. Юшков. Княжее землевладение ему представлялось «организующим центром феодализации, основным

⁴⁶ Там же, с. 150.

⁴⁷ Сергеевич В. И. 1) Русские юридические древности. СПб., 1902, т. 1, с. 364; 2) Древности русского права. СПб., 1903, т. 3, с. 471.

⁴⁸ Сергеевич В. И. Древности русского права, т. 3, с. 471.

⁴⁹ Там же, с. 472.

⁵⁰ Там же, с. 472—473.

⁵¹ Павлов-Сильванский Н. П. 1) Иммунитеты в Удельной Руси.— ЖМНП, 1900, декабрь, с. 318—365; 2) Феодализм в Удельной Руси. СПб., 1910, с. 263—308.

⁵² Павлов-Сильванский Н. П. 1) Иммунитеты в Удельной Руси, с. 356; 2) Феодализм в Удельной Руси, с. 298.

⁵³ Павлов-Сильванский Н. П. 1) Иммунитеты в Удельной Руси, с. 353—354; 2) Феодализм в Удельной Руси, с. 295—296.

⁵⁴ Беляев П. И. Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение.— Журнал министерства юстиции, 1916, № 8.

очагом феодальных отношений»⁵⁵. Поэтому иммунитет выступал принадлежностью далеко не всякого крупного землевладения, как считал Н. П. Павлов-Сильванский, а только того, которое передавалось князем и на которое уже распространялись права, гарантируемые иммунитетным дипломом⁵⁶. Нетрудно сообразить, что в становлении иммунитета княжеской политике С. В. Юшков отводил созидающую роль. В XI—XII вв. иммунитет, по выражению автора, «едва вышел из зачаточных форм»⁵⁷.

Специальную книгу посвятил изучению вотчинного режима на Руси С. Б. Веселовский. Попытки К. А. Неволина и Н. П. Павлова-Сильванского объяснить происхождение иммунитета из развития крупного землевладения, из обычного права С. Б. Веселовский воспринимал скептически⁵⁸. В Киевской Руси исследователь наблюдал лишь предпосылки судебного иммунитета, завязавшиеся в сфере «личных отношений господина к рабам и зависимым людям, независимо от того, был ли он землевладельцем, или нет»⁵⁹. Вот почему «самые глубокие корни иммунитета имели не земельный, а личный характер, вытекали из личных отношений сильных к слабым. Сами по себе они, однако, не создавали иммунитета». Для этого нужно было пожалование князя⁶⁰.

Стремление С. Б. Веселовского вывести иммунитет из княжеского пожалования вызвало возражения у А. Е. Преснякова, принявшего сторону Н. П. Павлова-Сильванского и доказывавшего возникновение иммунитета «из общих условий древнего колониального процесса и общественного строя». Вотчинная власть землевладельца — та почва, что взрастила иммунитет⁶¹.

А. Е. Преснякова целиком поддержал Б. Н. Тихомиров, признав его критику суждений С. Б. Веселовского правильной⁶². Согласно Б. Н. Тихомирову, основа любого иммунитета лежит в праве «крупного вотчинника на суд и дань в отношении к насе-

⁵⁵ Юшков С. В. Феодальные отношения в Киевской Руси.— Учен, зап. Саратовск. ун-та, 1925, т. 3, вып. 4, с. 87.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, с. 90, 106.

⁵⁸ Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926, с. 26.

⁵⁹ Там же, с. 8.

⁶⁰ Там же, с. 22—23; см. также: Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947, т. 1, с. 110—113.

⁶¹ Пресняков А. Е. Вотчинный режим и крестьянская крепость.— ЛЗАК. Л., 1927, вып. 34, с. 180.

⁶² Тихомиров Б. Н. К вопросу о генезисе и характере иммунитета в феодальной Руси.— Историк-марксист, 1936, № 3, с. 4.— Справедливость возражений А. Е. Преснякова признавал позднее и И. И. Смирнов.— См.: Смирнов И. И. Очерки политической истории русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958, с. 338.— Л. В. Черепнин в том же духе говорил: «Несмотря на то, что А. Е. Пресняков не дал марксистского понимания иммунитета, в критике С. Б. Веселовского он стоял на правильном пути» (См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2, с. 106).

лению своей вотчины, которое он отстаивает всеми средствами и для которого акт пожалования льготно-несудимой грамоты есть лишь закрепление и юридическое оформление фактического положения вещей, сложившегося в процессе политической борьбы с другим феодалом, в первую очередь со своим сюзереном»⁶³. Начатки иммунитета на Руси открылись Б. Н. Тихомирову в церковной юрисдикции XI в.⁶⁴

В 30-е годы С. В. Юшков возвращается к теме о древнерусском иммунитете и вносит радикальные поправки в свои прежние построения. Если раньше в создании иммунитетных порядков княжескому пожалованию он придавал первостепенное значение, то теперь ему казалось, что иммунитет, будучи «юридической стороной формы феодального властовования», появляется вместе с феодальной рентой⁶⁵. Суд над холопом, закупом, смердом С. В. Юшков толковал как нечто имманентное вотчинным правам господ. Отсюда заключение: стихийно действующий иммунитет не фиксировался сперва «в каких-либо грамотах»⁶⁶. Иммунитет у С. В. Юшкова — явление, непременно сопутствующее феодальному землевладению.

Идеи С. В. Юшкова и Б. Н. Тихомирова завоевали многочисленных приверженцев⁶⁷. В новейшей литературе история феодального иммунитета на Руси начинается не позже XII в.⁶⁸. При этом его развитие изображается в виде спонтанного процесса, протекающего в недрах феодальной вотчины. Феодальная сущность иммунитета ныне настолько укоренилась в сознании историков, что стала прописной, азбучной истиной⁶⁹. Однако есть повод для

⁶³ Там же, с. 10.

⁶⁴ Там же, с. 16.

⁶⁵ Юшков С. В. Очерки... с. 231.

⁶⁶ Там же, с. 234.

⁶⁷ Не случайно значительно позднее В. Т. Пашуто назовет постановку вопроса об иммунитете Б. Н. Тихомировым верной.—См.: Пашуто В. Т. Чертты политического строя Древней Руси.— В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 49, прим.

⁶⁸ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 155—156; Черепинин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2, с. 113—115; Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, с. 54; Смирнов И. И. Очерки... с. 282—283.

⁶⁹ Этот взгляд присущ также специалистам по средневековой истории других стран.— См.: Граменицкий Д. С. К вопросу о происхождении и содержании франкского иммунитета.— Средние века, 1946, вып. 2, с. 135, 152; Михаловская Н. С. Каролингский иммунитет.— Там же, с. 173, 184, 187—188; Гутикова В. В. К вопросу об иммунитете в Англии XIII века.— Там же, 1951, вып. 3, с. 103, 106—107; Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М., 1958, с. 345—347; Сазанчик С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968, с. 99; Уальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 184.

сомнений в безупречности этой «истины». Настораживает, к примеру, ее несоответствие результатам, достигнутым советской месдиевистикой в последние 10—15 лет, и прежде всего трудам знатока средневековой истории Западной Европы А. И. Неусыхина. В историческом развитии варваров А. И. Неусыхин выделяет дофеодальный период, послуживший переходной фазой от рода-племенного строя к раннефеодальному⁷⁰. Так, «племенной союз франков даже при Хлодвиге (объединившем салических и рипуарских франков) все еще находился на стадии перехода от доклассового общества к классовому. Франкское общество конца V — начала VI в. еще не феодальное и даже не раннефеодальное, а дофеодальное (или «варварское»)⁷¹. Но именно в указанное время мы присутствуем при зарождении иммунитета⁷². Получается, что иммунитет возникает в дофеодальном обществе. Значит, он не всегда имел феодальный характер и приобретал таковой по мере формирования крупного землевладения, сопряженного с образованием класса феодально зависимого крестьянства. Оставим, впрочем, за специалистами по западному средневековью авторитетное слово в данном вопросе и обратимся к источникам Древней Руси. В них, по нашему убеждению, содержится материал, опровергающий привычные представления об иммунитете как сугубо феодальном учреждении.

Церковный устав князя Ярослава гласит: «А что деется в домовых людях и в церковных, и в самех монастырех, а не вступаются княжи волостели в то, а то ведають их епископли волостели, а безаттина их епископу идеть»⁷³. Перед нами иммунитет, охватывающий людей, состоящих при церкви. Рискованно называть его феодальным по той простой причине, что в княжение Ярослава древнерусская церковь не успела обзавестись землей. Только со второй половины (может быть, даже с конца) XI в. она

⁷⁰ Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от рода-племенного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья).— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, кн. 1, с. 596—617.— А. Я. Гуревич, развивая мысль А. И. Неусыхина, заключил, что данный период совсем необязательно толковать как переходный. То было «самобытное варварское общество, обладающее рядом устойчивых конститутивных признаков», — пишет А. Я. Гуревич (Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967, с. 14); см. также: Хазанов А. М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества.— В кн.: Первобытное общество: Основные проблемы развития. М., 1975, с. 128.

⁷¹ Неусыхин А. И. Дофеодальный период... с. 606.

⁷² Ф. де Кулланж говорит о податном иммунитете, обозначившемся уже при Хлодвиге.— См.: Ф. де Кулланж. История общественного строя Древней Франции. СПб., 1910, т. 5, с. 430—431.

⁷³ ПРП, вып. I, с. 262.

начинает обрасти селами⁷⁴. Иммунитет, дарованный Ярославом Мудрым сановникам церкви, лишен, следовательно, существенного феодального свойства — связи с землевладением.

В пользу идеи о нефеодальном характере иммунитета, которым пользовалась церковь в «лета Ярослава», свидетельствуют и «люди церковные». Правда, в Уставе Ярослава они не конкретизированы. Зато в Уставе Владимира, в статье о церковных людях, включенной в памятник задним числом⁷⁵ и напоминающей своеобразный комментарий к тексту о «домовых» и «церковных» людях Устава Ярослава, приводится их реестр, и в нем решительно превалируют нетрудящиеся субъекты с довольно емкой градацией: от игумена до слепца и хромца. Ко всей этой непроизводящей ассоциации понятие феодальной зависимости, конечно, неприменимо. Что касается задушных людей и прикладников, то их место на социальной лестнице — загадка для историка. Нами было высказано предположение о задушном человеке как рабе, освобожденном господином во спасение собственной души и попавшем под патронат церкви⁷⁶. Практика отпуска рабов на волю известна чуть ли не с крещения Руси. Во всяком случае, Иаков Мних рассказывает: «Крести же ся сам князь Володимер, и чада своя, и весь дом свои святым крещением просвети и свободи вся-ку душу, мужеск пол и женеск, святого ради крещенья»⁷⁷. Почин богобоязненного князя был, надо полагать, подхвачен другими рабовладельцами, принявшими христианскую веру. Мы не знаем, чем занимались вольноотпущенники (задушные люди) в церковном хозяйстве. Вряд ли, однако, они подвергались там феодальной эксплуатации. Ведь вплоть до исхода XI в. церковь не имела земельных владений. Кроме того, задушные люди, будучи вольноотпущенниками, являли собой разряд полусвободных⁷⁸, а не феодально зависимых. Полусвободные — компонент структуры дофеодального (варварского) общества⁷⁹. Понадобился длительный период, чтобы полусвобода вольноотпущенников превратилась в феодальную несвободу с барщинным трудом или простым оброчным обязательством.

⁷⁴ Щ а п о в Я. Н. 1) Церковь в системе государственной власти Древней Руси.—В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 336; 2) Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, с. 122; Ч е р е п и н Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.— В кн.: Новосельцев А. П. и др. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 162—163; Ф р о я н о в И. Я. Киевская Русь... с. 73—87.

⁷⁵ Я. Н. Щапов относит это ко второй половине XII в.—См.: Щапов Я. Н. Княжеские Уставы... с. 127—128.

⁷⁶ Ф р о я н о в И. Я. Киевская Русь... с. 146—147.

⁷⁷ З и м и н А. А. Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку.— В кн.: Краткие сообщения Ин-та славяноведения. М., 1963, 37, с. 68.

⁷⁸ Ф о д е К у л а н ж. История общественного строя древней Франции. СПб., 1907, т. 4, с. 431.

⁷⁹ Н е у с х и н А. И. Дофеодальный период... с. 598.

У прикладников социальная физиономия еще более затушевана, чем у задушных людей. Не исключено, что соседство прикладников с задушными намекает на однотипность этих разрядов древнерусского зависимого населения.

Во второй и третьей редакциях (Толстовский и Синодальный списки) Устава князя в компании подведомственных церкви людей взамен прикладника фигурирует прощенник⁸⁰. Стало быть, прощенники, наравне с задушными, жили под покровом церковного иммунитета. Прямое подтверждение тому находим в грамоте князя Ростислава, учредившего епископию в Смоленске. Ростислав пожаловал «светеи Богородици и епископу прощенники с медом, и с кунами, и с вирою, и с продажами, а не надобе их судит никакому же человеку»⁸¹. Иммунитет на прощенников, предоставленный церкви князем, был полным, т. е. финансовым и судебным⁸². Прощенники — люди полусвободные, а не феодально зависимые⁸³. Поэтому рассуждения о феодальном иммунитете в данном случае явно неуместны.

В Уставе Ростислава речь идет об иммунитете только в отношении прощенников. Допустим, однако, что составитель совершил невинный, хотя и досадный пропуск, не оговорив иммунитетные права в других случаях. И что же мы видим?

Князь наделил епископа, помимо прочего, землей: двумя селами (Дросенским и Ясенским), несколькими покосами, озерами в капустным огородом. Становясь земельным собственником, смоленский владыка не делался автоматически феодалом⁸⁴. По верному замечанию Ю. В. Бромлея, «изучение крупной земельной собственности в отрыве от экономического и правового статуса непосредственных производителей, по существу, не может дать ответа на вопрос о типе производственных отношений, а в конечном счете и на вопрос о характере самой этой собственности»⁸⁵. Землевладение — очень важный признак феодализма, но не всеобъемлющий, ибо земельным собственником выступал и рабовладелец. Выясним форму зависимости тех, кто отдан был «светеи Богородици и епископу». В документе читаем: «И се даю... на горе огород с капустником и з женою и з детми, за рекою, тете-ревник с женою и з детми...»⁸⁶. Вряд ли мы ошибемся, если сочтем подаренных Ростиславом огородника и птицелова за рабов. Ведь

⁸⁰ ПРП, вып. I, с. 242, 246.

⁸¹ Там же, т. І, с. 39.

⁸² Щ а п о в Я. Н. Княжеские Уставы... с. 150.

⁸³ Ф р о я н о в И. Я. Киевская Русь... с. 147—148. Ср.: А л е к с е е в Л. В. Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли.— В кн.: Slowiane w dziejach Europy. Poznań, 1974, s. 88.

⁸⁴ Ср.: Щ а п о в Я. Н. 1) Церковь в системе государственной власти... с. 280; 2) Княжеские Уставы... с. 149.

⁸⁵ Б р о м л е й Ю. В. Становление феодализма в Хорватии (к изучению процесса классообразования у славян). М., 1964, с. 252—253.

⁸⁶ ПРП, вып. II, с. 41.

они передаются с женами и детьми, словно с каким-то скарбом. Холопом был, вероятно, и бортник из села Ясенского.

Наряду с капустником, тетеревником и бортником епископу отошли изгои — жители Ясенского и Дросенского⁸⁷, которых нельзя смешивать с феодально зависимыми крестьянами. Изгои здесь — либертины фиска⁸⁸. Оказавшись под патронатом церкви, они могли эволюционировать в крепостных и стать, наконец, ими. Но это — дело будущего⁸⁹.

Итак, все пожалованные смоленской епископии князем Ростиславом люди не укладываются в ложе феодального иммунитета. Сведения о них скорее служат иллюстрацией дофеодального иммунитета, бытавшего на Руси XI—XII вв.⁹⁰.

Дофеодальный иммунитет явственно вырисовывается в жалованных грамотах Юрьеву монастырю на волость Буйцы и Пантелеимонову монастырю на село Витославицы со смердами.

⁸⁷ Я. Н. Щапов считает, что «крестьяне-изгои» не принадлежали к общинам этих сел. Автора, видимо, надо понимать так, что изгои и бортник не исчерпывали всех обитателей Ясенского и Дросенского (Щ а п о в Я. Н. Княжеские Уставы... с. 149; см. также: С м и р н о в И. И. К вопросу об изгоях. — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 106). На наш взгляд, в тех селах никого сверх изгоев и бортника не было. — См.: Ф р о я н о в И. Я. Киевская Русь... с. 18—19. — Ср.: А л е к с е е в Л. В. Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли, с. 88.

⁸⁸ Ф р о я н о в И. Я. Киевская Русь... с. 141.

⁸⁹ Я. Н. Щапов рассуждает о феодальном иммунитете применительно кенным изгоям. Но ему остался «неизвестным объем феодального иммунитета церкви относительно этих сел (Ясенского и Дросенского). — И. Ф.). Отсутствие специального указания на принадлежность к такому пожалованию также вир и продаж, как это сделано в Уставе относительно прощеников и в грамоте Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю на село Буйцы ИЗО г., не позволяет с уверенностью говорить о том, что этот иммунитет был полным» (Щ а п о в Я. Н. Княжеские Уставы... с. 149). Если придерживаться букв Устава и строго следовать его указаниям, то вряд ли вообще следует заводить речь об иммунитете по отношению к изгоям. Повторяем, в Уставе о том ничего не сказано. Это умалчание выглядит особенно знаменательно на фоне текста, говорящего об иммунитете в связи с прощениками. Правда, Л. В. Алексеев (А л е к с е е в Л. В. Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли, с. 88—89) считает, что в подлиннике грамоты текст об изгоях читался там, где речь шла о прощениниках. Если это так, то можно, вероятно, говорить об иммунитете и в отношении к изгоям. Но даже допустив иммунитет в связи с изгоями, мы решительно не в состоянии квалифицировать его как явление феодальное, поскольку зависимость изгоев далеко не тождественна феодальной.

⁹⁰ По мнению Я. Н. Щапова, смоленская церковь обладала вместе «с феодальным (?) иммунитетом, действовавшим на территориях сел, принадлежащих ей как феодалу (?), также особым судебным отраслевым, не связанным с какой-либо территорией» (Щ а п о в Я. Н. Княжеские Уставы... с. 150). Этот «особый отраслевой иммунитет» выражался якобы в суде епископа по делам семейным и брачным, а иногда и уголовным (отравление). Церковная юрисдикция простиралась, стало быть, на все население Смоленской земли. Суд на столе аморфно обозначенной территории и над неопределенным кругом лиц опасно сближать с имму-

По грамоте великого князя Мстислава и его сына Всеволода, юрьевские иноки получили право сбора в волости Буйцы дани, полюдья, вир и продаж, которые доселе вливались в новгородскую казну⁹¹. Это право не соединялось с землевладением и потому было временным⁹². И все-таки волость, хотя и на срок, изымалась из ведения государственных властей, которые теперь сменил игумен с братией. Отсутствие у Юрьева монастыря права собственности на Буйцы препятствовало трансформации иммунитетных прав, дофеодальных по своему существу, в феодальный иммунитет.

Более обнадеживающая перспектива открывалась перед Пантелеимоновым монастырем. В результате пожалования он становился не только иммунистом, но и землевладельцем, что создавало возможность превращения подаренных ему рабов фиска (смердов)⁹³ в крепостных крестьян. Подобное превращение не могло быть мгновенным, оно свершалось постепенно, отчего иммунитет, реализуемый старцами Пантелеимонова монастыря в ближайшие годы после пожалования, нет причин считать феодальным.

Таким образом(| судебный и финансовый иммунитет возник на Руси XI—XII вв. как специфический дофеодальный институт. От феодального иммунитета он отличался либо тем, что не был связан с землевладением, либо тем, что распространялся на некоторые группы рабов и полусвободных. В ходе развития крупного землевладения, метаморфоза рабских и полусвободных элементов в крепостное крестьянство иммунитет перевоплощался: в нем выхолащивалось старое дофеодальное существо и он наполнялся новым феодальным содержанием.

Мысли о дофеодальном иммунитете не лишены precedента в науке. С. В. Юшков в работе, написанной пятьдесят с лишним лет назад, высказал очень ценную, но, увы, заглохшую идею. Он подчеркивал, что иммунитет, «несомненно, является порождением экономического и социально-политического строя эпохи, предшествующей феодализму»⁹⁴. Позднее С. В. Юшков изменил себе и стал доказывать противоположное. «Час рождения феодальной ренты,— писал автор,— есть час рождения иммунитета. История иммунитета есть в сущности история развития форм феодального властовования. Поскольку эти формы развиваются, развивается

нитетным судом, ибо «тяжки» епископские, перечисленные Ростиславом, имели такой же публичный характер, как и княжой суд, о чем невольно свидетельствует сам Я. Н. Щапов, когда пишет о церкви как государственном учреждении и говорит о том, что выделение церковных судов означало размежевание дел между двумя судебными органами Древней Руси: судом княжеским и епископским (там же, с. 150, 302). К сожалению, тут Я. Н. Щапову не хватает четкости в понятиях, и он нередко смешивает публично-правовые функции церкви с церковным иммунитетом (Там же, с. 124, 281, 296).

⁹¹ ГВНП, с. 140—141.

⁹² Ф р о я н о в И. Я. Киевская Русь... с. 78—79.

⁹³ Там же, с. 125.

⁹⁴ Юшков С. В. Феодальные отношения в Киевской Руси, с. 86.

и иммунитет»⁹⁵. С. В. Юшков занимал сперва более правильную позицию. Приходится лишь сожалеть, что он сдал ее молча, без каких бы то ни было объяснений.

Интересное соображение сравнительно недавно высказал Я. Н. Щапов. Касаясь юрисдикции древнерусской церкви над прощенниками, прикладниками, задушными людьми и прочими, он отмечает, что иммунитетные права церкви на эти группы «не были, очевидно, типичными правами феодального собственника, поскольку они не были связаны с собственностью ее на землю, где они сидели. Это был своеобразный раннеклассовый, если можно так сказать, дофеодальный иммунитет»⁹⁶. К сожалению, Я. Н. Щапов не развивает данное положение, формулируя его как бы вскользь.

В своей работе, написанной в 20-е годы, С. В. Юшков обратил внимание на довольно любопытную деталь: наличие в Киевской Руси положительного иммунитета. «Даже ранние Меровингские дипломы,— отмечал историк,— всегда формулировались отрицательно и содержали не предоставление владельцу дани и суда, а запрещение королевским административным и судебным агентам отправлять суд и собирать налоги. Возникает вопрос, не носит ли эта форма иммунитета (положительный иммунитет.— И. Ф.) глубоко архаические черты, уже изжитые в раннем западно-европейском средневековье и сохранившиеся только у нас?»⁹⁷. С. В. Юшков не дал прямого ответа на поставленный вопрос. Но весь строй его суждений позволяет полагать, что ученый готов был ответить утвердительно.

Положительный иммунитет, действительно, соответствовал наиболее древней стадии развития иммунитетных прав. Эта форма иммунитета обусловливалась состоянием экономической и социально-политической жизни древнерусского общества, в котором крупное землевладение делало первые шаги, а знать, исчерпав возможности обогащения за счет одних грабительских войн, потянулась к туземному населению, чтобы взвалить на него всевозможные повинности, «творимые виры и продажи». В данных условиях положительный иммунитет выростал из забот князя о материальном обеспечении социальной верхушки, в первую очередь духовных чинов и корпораций⁹⁸. И только потом, когда крупное землевладение окрепло и появился класс феодально зависимого

⁹⁵ Юшков С. В. Очерки... с. 231.

⁹⁶ Щапов Я. Н. Церковь и становление древнерусской государственности.— Вопросы истории, 1969, № 11, с. 63.

⁹⁷ Юшков С. В. Феодальные отношения в Киевской Руси, с. 61.— На положительную форму древнерусского иммунитета указывал п. Л. В. Черепнин (Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... ч. 2, с. 114).

⁹⁸ С. В. Юшков справедливо замечал, что передача прав, провозглашаемых иммунитетом, сначала мотивировалась «не столько административными, сколько экономическими моментами» (Юшков С. В. Феодальные отношения в Киевской Руси, с. 87). О том же свидетельствует

крестьянства, иммунитет все чаще выступает в отрицательной форме. Теперь нередко землевладельцы-феодалы, презрев княжеское пожалование, пользуются в собственных вотчинах иммунитетом, вводя его явочным порядком. Здесь иммунитет уже вытекает из вотчинных прав землевладельца.

Такой исторический подход к источникам и формам иммунитета убеждает в известной бесплодности знаменитого в историографии спора о том, из чего вышел иммунитет: из княжеского пожалования или из землевладения. В разное время в различных обстоятельствах мы видим и то и другое. Картина была, следовательно, сложнее и динамичнее.

Итак, проведенное нами исследование показало, что Киевская Русь сеньориального строя не знала. Как строились отношения древнерусской знати с народом? Рассмотрим эти отношения на примере князя и «людей».

опыт стран Запада (см., напр.: Пешевский Д. М. Очерки из истории английского общества и государства в средние века. М., 1937, с. 46—47). Выдвигая финансовые интересы на первый план, получаем возможность несколько иначе, чем принято в науке, объяснить, почему наиболее ранние иммунитетные грамоты принадлежат всецело духовной знати и почему вообще монастырские жалованные грамоты сохранились в несравненно большем количестве, нежели светские. Секрет мы видим не только в том, что монастыри лучше берегли свои архивы, как часто думают историки, но еще и в том, что духовные лица больше других нуждались в иммунитетных пожалованиях, тогда как, скажем, древнерусские бояре, принимавшие непосредственное участие в управлении государством, в основном благоденствовали за счет кормлений, которыми с ними делились князья. Не утратили полностью значения войны, способствовавшие обогащению светской знати. Церковь же п. монастыри находились здесь в особом положении и не могли пользоваться этими статьями дохода. Собственное хозяйство духовенства, будучи незначительным, не всегда удовлетворяло даже самые насущные нужды (см.: Форянов И. Я. Киевская Русь... с. 73—87). Выход из положения был найден: пожалование иммунитета явилось важным изобретением княжеской власти в поисках источников материального достатка духовных иерархов. Все это дает нам основание утверждать, что церковно-монастырский иммунитет несколько опережал в своем развитии иммунитет светских владельцев и был более распространенным, чем последний.

Очерк четвертый КНЯЗЬ И «ЛЮДИ» В КИЕВСКОЙ РУСИ

Княжеская власть и народные массы в Киевской Руси — проблема, остающаяся в исторической науке до сих пор недостаточно изученной. Такое положение в историографии объясняется тем, что историки (и дореволюционные и советские) чаще обращались к социальным связям внутри господствующего класса, акцентируя внимание на межкняжеских отношениях, а также на отношениях князей с дружиной, боярством и духовенством. И если данная проблема все же рассматривалась, то преимущественно в плане деятельности веча. Между тем письменные памятники Киевской Руси открывают взору исследователя более богатый спектр отношений князей с народом, обозначаемым в источниках термином «люди», «людье». Следует, однако, заметить, что в древнерусском языке этот термин был сложным, полисемичным. Вот почему о нем необходимо сказать особо. Начнем с некоторых историографических справок.

Термин «люди» попал в поле зрения ученых давно. В литературе имеются различные его толкования. По мнению Н. М. Карамзина, людьми в Древней Руси «назывались, кроме бояр, собственно все граждане вольные»¹. Согласно М. П. Погодину, люди — второе (после бояр) сословие, занесенное на русскую почву норманнами и вскоре исчезнувшее раз и навсегда². Для В. Дьячана слово «люди» имело более емкий смысл, подразумевая «все население, всю волость точно так, как и выражение «кияне», «полочане» и т. п.»³.

¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского. СПб., 1892, т. 2, прим. 67.

² Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории в 7-ми т. М., 1846. Т. 3, с. 404.

³ Дьячан В. Участие народа в верховной власти в славянских государствах. Варшава, 1882, с. 92.

В понятиях К. Н. Бестужева-Рюмина люди — все земское население, кроме дружины п, разумеется, князей⁴. Сходный взгляд у В. О. Ключевского, считавшего, что под именем «люди» скрывались неслужилые свободные элементы — гости, купцы, смерды, закупы-наймиты⁵. В совокупности своей люди представляли «податное простонародье», отличавшееся «своим отношением к князю: как платильщики податей, они относились к князю не одинокими лицами, подобно служилым людям, а целыми мирами, городскими или сельскими обществами, связанными круговой порукой в уплате податей и мирской ответственностью за полицейский порядок (дикая вира Русской Правды)»⁶.

Аналогичную картину рисовал С. Ф. Платонов. Во время «древне-киевской Руси» люди являли собой основную массу свободного населения, занимающую промежуточное положение меж⁷ ду привилегированной верхушкой и рабами⁸. Постепенно общественная структура усложняется, и люди делятся «на горожан (купцы ремесленники) и сельчан, из которых свободные люди называются смердами, а зависимые — закупами»⁹.

По убеждению А. Е. Преснякова, «слово „люди“ в Древней Руси всегда означало низшее население, массу подвластную, в противоположность „мужам“»¹⁰.

В трудах В. И. Сергеевича и М. А. Дьяконова люди — наименование всех свободных независимо от их общественного статуса¹¹.

Термин «люди» привлек внимание и советских историков. По определению Г. Е. Кочина, люди — это массы, главным образом городское население¹².

М. Н. Тихомирову слово «люди» служило ключом к пониманию важнейших социально-политических процессов, имевших место в древнерусском городе. По М. Н. Тихомирову, «людие» — горожане, игравшие существенную роль в городских восстаниях и вечевых собраниях XII—XIII вв.¹³.

К жителям сел и весяй Древней Руси отнес людей В. В. Мавродин, который подчеркивал, что название «люди» как эквива-

⁴ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872, т. 1, с. 115, 212.

⁵ Ключевский В. О. Соч. М., 1959, т. 6, с. 150.

⁶ Там же, с. 315.

⁷ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1907, с. 82—83.

⁸ Там же, с. 84.

⁹ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938, т. 1, с. 124.

¹⁰ Сергеев В. И. Русские юридические древности. СПб., 1902, т. 1, с. 174; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912, с. 72—74.

¹¹ Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937, с. 177.

¹² Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 219.

лент сельского населения, уходя в первобытную древность, со временем вытесняется термином «смерд»¹³.

Более широко смотрел на «людей» С. А. Покровский. Он писал: «Термин „люди“, обозначавший всю массу свободного населения в целом, соответствует по своему значению летописным выражениям „вси кияне“, „полочане“, „ноугородцы“ и т. п.»¹⁴.

В соответствии с наблюдениями В. Т. Пашуто «слово „люди“ („людъ“) имеет в летописи два главных значения: во-первых, люди вообще, вне классов, во-вторых, в сословном смысле слова с добавлением прилагательных „простые“ или „добрьи“, последнее, как правило, означало „купцов“»¹⁵. В. Т. Пашуто полагает, что для установления конкретного смысла термина «люди» необходимо при каждом его упоминании производить специальный источниковедческий анализ¹⁶.

Особому терминологическому изучению подверг слово «люди» Л. В. Черепнин. Он привлек для этого разнообразные источники: летописи, Русскую Правду, актовый материал. В наиболее ранних известиях, считал Л. В. Черепнин, понятие «люди» обнимало широкие слои сельского и городского населения¹⁷. Автор отмечал, что «сохранение в течение длительного времени этого термина в значении свободного населения указывает на то, что шедший в Киевской Руси процесс феодализации неодинаково затрагивал отдельные сельские крестьянские общины; жители многих из них, утрачивая сословную полноправность, сохраняли личную свободу»¹⁸. С утверждением феодализма в IX—XI вв. и превращением землевладения феодалов в средство эксплуатации непосредственных производителей материальных благ термин „люди“ приобрел значение феодально зависимого крестьянства, эксплуатируемого государством путем сбора дани или частными феодалами путем привлечения к барщине или взимания оброка»¹⁹. В другой своей работе Л. В. Черепнин вносит некоторые добавления и уточнения. Он говорит: «Термин „люди“ наряду с общим, широким значением имел и более узкий смысл: горожане и даже рядовая масса горожан, простые люди, торгово-ремесленное население го-

¹³ М а в р о д и н В. В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956, с. 73, 74.

¹⁴ П о к р о в с к и й С. А. Общественный строй древнерусского государства.— Труды Всесоюзн. заочн. юрид. ин-та. М., 1970, т. 14, с. 61.

¹⁵ П а ш у т о В. Т. Чертцы политического строя древней Руси,—В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 12.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ч е р е п н и н Л. В. 1) Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси.— Исторические записки, 1956, т. 56, с. 236; 2) Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.— В кн.: Новосельцев А. П. и др. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 168—169.

¹⁸ Ч е р е п н и н Л. В. Русь. Спорные вопросы... с. 169.

¹⁹ Ч е р е п н и н Л. В. 1) Из истории формирования... с. 236; 2) Русь. Спорные вопросы... с. 169.

рода, «черные люди». Поэтому, встречая этот термин в летописи, исследователь обязан каждый раз очень внимательно отнестись к вопросу, о ком идет речь»²⁰.

Итак, ученые, как видим, по-разному толкуют термин «люди», фигурирующий в древних источниках. Нам кажется, что его обсуждение можно продолжить.

⁷ Слово «люди», будучи по происхождению общеславянским, представлено во всех славянских языках: болгарском (люде), сербохорватском (ло^уди), словенском (ljudje), чешском (lide), словацком (ludia), польском (ludzie) и др.²¹. Первоначальное значение этого слова — народ²². Именно в таком широком смысле оно значится в летописных сообщениях о ранней истории Руси, содержащихся в датированной и недатированной частях Повести временных лет²³. Вместе с тем в известиях, запечатлевших события X в., есть примеры, правда единичные, когда бояре и старцы градские не смешиваются с остальным людом, образуя отдельные социальные группы²⁴. В этих примерах «люди», упоминаемые наряду с боярами и старцами,— простой, вероятно, народ, т. е. та самая основная масса сельского и городского населения, о которой писал Л. В. Черепнин²⁵. Бывало также, что летописец называл «людьми» ближайшее окружение князя, куда, надо думать, входило и боярство²⁶.

Следовательно, в летописных текстах, рассказывающих о прошлом восточных славян и о Руси времен первых Рюриковичей, слово «люди» покрывает разные понятия: народ вообще (за вычетом одних князей), демократические слои населения и, наконец, «мужей», окружавших князя. При этом термин «люди» в значении «народ» являлся наиболее распространенным и употребительным, из чего заключаем, что в Киевской Руси X в. социальная дифференциация была еще слабо выраженной²⁷.

Прошло сто с лишним лет и ситуация несколько изменилась.

²⁰ Ч е р е п н и н Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII в.— Исторические записки, 1972, т. 80, с. 379.

²¹ П р е о б р а ж е н с к и й А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959, т. 1, с. 493; Ф а с м е р М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967, т. 2, с. 545; Ш а н с к и й Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971, с. 250.

²² Ш а н с к и й Н. М. и др. Краткий этимологический словарь с 250

²³ ПВЛ, ч. I, с. 12, 18, 25, 30, 35, 40, 41, 47, 56, 81 и др.— Аналогичные Данные содержит и Новгородская Первая летопись.—См.: НПЛ с 106 109, 110, 112, 116, 118, 120, 128, 157.

²⁴ ПВЛ, ч. I, с. 35, 38—39, 74; НПЛ, с. 148, 156.

²⁵ Ч е р е п н и н Л. В. Из истории формирования... с. 236.

²⁶ ПВЛ, ч. I, с. 39, 41, 54.

²⁷ Характерна в этой связи летописная запись о смерти князя Владимира, в которой бояре и «убогие» одинаково называются «людьми»: «Се же уведевъше людь, бѣ-числа сидишася и плакаша по немъ, бо-ляре аки заступника их земли, убозии аки заступника п кормителя».— ПВЛ, ч. I, с. 89; см. также: НПЛ, с. 169.

Во второй половине XI—XII вв. летописцы, как и раньше, нередко понимают под «людьми» народ в целом, независимо от социальной градации²⁸. Иногда термин «люди» обращен к верхушке общества (боярам, купцам) и княжеской дворне²⁹. В редчайших случаях он применяется для обозначения зависимых³⁰, но сплошь и рядом — в качестве названия простых свободных горожан и се-лян. Можно с полной уверенностью утверждать, что последнее значение термина в XII в. было доминирующим. Необходимо, однако, подчеркнуть одну деталь: в летописях «люди» из сел встречаются гораздо реже, чем «люди» — горожане³¹. Сказывается здесь специфика летописных источников, сосредоточенных главным образом на городской жизни³². К счастью, пробелы летописей восполняет Русская Правда. В ст. 19 Краткой Правды, определяющей штраф за убийство огнищанина «в обиду», упоминаются «люди» — земледельцы, объединенные в общину-вервь³³. Еще яснее говорит Пространная Правда, по которой вервь и «люди» — синонимы³⁴. Красноречивый текст имеем и в ст. 77 памятника: «...кде же не будети пи села, ни людии, то не платити ни продажи,

²⁸ ПВЛ, ч. I, с. 153, 167; ПСРЛ, т. I, стб. 289, 405, 407; т. II, стб. 263, 264, 268, 274, 289, 339, 372.

²⁹ ПВЛ, ч. I, с. 141; ПСРЛ, т. I, стб. 501; т. II, стб. 877.

³⁰ Нам известен единственный относящийся к XII столетию факт (второй аналогичный датируется последней четвертью XIII в. и фигурирует в духовной князя Владимира Васильковича), когда «люди» выступают как зависимые. По жалованной грамоте князя Всеволода Мстиславича Юрьев монастырь получил «Терпужский погост Ляжковичи с землею, и с людьми, и с коньми...» (ГВНП, № 80, с. 139). Тут «люди» — холопы-рабы (см.: А г р а р на я история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971, с. 67; Ф р о я н о в И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974, с. 10—11). Поскольку холопы Древней Руси были выходцами из среды местных жителей, т. е. «людей» (Ф р о я н о в И. Я. Киевская Русь... с. 110, 113), они легко могли усвоить их наименование. Но в Киевской Руси подобная терминологическая экстраполяция не являлась типичной. И позднее только, в эпоху Московской Руси, она стала нормой.

³¹ Летописи заполнены сообщениями о «людях» — горожанах.— ПВЛ, ч. I, с. 116, 120, 133, 145, 147, 150, 171, 172, 177, 180; ПСРЛ, т. I, стб. 298, 301, 303 305—306, 313, 317, 320, 338, 387, 402, 417, 429, 432, 434, 499—500; т. II, стб. 276, 287, 292, 307, 317, 352, 410, 414, 433, 456, 487, 493, 510, 561, 605, 648; НПЛ, с. 24, 25, 28, 29, 30, 43 и др.

³² Тем не менее в летописных рассказах действуют и «люди» — сельские жители (ПСРЛ, т. I, стб. 349, 358, 361, 363, 388; т. II, стб. 506, 556, Г60, 562). Добавим к этому, что летописные тексты далеко не всегда позволяют расчленить «людей» на городских и сельских. Особенное это относится к известиям о военном разорении городов, избиении и пленении «людей». Ведь при надвигающейся опасности обитатели окрестных сел сбегали в город, чтобы укрыться за его стенами. Так, Ипатьевская летопись, повествуя о военных действиях 1150 г. под Переяславлем, свидетельствовала: «...людей сбегшимся в град, не смеющим ни скота выпустим из города» (ПСРЛ, т. II, стб. 404; см. также т. I, стб. 328; т. II, стб. 358).

³³ ПР, т. I, с. 71.

³⁴ Там же, с. 104—105.

ни татбы»³⁵. Любопытно, что Пространная Правда противопоставляет «людина» «княжому мужу»³⁶.

Смысловая связь слова «люди» с демократическими по преимуществу кругами населения Древней Руси конца XI—XII вв. указывает на углубление, по сравнению с предшествующим периодом, социального размежевания знати и низов свободного общества. Однако полный разрыв между господствующей верхушкой и народом пока не произошел, ибо становление классов на Руси XI—XII вв. еще не завершилось. Это как раз и являлось коренной причиной полисемии термина «люди». Но поскольку имущественное расслоение имело место, а общество было уже рангированным, т. е. разделенным на социальные группы, отличающиеся по положению в общественно-политической структуре с вытекающим отсюда различием в правах и обязанностях, то в источниках для обозначения демократического слоя населения и знати наряду с одиночным, как мы знаем, выражением «люди», используются словосочетания: «простые люди»³⁷, «черные люди»³⁸, «вятившие люди»³⁹, «добрьи люди»⁴⁰, «первые люди»⁴¹ и т. д. X/ Таким образом, слово «люди» в Киевской Руси второй половины XI—XII вв. сохраняет свою многозначность: народ (этнос или население в широком смысле слова), простой народ (демос), социальная верхушка (бояре, купцы, княжеское окружение)⁴². Сквозь эту семантическую пестроту пробивается все же основное значение термина «люди», «людьи» — масса рядового свободного населения как городского, так и сельского. Какую роль она играла в социально-политической жизни Руси X—XII вв.? Как строились ее взаимоотношения со знатью, в первую очередь с князьями? Вот вопросы, на которые надлежит ответить.

В 944 г. русские послы, прибывшие в Константинополь, заключили договор от имени «Игоря, великого князя русского, и от всякоя княжья и от всех людии Руския земля»⁴³. Скрепив соглашение клятвой, греки направили своих послов в Киев «к великому князю рускому Игореви и к людей его»⁴⁴. Там они «водили на роту» Игоря и людей его, «елико поганых» Руси, а хрестяную Русь водиша роте в церкви святаго Ильи⁴⁵. И. Д. Беляев, имея в виду договоры Руси с греками, в том числе и договор 944 г., отмечал, что в их заключении «земщина принимала деятельное

³⁵ Там же, с. ИЗ.

³⁶ Там же, с. 104.

³⁷ ПВЛ, ч. I, с. 142; ПСРЛ, т. II, стб. 867, 870 897

³⁸ ПСРЛ, т. II, стб. 641; НПЛ, с. 81.

³⁹ НПЛ, с. 44, 81.

⁴⁰ Там же, с. 71.

⁴¹ ПСРЛ, т. I, стб. 495.

⁴² «Людьми» в XII в., кроме того, изредка называли холопов и княжеских слуг⁴³

⁴⁴ ПВЛ, ч. I, с. 35.

⁴⁵ Там же, с. 38.

⁴⁵ Там же, с. 39.

участие»⁴⁶. В. И. Сергеевич видел в приведенных выдержках свидетельство официальных документов X в. об участии народа «в общественных делах того времени»⁴⁷. Он писал: «Летописец говорит, что присягали все крещеные и все некрещеные; это значит, что под „людьми Игоря“ надо разуметь все наличное население Киева, а не какую-либо тесную группу зависимых от Игоря людей»⁴⁸. Мысль В. И. Сергеевича оспорил А. Е. Пресняков, который во фразе договора «от всех людей Руския земля» усматривал передачу греческого *jtavtcov TCOV ra>*⁴⁹. А. Е. Пресняков сомневался также и в том, что перед византийскими «слами» присягало все наличное население Киева, как считал В. И. Сергеевич⁵⁰. Доводы В. И. Сергеевича отклонил другой видный исследователь Киевской Руси Б. Д. Греков⁵¹. Для новейшего историка В. Т. Пашуто причастность «людей» к заключению договора 944 г. кажется совершенно неправоподобной⁵².

В суждениях В. И. Сергеевича, по нашему мнению, есть рациональное зерно. Критик автора «Юридических древностей» А. Е. Пресняков прошел мимо цитируемого им очень выразительного текста. «Слы и гостье» из Руси говорили грекам: «И великий князь наш Игорь, и князи и боляри его, и люди все русти послаша ны к Роману, и Константину и к Стефану, к великим царем греческим, створити любовь с самими цари, со всемь бо-лярьством и со всеми людьми греческими на вся лета, donde же съять солнце и вес мир стоит»⁵³. Нельзя игнорировать заявление самих русских «дипломатов» о том, что они посланы не только Игорем, князьями и боярами, но и «людьми»⁵⁴. Оно и понятно, ибо заключение договора с Византией не было безразлично народу. Возобновление «ветхого мира» — итог предшествующих событий, в частности грандиозного похода на Царьград, в котором уча-

⁴⁶ Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. М., 1865, кн. 1, с. 53.

⁴⁷ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1900, т. 2. с. 33. — В аналогичном плане рассуждал и А. В. Лонгинов. — См.: Лонгинов А. В. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Одесса, 1904, с. 64—65, 71.

⁴⁸ Сергеевич В. И. Русские юридические древности, т. 2, с. 34.

⁴⁹ Пресняков А. Е. 1) Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909, с. 159, прим.; 2) Лекции по русской истории, т. 1, с. 74. ⁵⁰ Пресняков А. Е. Княжое право.. с. 159, прим.

⁵¹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 365.

⁵² Па ту то В. Т. Черты политического строя Древней Руси. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение, с. 50—51.

⁵³ ПВЛ, ч. I, с. 35.

⁵⁴ По Б. Д. Грекову, «люди все русти» играют «ту же самую роль, что „все люди греческие“, но здесь, как и там, вече не имеется в виду». — См.: Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 365. — С этим утверждением трудно согласиться. Б. Д. Греков не учитывает того, что «люди греческие» фигурируют в речи русских послов, а это — существенный штрих: мысля привычными для себя социальными категориями, они невольно могли переносить древнерусские порядки на византийскую почву.

ствовали многочисленные воины от полян, словен, кривичей, тиверцев. Не от княжеской дружины зависела судьба похода, его успех, но от народного ополчения — воев, по терминологии Повести временных лет. Народ отправлялся на войну, разумеется, не из-под палки, а по добной воле и, конечно, не для того, чтобы постоять за интересы князей и бояр в ущерб собственной выгоде. Возможность пограбить и взять дань — вот что воодушевляло «люден», когда они собирались на войну с греками. Но на сей раз Русь до византийской столицы не дошла. На полпути ее встретили императорские послы, предложившие мир и дань. Игорь «взем у грек злато и паволоки и на вся воя (курсив наш). — И. Ф.), и възратися въспять, и приде к Киеву въсвояси»⁵⁵. То была единовременная плата, остановившая поход⁵⁶. Установление же длительного мира предполагало периодическую выплату дани, которая тоже привлекала «людей», что подтверждается летописными данными. «Не ходи, но возми дань, юже имал Олег, придам и еще к той дани», — молвили от лица императора «лучие боляре»⁵⁷. Олег, как известно, велел грекам «ддати уклады на рускыя грады: первое на Киев, та же на Чернигов, на Переяславль, на Пол-теск, на Ростов, на Любечь и на прочаа города»⁵⁸. Стало быть, города получали «урок» от дани⁵⁹. Где-то в 30-е годы X в. Византия аннулировала условия договоров 907 и 911 гг., чем вынудила Русь взяться снова за оружие⁶⁰. В конечном счете империя опять стала «давать дань». Не случайно в Летописце Переяславля Суздалского сказано: «Иде отмъстити Игорь Греком. Они же ящася по дань и смиришася и посла рядци укрепим мир до окончания»⁶¹. Часть дани, как и раньше, поступала, вероятно, городам, т. е. земству. Именно так мы понимаем текст летописи, рассказы-

⁵⁵ ПВЛ, ч. I, с. 34.

⁵⁶ Подобную дань брал позднее Святослав с воями своими: «И дата ему (Святославу. — И. Ф.) дань; имашеть же и за убъеняя, глаголя яко „Род его возметь“», — ПВЛ, ч. I, с. 51. — Это — лишнее доказательство заинтересованности в даних «людей», т. е. рядовых воинов. Ведь греки выдали дань на всех ратников, «по числу на главы».

⁵⁷ ПВЛ, ч. I, с. 34. ⁶⁸

Там же, с. 24.

⁵⁹ Пашут о т о В. Т. Черты политического строя... с. 36—37. — О том, что городам принадлежало право на долю даний, говорит летописное повествование о расправе над древлянами, учиненной княгиней Ольгой, мстившей за убийство мужа своего Игоря. Покарав древлян, Ольга «взложила» на них «дань тяжьку; 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ользе; бе бо Вышегород град Вользин». — ПВЛ, ч. I, с. 43. — Такое распределение становится понятным, если учесть, что для подавления восставших древлян княгиня «собра вой много и храбры» (Там же, с. 42), иначе — привлекала к походу «в деревя» народное ополчение — киевскую тысячу и, быть может, воинов от Вышгорода.

⁶⁰ Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства. М.; Л., 1945, с. 62—63; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 137—138; История Византии. М., 1967, т. 2. с. 231.

⁶¹ ЛПС. М., 1851, с. 10.

вающий о готовности императора платить дань, . «юже имал Олег»⁶². Но поскольку эта дань предусматривала отчисления, поступающие городам для расходов на общественные нужды, то в ней была заинтересована не только знать, а и «люди» — древнерусский демос. Вот почему нет ничего невероятного в том, что посольство в Константинополь направлялось как от княжеско-боярской верхушки, так и от демократических слоев Киева и, вероятно, других городов.

В летописных преданиях о княгине Ольге нашло отражение участие народа в делах политических. Когда древляне предложили Ольге руку и сердце князя своего Мала, она сказала: «Да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да в велице чти приду за вашь князь, еда не пустять мене людье киевьстии»⁶³. Источник перед нами, конечно, сложный. Как показал А. А. Шахматов, рассказы о мести Ольги попали в летопись много позднее изображаемых там происшествий⁶⁴. Тем не менее в этих рассказах слышится отзыв некой зависимости княжеской власти от народа⁶⁵.

Зримо народная инициатива, увлекающая за собой князя, выступает в описаниях враждебного Ольге древлянского стана. Никто иной, как народ задумал убить киевского князя Игоря. Покончив с ним, древляне (т. е. народ) решают женить Мала на овдовевшей Ольге и засылают в Киев сватов — «лучших мужей».

⁶² О регулярности даннических платежей, поступавших из Византии на Русь, о заинтересованности в них «людей» (простого народа) свидетельствуют и другие факты. Летописец, например, вспоминает следующие слова князя Святослава, обращенные к дружине: «...отворим мир со царем, се бо ны ся по дани яли, и то буди доволю нам. Аще ли поч-неть не управляти дани, да изнова из Руси, совкупивше вой множайша, пойдем Царюгороду». — ПВЛ, ч. I, с. 51. — Естественно предположить что «воев множайших», этих представителей земства, наряду с князем и его дружиной, задевало нарушение даннических обязательств «царя», и потому они полны были решимости вооруженной рукой добиваться их возобновления. О постоянстве, с каким приходилось грекам выплачивать дань Руси, сообщает Никоновская летопись, сведения которой если не восходят к древним записям, то, во всяком случае, согласуются с ними: «...прииодоша от Греческого царя к Ярополку, и взяша мир и любовь с ним, и яшася ему по дань, якоже и отцу его и деду его». — ПСРЛ, т. IX—Х. М., 1965, с. 39.

⁶³ ПВЛ, ч. I, с. 41.

⁶⁴ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб, 1908, с. 109—110.

⁶⁵ Примечательно в данной связи выражение: «...не пустять мене людье киевьстии». Поэтому едва ли прав И. И. Ляпушкин, который полагал, что в борьбе с древлянами «мероприятия киевской стороны определяют князья Игорь и Ольга» (Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968, с. 169). Без большого войска, состоящего из многочисленных воев (народного ополчения), киевские правители не сумели бы покорить древлян. Ошибочно, однако, думать, что эти войска повиновались киевским князьям. Они — самостоятельная военная и политическая сила, с которой местные князья должны были считаться.

Последние, добравшись до града и став перед Ольгой, начинают речь знаменательной фразой: «Посла ны Деревьска земля»⁶⁶. Нельзя, разумеется, отождествлять строй отношений с князьями у иолян и древлян. По-видимому⁶⁷, в древлянской земле ярче проявлялись патриархальные нравы⁶⁸. Но и в Киеве князь обладал относительной властью, ограниченной народом.

Под 980 г. в Повести временных лет сообщается, как Владимир, собрав огромную рать, пошел на брата Ярополка, княжившего в Киеве. Ярополк не мог «стati противу и затворися Киеве с людми своими и с Блудом»⁶⁹. Владимиру удалось склонить к измене Блуда — воеводу Ярополка. И стал Блуд «лестью» говорить князю: «Кияне слютсяк Володимеру, глаголюще: „Приступай к граду, яко предамы ти Ярополка. Побегни за град!”»⁷⁰. Напуганный Ярополк «побежал», а Владимир победно «внide» в Киев. Отсюда ясно, что прочность положения киевского князя в немалой мере зависела от расположения к нему городской массы. Князя, притязавшего на киевской стол, ждала неудача, если он де снискал приязнь горожан. Так случилось с Мстиславом, кото-

⁶⁶ ПВЛ, ч. I, с. 40. — И. И. Ляпушкин правильно аамечал, что во всех этих событиях тон задает народ (Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы... с. 169). В. Т. Пашуто возражал И. И. Ляпушкину. Ход его рассуждений следующий: «У древлян есть своя общественная структура: княжеская власть (притом давняя: „князи распасли” землю — на это нужно время), „лучшие мужи”... и, наконец, народ. Народ действует не непосредственно, а через „лучших мужей”: их, „числом 20”, древляне шлют к Ольге послами, и они говорят ей: „посла ны Деревьска земля”; и вовсе не народ произносит слова, от коих веет патриархальностью, а именно „лучшие мужи”. И во второе посольство древляне не двинулись толпой, а „избраша лучыние мужи, иже держаху Деревьску землю”, ниже древляне называют этих мужей „дружиной”. Когда Ольга идет войной на древлян, те встречают ее „полком”; проиграв битву, древляне обороняются в Искорostenе, где упомянуты дворы, клети, вежи, одрины. Здесь тоже царит не народовластие, а есть „старейшины”...» (Пашуто В. Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос. — В кн.: Летописи и хроники. 1973. М., 1974, с. 106). Доводы В. Т. Пашуто производят по меньшей мере странное впечатление. Следуя логике автора, о народоправстве у древлян можно говорить лишь в том случае, если бы они повсюду ходили толпами, жили без князей, лучших мужей, старейшин, иначе — пребывали в каком-то стадном состоянии. Трудно понять, какие аргументы для опровержения мысли о демократическом складе древлянского общества В. Т. Пашуто подчерпнул в упоминаемых летописью дворах, клетях, вежах и одринах. В. Т. Пашуто, как нам кажется, не различает два существенных момента: наличие правящей группы и узурпацию власти. Нет человеческого общества, которое обходилось бы без лидеров. И то, что они есть, еще не означает бесправия народа. Необходимо показать, устраниен ли народ от власти или же наделен ею. И вот тут очень важны сведения летописи о том, что древляне (народ) собираются на думу с князем своим Малом и принимают решение расправиться с Игорем, а потом избирают «лучших мужей» и посыпают их к Ольге в Киев. Следовательно, народ действует с полным сознанием собственных прав, не озираясь на знать.

⁶⁷ Грецов Б. Д. Киевская Русь, с. 365.

⁶⁸ ПВЛ, ч. I, с. 51

⁶⁹ Там же, с. 50.

рый в отсутствие Ярослава, находившегося в Новгороде, хотел было обосноваться в Киеве, но «не прияша его кыяне»⁷⁰. Чтобы поднять свой престиж в глазах народа и укрепиться на княжеском столе, Рюриковичи раздавали подарки «людям»⁷¹. Например, Свя-тополк «седе в Кыеве по отци своем, и съзва кыяны, и нача даяти им именье. Они же приимаху, и не бе сердце их с нимъ, яко братья их беша с Борисом»⁷². По поводу этих щедрот Святополка А. Е. Пресняков писал: «Стремление найти опору в местном населении, ввиду предполагаемого соперничества Бориса, конечно,

⁷⁰ Там же, с. 99.

⁷¹ О престижных пирах и дарениях см. ниже.

⁷² ПВЛ, ч. I, с. 90.—и Под «кыянами» здесь, как и в приведенных других случаях, летописец, на наш взгляд, разумеет массу горожан. Есть иная точка зрения, которой держится В. Т. Пашуто. Вскрывая смысл терминов «кыяне», «миняне», «черниговцы», «муромцы», «смоляне», и прочие, он утверждает, что «под этими терминами могли таиться действия правящего слоя горожан». Для доказательства выдвинутой идеи он ссылается на летописный рассказ об Олеге Святославиче, который, воюя с Изяславом, сыном Мономаха, «изъима ростовци, и белозерци, и суздалце и покова». Согласно В. Т. Пашуто, «из дальнейшего ясно, что не всех жителей он (Олег — И. Ф.) поковал, ибо когда подошел к Суздалю, то „суж-далци дащася“ ему, п он, „омирив город“, т. е. надо думать, посадив в нем но „ряду“ своих сторонников, „овы изъима, а другыя расточи, и именье их отъя“. Конечно, речь идет не о смердах и меньших, лишенных подобного „именя“, а о части мужей градских» (Пашуто В. Т. Черты политического строя... с. 26—27). Чтобы лучше разобраться, насколько основательны выводы В. Т. Пашуто, приведем более полный вариант летописного текста. В Повести временных лет читаем, что Олег, «пришед Смо-линску и поим вой, поиде к Мурому, а в Муроме тогда сущю Изяславу Володимеричу. Бысть же весть Изяславу, яко Олег идеть к Мурому, посла Изяслав по вое Суздалю, и Ростову, и по белозерци, собра вой многы. И посла Олег слы свое к Изяславу, глаголя: „Иди в волость отца своего Ростову, а то есть волость отца моего...“ И не послуша Изяслав словес сих, надеяся на множество вой... Олег же поиде к нему полком, и ссту-пишася обои, и бысть брань лют. И убиша Изяслава, сына Володимеря, внука Всеволожа, месяца семтебря в 6 день, прочий же вой побегоша, ови через лес, друзии в город. Олег же вниде в город... по при-ятыи града, изъима ростовци, и белозерци, и суздалце и покова, и устре-мися на Суждалю. И пришед Суждалю, п суждалци дащася ему. Олег омирив город, овы пзымы, а другыя расточи, и именье их отъя. Иде Ростову, и ростовци вдашася ему» (ПВЛ ч. I, с. 168). Накладывая логику В. Т. Пашуто на летописный рассказ, обнаруживаем ее несостоительность. Верно то, что Олег «покова» не всех сузальцев, ростовцев и бело-зерцев, а лишь часть их. Но это само собой разумеется, ибо Олег взял Муром, а не Суздаль, Ростов и Белоозеро. Кто были «изъиманные» ростовцы, белозерцы и сузальцы, догадаться нетрудно. Это — «вой многы», позванные Изяславом («посла Изяслав по вое Суздалю, и Ростову, и по белозерци, и собра вой многы»). Воями тогда, как мы знаем, называли народное ополчение. Поэтому толкование терминов «сузальцы», «ростовцы», «белозерцы» как «правящего слоя горожан» надо отвергнуть. Заметим, кстати, что летописец, говоря об освобождении закованных Олегом ростовцев и сузальцев, именует их «людьми» (ПВЛ ч. I, с. 170). Обращает внимание легкость, с какой Олег захватывает Суздаль и Ростов. Сузальцы и ростовцы оказались бессильными перед Олегом («вдашася ему»), поскольку их ополчение понесло поражение под Муромом. Вызывает далее недоумение попытка В. Т. Пашуто отказать в «имени» массе горожан.

признак, что с населением считались»⁷³. Но тут же, противореча самому себе, исследователь замечает, будто в данном рассказе «скорее поразит пассивность киевлян: они только колеблятся, потому что братья их в рядах Борисовых воев, но каких-либо собственных тенденций, которые вызвали бы их выступление, незаметно до взрыва 1068 г.»⁷⁴. Надо признать: «кыяне», действительно, выжидали. Однако мы поспешили, если примем их осторожность за проявление общей пассивности «людей», лишенных каких бы то ни было «собственных тенденций». Нерешительность киевлян перед Святополком понятна. Она — результат отлучки боеспособного населения, ушедшего во главе с Борисом навстречу печенегам⁷⁵. Что касается «собственных тенденций» киевлян, то здесь едва ли нужно сомневаться,— о них довольно красноречиво говорят привлеченные уже нами факты. Кроме упомянутых сошлемся еще на известия, относящиеся ко временам княжения Владимира. В «Сказании о первоначальном распространении христианства на Руси», составленном при Ярославе Мудром и легшим в основу русского летописания⁷⁶, народ наделен ощущимым зарядом социальной энергии. Князь Владимир предстает на фоне «людей», в окружении не только дружинном, но и народном. Вместе с «людьми» он совершает языческие жертвоприношения⁷⁷. Вообще же в отправлении языческого культа «Сказание» отводит народу активнейшую роль. Убийство христиан-варягов, обреченных в жертву «кумирам»,— дело рук разъяренных киевлян («людей»), которые, между прочим, вооружены⁷⁸. Особенно важно подчеркнуть причастность «людей» к учреждению христианства в России. Они присутствуют на совещании по выбору религии, подают свой голос, избирают «мужей добрых и смысленых» для заграничного путешествия с целью «испытания» вер⁷⁹. Раньше народ, напротив, противодействовал (и не безуспешно) введению христианства. Известно, например, что в 961 г. по просьбе княгини Ольги германский император Оттон I направил в Киев миссионе-

У автора получается, что подавляющее большинство горожан было неимущим. Но это никак не доказуемо. Возвращаясь к «кыянам», заметим, что летописец находит им синонимическую замену: «люди», «людь киевстип», «людье» (Там же, с. 95, 114, 116). Мы усматриваем в том явное свидетельство о «кыянах» как массах городского населения.

⁷³ Пресняков А. Е. Княжое право... с. 199—200.

⁷⁴ Там же, с. 200.

⁷⁵ Подчеркнем, что то было народное ополчение — вой (ПВЛ, ч. I, с. 89, 90).

⁷⁶ Лихачев Д. С. 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 71, 76; 2) Великое наследие. М., 1975, с. 67, 69.

⁷⁷ ПВЛ, ч. I, с. 58.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, с. 74.— В. И. Сергеевич по этому поводу писал: «Равноапостольный князь Владимир решается на принятие христианства не иначе, как испросивши совета бояр своих и старцев градских и получив согласие всех людей».— См.: Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910, с. 148.

ров-католиков во главе с Адальбертом. Разгневанный народ с великим бесчестьем изгнал незадачливых проповедников⁸⁰. В «Истории Российской» В. Н. Татищева о Ярополке Святославиче говорится, что он любил христиан, но сам не крестился «народа ради»⁸¹.

Итак, уписьменные памятники, запечатлевшие древнерусское общество X—начала XI в., характеризуют рядовое население как деятельную социально-политическую силу, ограничивающую княжескую власть. Вторая половина XI—XII вв. не внесла существенных перемен в стиль отношений князя и «людей». Более того, у нас есть основания полагать, что в это время произошло усиление социально-политической мобильности народа и некоторое ослабление власти князей.

Волнения в Киеве 1068 г. с избытком показали, на что способны «люди киевстии». Князь и дружины оказались перед ними беспомощны. «Кыяне» прогнали Изяслава, разорили и разграбили его «двор», провозгласили новым князем киевским Всеслава полоцкого⁸². В поведении киевлян нет того, что выдавало бы в них хаотическую толпу, бьющую в слепом гневе направо и налево. Они — организованная масса, обсуждающая на вече сложившуюся обстановку, а затем исполняющая вечевое решение. События 1068—1069 гг. в Киеве обнаруживают политический механизм, приводимый в движение двумя главными пружинами: княжеско-боярской элитой и народом.

Князья были совсем не безучастны к народному мнению и апеллировали к «людям» даже по вопросам внутрикняжеского быта. В 1096 г. «Святополк и Володимер послали к Олгови, глаголюща сице: „Поиде Кыеву, да поряд положим о Русьстей земли пред епископы, и пред игумены, и пред мужи отец наших, и пред людми градскими, да быхом оборонили Русьскую землю от поганых”»⁸³. Олег, «послушав злых советник», надменно отвечал: «Несть мене лепо судити епископу, ли игуменом, ли смердом»⁸⁴. Эта фраза многое поясняет. Во-первых, она намекает на то, что за «людьми градскими» скрывались демократические элементы Киева, — недаром Олег уподобил их смердам. Во-вторых, из нее явствует, что Олег приглашался в «старейший град» не только для межкняжеского «порядка» о борьбе с «погаными», но и на суд, где «людям градским», подобно епископам, игуменам и боя-

⁸⁰ Р а м м Б. Я. Папство и Русь в X—XV веках. М.; Л., 1959, с. 34; Т и х о м и р о в М. Н. Древняя Русь. М., 1975, с. 267.

⁸¹ Т а т и щ е в В. Н. История Российской. М.; Л., 1962, т. 1, с. 111.—Некоторые весьма солидные ученые считали это известие В. Н. Татищева, почерпнутое из Иоакимовской летописи, вполне правдоподобным.— См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959, кн. 1, с. 175; С е р г е е в и ч В. И. Лекции и исследования... с. 149.

⁸² П В Л, ч. I, с. 114—115.

⁸³ Там же, с. 150.

⁸⁴ Там же.

рам, предназначалось быть арбитрами. Олегу не понравилась такая перспектива. Он не откликнулся на зов братьев. Однако не забудем, что, по летописцу, поведение князя являлось отклонением от нормы, ибо он «въсприим смысл буй и словеса величава»⁸⁵.

Год спустя в Киеве застаем «людей» в положении консультирующих князя. Тогда в городе назревали трагические события. По навету Давыда был схвачен Васильке теребовльский. Так начался пролог к кровавой драме, кульминацией которой стало ослепление ни в чем не повинного теребовльского князя. Святополк, замешанный в неприглядной истории с Васильком, почувствовав то ли угрызения совести, то ли страх за содеянное, «созва боляр и кыян, и поведа им, еже ему поведал Давыд, яко «Брата ти убил (Василько — И. Ф.), а на тя свечался с Володимером, и хощет тя убить и грады твоя заняти». И решая боляре и людье: „Тобе, княже, достоить блюсти головы своее. Да аще есть право молвил Давыд, да приимет Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыд, да приимет месть от бога и отвечает пред богом”»⁸⁶. Как видим, «кыяне» тут — «люди», простые горожане⁸⁷.

Сколько свободно поступали «кыяне» в обращении с князьями свидетельствует эпизод, помещенный в Повести временных лет под 1093 г., когда Святополк, Владимир и Ростислав пошли на половцев, разорявших русские земли. Дойдя до Стугны, князья заколебались, переправляться ли через реку или же стать на берегу, угрожая кочевникам. И киевляне настояли на том, от чего тщетно отговаривали Владимир Мономах и лучшие мужи: перевозиться через Стугну. Летописец сообщает: «Святополк же, и Володимер и Ростислав созваша дружино свою на совет, хотяче поступити через реку, и начата думати. И глаголаше Володимер, яко „Сде стояче через реку, в грозе сей, створим мир с ними” (половцами.— И. Ф.). И пристояху совету сему смыслении мужи, Янь и прочий. Кияне же не всхотеша совета сего, но рекоша: «Хочем ся бити; поступим на ону сторону реки». И възлюбиша съвет съ, и преидоша Стугну реку». Кто такие «кыяне», выясняется из последующего повествования о том, как половцы «налегоша первое на Святополка, и взломиша полк его. Святополк же стояше крепко, и побегоша людье, не стерпяче ратных противленья и по-слеже побежа Святополк»⁸⁸. Бежавшие с поля боя «люди» — это народные ополченцы из киевского войска, приведенные Свято-

⁸⁵ Там же.— Н. И. Хлебников на основании данного летописного сообщения пришел к выводу, что в это время князя мало «ценили народную волю». Согласиться с таким утверждением мы не можем.— См.: Х л е б н и к о в Н. И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. с. 266.

⁸⁶ Там же, с. 172.

⁸⁷ Все это показывает, сколь неправ был Н. И. Хлебников, когда говорил, имея в виду конец XI в., что «мало в это время князя ценили народную волю».— См.: Х л е б н и к о в Н. И. Общество и государство... с. 266.

⁸⁸ Там же, с. 144.

полком. Они и есть «кияне», отвергнувшие совет Мономаха и «смысленных мужей»⁸⁹.

Бывало князья попадали в худшее положение, пасуя буквально перед требованием народа. В 1097 г. «людьи» с гамом и шумом, в форме явно непочтительной, заставили Давыда выдать на смерть доверенных его мужей — Турика и Лазаря⁹⁰. По Лаврентьевской летописи, в 1138 г. киевский князь Ярополк, собрав многочисленное воинство, устремился к Чернигову, где «затворился» противник его Всеволод Ольгович. Тогда «людьи Черниговци воз-пиша ко Всеволоду, ты надешися бежати в Половце, а волость свою погубиши, то чему ся опять воротиши, лучше того останися высокоумья своего и проси мира»⁹¹. Всеволод «посла с покореньем к Ярополку и испроси мир»⁹².

В Ипатьевской летописи сохранились примечательные описания событий 1150 г. в Киеве. Князь Юрий Долгорукий перед лицом наступавшего Изяслава Мстиславича, «не утеря быти в Киеве», спешно бросил город. Но Изяслава опередил Вячеслав, который «вшел в Киев» и обосновался «на Ярославли дворе». Тем временем приехал Изяслав, и киевляне «изидоша» навстречу князю «множество и рекоша Изяславу: „Гюрги вышел из Киева, и Вячеслав седит ти в Киеве, а мы его не хотим“»⁹³. Изяслав через своих посланцев просил Вячеслава перебраться в Вышгород. Но тот заупрямился: «Аче ти мя убить, сыну, на сем месте, а убии, а я не еду»⁹⁴. Изяслав Мстиславич, «поклонившися святой Софии», въехал на Ярославль двор «всим своим полком и Киян с ним приде множество». Непокладистый же Вячеслав «сидеша на сенници». И тут «мнози начата молвiti князю Изяславу: „Княже, ими и, (а) дружину его изъемли!“». Друзии же молвяхуть, ать посечем под ним сени»⁹⁵. Встревоженный растущим возбуждением «киян», Изяслав «полез» на сени к «строеви» своему, чтобы образумить старика. Он говорил Вячеславу: «Не лзе ми ся с тобою рядити, видиши ли народа силу людии полк стояща, а много ти лиха замысливают, а поеди же в свои Вышегород, оттоле же ся хочю с тобою рядити». Вячеслав притих и робко молвил: «Аже ныне тако есть, сыну, а то тебе Киев, а я поеду в свои Вышгород»⁹⁶.

Та же Ипатьевская летопись повествует о военном поражении полоцкого князя Рогволода. В битве пало много полочан, а Рогволод «въбеже» в Случеск и потом «иде в Дрыотеск, а Полотьску не сме ити, занеже множество погибе Полотчан. Полотчане же

⁸⁹ Ключевский В. О. Боярская Дума Древней Руси. Пг., 1919, с. 43.

⁹⁰ ПВЛ, ч. I, с. 177.

⁹¹ ПСРЛ, т. I, стб. 306.

⁹² Там же.

⁹³ Там же, т. II, стб. 396.

⁹⁴ Там же, стб. 396—397.

⁹⁵ Там же, стб. 397.

⁹⁶ Там же, стб. 398.

посадиша в Полотьски Василковича⁹⁷. Значит, князь Рогволод пел ответственность перед полоцкой общиной за разгром ее рати и гибель полочан⁹⁸. Только этим можно объяснить боязнь князя появиться в Полоцке. Разгневанные на Рогволода полочане (масса горожан и не исключено — селян), произвели княжескую замену, «посадив» в Полоцке Василькова.

Характер отношений князя и «людей» рельефно виден в записях о Липецкой битве 1216 г. Юрий Всеволодович, разбитый в бою счастливыми соперниками, прискакал во Владимир, созвал народ и взмолился: «Братья Володимерцы, затворимся в граде, негли отъемся их». В ответ «людие» сказали: «Княже Юрье, с ким ся затворим? Братья наша избита, а ини изимани, а прок кашь прибегли без оружия, то с кым станем»⁹⁹. Юрий поник совершенно. «То аз все ведаю, а не выдайте мя ни брату Константину, ни Володимеру, ни Мстиславу, да бых вышел по своем воли из града», — просил он униженно. Владимирцы («людье») обещали ему в заступничестве перед победителями¹⁰⁰. Несмотря на чрезвычайность происшествия, перед нами яркий эпизод, раскрывающий подлинный взгляд князя на рядовое население, чуждый политического превосходства и пренебрежения. В этой связи мы должны по достоинству оценить тот факт, что древнерусские князья, обращаясь к народу, часто пользовались словом «братие», «братья», подчеркивая тем самым равенство сторон¹⁰¹.

Народ в Древней Руси принимал личное участие как в приглашении князей на стол, так и в сгоне их со стола. Эта сфера деятельности народной изучена В. И. Сергеевичем с достаточной полнотой и убедительностью¹⁰². В советской исторической науке имеются на сей счет диаметрально противоположные мнения. М. Н. Покровский и М. Н. Тихомиров признавали за простым людом Руси XII в. право самостоятельно решать, кому из Рюриковичей княжить в той или иной волости¹⁰³. О подъеме в XII в. «политического значения городской массы, с которой вынуждены считаться не только верхи общества, но и размножившиеся князья», писал и Б. Д. Греков¹⁰⁴. Другой точки зрения придерживаются С. В. Юшков и В. Т. Пашуто, которые полагают, что всеми важными делами в городах заправляла местная знать, умело подстрекавшая демос и ловко использовавшая его выступления

⁹⁷ Там же, стб. 519.

⁹⁸ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966, с. 290.

⁹⁹ ПСРЛ, т. I, стб. 499.

¹⁰⁰ Там же, стб. 500.

¹⁰¹ См., напр., там же, стб. 316, 327, 499; т. II, стб. 348, 351, 370, 724.

¹⁰² Сергеевич В. И. Русские юридические древности, т. 2, с. 1—50, 73—81.

¹⁰³ Покровский М. Н. Избр. произв. М., 1966, кн. 1, с. 147—149;

¹⁰⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 185—213, 215.

Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 359.

в собственных узоклассовых интересах¹⁰⁵. В отрицании прав древнерусского народа отдельные историки настолько увлекаются, что приписывают народным представителям ничтожную роль статистов в политических спектаклях, разыгрывавшихся феодальной знатью¹⁰⁶. Мы не можем согласиться с этой уничижительной социально-политической аттестацией демократических слоев свободного населения Древней Руси. Позиция М. Н. Покровского, Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, придававших серьезное значение волеизъявлению масс в политике, нам кажется несравненно пропорциональнее, чем позиция С. В. Юшкова, В. Т. Пашуто и П. П. Толочки, превращающих народные массы Киевской Руси в печально знаменитое в историографии «калужское тесто», из которого власть имущие крутили любые крендели.

Летописцы наперебой извещают о бесчисленных перемещениях князей на Руси XII в. /Немало их было вызвано междукняжескими связями, сплетавшимися в лествицу. Вассальные отношения также служили причиной княжеской передвижки. Но не в меньшей мере переходы князей являлись следствием того, что на Руси называли вольностью в князьях, какой пользовалось население древнерусских волостей, возглавляемых «старейшими» городами. Князей то с честью призывают и принимают, то со срамом величим изгоняют. И это мы видим по всей Руси¹⁰⁷.

В сообщениях о перетасовках князей главными героями часто фигурируют «кияне», «переяславцы», «смоляне», «полочане», «новгородцы», «владимирцы», «ростовцы», «суздальцы» и т. п. В них угадываются массы горожан, вбирающие и простых свободных¹⁰⁸. Думать так дают основание следующие обстоятельства: во-первых, установленная выше нами большая социально-политическая активность рядового населения; во-вторых, нередко встречающиеся в летописях эквивалентные этим наименованиям слова «люди», «людь»¹⁰⁹; в-третьих, практика заключения «ряда» новоизбранных князей именно с «людьми», а не с горсткой знати¹¹⁰.

Порядок избрания князей в XII в. был в основном везде одинаков. Новгород в данном отношении мало чем выделялся из

¹⁰⁵ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939, с. 194—196; Пашуто В. Т. Черты политического строя... с. 13, 33—34, 36—51.

¹⁰⁶ Толочки П. П. Вече и народные движения в Киеве.— В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972, с. 142.

¹⁰⁷ ПСРЛ, т. I, стб. 299, 301, 302, 304, 305, 308, 313, 326, 328, 330, 341, 342, 343—344, 344—345, 348, 374, 400, 431, 469; т. II, стб. 316—317, 396, 403, 445, 468, 471, 478, 490, 491, 493—495, 496, 504, 518, 526, 528, 534, 598, 624, 702; НПЛ, с. 21, 30, 33, 43, 53, 205, 207, 213, 217, 223, 250.

¹⁰⁸ Прав М. Н. Тихомиров, который, полемизируя с С. В. Юшко-ым, говорил, что под «киянами», «черниговцами» и им подобными надо понимать городскую массу, а не бояр по преимуществу.— См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 211, 219.

¹⁰⁹ ПСРЛ, т. I, стб. 301, 306, 313, 379; т. II, стб. 493—495, 496, 504.

¹¹⁰ См., напр., там же, т. I, стб. 379; т. II, стб. 474, 608.

остальных городов Руси, лишенное подтверждение чему находим в Новгородской летописи, где в записях о вождении в Новгороде и, скажем, в Киеве, выдерживается единая фразеология¹¹¹. Новгородского летописца нельзя подозревать в механическом переносе традиций своего города на чужую почву, ибо в других летописях применяются аналогичные выражения¹¹².

Необходимо обратить внимание еще на одну очень существенную сферу компетенции «людей», касающуюся, правда, не князей, а церковных сановников, но имеющую весьма важное значение для определения социально-политического веса народных масс в древнерусском обществе.

Когда историки говорят о вечевом избрании епископов, то обычно имеют в виду Новгород с его якобы особым складом социально-политического быта. Однако в источниках сохранились редчайшие и потому драгоценные сведения о сходных обычаях за пределами Новгородской земли. По свидетельству Лаврентьевской летописи, князь Всеволод Большое Гнездо просил митрополита Никифора поставить епископом в Ростов, Владимир и Сузdal «смереного и кроткого» Луку, игумена святого Спаса на Берестовом». Митрополит «не хотяще поставить его, зане бе по мъзде поставил Николу Грьчина». Всеволод отверг «Грьчина», а летописец пояснил, почему: «Несть бо достойно наскакати на святыи титул чин на мъзде, но егоже Бог позоветь и святая Бого-родица, князь въсхочет и людъ»¹¹³. Никифор вынужден был уступить и возвести в сан епископа «кроткого» Луку¹¹⁴. Ипатьевская летопись содержит еще более ясный текст: «Всеволод же Гюрьевич, князь Суждальский, не прия его (Николу Грьчина.— И. Ф.), но посла Киеву ко Святославу ко Всеволодичу и к митрополиту Никифору рек: «Не избраша сего людъ земле наше» (курсив наш.— И. Ф.), но же еси поставил, ино камо тебе годно, тамо же идежи...»¹¹⁵. Будь «людъ» Владимиро-Сузальской Руси совсем не причастны к избранию кандидата в епископы, князь Всеволод едва ли бы помянул о них. О том, что «людъ» в устах Всеволода не случайная обмолвка, судим по некоторым дополнительным сведениям. Так, в проложном житии Кирилла Туровского читаем, что Кирилл «умоленем князя и людей того града возведен был на стол епископы»¹¹⁶. Учреждение Смоленской епископии и выборы епископа также не обошлись без «людей». Князь Ростислав «привел» епископа в Смоленск, «сдумав с людьми своими»¹¹⁷, или, по верному наблюдению А. А. Зимина,

¹¹¹ НПЛ, с. 21, 30, 33, 53, 205, 217, 222, 252.

¹¹² ПСРЛ, т. I, стб. 301, 306, 328, 341, 348, 374; т. II, стб. 316, 445, 504.

¹¹³ Там же, т. I, стб. 391; см. также ЛПС, с. 94.

¹¹⁴ ПСРЛ, т. I, стб. 391; ЛПС, с. 94.

¹¹⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 629.

¹¹⁶ Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907, с. 63.

ПРП, вып. 2, с. 39.

рассудив на вече¹¹⁸. «Люди» ростиславской грамоты — народ¹¹⁹. Понятно, почему Устав Ростислава служил М. Н. Тихомирову прямым указанием на участие городских масс в политической жизни Смоленска¹²⁰.

Таким образом, народ в Древней Руси имел право голоса, когда возникала потребность замещения епископских столов. Но избрание «святителя» — одна, так сказать, сторона медали; другая ее сторона — изгнание владыки, возбудившего недовольство паствы, т. е. лишение его епископской кафедры. В 1159 г. «выгна-ша Ростовци и Суждалци Леона епископа, занеже умножил бяше грабя церковь и попы»¹²¹. По всему вероятию, вина Леона не сводилась только к алчности. Местное общество он фрапировал своими поучениями. Летописец с негодованием обличает их как ересь. Чему же «учил» Леон? Оказывается, он «поча учити у Суж-дали не ясти мяс в Господьескыя праздники, аще будеть в среду или в пяток, ни на Рожество Господне, ни на Крещение»¹²². Накал страстей достиг наивысшей точки на публичном диспуте, где преосвященный Федор «упре» Леона «пред благоверным князем Андреем и пред всеми людми»¹²³. Присутствие «людей» на «тяже» между Федором и Леоном — факт не случайный, свидетельствующий о живом интересе народа к происходящему и его сопричастности к низложению епископа¹²⁴.

«Святитель» Федор, блеснувший «острословием» в споре с Леоном, вскоре тоже уронил свой сан: «Много бо пострадаша чело-веки от него в держаны его, и сел изнебывши и оружья и конь, друзии же и работы добыща, заточенья же и грабленья не токмо простыцем, но и мнихом и игуменом и ереем безъ милости си мучитель. Другым человеком головы порезывая и бороды, иным же очи выжигая и язык урезая, а иныя распиная по стене, и муча немилостивне, хотя исхитити от всех именье, именья бо не сыт, аки ад»¹²⁵. Федорец, как его презрительно именует летописец, был свергнут со стола и под конвоем доставлен к митрополи-

¹¹⁸ Там же, с. 45.

¹¹⁹ Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895, с. 214—215, 257; Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 202.

¹²⁰ Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 202.— Весьма показательна концовка грамоты Ростислава, где сказано: «Да сего не посужи-ваи никотоже по моим днех, ни князь, ни люди». (ПРИ, вып. 2, с. 42). Здесь «люди» как потенциальные нарушители Устава поставлены вровень с князем.

¹²¹ ПСРЛ, т. I, стб. 349.

¹²² ПСРЛ, т. I, стб. 352; ЛПС, с. 75.

¹²³ ПСРЛ, т. I, стб. 352; ЛПС, с. 75.

¹²⁴ Н. И. Костомаров имел основание сказать, что «ростовцы изгнали (следовательно, вечем) своего епископа Леонтия».— См.: Костомаров Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси.— Вести. Европы, 1870, ноябрь, с. 42.

¹²⁵ ПСРЛ, т. I, стб. 355-356; ЛПС, с. 77.

ту Константину в Киев. Затем Федора отвезли на «Песий остров», и там по повелению митрополита опальному епископу, «яко злодею и еретику», «урезали» язык, отсекли правую руку, «вынули очи». «И погыбе память его с шумом»,— назидательно и с нескрываемым удовольствием резюмирует книжник¹²⁶. Если верить всецело летописной версии, то основной причиной падения «пронырливого» Федорца надо признать ссору владыки с «христолюбивым» князем Андреем, который ведел ему «ити ставиться к митрополиту в Киев», а он «не въсхоте»¹²⁷. Но рассказ летописца о Федорце, взятый целиком, позволяет выйти за рамки обычного конфликта светской власти с церковной и объяснить произошедшее более глубокими мотивами, в том числе и прежде всего недовольством масс местного населения, вызванными епископом.

Наконец, в Лаврентьевской летописи под 1214 г. узнаем, как «Иоан епископ Суждальский отписася епископы вся земля Ростовская и пострижеся в черньце в монастыри в Боголюбом»¹²⁸. Известие, надо сказать, туманное, покрывающее густой пеленой подробности, при которых Иоанн «отписася епископы». Но Летописец Переяславля Суздальского снимает досадную завесу, уведомляя, что «Володимирицы с князем своим Гюрем изгнаша Иоанна из епископства, зане не право творяше, а Симона поставиша епископом, игумена святаго Рожества Господа нашего Иисуса Христа в граде Володимири»¹²⁹.

Итак воля народа при избрании высших иерархов и лишении их кафедр играла на Руси далеко не последнюю роль¹³⁰. Н. М. Карамзин был безусловно прав, когда писал, что «епископы, избираемые князем и народом, в случае неудовольствия могли быть ими изгнаны»¹³¹.

Особенно неустойчивым было положение князя, не заручившегося народной поддержкой. Без этой поддержки он чувствовал себя случайным гостем, которому вот-вот «укажут путь чист». Чтобы поднять у «людей» свой авторитет и завоевать популярность, князья устраивали престижные пиры и раздавали богатства.

Надо заметить, что социальная роль частных богатств в до-классовых обществах все больше привлекает внимание советских

¹²⁵ ПСРЛ, т. I, стб. 356; т. II, стб. 552; ЛПС, с. 77.

¹²⁶ ПСРЛ, т. I, стб. 355; ЛПС, с. 77.— Эту летописную версию воспринял Б. А. Романов.— См.: Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966, с. 152.

¹²⁷ ПСРЛ, т. I, стб. 438.

¹²⁸ ЛПС, с. 112.

¹²⁹ М. С. Грушевский вряд ли был прав, когда говорил, что епископы в Киевской Руси «избрались обыкновенно князьями».— См.: Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа. Киев, 1911, с. 108.

¹³⁰ Карамзин Н. М. История Государства Российского. СПб., 1892, т. 3, с. 129.

ученых: историков, этнографов и археологов. Исследователи обнаруживают своеобразие ценностных ориентаций на ранних этапах формирования классов. Имущественный достаток в условиях обозначившегося распада первобытного строя служил зачастую средством продвижения в обществе как родственным объединениям, так и отдельным индивидуумам¹³². На историческом опыте варварских королевств Западной Европы это назначение материальных благ убедительно показал А. Я. Гуревич. Богатство у варваров, подчеркивал он, имело не столько утилитарное свойство, сколько престижное¹³³. С его помощью родовая знать поддерживала и расширяла личную власть и авторитет среди соплеменников¹³⁴.

Наблюдения над жизнью индейцев Северной Америки открывают, хотя и более древнюю, но все же наделенную определенным сходством картину. Речь идет о потлаче — социальном институте, который в советской историографии обстоятельно изучала Ю. П. Аверкиева. Существо данного института заключалось в публичной демонстрации и раздаче частных сокровищ, накопленных индейцами¹³⁵. Потлач был сперва специфическим рычагом имущественного нивелирования и противодействия общинных начал личному обогащению¹³⁶. В нем как бы сочетались две формы собственности, предшествующая коллективная и зарождающаяся частная¹³⁷, причем последняя носила подчиненный общинной собственности характер¹³⁸. С ростом имущественного неравенства в потлаче зримее проявлялась свойственная ему диалектическая сущность: утверждение индивидуального богатства через его распределение по принципу коллективизма. Однако в любом случае потлач был тем инструментом, пользуясь которым люди достигали высоких престижных позиций, укрепляя свое положе-

¹³² Хазанов А. М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества.— В кн.: Первобытное общество М 1975, с. 110—111.

¹³³ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, с. 68; см. также: Маретина С. А. Образование сословий и классов у горных народов Северо-Восточной Индии (к проблеме классообразования).— В кн.: Страны и народы Востока. М., 1972, вып. 14, кн. 3, с. 144.

¹³⁴ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма... с. 77.

¹³⁵ Аверкиева Ю. П. 1) Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961, с. 34—36, 115—117, 179—186, 225—231; 2) Род и община у алgonкинов и атапасков Американского Севера.— В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968, с. 19—23; 3) Индейцы Северной Америки. М., 1974, с. 104—109, 159—168, 272—274.

¹³⁶ Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины... с. 115.

¹³⁷ Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки, с. 31.

¹³⁸ Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины... с. 35, 137, 181.

ние в обществе¹³⁹. В потлаче отразились противоречия переходной эпохи от доклассовой формации к классовой¹⁴⁰.

В свете выводов Ю. П. Аверкиевой о потлаче североамериканских индейцев пытается рассматривать так называемое «нищелюбие» древнерусских князей В. И. Горемыкина. Обоснованной представляется мысль автора о том, что раздачи имущества и пиры князей с участием народа, замечаемые в Древней Руси, генетически восходят к родовому строю¹⁴¹. В этих пирах и раздачах В. И. Горемыкина верно угадывает орудие упрочения политической власти и повышения социального статуса древнерусской знати¹⁴². Вместе с тем, проводя слишком прямые аналогии между потлачом индейцев Северной Америки и «гостеприимством» в Киевской Руси, В. И. Горемыкина сглаживает различия сопоставляемых явлений. Не всегда удачно она пользуется сравнительно-историческим материалом¹⁴³.

Возникает вопрос, насколько пиры и раздачи богатств в Древней Руси созвучны обычаям древних обществ. Правомерность такого вопроса вполне очевидна, если учесть повсеместное в первобытные времена распространение порядков, связанных с перераспределением частных сокровищ на основе коллективизма. Подобные порядки засвидетельствованы у эскимосов и индейцев Северной Америки, у племен Полинезии и Меланезии, народов Европы, Азии и Африки¹⁴⁴.

Разумеется, эти раздачи модифицировались во времени. На примере потлача Ю. П. Аверкиева показывает их эволюцию. Сначала при разделе частных богатств «действует принцип уравнения в имуществе»¹⁴⁵. Несколько позднее «перераспределению подлежат также все частные богатства, но большая и лучшая часть богатств распределялась среди богатой родовой верхушки, беднякам же доставались меньшие и худшие из раздаваемых вещей»¹⁴⁶. На следующей стадии в раздачу шли уже не все, а только часть богатств¹⁴⁷.

¹³⁹ Аверкиева Ю. П. 1) Разложение родовой общины... с. 35, 137, 185; 2) Индейцы Северной Америки, с. 107, 164—165, 191.

¹⁴⁰ Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки, с. 108.

¹⁴¹ Горемыкина В. И. Классовый и политический характер «нищелюбия» древнерусских князей.— В кн.: Вопросы истории. Минск, 1975, вып. 2, с. 29.

¹⁴² Там же, с. 27, 30.

¹⁴³ Уподобляя княжеские пиры и раздачи имущества в Киевской Руси потлачу индейцев, В. И. Горемыкина ставит их также в один ряд с древнегреческой литургией и древнеримскими хлебными раздачами люмпенпролетариев.— Там же, с. 30.— Едва ли пиры и дарения на Руси (а тем более потлач) соответствовали литургии и хлебным раздачам в античном мире.

¹⁴⁴ Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины... с. 259; Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975, с. 184.

¹⁴⁵ Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины... с. 259.

¹⁴⁶ Там же, с. 260.

¹⁴⁷ Там же.— Этнографической науке известны также традиции, когда материальные богатства оседали и недвижимыми сокровищами, которые намеренно выставляли для всеобщего обозрения, чтобы поднять престиж

Сходные перемены прослеживаются и в организации пиров. К числу наиболее древних надо, вероятно, отнести межобщинные празднества — пирсы, похожие на те, что описаны у папуасов Новой Гвинеи¹⁴⁸. Межобщинные пиршества, типичные для первобытных обществ, имели свою динамику, обусловленную развитием самой общины. Так, с вызреванием соседской общины в организации пиров явственнее выступает складчина, излишняя в рамках родовой общины, где все запасы составляли общее достояние. Можно далее говорить об устройстве пиров «всеми членами сообщества по очереди» как о новом шаге на пути их развития, и затем уже идет пир в хоромах вождя¹⁴⁹.

Таким образом, и раздачи богатств, и пирсы в архаических обществах постепенно менялись соответственно социальным сдвигам, происходящим в недрах этих обществ. Вот почему, выясняя конкретные черты пиров и дарений, мы получаем возможность судить в известной мере об уровне общества в целом. Древняя Русь не представляет здесь никаких исключений.

Отечественные памятники старины, преимущественно летописи, донесли до нас многочисленные сведения о пирах и дарениях, процветавших на Руси X—XII вв. Повесть временных лет, сообщая о действиях Владимира Святославича, вводит исследователя в атмосферу застолья и щедрости, царивших во дворце князя. В 996 г. Владимир, учредив десятину для юной русской церкви, «створи праздник великий в тъ день боляром и старцем градским, и убогим раздан именье много»¹⁵⁰. В том же году он, «поставив» церковь Преображения в Василеве, устроил «праздник великий, варя 300 провар меду. И съзываще боляры своя, и посадники, старейшины по всем градом, и люди многы, и раздал убогим 300 гривен. Праздновав князь дний 8, и възвращащесь Кыеву на Успенье святыя богородица, и ту пакы сътворяше праздник великий, съзывая бещисленое множество народа»¹⁵¹. Летописец оповещает, что князь «створил» все это ежегодно¹⁵². По словам книжника, Владимир, воодушевленный библейскими призывами к нището-бию, «повеле всякому нищему и убогому приходити на двор княжь и взимати всякую потребу, питье и яденье, и от скотниць

их владельца. Так, в Меланезии, где в функции денег обращались циновки, богатые люди держали у себя дома «50 и более циновок, висящих и приходящих в ветхость,—доказательство древнего богатства». (Мас-сон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 91). В Микронезии рекламой зажиточности являлись огромные каменные диски, лежавшие возле хижины богача и составлявшие предмет его гордости (там же).

¹⁴⁸ Бахта В. М. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество.— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, кн. 1, с. 313—314.

¹⁴⁹ Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969, с. 146.
¹⁵⁰ ПВЛ, ч. I, с. 85.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же, с. 85—86.

кунами»¹⁵³. Для тех, кто не мог по немощи добраться до княжеского двора, Владимир приказал слугам своим грузить телеги мясом, рыбой, овощами, медом и развозить еду по городу¹⁵⁴. Каждое воскресенье в княжеской гриднице пировали бояре, гриди, сотские, десятские, нарочитые мужи¹⁵⁵.

В летописном повествовании о дарах и пирах Владимира просматриваются две линии в интерпретации мотивов щедрости киевского князя. Доброту Владимира летописец толкует по-разному в зависимости от того, к кому она обращена: к верхушке ли общества, именуемой дружиной, или к народу. В одном случае все выглядит вполне жизненно и реалистично. Князь находится в дружинном окружении как первый среди равных. Без дружины он, в сущности, не князь. Многозначительна в этой связи изображенная летописателем довольно заурядная сцена. Бывало, дружины «подъпьхутся, начнъяхут роптати на князь: „Зло есть нашим головам: да нам ясти деревяными лъжицами, а не сребряными”. Се слышав Володимер, повеле исковать лжице среб-рены ясти дружине, рек сице, яко „Сребром и златом не имам налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато, яко же дед мой и отец мой доискася дружиною злата и сребра”. Бе бо Володимер любя дружины, и с ними думая о строи земленем, и о ра-тех, и о уставе земленем¹⁵⁶. Наделяя дружины столь ощутимым общественным весом, летописец не искажал действительность, а воспроизводил ее правдиво. Понятно, почему в его описаниях щедрость князя по отношению к дружиинникам чужда легкомысленной расточительности или душеспасительной благотворительности. Это — прекрасно осознанное средство сплочения дружинных элементов и поддержания княжеского авторитета в дружинной среде¹⁵⁷. Подобная политика вытекала не из особых и неповторимых личных свойств Владимира, ее диктовала сама историческая обстановка, в которой устои рода-племенного строя были еще не расшатаны.

В иной плоскости рисует летописец княжеские дары, принятые народом. Тут он отходит от исторической правды и выводит Владимира неким просветленным неофитом, охваченным чувством нищеты, согревающего бедный и убогий люд. Перед нами явная стилизация, исполненная в духе христианского вероучения¹⁵⁸. И эту особенность летописи как источника исследователь, изучающий Русь эпохи крещения, должен держать в па-

¹⁵³ Там же, с. 86.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Мародин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 323—324, 335—336.

¹⁵⁸ Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь, с. 125—250.— Некоторые исследователи разделяют версию летописца. Так, Н. А. Рожков говорит, что «Владимир Святой поддерживал нищих и убогих, кормил их... Это

мти. К счастью, важную услугу, восполняющую указанный недостаток летописи, ему оказывают эпические произведения Древней Руси, в которых нет того налета религиозности, какой заметен в летописных записях, принадлежащих иноку-летописцу¹⁵⁹. Былины позволяют историку взглянуть на пиры и дарения времен Владимира Святославича не из кельи монаха-книжника, а из обычной городской или сельской избы, т. е. глазами рядового жителя Руси. В эпосе мы обнаруживаем яркие сцены застолий, сопровождаемых различными одариваниями. Сравнительно недавно эпические пиры в их структурном и функциональном аспектах тщательно исследовала Р. С. Липец¹⁶⁰. С большой основательностью она также изучила одаривания на пирах¹⁶¹. Обработанные ее материалы эпоса плюс известия Повести временных лет, приведенные нами выше, дают право уверенно говорить о широкой распространенности пирам и дарений на Руси конца X столе-

Пиры той поры, как правильно считает В. В. Мавродин, нельзя сводить к заурядным придворным увеселениям или общинным попойкам склонной пображничать руси¹⁶³. Это четко поняли уже ученые прошлого века. Еще А. А. Попов увидел в них социальный институт, составлявший «некогда одно из важных явлений в общественной жизни времен давно минувших»¹⁶⁴. Советские авторы не сомневаются в том, что за пирами и дарениями скрываются политические учреждения. По Д. С. Лихачеву, Владимиры пиры были «формой постоянного общения князя и дружины, формой совещаний. Они находили себе экономическое основание в характере «кормления» дружины у князя»¹⁶⁵. Б. А. Ры-

была простая милостыня в виде раздачи нищим пищи, одежды и денег (Рожков Н. А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. М., 1905, ч. 1, с. 81). С такой упрощенной трактовкой согласиться, конечно, нельзя.

¹⁵⁹ Липец Э. С. Эпос и Древняя Русь, с. 125.

¹⁶⁰ Там же, с. 120—125.

¹⁶¹ Там же, с. 239—266.

¹⁶² Подтверждение тому находим и у зарубежных информаторов. Например, Титмар Мерзебургский сообщает о щедрых милостынях Владимира, о том, что князь выкупал пленных и кормил их. Правда, Титмар мотивирует поведение Владимира стремлением очистить себя от скверны прошлой языческой жизни.— См.: Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства, с. 336.

¹⁶³ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства, с. 336.

¹⁶⁴ Попов А. Пиры и братчны.— В кн.: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1854, кн. 2, пол. 2, с. 38; см. также: Майков Л. О былинах Владимира цикла. СПб., 1863, с. 67.— По словам Д. И. Беляева, пиры были для князей средством «привлечения к себе людей».— См.: Беляев Д. И. Рассказы из русской истории. М., 1865, кн. 1, с. 216.

¹⁶⁵ Лихачев Д. С. «Эпическое время» русских былин.— В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 58; см. также: Анкин В. П. Русский богатырский эпос. М., 1964, с. 101; Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь, с. 127—131.

баков, соглашаясь с Д. С. Лихачевым, все-таки полагает, что пиры Владимира есть не только своеобразная форма совещания князя с дружиной, но и форма «реального общения князя и его огнщан и воевод с широкой массой разнородного люда», стекавшегося в столичный град¹⁶⁶. Отдавая предпочтение версии Б. А. Рыбакова, заметим, впрочем, что речь, вероятно, надо вести не столько о людях, прибывающих в Киев, сколько о народных представителях из местного населения. Пиры Владимира — форма общения княжеской власти с народом (помимо дружины, разумеется), орудие укрепления ее престижа в народе. Являлись ли пиры с участием простого люда и одаривания лишь отзвуками глубокой старины? Были ли они реалиями только княжения Владимира или же и более позднего времени?

В современной литературе о пирах и дарениях говорится, как правило, применительно к эпохе Владимира¹⁶⁷. Однако источники свидетельствуют о другом. По Повести временных лет князь Святополк, севший на киевском столе после смерти Владимира, созвал людей и «кнача даяти овем корзна, а другим кунами, и раздая множество»¹⁶⁸. Акция Святополка пусть отдаленно, но напоминает потлачи индейцев, приуроченные к замещению должности вождя¹⁶⁹. Конечно, здесь нет прямого сходства. Святополк, видимо, хотел задобрить киевлян и привлечь их на свою сторону в преддверии неизбежной борьбы с братьями за Киев. И тем не менее в своих действиях он, безусловно, опирался на древние традиции, требующие от князя проявления щедрости при получении власти. Но и находящийся у кормила власти князь был славен тем, что раздавал людям богатства. Митрополит Никифор говорит о Владимире Мономахе: «Рука твоя по Божий благодати к всем простираются, и ни оли же ти съкровище положено бысть, ли злато, ли сребро ищътено бысть, но вся раздавая, и обема рука-ма истощая даже и доселе. Но скотница твоя по Божий благодати неоскудна есть и неистощима, раздаваема и неоскудеваема»¹⁷⁰. Древнерусским князьям порой приходилось раскошелеваться, чтобы удержаться на столе. Примечателен в данном случае эпизод, сохранившийся в Ипатьевской летописи под 1159 годом. Дело было в Полоцке, где тогда княжил Ростислав. В городе возникли волнения, ибо многие полочане «хотяху Рогъволода». Князь с трудом сумел поладить с горожанами: «Одва же установи

¹⁶⁶ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 61.

¹⁶⁷ История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948, т. 1, с. 275—276; Лихачев Д. С. «Эпическое время»... с. 58; Рыбаков Б. А. Древняя Русь... с. 59—62; Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь, с. 149.

¹⁶⁸ ПВЛ, ч. I, с. 95.

¹⁶⁹ Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины... с. 128.

¹⁷⁰ Русские достопамятности. М., 1815, ч. 1, с. 69—70.

людъе Ростислав, и одарив многыми дарми, и води я к хресту»¹⁷¹.

С помощью даров князя стремились сохранить добрые отношения с народом. Отправляясь «во Плесков» в 1228 г., Ярослав не забыл взять подарки псковичам: «паволоки и овошъ»¹⁷². Правда, горожане, напуганные слухами о том, «яко везеть князь оковы, хотя ковати вятшии мужи», закрыли ворота и не пустили Ярослава. Но для нас важен не этот инцидент, а то, что князь считал естественным явиться в подведомственный ему город не с пустыми руками.

Часто поводом к раздаче богатств была смерть какого-нибудь князя или ее приближение. В апреле 1113 г. «преставися благоверный князь Михаил, зовемыи Святополк». Вдова усопшего «много раздили богатство монастырем и попом и убогым, яко дивитися всем человеком, яко такоя милости никотоже может створити»¹⁷³. По смерти в 1154 г. князя Вячеслава раздавали одежду, золото и серебро монастырям, церквам и нищим¹⁷⁴.

Почувяв приближение смерти, Ярослав Осмомысл велел «раздавать имение свое монастырем и нищим, и тако даваша по всему Галичию по три дни и не могоша раздавати»¹⁷⁵. Неизлечимо больной Владимир Василькович «розда убогим имение свое, все золото и серебро, и камение дорогое, и поясы золотыи отца своего и серебряные, и свое, иже бяше по отци своемъ стяжал, все розда. И блюда великаа сребрянаа и кубъки золотые и серебряные сам перед своим очима поби и полья и розъсла милостыню по всей земли, и стада роздан убогым людем, у кого то копии нетуть»¹⁷⁶.

Все эти предсмертные и посмертные раздачи материальных ценностей летописцы тщатся выдать за милостыню «боголюби-ых» и «богобоязненных» князей, блюдущих заповеди христианства. Но, как известно, социальные институты возникали «не из природы христианского, а из природы человеческого общества»¹⁷⁷. У нас есть веские причины связывать генетически раздачи богатств «на помин дущи» с обычаями доклассового общества¹⁷⁸.

Летописцы не раз говорят о грабежах имущества умерших князей. В 1157 г. киевляне разграбили дворы покойного Юрия Долгорукого¹⁷⁹. Расхищено было богатство и сына Юрия князя

¹⁷¹ ПСРЛ, т. II, стб. 494.

¹⁷² НПЛ, с. 271.

¹⁷³ ПСРЛ, т. II, стб. 275.

¹⁷⁴ Там же, стб. 473.

¹⁷⁵ Там же, стб. 657.

¹⁷⁶ Там же, стб. 914.

¹⁷⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 110.

¹⁷⁸ Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины... с. 181—182.

¹⁷⁹ «И много зла створися в тот день, разграбиша двор его (Юрия.— И. Ф.) красный и другие двор его за Днепром разъграбиша, егоже зва-шеть сам Раем...» — ПСРЛ, т. II, стб. 489.

Андрея, убитого заговорщиками¹⁸⁰. Историки обычно квалифицируют эти грабежи как акты классовой борьбы¹⁸¹. Не отрицая наличия в них социального протesta, заметим, что тут звучат и мотивы первобытной психологии. Так, согласно представлениям южноафриканских скотоводов — банту, «вождь не имеет ничего своего, все, чем он владеет, принадлежит племени»¹⁸². Отсюда «совокупный прибавочный продукт, отчуждающийся в самых различных формах в пользу вождей и предводителей, рассматривается не только как компенсация за отправление общественно полезной функции управления, но и как своего рода общественный фонд, расходование которого должно производиться в интересах всего коллектива»¹⁸³. У индейцев-коневодов «бывали случаи, когда общинники, узнав о смерти богатого индейца, бросались к его табуну и захватывали лучших коней. Они могли пренебречь завещанием умершего и ничего не оставить его вдове и детям»¹⁸⁴. Любопытно, что «ближайшие родственники умершего не имели права препятствовать этому расхищению наследства. С особым рвением оно осуществлялось в отношении табунов скучных богачей. В этом поведении сородичей и общинников, как и в обычаях дележа наследства умершего, можно видеть пережиточное бытование прежнего колLECTИВИЗМА собственности на скот»¹⁸⁵. В свете приведенных этнографических данных грабежи имущества почивших князей поворачиваются новой гранью, преломляющей остаточные явления, уходящие вглубь веков. Внутренний смысл их становится понятным, если вспомнить, что князья на Руси XI—XII вв. благоденствовали в значительной степени за счет кормлений — своеобразной платы свободного населения за отправление ими общественных служб, происхождение которой теряется в далекой древности¹⁸⁶. Такая архаическая по своей сути система оплаты княжего труда способствовала выработке взгляда на княжеское добро как на общественное отчасти достояние. Ничем иным нельзя, например, объяснить обязанность князей в Киевской Руси снабжать народное ополчение конями и ору-

¹⁸⁰ «Горожане же Боголюбцы разграбиша дом княжь... грабители же и ись сел приходяче грабяху, тако же и Володимери, оли же поча ходити Микулица со святою Богородицею в ризах по городу, тожь почаша не грабити».— Там же, стб. 592.

¹⁸¹ Тихомиров в М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 161—162, 231—234; Мавродин В. В. Народные восстания в древней Руси. М., 1961, с. 83—86; Черепинин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда.— В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение, с. 268—269; Толочко П. П. Вече и народные Движения в Киеве, с. 142.

¹⁸² Хазанов А. М. Социальная история скифов, с. 184.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки, с. 266.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Форянов И. Я. Киевская Русь... с. 62—65.

жием¹⁸⁷. Думается, любое истолкование летописных записей о посмертных грабежах княжеских богатств, предпринятое без учета социальной психологии доклассового общества, рискует быть однобоким¹⁸⁸.

динарные, привычные для современников. Они не только отголос Итак, княжеские дарения на Руси XI—XII вв.—события орки и пережитки прошлых столетий, а и учреждения, порожденные социально-политическим строем Руси¹⁸⁹. Одаривая древнерусский люд, князья возвышались в общественном мнении, приобретали популярность в массах и (что самое главное) добивались расположения народа. В сознании людей Древней Руси хороший князь — это прежде всего добрый князь. Недаром в летописных некрологах книжники старались подчеркнуть щедрость усопших князей¹⁹⁰.

В XI—XII вв. князья не только одаривали людей, но и пировали вместе с ними. Летописи пестрят сообщениями о княжеских пирах.

Майскими днями 1115 г. в Вышгороде состоялись торжества по поводу переноса мощей Бориса и Глеба в специально построенный для этого храм. В Вышгород съехались Владимир Мономах, Давыд и Олег Святославичи. После освящения церкви князь Олег дал обед: «И бысть учреждение велико и накормиша убогия и страньня по 3 дни»¹⁹¹. Летописец, перечисляя тех, кто праздновал в Вышгороде, называет князей, бояр и людей, т. е. народ¹⁹².

Большим хлебосолом, судя по всему, был Владимир Мономах. В знаменитом «Поучении» он не раз призывает своих детей к щедрости. «Всего же паче убогых не забывайте, но елико могу-ще по силе кормите, и придайте сироте», — внушиает он¹⁹³. И еще: «Куда же пойдете, иде же станете, напойте, накормите унеи-на»¹⁹⁴. Под «унеином» здесь надо понимать, как нам кажется, простого, «молодшего» человека, представителя социальных низов, т. е. рядового свободного населения¹⁹⁵. У Мономаха, следователь-

¹⁸⁷ Там же, с. 57—58.

¹⁸⁸ То же самое необходимо сказать и о многочисленных известиях летописей о разграблении имущества князей, изгнанных людьми из того или иного города.

¹⁸⁹ Ср.: История культуры Древней Руси, т. 1, с. 275—276.

¹⁹⁰ ПВЛ, ч. I, с. 101, 111, 132, 142; ПСРЛ, т. I, стб. 294, 368, 443 447, 466, 468; т. II, стб. 289, 550, 563, 583, 610, 617, 681, 703.

¹⁹¹ ПСРЛ, т. II, стб. 280.

¹⁹² Там же, стб. 282.

¹⁹³ ПВЛ, ч. I, с. 157.

¹⁹⁴ Там же, с. 158.

¹⁹⁵ Текст с «унеином» одно из «темных» мест «Поучения» Владимира Мономаха. Ученые предлагали различные толкования этого слова: хозяин, хозяин дома, молодой голодный бедняк, нищий, странник и пр.—См.: Орлов А. С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946, с. 182—184; Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (Х — середина XVIII в.). М., 1975, с. 138—139.—Сравнительно недавно Н. А. Мещерский счел «унеи-

но речь идет об устройстве обедов для простонародья. Гостеприимство, по Мономаху,— одна из высших добродетелей. «Боле же чтите гость, откуда ж к вам придет, или прост, или добр, или сол, аще можете даром, брашном и питьем...»¹⁹⁶. Двери княжеского дома, как видим, были открыты не только для «добрых», но и простых людей. Неудивительно, что Мономах снискал огромную популярность у народа¹⁹⁷. Превосходным комментарием к сказанному служат слова митрополита Никифора, обращенные к Мономаху: «И вемы, яко же инем на обеде светле готовиши, и бывавши всем всяческая, да всех приобрящеши, и законныя и безаконныя, величества ради княжьского; и сам убо служиши и стражеши рукама своим, и доходить подавание твое даже и до комаров, твориши иже то княжения ради и власти; и объядающимся инем и упивающимся, сам пребывавши седя и позоря ядуща ины и упивающася, и малом вкушением и малою водою, мнится, и ты с ним ядый и пиа. Ти тако угаждаши сущим под тобою, и тръпиши седя и зря их же имевши рабы упивающася, и тем поистине утажаши и покорявши а...»¹⁹⁸. Стало быть, Мономах задавал пиры и прислуживал всем «величества ради княжеского», «ради княжения и власти». Митрополит емко и точно определил социальное значение княжеских пиров.

Общественные застолья проходят через весь XII в. На них мы встречаемся как со знатью, так и с демосом. Простая чадь пировала, например, у князя Изяслава, который, будучи в Новгороде, «посласта подвоискеи и бириче по улицам кликати, зовучи ко князю на обед от мала и до велика, и тако обедавше весели-шася радостью великою, честью разидаша в своя домы»¹⁹⁹. Тот же Изяслав, прогнав Юрия Долгорукого из Киева, устроил в честь победы над соперником обед. Среди званых отобедать «на велицем дворе Ярославли» были и «кияны», иначе — горожане²⁰⁰. С «киянами» встречаемся и на пиру у князя Вячеслава, приходившегося дядей хлебосольному Изяславу²⁰¹. Их же застаем на пиру у Святослава Всеволодовича²⁰².

25 августа 1218 г. распахнулись двери церкви «святых мучеников» Бориса и Глеба в Ростове. В ознаменование открытия храма князь Константин «створи пир и учреди люди, и многу милостыню створи к убогым»²⁰³. 3 апреля 1231 г. митрополит ки-

на» за контекстуальный синоним к слову «отрок», означавшему дружинника, воина, слугу.— См.: Мещерский Н. А. К толкованию лексики одного из «темных» мест в «Поучении» Владимира Мономаха.— В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1977, 2, с. 41.

¹⁹⁶ ПВЛ, ч. I, с. 158.

¹⁹⁷ См. с. 42—43 настоящей книги.

¹⁹⁸ Русские достопамятности, ч. 1, с. 69.

¹⁹⁹ ПСРЛ, т. II, стб. 369.

²⁰⁰ Там же, стб. 416.

²⁰¹ Там же, стб. 418—419.

²⁰² Там же, стб. 634.

²⁰³ Там же, т. I, стб. 442.

евский поставил епископом в Ростов некоего Кирилла, духовника князя Василия Константиновича, после чего состоялся грандиозный пир: «И еша и пиша того дни в манастыри святыя Богородица Печерьская много множество людии... их же не бе мощи ищести»²⁰⁴.

Нередко князь и горожане обменивались любезностями, приглашая на обед друг друга: «Кыяне же почаша звати Давыда на пир и подаваючи ему честь велику и дары многи. Давыд же позва Кыяне к себе на обед и ту бысть с ними в вес²⁰⁵ли мнозе и во любви велици и отпусти их». В 1159 г. полочане позвали князя Ростислава на городской пир — «братщину», по терминологии летописи²⁰⁶.

Собранные нами рассказы летописцев о пирах указывают на распространенность публичных застолий в быту древнерусского общества. Эти рассказы убеждают в том, что на княжеских пирах XI—XII вв., как и раньше, частыми гостями были представители рядового населения Руси²⁰⁷. На пирах простые и знатные — в одной компании. В Русской Правде есть очень интересный штрих, лишний раз подтверждающий нашу правоту. Статья 6 Пространной Правды, определяющая наказание общиннику (члену верви) за убийство «княжа мужа», гласит: «Но оже будеть убил или в сваде или в пиру явлено, то тако ему платити по верви ныне, иже ся прикладывают вирою»²⁰⁸. Легко сообразить, что «людин» совершает убийство высокопоставленного «мужа», пируя с ним если и не за одним столом, то рядом.

Итак, престижные пиры и дарения на Руси X—XII вв. — явления, привычные взору современников. Они соответствовали более сложному в структурном плане обществу, чем потлач североамериканских индейцев и родственные ему институты других племен. Частная собственность в Киевской Руси утвердилась достаточноочноочно. Поэтому в древнерусских пирах и дарениях нет того, что было характерной чертой потлача: перераспределения богатств по принципу коллективизма, противоборства индивидуального и общинного начал, хотя какие-то следы всего этого еще пропускают. В них действовал преимущественно престижный фактор. Однако как пиры и дарения, так и потлач, типичны для обществ с незавершенным процессом классообразования. И в этом их коренное сходство.

²⁰⁴ Там же, стб. 457.

²⁰⁶ Там же, т. II, стб. 682.

²⁰⁶ Там же, стб. 495.

²⁰⁷ Мы не можем согласиться с Н. Н. Ворониным, который считает, что на этих пирах восседали одни только господа. — См.: История культуры Древней Руси, т. 1, с. 276. — Необоснованным представляется и мнение М. Г. Рабиновича об узкосословном характере княжеских пиров в Древней Руси. — См.: Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978, с. 80.
²⁰⁸ Пр., т. I, с. 104.

Прибегая к пирам и раздачам сокровищ, князья Древней Руси преследовали конкретную политическую цель — заручиться расположением и поддержкой масс населения.

Таким образом, осуществленное нами исследование позволяет говорить, что в социально-политической жизни Киевской Руси народ играл весьма активную роль. В отношениях древнерусских князей с народными массами («людьми») мы не находим ничего похожего на абсолютное господство с одной стороны и полное подчинение — с другой. «Люди» — довольно самостоятельная политическая сила, способная заставить князей и знать считаться с собой. В своих политических планах и комбинациях князья Древней Руси не могли игнорировать народ, а тем более — идти ему наперекор.

Данный строй отношений князей с «людьми» отчетливо виден в источниках X в. Хорошо прослеживается он и в XI—XII вв. Вероятно, в конце XI—XII вв. социально-политическая мобильность «людей» несколько возрастает, чему способствовало падение родового строя и образование городовых волостей — государственных образований с заметным демократическим уклоном. И все-таки принципиального различия между характером политической деятельности народа в X и в XII вв. обнаружить не удается²⁰⁹, ибо в ее основе на протяжении всего древнерусского периода лежали традиции, генетически связанные с демократией доклассовых обществ.

Вершиной политической деятельности народа в Киевской Руси являлось вече, к рассмотрению которого мы и переходим.

²⁰⁹ Ср.: Покровский М. Н. Избр. произв., кн. 1, с. 147; Греко Б. Д. Киевская Русь, с. 361—370.

Очерк пятый

ДРЕВНЕРУССКОЕ ВЕЧЕ

В русской дореволюционной историографии сложилось убеждение о вече как органе народной власти¹. Но при этом имели место и разногласия. Так, не было единодушия в вопросе о сфере распространения и характере вечевых собраний. В. И. Сергеевич, Н. И. Костомаров, М. А. Дьяконов полагали, что вече на Руси в качестве верховного учреждения с широкими полномочиями наблюдалось повсюду². А. Д. Градовский, признавая «всебо́льшность» вече в Древней Руси, отмечал разницу между городами в степени развития и форме проявления вечевой жизни.. «В одних городах,— писал он,— вече было верховною властью и действовало постоянно, в других проявлялось лишь в чрезвычайных случаях; право же вечевых собраний было для всех одинаково»³.

¹ Соловьев С. М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846; Беляев И. Д. Рассказы из русской истории, М., 1865—1866, кн. 1—2; Костомаров Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси.— Вести. Европы, 1870, ноябрь; Шпилевский С. М. Об участии земщины в делах правления до Иоанна IV.— Юридический журнал, 1861, № 5, отд. 2; Самоквасов Д. Я. Заметки по истории русского законодательного устройства и управления.— ЖМНП, 1869, № 11—12; Лимберт А. Предметы ведомства «вече» в княжеский период Древней России. Варшава, 1877; Линниченко И. А. Вече в Киевской области. Киев, 1881; Дьячан В. Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменения их государственного устройства в XIV и XV веках. Варшава, 1882; Иванов П. Исторические судьбы Волынской земли. Одесса, 1895; Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1900, т. 2; Ефименко А. История украинского народа. СПб., 1906; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1907; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912; Довнар-Запольский М. В. Вече.— В кн.: Русская история в очерках и статьях. Б. м. б. г. т. 1.

² Сергеевич В. И. Русские юридические древности, т. 2, с. 1—31, 38—39; Костомаров Н. И. Начало единодержавия... с. 34; Дьяконов М. А. Очерки... с. 119.

³ Градовский А. Д. Собр. соч. в 9-ти т. СПб., 1899, т. 1, с. 345.

С. М. Соловьев ограничивал деятельность вече Русью Южной и Северо-Западной, поскольку на Северо-Востоке отношения князей к городам (за вычетом Ростова) строились на иной основе, чем в указанных областях. В Северо-Восточной Руси князья создали свой «мир городов», где правила неограниченно и полновластно⁴. Наконец, высказывались мнения о том, что подлинное вече с верховными политическими правами встречалось лишь в Новгороде, Пскове, Полоцке и Вятке⁵.

Противоречия во взглядах вызывала и проблема происхождения вечевых собраний. В. И. Сергеевич и М. А. Дьяконов считали, что вече, будучи институтом обычного права, существовало издревле⁶. М. Ф. Владимирский-Буданов, М. С. Грушевский, М. В. Довнар-Запольский, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков, возводя вече к племенным сходкам славян, старались, кроме того, проследить за исторической судьбой вечевых собраний, за эволюцией племенных и общинных сходов в городские вече эпохи Киевской Руси⁷. Совсем иначе думал В. О. Ключевский, для которого вече — новообразование XI в., обусловленное упадком авторитета князей, погрязших в мелких усобицах⁸. По словам В. О. Ключевского, «всено́родное вече главных областных городов было преемником древней городской торгово-промышленной аристократии»⁹.

Не получила однозначного решения проблема вече и в советской исторической литературе. М. Н. Покровский, например, подчеркивая демократизм вечевого строя, настойчиво проводил мысль о повсеместном распространении вече на Руси. «Давно уже прошли те времена,— писал он,— когда вечевой строй считался специфической особенностью некоторых городских общин, которые так и были прозваны «вечевыми»,— Новгорода, Пскова и Вятки. Вечевые общины стали представлять собой исключение из общего правила лишь тогда, когда само это правило уже вымирало: это были последние представительницы того уклада, который до

⁴ Соловьев С. М. Об отношениях... с. 16—18.

⁵ Самоквасов Д. Я. Заметки... с. 226; Хлебников Н. И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872, с. 265; Лимберт А. Предметы ведомства «вече»... с. 47, 52, 99, 108—119, 121; Белов Е. А. Об историческом значении русского боярства до конца XVII века.— ЖМНП, 1886, № 1, с. 71; Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа. Киев, 1911, с. 103—104.

⁶ Сергеевич В. И. Русские юридические древности, т. 2, с. 33; Дьяконов М. А. Очерки... с. 117.

⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... с. 53—54; Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа, с. 103—104; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1907¹⁰, с. 82; Довнар-Запольский М. В. Вече, с. 244—246; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938, т. 1, с. 168—169.

⁸ Ключевский В. О. 1) Соч. М., 1956, т. 1, с. 191—192; 2) Соч. М., 1959, т. 6, с. 185—186.

⁹ Ключевский В. О. Соч., т. 1, с. 192.

XIII в. был общерусским»¹⁰. В XII в. М. Н. Покровский находил республиканский склад жизни доминирующим на Руси. Стремясь взглянуть на события исторически, М. Н. Покровский писал: «Древнерусские „республики“ начали аристократией происхождения, а кончили аристократией капитала. Но в промежутке они прошли стадию, которую можно назвать демократической: в Киеве она падает как раз на первую половину XII в. В этот период хозяином русских городов является действительно народ»¹¹.

Эти положения М. Н. Покровского оспорил Б. Д. Греков¹². Но отбросив его тезис о демократизме Киевской Руси, Б. Д. Греков не рискнул все-таки отстранить народ от вечевых собраний. Корни вече он искал в родовом обществе¹³. С образованием в IX столетии раннефеодального Древнерусского государства вече умолкает: «Ни в X в., ни в первой половине XI в. для развития вечевого строя благоприятных условий в Киеве нет. Власть киевского князя слишком сильна, город политически еще слаб, чтобы рядом с княжеской властью могло процветать городское вече»¹⁴. Возрождение вечевой деятельности наблюдается во второй половине XI—XII вв. «Чем объяснить факт энергического проявления вечевых собраний именно со второй половины XI в.»,— спрашивает Б. Д. Греков. «Мне кажется,— говорит он,— это явление стоит в связи с раздроблением Древнерусского государства. По мере падения значения Киева как политического центра, объединяющего значительные пространства, по мере усиления отдельных частей Древнерусского государства в этих последних поднимается политическое значение крупных городов, способных играть роль местных центров и отстаивать независимость своей области от притязаний старой „матери городов русских“. В этих городах вырастает значение вечевых собраний, с которыми приходится считаться и пригородам и князьям»¹⁵. Большую роль на вече играли купцы и ремесленники, к голосу которых князья и бояре должны были прислушиваться, а порой идти им и на уступки¹⁶. Вече на Руси Б. Д. Греков определяет как народное собрание (классового и доклассового общества), созываемое для обсуждения и решения важных общих дел¹⁷.

Точку зрения Б. Д. Грекова на вечевые собрания разделял М. Н. Тихомиров¹⁸. Он не раз убеждался в том, что на массовых городских сходах главенствовали «черные люди»¹⁹.

¹⁰ Покровский М. Н. Избр. произв. М., 1966, кн. 1, с. 146—147.

¹¹ Покровский М. Н. Избр. произв., кн. 1, с. 147.

¹² Греков Б. Д. Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М. Н. Покровского.— В кн.: Против исторической концепции М. Н. Покровского. М.; Л., 1939, ч. 1.

¹³ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 359, 360

¹⁴ Там же, с. 361—362.

¹⁵ Там же, с. 366.

¹⁶ Там же, с. 368.

¹⁷ Там же, с. 369—370.

¹⁸ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 222.

¹⁹ Там же, с. 221.

Идеи Б. Д. Грекова и М. Н. Тихомирова о древнерусском вече подверг резкой критике С. В. Юшков. Полемические приемы С. В. Юшкова оставляли желать лучшего, ибо больше запугивали, чем убеждали. Он обрушился на Б. Д. Грекова за то, что тот не преодолел «взгляды Сергеевича или Ключевского о вече»²⁰, питавшихся «славянофильскими и народническими отрыжками»²¹, не порвал с наследием М. Н. Покровского, проявив с ним предосудительное (с точки зрения С. В. Юшкова) сходство в оценке некоторых явлений политической истории²². Еще дальше Б. Д. Грекова по пути сближения с концепцией вече, выработанной В. О. Ключевским и В. И. Сергеевичем, пошел М. Н. Тихомиров²³. К чему же склонялся сам С. В. Юшков? Он считал, что вече в Киевской Руси являлось массовым собранием «руководящих элементов города и земли по наиболее важным вопросам», созывавшимся в тех случаях, когда феодальная верхушка раскалывалась на группировки, когда «надо было опереться на широкие массы феодалов города и земли или даже на массу городского населения, включая и торговые и ремесленные элементы, конечно, руководя ими и используя их в своих классовых интересах»²⁴. Стalo быть, заправилами на вече, по С. В. Юшкову, выступали феодалы²⁵.

Мысль о господстве феодалов на вече пользуется признанием у В. Т. Пашуто и П. П. Толочко²⁶. Древнерусское вече XI—XII вв., полагают они, есть воплощение «феодальной демократии», т. е. выражение власти землевладельцев и других привилегированных собственников²⁷. Однако позиции В. Т. Пашуто и П. П. Толочко совпадают не по всем статьям. Так, В. Т. Пашуто, говоря о вече в догосударственный период Руси, называет его институтом народовластия²⁸. П. П. Толочко же думает, что и в это время при наличии «родо-племенной знати, старцев, предводите-

²⁰ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 347.

²¹ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси.. М.; Л., 1939, с. 194.

²² Юшков С. В. Общественно-политический строй... с. 348.

²³ Там же.

²⁴ Юшков С. В. 1) Очерки... с. 216; 2) Общественно-политический: строй... с. 360.

²⁵ Здесь имеется в виду вече XI—XII вв., которое С. В. Юшков отличал от вечевых сходок предшествующего (дофеодального) периода, считая их племенными собраниями.— См.: Юшков С. В. Очерки... с. 35—36.

²⁶ Пашута В. Т. 1) О мнимой соборности Древней Руси.— В кн.: Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962, с. 181—191; 2) Черты политического строя древней Руси.— В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 24—34; Толочко П. П. 1) Вече и народные Движения в Киеве.— В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972, с. 125—143; 2) Киев и Киевская земля. в XII—XIII вв.—Автореф. док. дис. Киев, 1975, с. 22.

²⁷ Пашута В. Т. Черты... с. 34; Толочко П. П. Вече... с. 142.

²⁸ Пашута В. Т. Черты... с. 33.

лей дружин вече не было всенародной сходкой²⁹. Тем не менее ни В. Т. Пашто, ни П. П. Толочко не исключают полностью участие рядового населения в вечевых собраниях XI—XII вв.

Более жесткую линию здесь проводят В. Л. Янин и М. Х. Алешковский, у которых состав вече, так сказать, дистиллированный. Это — человек 300 бояр, затянутых золотыми поясами (В. Л. Янин), да какое-то количество богатейших купцов, пополнивших боярское вече к XIII в. (М. Х. Алешковский)³⁰. Устанавливая социальную принадлежность участников вече, оба автора имеют в виду один лишь Новгород. Но если мы учтем их заявление о том, будто «государственный строй Новгорода сохранял несравненно больше черт демократии, нежели монархический строй княжеств»³¹, то можем предположить, что демократизм вечевых собраний других городов авторами тем более отрицается.

Древнерусскому вечу уделили внимание В. В. Мавродин и Л. В. Черепнин. Согласно В. В. Мавродину, «вече — один из наиболее архаических институтов народовластия, уходящий в родоплеменной строй. Но уже в период племенных княжений, непосредственно предшествующих Древнерусскому государству, на вечевых сходах главную роль играют „нарочитые мужи“, „лучшие мужи“, „старцы“, т. е. знать, которая стоит на пороге перерастания племенной верхушки в феодальную. По мере развития феодальных отношений на Руси эволюционирует и вече, оказавшееся либо на службе у князей и феодалов в виде своеобразной феодальной демократии, либо явившееся началом социального взрыва, восстания „простой чади“, „меньших людей“ против князя, боярства, ростовщиков»³².

Л. В. Черепнин выражает полную солидарность в вопросе о вече с Б. Д. Грековым и М. Н. Тихомировым. «Мне представляется наиболее правильной,— пишет он,— точка зрения Грекова — Тихомирова на вече как народное собрание во времена родо-племенного строя, возродившееся (но в известной мере и переродившееся) в новых условиях в период развития городов в феодальном обществе. По-моему, источники дают право говорить, что номи-

²⁹ Т о л о ч к о П. П. Вече... с. 130.— В другом месте своей статьи П. П. Толочко пишет: «Рассмотренные нами случаи деятельности киевского вече убеждают нас в том, что этот уходящий своими корнями еще в до-государственный период институт никогда не был органом народовластия, широкого участия демократических низов в государственном управлении».— Там же, с. 142.

³⁰ Я н и н В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики.—История СССР, 1970, № 1, с. 50; Я н и н В. Л., А л е ш к о в с к и й М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы).— История СССР, 1971, № 2, с. 58—59; А л е ш к о в с к и й М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV веков.— Советская археология, 1974, № 3, с. 105, 107.

³¹ Я н и н В. Л., А л е ш к о в с к и й М. Х. Происхождение Новгорода... с. 59.

³² М а в р о д и н В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 103.

нально вече — это высший орган городского управления в эпоху раннего феодализма, собрание горожан разного социального статуса»³³.

Мы рассмотрели некоторые итоги изучения древнерусского веча в отечественной исторической науке. Положение в историографии сложное, характеризующееся многообразием подходов и поисков в исследовании этого примечательного явления социально-политической истории Древней Руси. Такое положение в значительной мере объясняется состоянием источников. Сведения о вечевых собраниях мы черпаем преимущественно из летописей, где отложились далеко не все случаи созыва вече. Летописцы, люди духовного звания, воспитанные на докладах св. Писания и образцах византийского абсолютизма, взирали на князя как на единственного носителя власти, ниспосланной богом. Поэтому проявления народовластия редко попадали на летописные страницы, а если и попадали, то при описании шумных происшествий, в центре которых обычно выставлена любимцы наших древних «списателей» — князя.

Недостаток содержащихся в источниках данных о вече усугубляется лапидарностью известий. И все же они, взятые в совокупности, позволяют разобраться в главных чертах вечевого строя на Руси.

Среди летописных сообщений о вече есть одно, которое по праву считается классическим³⁴. Оно сохранилось в Лаврентьевской летописи под 1176 г. Владимирский хронист, рассказав, как в упорной борьбе со старшими городами Ростовом и Суздалем младший город Владимир одержал верх, произносит драгоценнейшую для историка фразу: «Новгородцы бо изначала и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якож на думу на вече сходятся; на что же старейший сдумают, на томъ же пригороди ста-нуть»³⁵. В. И. Сергеевич следующим образом комментировал приведенные слова летописца: «Вече собираются во всех волостях. Они составляют думу волости. Решения, принятые на вече главными представителями волости, старшими городами, по общему правилу, принимаются к исполнению пригородами»³⁶. Этот склад вечевых отношений существует «изначала», т. е. с незапамятных времен, иначе — «вече было всегда»³⁷. Толкование В. И. Сергеевича отклонил С. В. Юшков, считавший, что владимирский летописец говорит о вечевых совещаниях новгородцев, смольян, киевлян

³³ Ч е р е п н и н Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII в.—Исторические записки, 1972, т. 89, с. 386.

³⁴ Г р у ш е в с к и й М. С. История Киевской земли. Киев, 1891, с. 302.

³⁵ ПСРЛ, т. I, стб. 377—378.

³⁶ С е р г е е в и ч В. И. Русские юридические древности, т. 2, с. 1.

³⁷ Там же, с. 33; см. также: Д ы ч а н В. Участие народа в верховной власти... с. 85; А л е к с е е в В. Народовластие в Древней Руси. Ростов н/Д, 1902, с. 9—10; П л а т о н о в С. Ф. Лекции по русской истории, с. 82; Д ы я к о н о в М. А. Очерки... с. 118—119.

и полочан «не в доказательство изначального и повсеместного существования веча, а в доказательство зависимости пригородов от главного города»³⁸.

До С. В. Юшкова исследователи понимали слово «власти» из цитированного летописного отрывка в смысле «волости», «области», т. е. территории³⁹. Такое понимание его не удовлетворило. И он стал доказывать, что термин «власть» крайне редко применяется летописцем в значении территориальном, особенно в чтении «власть», а не «волость»⁴⁰. С. В. Юшков отсюда предположил, будто в упомянутом летописном тексте речь идет о том, что «изначала власти Новгорода, Смоленска, Киева, Полоцка и власти всех других городов собираются на думу, на совещания (веча): на чем порешат власти старших городов, то должны выполнять пригороды»⁴¹. Что же мы имеем в летописи на самом деле?

Термины «власть» и «волость» фигурируют в Лаврентьевской летописи отнюдь не альтернативно. Правда, для обозначения территории летописцы чаще (тут С. В. Юшков прав) прибегают к слову «волость»⁴². Однако иногда они пользуются этим словом и в неполногласном варианте: «Тогда послаша слы своя к Воло-дареви и к Василькови, пойми брата своего Василка к себе, и буди вама едина власть, Перемышль»⁴³. Бывает и так, что понятие «власть» передается посредством полногласной формы «волость»⁴⁴. Следовательно, ссылкой на крайне редкое применение термина «власть» в территориальном значении не решить вопроса, ибо трудно поручиться, что перед нами не тот самый редкий случай, когда «власть» есть «волость», «область». Надо искать более веские аргументы.

В летописном повествовании, предваряющем известие о вечевых сходах, обнаруживаем ключ к разгадке. Там читаем: «Мы же да подивимся чудному и великому и преславному матере Божья, како заступи град свои от великих бед и гражданы своя укреплять; не вложи бо им Бог страха, и не убоящаяся князя два имуще в власти сей и боляр их прещенья...»⁴⁵. С. В. Юшков почему-то прошел мимо этого примечательного текста, хотя не должен был допускать подобную небрежность уже по той причине, что в нем фигурирует слово «власть», позволяющее расшифровать аналогичное

³⁸ Юшков С. В. Очерки... с. 198.

³⁹ Имели место и другие толкования, тождественные толкованию С. В. Юшкова.— См. Беляев И. Д. Рассказы из русской истории, кн. 1, с 355

⁴⁰ Юшков С. В. Очерки... с. 199.

⁴¹ Там же.

⁴² ПСРЛ, т. I, стб. 74, 299, 302, 306, 307, 309 и др.

⁴³ Там же, стб. 274.— «И нача помышляти, яко избью всю братью свою и приими власть Русьскую едину»; «но сему ми дивно, даеть ми город свои, а мои Теребовль, моя власть».— Там же, стб. 139, 265.

⁴⁴ «Веща бо великии Златоустець, тем же противятся волости, противятся закону Божьему».— Там же, стб. 370.

⁴⁵ Там же, стб. 377.

слово из последующего сообщения о вечах. «Власть» здесь — территориальная единица. Стало быть, и выражение «вся власти» из рассказа о вечевых сходах новгородцев, смольян и прочих необходимо толковать как «все волости, области», поскольку нелогично думать, что один и тот же летописец в одной и той же записи для передачи разных понятий пользовался одинаковыми словами. С. В. Юшков, на наш взгляд, заблуждался, когда утверждал, что термин «власти», содержащийся в записи 1176 г. о вечевой жизни Руси, не идентичен термину «волости».

Вряд ли можно согласиться и с интерпретацией данной записи, предпринятой Б. Д. Грековым. Его смущало свидетельство летописца об изначальности вечевых порядков, ибо оно, как ему, вероятно, казалось, противоречило идею падения роли веча в X — первой половине XI в., которой он придерживался. Б. Д. Греков пытался придать новый смысловой оттенок этому свидетельству, полагая, что оно «относится не столько к существованию вечевого строя (о хронологии вечевых собраний летописец едва ли здесь думал), сколько к обычной обязанности пригородов подчиняться городам, к господству ростовской и сузdalьской знати над влади-мирцами — людьми „мезинными“». На этом, во всяком случае, логическое ударение летописного рассказа. Упоминаемая здесь знать и есть те „светлые бояре“, представителем которых в договорах с греками являлся в свое время великий киевский князь. До известного времени этот „изначальный“ порядок держался. Затем в нем появилась трещина»⁴⁶.

Б. Д. Греков несколько сузил содержание летописного рассказа, утверждая, что в нем речь идет не «о хронологии вечевых собраний», а об «обязанности пригородов подчиняться городам». Летописец, судя по всему, имел в виду и то и другое. Б. Д. Греков неправомерно противопоставляет ростовцев и сузdalцев владимирцам как знати (бояр) ремесленному и купеческому люду, поскольку во Владимире были местные бояре, которые наравне с остальными жителями города враждовали с ростово-сузdalским боярством, а также с населением Ростова и Суздаля вообще⁴⁷.

Итак, ни С. В. Юшкову, ни Б. Д. Грекову не удалось дать убедительное объяснение сообщению летописи под 1176 г. о вечевых порядках на Руси. И оно все еще кажется исследователям недостаточно понятым⁴⁸. В. Т. Пащуту принадлежит одна из последних попыток разобраться в его сути. Он предлагает поставить летописную запись в связь с восстановлением прав влади-

⁴⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 367.

⁴⁷ О существовании владимирского боярства можем, например, заключить на основании описания событий 1177 г., когда Глеб Рязанский, воюя около Владимира, пожег боярские села. Есть и прямые указания летописи на владимирских бояр: «...бысть мятежъ велик в граде Владимире, всташа бояре и купци».— ПСРЛ, т. I, стб. 383, 385.

⁴⁸ Пащута В. Т. Черты... с. 45.

мирской епископии, попранных ростовскими боярами и послужными им Ростиславичами. «Летописец,— говорит В. Т. Пашуто,— довольный, что Владимир, будучи новым городом, устоял и защищил епископские владения от ростовского боярства, выступил с обоснованием того, что в местном kraю сломан издревле бывший порядок вассального подчинения городов»⁴⁹. Рассуждать так — значит обедня员 содержание летописного рассказа, в котором лейтмотивом проходит порицание ростовцев и сузальцев за нежелания добра граду Владимиру «и живущим в немъ»⁵⁰. Сюжет же о церковных владениях у летописца, хотя и важный, но не самый главный. В. Т. Пашуто торопит события, объявляя о сломе старого порядка соподчинения городов. Это наступит позже⁵¹. Цель летописца в том, чтобы оправдать частный случай неповиновения пригорода старшим городам, а не в стремлении подвести «теоретическую базу» под ликвидацию отжившей системы⁵². Вместе с тем он хочет поднять престиж своего родного города, показать его возросшее политическое значение⁵³.

Оценивая летописное известие 1176 г. в целом, мы должны вслед за В. И. Сергеевичем сказать, что, по свидетельству летописца-современника, веча, являясь думой волости, созываются на Руси всюду; вечевой приговор старших городов принимается к исполнению пригородами. Тут язык летописи ясен и не подлежит кривотолкам. Но затем идут сложности. Камнем преткновения оборачиваются слова летописца, что на веча «сходятся изначала». В. И. Сергеевич и другие ученые воспринимали их как намек на

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ ПСРЛ, т. I, стб. 378.

⁵¹ См. с. 243 настоящей книги.

⁵² А. Н. Насонов, комментируя интересующий нас летописный текст, заявляет: «В плане историческом апология „владимирев“ проведена в рассуждении на тему о том, что „обычай“, который хотят навязать владимирцам „ростовцам“, ныне потерял свой смысл, устарел. Древний обычай, по его словам, заключался в том, что „пригороды“ в своих решениях следовали решениям главного, старейшего города, так было в Киеве, Новгороде, в Смоленске. Но теперь положение изменилось» (Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, с. 162). Непонятно, почему А. Н. Насонов говорит «о древнем обычай» в прошедшем времени. Ведь в летописи сказано, что новгородцы, смольяне, киевляне, полончане «и вся власти» на веча именно «сходятся», а не сходились, как это получается по А. Н. Насонову. «На что же старейший сдумают,— продолжает летописец,— на томъ же пригороди стануть». Итак, «древний обычай» мыслится «кописателем» в настоящем времени, что подчеркнут и формой сказуемого. Простое сказуемое, выраженное формой настоящего времени, в древнерусском языке означало, кроме действия, одновременного с моментом речи, и действия, которое должно обязательно совершиться, действие, протекающее постоянно, вне ограничений времени (см.: Устинов И. В. Очерки по русскому языку. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, ч. 1, с. 272). Именно с этим последним значением мы и имеем дело в летописной записи 1176 г.

⁶³ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 72—73; Лимонов Ю. А. Летописание Владимира-Сузальской Руси. Л., 1967, с. 85.

порядок, существовавший издревле, с незапамятных времен. Б. Д. Греков, стараясь затушевать хронологический аспект сообщения летописи, уверял, будто летописец меньше всего думал, с каких пор повелось древнерусское вече. Мы полагаем, что он все-таки думал об этом. Но как понимать это неопределенное «изначала»? Наше внимание привлекает один любопытный штрих: летописец говорит об изначальности вечевых сходов не в общей и отвлеченной форме, а в непосредственном соотношении с жизнью старших городов и пригородов. Его исторический взор значительно короче, чем может показаться при беглом знакомстве с летописью. Он обрывается за порогом социально-политической системы, обозначаемой понятиями «волость», «старший город», «пригород». Вот почему летописное «изначала» не старше волостного быта, запечатленного памятниками XII в. Исходный же рубеж здесь надо отодвинуть к середине XI в., когда шло становление волостей-государств, поднявшихся на развалинах «племенных княжений»⁵⁴. Таким образом, «изначала» в устах летописца имеет не абсолютный, а относительный смысл, вращающийся в пределах какой-нибудь сотни с лишним лет.

Однако летописный рассказ позволяет выйти и в предшествующую эпоху. Такую возможность открывают слова «якож на думу на веча сходятся, на что же старейший сдумают, на томъ же пригороди стануть». С. В. Юшкова приведенный летописный фрагмент поверг в недоумение. Он писал: «...обращает на себя внимание какая-то странная конструкция всей этой фразы («якож на думу на веча сходятся»). — И. Ф.). Почему-то говорится не только о вече, но и о думе»⁵⁵. Действительно, уподобление вече думе («якож на думу») понуждает вроде бы рассматривать вече и думу как особые институты. На самом деле это не так. В Летописце Переяславля Сузальского находим более четкое чтение: «...вся власти на думу на веча сходятся»⁵⁶. По Летописцу, стало быть, вече и дума — понятия неразрывные. Преимущества фразеологического построения Переяславского летописца особенно очевидны на фоне венчающей повествование реплики «на что же старейший сдумают, на томъ же пригороди стануть». Полагая думу отличным от вече учреждением, мы внесем в рассказ путаницу, затемняющую и без того трудный для толкования текст. Итак, собраться на вече — все равно что сойтись на думу, думать, а принять согласное вечевое решение — значит «сдумать». Последнее наблюдение имеет особо важное значение, поскольку позволяет увидеть вече в тех местах летописи, где оно завуалировано туманным «сдумаша». В итоге мы получаем возможность начать историю вече, фиксируемую источниками, из восточно-славянского далека.

⁵⁴ См. с. 232—236 настоящей книги.

⁵⁵ Юшков С. В. Очерки... с. 199.

⁵⁶ ЛПС, с. 87.

В недатированной части Повести временных лет сохранилось предание о борьбе полян с хазарами. Счастье улыбнулось пришельцам, «и реша козари: „Платите нам дань”. Съдумавше же поляне и вдаша от дыма мечь»⁵⁷. Притязания хазар обсуждаются на вече — племенной сходке⁵⁸.

На подобное собрание сошлись древляне, возмущенные «несытством» киевского князя Игоря, не знаяшего меры в сборе дани⁵⁹.

Племенные вече — детище глубокой старины, palladium демократии восточных славян, о которой в свою бытность писал Прокопий Кесарийский. «Эти племена, славяне и анты,— читаем у него,— не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим»⁶⁰. Н. С. Державин верно замечал, что «„славяне”, по Прокопию, не знают единодержавной власти и живут на основах самоуправления путем обсуждения своих дел на всенародных сходках, т. е. вечах»⁶¹.

Впервые термин «вече» встречается в Повести временных лет при описании происшествий в осажденном печенегами Белгороде. Измученные голодом белгородцы «створиша вече», где порешили отиться на милость победителя. Но тут объявился некий «старец», который «не был на вече томъ, и въпрашаще: „Что ради вече было?” И людъе поведаша ему, яко утро хотят ся людъе пере-дати печенегом. Се слышав, послы по старейшины градъсъя и рече им: „Слыших, яко хотите ся передати печенегом”. Они же реша: „Не стерпять людъе глада”. И рече им: „Послушайте мене, не передайтесь за 3 дня, и я вы что велю, створите”. Они же ради обещашася послушати»⁶².

Итак, в белгородском вече участвуют «людъе» и «старейшины градъсъя», т. е. рядовое население со знатью. «Вечники» сообща сговариваются отворить врагу город, причем инициатива здесь исходит более от «людей», нежели от старейшин. «Людъе» активно действуют не только на вече, но и потом. Именно они посыпают за печенегами, принимают их в городе, потчужа своим знаменитым киселем⁶³.

Сдача Белгорода должна была состояться, но вдруг, будто ангел с неба, явился «старец» с хитроумным планом спасения города. Старейшины воспрянули духом («ради обещашася послуша-

⁵⁷ ПВЛ, ч. I, с. 16.

⁵⁸ Ко стомаровы. И. Начало единодержавия... с. 36—37.

⁵⁹ «Слышивше же деревляне, яко опять идет (Игорь), сдумавше со князем своим Малом: «Аще ся въвадить волк в овце, то выносить все стадо, аще не убъют его; тако и се, аще не убъем его, то вся ны погубить». — Там же, с. 9—10; см. также: Ко стомаров Н. И. Начало единодержавия... с. 9—10.

⁶⁰ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, с. 297.

⁶¹ Державин Н. С. Славяне в древности. Б. М., б. г., с. 83—84.

⁶² ПВЛ, ч. I, с. 87.

⁶³ Там же, с. 87—88.

ти»), отсрочив капитуляцию на трое суток. По этому поводу Б. Д. Греков писал: «Надо думать, что если они (старейшины.— Ц. Ф.) с такой легкостью отменяют решение вече, то, очевидно, они имели силу провести отмену решения. Для суждения о вече с этими фактами, конечно, необходимо считаться»⁶⁴. Мы готовы были бы считаться с «этими фактами», будь они реальными, а не вымысленными. Ведь старейшины не отменяют решение вече, как представляется Б. Д. Грекову, а только приостанавливают его исполнение на трое суток. Отвечало ли это интересам народа? Конечно. Выдержать осаду хотелось, безусловно, всем: и знати, и «простой чади». То был наилучший исход. В противном случае многие белгородцы, независимо от социального ранга, погибли бы под печенежскими саблями. «Людъе» прекрасно понимали эту перспективу. Недаром они говорили: «Въдадимся печенегом, да кого живять, кого ли умертвять» (курсив наш. — И. Ф.). Поэтому приостановка действия вечевого решения, подававшая надежду на счастливый поворот событий, не могла быть не поддержана «людьми». В одобрении народа, на наш взгляд, как раз и надо искать причину бросившейся в глаза Б. Д. Грекову легкости, с какой старейшины останавливают выполнение приговора веча о сдаче Белгорода⁶⁵, а не в их мнимой силе, идущей наперекор воле рядовых белгородцев.

Нельзя, разумеется, забывать, что рассказ об осаде Белгорода есть народное предание, занесенное в летопись⁶⁶. Иначе перед нами не историческая хроника, а поэтическое произведение со всеми присущими ему как историческому источнику специфиче-

⁶⁴ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 362.— В унисон с Б. Д. Грековым рассуждает П. П. Толочко, по которому «судьбу осажденного города решают не низшие слои населения, а городские старцы и старейшины. Это хорошо видно из вопроса старца, не участвовавшего в вече. В ответ старейшины городские мотивируют свое (?) решение давлением голодавшего народа, среди которого, по-видимому, уже начались волнения. Следовательно, „людъе“ следует рассматривать как силу, повлиявшую на решение вече, но ни в коем случае не решавшую. Из дальнейшего рассказа о хитрости старца видно, что те же городские старейшины нашли возможности, и силы изменить свое прежнее решение» (Толочко П. П. Вече... с. 130). П. П. Толочко игнорирует совершенно недвусмысленное свидетельство летописи о том, что именно «людъе хотят ся передати печенегом», а не старцы. Необходимо заметить, что по части толкования событий в Белгороде у Б. Д. Грекова и П. П. Толочко есть предшественники в дореволюционной историографии (см.: Самоквасов Д. Я. Заметки по истории русского государственного устройства и управления.— ЖМНП, 1868, ноябрь, с. 93.)

⁶⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 362.

⁶⁶ Лихачев Д. С. Народное поэтическое творчество времени расцвета Древнерусского раннефеодального государства (Х—XI вв.).— В кн.: Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953, т. 1, с. 162—163; Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970, с. 24.— Возникновение этого предания А. Г. Кузьмин относит ко времени не позднее середины XI в.— Кузьмин А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969, с. 118.

скими особенностями. Вот почему мы далеки от того, чтобы выдавать нарисованную нами картину за фотографию. Многое в этой картине условно, гипотетично. И все-таки один из основных мотивов предания, характеризующий народ как активную социально-политическую силу, в полной мере проявляющуюся на вече, сомнений не вызывает.

Новый эпизод с вечем переносит нас с юга на север, из Белгорода в Новгород, где новгородцы, доведенные до крайности бесчинствами варягов, «исекоша в Поромоне дворе» этих заморских насильников⁶⁷. «И се слышав, князь Ярослав разгневався на гражданы, и собра вой славны тысячу, и, обольстив их, исече, иже бяху Варяги ти исекле; а друзии бежаша из града»⁶⁸. Не успела еще остыть пролитая кровь, как из Киева от сестры Ярослава Предславы пришла печальная и вместе с тем тревожная весть о смерти отца, великого князя Владимира, и о кайновых делах брата Святополка, воняжившегося на киевском столе. Ярослав спешно созвал «новгородцев избыток» на вече. «Любимая моя и честная дружина, юже вы исекох вчера в безумии моем, не топерво ми их златом окупити», — жалобно взывал князь. Подпустив слезу, Ярослав взмолил о помоши против Святополка. И сказали незлобивые новгородцы: «А мы, княже, по тебе идем». Ярослав «собра вой 4000. Варяг бяшеть тысяча, а новгородцев 3000; поиде на нь»⁶⁹. Так повествует о новгородской драме местный летописец. «Но, вероятно, — пишет Л. В. Черепнин, — в действительности все было сложнее. Видимо, велись переговоры, в которых Ярослав обещал новгородцам и денежное вознаграждение, и грамоту с какими-то политическими гарантиями»⁷⁰. Возможно, Л. В. Черепнин прав. Однако сейчас нам важнее выяснить социальный состав вече. В. Т. Пашуто видит в нем «собрание части „нарочитых мужей“, санкционирующее войну и сбор ополчения для князя»⁷¹. Чтобы убедить читателя в своей правоте, В. Т. Пашуто адресует его к Повести временных лет и Новгородской Первой летописи. Но при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что историк воспроизводит события только по Повести временных лет и, вероятно, не случайно, так как в новгородском источнике нет ни единого упоминания о «нарочитых мужах», а речь идет о «новгородцах» и «гражанах», причем в синонимиче-

⁶⁷ НПЛ, с. 174.

⁶⁸ Там /ке.— Повесть временных лет сообщает о мести Ярослава несколько иначе: «И разгневався Ярослав, п шед на Роком, седе в дворе. Послав к новгородцем, рече: „Уже мне сих не кресити“. И позва к себе нарочитый муськи, иже оях' исекли варяги, ц обольстив я исече». — ПВЛ, ч. I, с. 95.

⁶⁹ НПЛ, с. 174-175.

⁷⁰ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда.— В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение, с. 132.

⁷¹ Пашуто В. Т. Чертцы политического строя... с. 25.

ском значении терминов⁷². Следовательно, «нарочитых мужей» В. Т. Пашуто извлекает из Повести временных лет. Однако материал Повести дает основание для иного, чем у В. Т. Пашуто, заключения. Согласно этой летописи варягов перебили «новгородцы», в том числе и «нарочитые мужи». Последнее явствует из слов: «И позва (Ярослав.— И. Ф.) к себе нарочитые мужи, иже бяху исекли варяги...»⁷³. Выделяя знатных людей из общей массы новгородцев, летописец тем предостерегает от отождествления понятий «новгородцы» и «нарочитые мужи». Новгородцы — это широкий круг людей, куда входят и «нарочитые»⁷⁴. Посему сводить вече, созванное Ярославом, к совещанию части «нарочитых мужей» нельзя. Вече здесь — народное собрание (с участием знати, конечно), витирующее чрезвычайно существенный вопрос о военном походе.

Выдвигая тезис о прекращении вечевой деятельности на Руси X — первой половины XI в., Б. Д. Греков писал: «Если не считать исключительных случаев, известий о вечевых собраниях в X веке у нас нет. Исключительные случаи я вижу в описании двух осад городов печенегами (Киева в 968 г. и Белгорода в 997 г.) в отсутствие князей с их дружинами»⁷⁵. И далее: «Как правило, в X в. при наличии князя в городе вече не собирается.

⁷² Новгородская Первая летопись еще называет «вой славны тысячи». Д. С. Лихачев высказал догадку, что «нарочитые мужи» ПВЛ есть своеобразный перевод выражения «вой славны тысячи» НПЛ.— ПВЛ, ч. II, с. 361.— Того же мнения держится Л. В. Черепнин (См.: Черепнин и Л. В. Общественно-политические отношения... с. 132). Если тут действительно перевод, а не изобретение составителя ПВЛ, то довольно вольный. «Вой славны тысячи» — это доблестные воины из «тысячи», т. е. ополчения. И совсем не обязательно всех их считать знатными военачальниками, возглавлявшими подразделения войсковой «тысячи» (Там же).

⁷³ ПВЛ, ч. I, с. 95.

⁷⁴ Именно так мы понимаем сообщение Повести временных лет. Нужно, впрочем, заметить, что Новгородская Первая летопись содержит, на наш взгляд, изложение, которое ближе к действительности, чем версия Повести. К этому заключению нас склоняет ряд обстоятельств. Во-первых, Новгородская Первая летопись сохранила текст предшествующего Повести временных лет Начального свода (ПВЛ, ч. II, с. 361). Во-вторых, в рассказе Повести чувствуется стилизация. «Уже мне сих не кресити», — говорит, по свидетельству автора Повести, князь Ярослав. Перед нами тривиальный литературный штамп, нередко фигурирующий в летописи (Там же).— В-третьих, язык Повести становится иногда неуклюжим, затмняющим смысл происходящего: «Заутра же собрав избыток новгородец Ярослав рече: „О. люба моя, дружина, юже вчера избих, а ныне быта надобе“. Утерл слез, и рече им на вече: „Отец мой умерл...“». Эта фраза сильно проигрывает перед четким слогом новгородского источника: «...Ярослав заутра собра новгородцов избыток, и сътвори вече на поле, и рече к ним...» В-четвертых, автор Повести явно завышает число образовавших ополчение новгородцев, исчисляя их в 40000. Новгородская Первая летопись сообщает более реальные данные: «... и собра вой 4000: варяг бяшеть тысяча, а новгородцов 3000». Заметим кстати, что А. Г. Кузьмин увидел черты большей Древности именно в новгородской версии событий 1015 г.— Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 371.

⁷⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 362.

При князе мы видим всегда совет старейшин города, или, иначе, старцев градских, бояр и дружины⁷⁶. Мы полагаем, что рассмотренные выше фрагменты из вечевой жизни на Руси X — начала XI в. предостерегают от подобных выводов. Но это еще не все. Б. Д. Греков, к сожалению, не привлек известия скандинавских саг, которые служат в данном случае важным дополнением к отечественным источникам. В сагах говорится о том, что во времена Владимира и Ярослава на Руси созывались тинги (народные собрания — вече) при князьях и отнюдь не в исключительных случаях⁷⁷.

Следующее сообщение летописи о вечевой деятельности на Руси приводит нас в Киев, где в 1068—1069 гг. состоялись вечевые собрания, озаренные вспышками социальной борьбы⁷⁸. Анализ летописного материала убеждает в том, что вече 1068—1069 гг.— это народные собрания, ведающие вопросами войны и мира, распоряжающиеся княжеским столом. В них принимали участие не только горожане, но и сельские жители⁷⁹. Не вызывает сомнения присутствие на вече киевской знати. Пользуясь правом голоса в народном собрании, оказывая на него влияние, знатные люди, однако, не могли навязать народу решение, идущее вразрез с его интересами⁸⁰.

В 1097 г. князь Володарь и Василько, движимые жаждой мести, «придоста к Володимерю» волынскому, где «затворися» Да-вид — виновник ослепления Василька. Они послали сказать владимирцам: «Ве не придохове на град вашь, ни на вас, но па вра-гы своя, на Туряка, и па Лазаря и на Василя, ти бо суть намол-вили Давыда, и тех есть послушал Давыд и створил се зло. Да аще хошете за сих битися, да се мы готови, а любо выдайте врагы наша»⁸¹. Услышав это, горожане созвали вече и молвили Давыду: «Выдай мужи сия, не бьемся за сих, а за тя битися можем. Аще ли,— то отворим врата граду, а сам промышляй о собе»⁸². Давыд хитрил и медлил. Тогда «людье» прикрикнули на князя: «Выдай

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Рыдзеская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XV вв. М., 1978, с. 32, 100, 101.— Особенno показателен рассказ о том, как Эймунд предлагал свои услуги (разумеется, за плату) русскому конунгу, который ответил ему так: «Дайте мне срок посоветоваться с моими мужами, потому что они дают деньги, хотя выплачиваю их я». И конунг созывает тинг.— Там же, с. 101.

⁷⁸ ПВЛ, ч. I, с. 114—116; Ф о я н о в И. Я. Характер социальных конфликтов на Руси в X — на початку XII ст.— Украшский шторичный журнал, 1971, № 5, с. 78.

⁷⁹ Надо сказать, что вообще на вечевые собрания в Киевской Руси, кроме горожан, сходились, по верному замечанию Н. А. Рожкова, и сельские свободные люди.— См.: Рожков Н. А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. М., 1905, ч. I, с. 73.

⁸⁰ Подробнее см.: Ф о я н о в И. Я. Вече в Киеве 1068—1069 гг.— В кн.: Из истории феодальной России. Л., 1978, с. 38—46

⁸¹ ПВЛ, ч. I, с. 177.

⁸² Там же.

кого ти хотять. Аще ли,— предаемыся». И ему поневоле пришлось выдать Василя и Лазаря которых на рассвете повесили и «растреляша стрелами»⁸³.

В. Т. Пащуту, уклоняясь от точного ответа на вопрос, кого подразумевал летописец под словом «людье», пишет: «Здесь термин "людье" употреблен без социального смысла — они просто участники вече»⁸⁴. Осторожность, надо заметить, чрезмерная, ибо летопись дает «вечникам» несколько синонимических наименований, позволяющих уверенно говорить о социальном составе вече. «Володимерцы», «гражане», «людье» — вот кто, по рассказу летописца, сходился на «думу». Нет никаких сомнений в том, что это — население города Владимира, т. е. простой народ по преимуществу, властно диктующий свою волю князю Давыду⁸⁵.

В 1097 г. вече собиралось во Владимире еще раз. Его созыву предшествовала сопровождавшаяся бранями перетасовка князей. Киевский Святополк прогнал Давыда из города и посадил там сына своего Мстислава, а сам ушел обратно в Киев. Вскоре Давыд подступил «внезапу» к Владимиру. Началась осада города, во время которой князь Мстислав «ударен бысть под пазуху стрелою, па заоорелех, сквозе деку скважнею, и сведоша и, на ту нощь умре»⁸⁶. Трое суток приближенные Мстислава скрывали его смерть от людей, а на четвертый день «поведаша на вечи». Поразмыслив, «людье» отправили послов к Святополку с речью: «Се сын твой убъен, а мы изнемогаем гладом. Да еще не придиши, хотять ся людье предати, не могуще глада терпети»⁸⁷. В. Т. Пащуту признает, что «людье» тут — простые люди⁸⁸. Это верно. Добавим только: «людье» (простые люди) являлись также деятельнейшими участниками вече, решившего участь «мужей» Давыда — Василя и Лазаря.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Пашута В. Т. Черты политического строя... с. 27.

⁸⁵ Не всегда и не везде соотношение сил было в пользу «гражан». Известен случай, когда в осажденном Звенигороде горожане созвали вече, на котором согласились сдаться неприятелю. Оборонявший город Иван Халдеевич, воевода князя Владимира, схватил трех «мужей», «иже беша начальники вечо тому», велел убить их и, разрубив «на полы», выбросить за городскую стену. Горожане испугались и стали «битися» с противником «без лести»—ПСРЛ, т. II, ст. 320; т. XXV, с. 36.—Этот эпизод, впрочем, нельзя считать типичным.

⁸⁶ ПВЛ, ч. I, с. 180.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Пашута В. Т. Черты политического строя... с. 27.— Сделав это знаменательное признание, В. Т. Пащуту тут же старается сгладить его. Он пишет: «Из этого послания (обращения к Святополку.— И. Ф.) видно, что писали князю Святополку не сами „людье“, а те, кто ими управлял с помощью вече» (Там же). Из летописного рассказа отнюдь не видно, что Святополку кто-нибудь писал. «И послаша к Святополку, глаголюще...»,— сказано в летописи. Перед нами устное заявление. К устным передачам очень часто прибегали в посольской практике на Руси (см.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 115).

Таким образом, летописные данные, относящиеся к XI в., рисуют вече как верховный демократический орган власти, развившийся наряду с княжеской властью. Оно ведало вопросами войны и мира, санкционировало сборы средств для военных предприятий, меняло князей. Столь важная компетенция вечевых собраний еще более отчетливо выступает на фоне источников, освещающих события XII в. Появляются и некоторые новые черты в прерогативах веча.

В письменных памятниках вече выступает в качестве распорядителя государственных финансов и земельных фондов. «Се яз князь великий Изяслав Мстиславич по благословению епископа Нифонта испрошал есмь у Новагорода святому Пантелеймону землю село Витославицы и смерды и поля Ушково и до прости», — читаем в одной новгородской грамоте середины XII в.⁸⁹ «Испросить» пожалование монастырю «у Новагорода» Изяслав мог только на вече. Кроме земли вече, как видим, распоряжалось смердами, напоминающими рабов фиска стран раннего средневековья Западной Европы⁹⁰.

Во всем этом нет ничего специфического, присущего лишь Новгороду. В Смоленске князь Ростислав, «сдумав с людьми своими», т. е. рассудив на вече⁹¹, жалует учреждаемой епископии «десятину от всех даней Смоленских», села Дросенское и Ясенское с изгоями, озера и сеножати, которыми ведала местная земщина⁹².

Заключение международных договоров вече тоже держало под присмотром. В преамбуле соглашения Новгорода с Готским берегом и немецкими городами значится: «Се яз князь Ярослав Володимерич, сгадав с посадником с Мирошкою, и с тысяцким Якоиом, и с всеми новгородьци, потвердихом мира старого с послом Арбадом, и с всеми немецкими сыны, и с гты, и с всем латинским языком»⁹³. Со «всеми новгородци» Ярослав общался, надо думать, не в приватной беседе за чашей вина, а на вече. Фраза «вси новгородци» достаточно красноречива: она с предельной ясностью определяет участников сходки, не оставляя ни малейших сомнений в том, что мы имеем дело с массовым собранием горожан, где, вероятно, присутствовали делегаты от новгородских пригородов и сельской округи.

Аналогичный порядок заключения международных соглашений наблюдается и в других землях Древней Руси. Так, смоленский князь Мстислав послал в 1229 г. «свое муже Геремея попа, Пан-

⁸⁹ К о р е ц к и и В. И. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю. — Исторический архив, 1955, № 5, с. 204.

⁹⁰ Ф р о я н о в И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974, с. 17, 125.

⁹¹ ПРП, вып. II, с. 46; Т и х о м и р о в М. Н. Древнерусские города, с. 220. — Люди здесь — жители Смоленска, а может быть, и смоленской волости.

⁹² ПРП. вып. II, с. 39—41; Ф р о я н о в И. Я. Киевская Русь... с. 17—19.

⁹³ ГВНП, № 28, с. 55.

т елея сотьского, от Смолнян в Ригу, а из Ригы на Готьский берег, утврживати мир»⁹⁴. Подчеркнем важную для нас деталь: поп Геремей (Еремей) и сотский Пантелеи едут за границу от лица «Смолнян». А. А. Зимин приметил, что среди послов в договоре 1229 г. нет представителей смоленских бояр⁹⁵. Это обстоятельство еще—рече оттеняет социально-политическую мобильность рядового населения смоленской волости⁹⁶. П. В. Голубовский и М. Н. Тихомиров имели все основания говорить, что договор 1229 г. был составлен по совету князя с вечем⁹⁷.

Ценные данные о древнерусском вече содержатся в летописных известиях, относящихся к 1146—1147 гг. М. Н. Покровский никогда говорил: «События 1146—1147 гг., очень подробно, местами до наглядности описанные летописью, являются одним из самых ценных образчиков вечевой практики, какие мы только имеем»⁹⁸. Действительно, летопись донесла до нас сведения, которые в определенной мере проясняют вопрос о движущих силах веча и его компетенции. Эти сведения мы черпаем из Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, взаимно дополняющих друг друга, а также Московского летописного Свода конца XV в., основанного, по мнению М. Н. Тихомирова, «на древних и частично утерянных свидетельствах XII в.»⁹⁹. О чём же сообщают летописцы?

В 1146 г. киевский князь Всеволод Ольгович, возвращаясь из военного похода, «разболися велми». Пораженный смертельным недугом, князь стал «под Вышегородом в Острове», куда призвал «клян», чтобы условиться с ними насчет своего преемника. «Аз есмь велми болен, а се вы брат мои Игорь, иметься по нь»— молвил киевлянам Всеволод. И те отвечали: «Княже, ради ся имем»¹⁰⁰. Можно предположить, кто «кияне», которых пригласил к себе умирающий князь, были выборными людьми, посланцами киевского веча¹⁰¹. Их согласие принять на княжение Игоря надлежало еще одобрить на вече в самом Киеве. Поэтому они вместе с новым «претендентом» на великое княжение отправляются в столи-

⁹⁴ ПРП, вып. II, с. 57.

⁹⁵ Там же, с. 76.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Голубовский П. В. История Смоленской Земли до начала XV ст. Киев 1895; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 203.

⁹⁸ Покровский М. Н. Избр. произв., кн. 1, с. 147.

⁹⁹ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 152.

¹⁰⁰ ПСРЛ, т. Й. стб. 320; т. XXV, с. 37.

¹⁰¹ Грушевский М. С. История Киевской земли. Киев, 1891, с. 313.— В. Т. Пашута усматривает в приглашенных Всеволодом киевлянах «городских советников».— См.: Пашута В. Т. Черты политического строя... с. 40.— Л. В. Черепнин, принимая ошибочное чтение («призыва к себе кияне вси» вместо летописного «призыва к себе Кияне»), полагает, что тут, вероятно, речь идет «о правящей феодальной знати и верхушке горожан».— См.: Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси а Русская Правда.— В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение, с. 254.

ный город, где под Угорским сзывают всех киевлян, которые и «целоваша к нему (Игорю. — И. Ф.) крест, ркуче: „Ты нам князь”»¹⁰². Но то была фальшивая клятва. «И яшася по нь льстю», — замечает летописец¹⁰³.

Собрание под Угорским летопись не называет вечем. И все же В. И. Сергеевич отнес его к разряду вечевых¹⁰⁴. С. В. Юшков оспорил автора «Русских юридических древностей»¹⁰⁵. Однако мы думаем, что правда скорее на стороне В. И. Сергеевича, чем С. В. Юшкова. Почему? Если бы сходка под Угорским являлась только «обрядом присяги», как считает С. В. Юшков, то вряд ли она получила бы заметный резонанс в Вышгороде. Киевляне совершили крестоцелование именно на вече. И следом за ними то же проделали вышгородцы¹⁰⁶, что логично, ибо Вышгород — пригород Киева. Вспомним знаменитую формулу: «На что же старейшие сдумают, на томъ же пригороди стануть»¹⁰⁷. Ее здесь мы видим в действии. Итак, под Угорским сошлись на вече «вси кияне», т. е. масса горожан, включавшая как «простую чадь», так и «лучших мужей».

Целование «хреста» киевлянами и вышгородцами не означало провозглашения Игоря киевским князем¹⁰⁸. Ведь был еще жив Всеволод. Вот почему крестоцелование в Киеве и Вышгороде надо воспринимать как клятвенное обещание собравшихся на вече «киян» и «вышегородцев» признать Игоря своим князем по смерти Всеволода¹⁰⁹. Последний, наконец, почил. Теперь Игорь мог сесть на киевском столе. Из Вышгорода, где схоронили Всеволода, он приехал в Киев и там «созва Кияне вси па гору на Ярославль двор, и целоваша к нему хрест»¹¹⁰. Волею всех «киян» Игорь стал великим князем киевским. Затем летописец сообщает, что «вси кияне» опять «скупишася» у Туровой божницы, говоря: «Княже, поеди к нам». Игорь вместо себя послал брата своего Святослава «к ним у вече». И киевляне «почаша складывати вину на тиуна на Всеволожа на Ратью и на другаго тивуна Вышегородьского на Тудора, рекуче: „Ратша ны погуби Киев, а Тудор Вышегород. А ныне, княже Святославе, целуй нам хрест и за братом своим, аще кому нас будеть обида, да ты прави”». Святослав же рече им: „Аз целую крест за братом своим, яко не будеть вы насилья нико-

¹⁰² ПСРЛ, т. II, сто. 320—321; т. XXV, с. 37.

¹⁰³ Там же, т. II, стб. 321; т. XXV, с. 37.— П. П. Толочко, переделав понятное «и яшася по нт> льстю» на невразумительное «и яшася но нь льстю» искренне недоумевает по поводу «загадочности» изобретенного им самим выражения.— См.: Толочко П. П. Вече... с. 138.

¹⁰⁴ Сергеевич В. И. Русские юридические древности, т. 2, с. 15; см. также: Толочко П. П. Вече... с. 137.

¹⁰⁵ Юшко С. В. Очерки... с. 202.

¹⁰⁶ ПСРЛ, т. II, стб. 321; т. XXV, с. 37.

¹⁰⁷ Там же, т. I, стб. 377—378.

¹⁰⁸ Ср.: Толочко П. П. Вече... с. 138.

¹⁰⁹ Сергеевич В. И. Русские юридические древности, т. 2, с. 15. ¹¹⁰ ПСРЛ, т. II, стб. 321.

торого же. А се вы и тивун а по вашей воли». Святослав же, съед с коня и на том дедова хрест к ниму у вечи. Кияне же вси, съед-ше с конь, и начата молвити: „Брат твои — князь и ты”. И на том целоваше вси Кияне хрест и с детми, оже под Игорем не льстити, под Святославом»¹¹¹. Взяв с собой «лучшии муже Кияне», Святослав поехал к Игорю, который в свою очередь «целова к ним крест на вси воли и на братьни»¹¹². Сочтя дело улаженным, Игорь спокойно отправился обедать, а киевляне «устремишася на Ратышин двор грабить и на мечники»¹¹³. Для водворения порядка ему снова пришлось послать «брата своего Святослава с дружиною и одва утиши»¹¹⁴. Однако тишина оказалась призрачной, ибо «не угоден бысть Кияном Игорь. И послашася к Переяславлю к Изяславу, рекуче: „Поиде, княже, к нам, хочем тебе”. Изяслав же се слышав и съвъкупи воя своя поиде на нь»¹¹⁵.

Падучей звездой мельнула власть Игоря в Киеве. Разбитый в бою Изяславом, он «вбеже в болото Дорожичьское», откуда изяславовы люди вскоре его извлекли и бросили в «поруб» монастыря св. Иоанна в Переяславле. Изяслав же при стечении ликующего народа торжественно въехал в город и сел на «златокован-ном» киевском столе. Так передает канву событий летописец.

Быстрая смена вечевых собраний, состоявшихся сперва на Ярославле дворе, а потом у Туровой божницы, повергла некоторых историков в замешательство. Они искали объяснение странному вечевому «дуплету». По мнению М. Н. Тихомирова, это обстоятельство было обусловлено тем, что со смертью Всеволода Ольго-

¹¹¹ Там же, стб. 321-322.

¹¹² Там же.— Л. В. Черепнин расценивает присягу Игоря перед «лучшиими мужами» кал; сепаратный говор князей со знатью (См.: Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения... с. 255). Летописный текст не дает оснований для такого заключения. Из него явствует, что «лучшии муже Кияне» двинулись с веча к Игорю в качестве представителей всех «киян». Не согласуется с показанием летописи и другое утверждение Л. В. Черепнина, по которому содержание присяги Игоря «было значительно уже того, с чем выступал на вече Святослав. Речь теперь шла лишь о том, чтобы „я (т. е. киевлян) имел в правде и любити”. К этому свел сущность принятых на себя обязательств Святослав, рассказывая Игорю о происходящем на вече, и эти, в общем, весьма неопределенные обязательства подтвердил своей присягой Игорь» (Там же). В действительности все было не так. Игорь «целова к ним крест на вси воли и на братьни», иначе безоговорочно обязался выполнить требование веча. Подтверждение нашей мысли находим в Московском своде, где читаем: «И Святослав поим лучшии люди Кияны и иде с ним к брату своему Игореви и рече: „Аз, брате, целовал крест на том Кияном, яко быти тебе князем в правду, а людем, кому до кого будет обида, ино ти их судити в нравьду самому или мне, а тиуном их не судити, ни продавати. А что пыли тивуни брата нашего, Ратына и Тудор, а тем не быти, а кому будет ити, ино им имети к суду уроком, а в свою волею им людей не продавати»» (ПСРЛ, т. XXV, с. 37). Разве можно все это толковать как «весьма неопределенные обязательства»?!

¹¹³ Там же, стб. 322.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же, стб. 322—323.

вича «город тотчас же разделился на две враждующие стороны. Боярская Гора готова была поддержать Ольговичей, тогда как ремесленный и торговый Подол резко выступил против нового князя. Это разделение города выразилось даже в том, что веча собирались в разных местах»¹¹⁶. Столь четкое социальное размежевание в Киеве, обозначившееся после всеволодовой смерти, проследить по летописи не удается. Напротив, она заключает подробности, указывающие на отсутствие каких бы то ни было группировок по социальному признаку. У Туровой божницы, где, по М. Н. Тихомирову, собирался торговый и ремесленный люд, мы видим «лучших мужей киян»¹¹⁷. Летописец клеймит тех, кто затеял «совет зол» против князя Игоря: тысяцкого Улеба, Ивана Во-итиича, Василя Полочанина, Мирослава внука Хилпча¹¹⁸. Улеб тысяцкий и прочие персонажи, именуемые с почтительным «вичем», — знатные люди, а не «мезинные». Но эти то бояре как раз и «скупиша около себя Кияны и свещащася, како бы им узь-моши перельстти князя своего»¹¹⁹.

Нам кажется, что оба веча надо рассматривать как две картины одного и того же акта, причем с неизменным преимущественно составом действующих лиц. На Ярославле дворе киевляне «целовали крест», обещав блюсти Игоря в качестве своего князя, тогда как последний «на роту» не ходил. Но обычай требовал обойдной клятвы. Вот отчего второе веча, где Игорь должен был пройти через крестоцелование «киянам», являлось неизбежным. Остается только догадываться, почему на первом веча киевляне не привели князя к присяге. Не исключено, что они не успели до конца выработать и согласовать условия, на которых Игорь обязан был править. Поэтому им пришлось сойтись вторично, чтобы завершить и по форме и по существу процедуру избрания князя.

Итак, на Ярославле дворе и у Туровой божницы толпились в основном те же самые люди. Летописец, кстати, говорит об этом внятно и определенно: «Созва (Игорь) Кияне вси на гору на Ярославль двор... и пакы скупишаася вси Кияне у Туровы божнице»¹²⁰. Нет никаких причин не верить ему. Пора, однако, установить с большей конкретностью социальную принадлежность участников упомянутых вечевых сходов.

В свое время В. И. Сергеевич, анализируя летописные записи 1146 г., заметил, что в них «различено собрание всех киян и не всех. Все собираются в Киеве, под Угорским, на Ярославском дворе и у Туровой божницы. Под Вышегородом, конечно, не мог-

¹¹⁶ Т и х о м и р о в М. Н. Крестьянские и городские восстания... с. 151; см. также: М а в р о д и н В. В. Народные восстания в древней Руси XI—XIII вв. М., 1961, с. 81; Ч е р е п н и н Л. В. Общественно-политические отношения... с. 254.

¹¹⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 322.

¹¹⁸ Там же, стб. 325.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же, стб. 321.

ли быть собраны все кияне, туда приехали, по всей вероятности, только лучшие люди»¹²¹. Стало быть, летописец, оперируя терминами «кияне» и «вси кияне» вкладывал в каждый из них свой смысл. Что же он хочет сказать, когда прибегает к выражению «вси кияне»? Ключ к ответу находим в описании веча у Туровой божницы, а точнее в сообщении, что князь Святослав, «урядившись» со всеми киевлянами, «пойма лутшеи мужи» и отправился к Игорю, ожидавшему его неподалеку. Отсюда ясно: приводившие к присяге Игоря «лучшие мужи» — лишь часть людей, бывших на веча у Туровой божницы. Следовательно, в устах летописца «вси кияне» обозначают нерасчлененную массу горожан, достаточно пеструю по социальному составу. Аналогичный смысл в слова «вси кияне» летописец вкладывал и тогда, когда говорил о веча под Угорским и на дворе Ярославле.

Таким образом, вечевые собрания под Угорским, на Ярославле дворе и у Туровой божницы — это народные собрания, обсуждающие и решающие коренные вопросы социально-политической жизни киевской волости, важнейший из которых заключался в избрании нового князя, угодного народу¹²². Фиаско Игоря — прямой результат отрицательного отношения к нему широких слоев местного общества. «Кияне» не хотели быть у Ольговичей, «акы в задничи»¹²³. И они уже под Угорским отвернулись душою от князя («яшася по нь льстю»)¹²⁴. В Ипатьевской летописи не зря сказано: «Не угоден бысть Кияном Игорь»¹²⁵. Лаврентьевская же летопись, опускающая крестоцеловальные сцены, поясняет, кого в первую очередь нужно разуметь под «киянами». В памятнике читаем: «И вниде Игорь (по смерти Всеволода — И. Ф.) в Киев, и не годно бысть людем»¹²⁶. Едва ли мы ошибемся, если «людей» здесь примем за массу жителей Киева.

Что же побудило народ предпочесть Игорю князя Изяслава? Одна из причин — непопулярность Ольговичей у киевлян. Зато «монахово племя», которое представлял Изяслав, было наиболее любезным их сердцу. Но не только симпатии и антипатии играли тут роль. Поведение Игоря тоже во многом предопределило оборот событий. Князь нарушил «ряд» с «киянами», о чем узнаем из Московского свода: «... и вниде в Кыев, и не поча по тому чинити, яко же люди хотяху, и не угодно бысть им. И послашася в Переяславль к Изяславу Мъстиславичу...»¹²⁷. Люди «хотяху», как известно, личного суда князя без вмешательства тиунов. Они требо-

¹²¹ С е р г е е в и ч В. И. Русские юридические древности, т. 2, с. 15.

¹²² О народном характере этих вечевых собраний см.: Г р е к о в Б. Д. Киевская Русь, с. 510; Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 107.

¹²³ ПСРЛ, т. II, стб. 323.

¹²⁴ Там же, стб. 321.

¹²⁵ Там же, стб. 322.

¹²⁶ Там же, т. I, стб. 313.

¹²⁷ Там же, т. XXV, с. 37.

вали замены старых тиунов Ратши и Тудора, дискредитировавших себя произволом и беззакониями, тиунами новыми, но не по усмотрению князя, а по рекомендации веча¹²⁸. Это обстоятельство указывает, что вече, помимо избрания князей, могло определять персонально княжеский административно-судебный аппарат, управляющий в волости.

Для уяснения прав вечевых сходов 1146 г. первостепенное значение имеет летописная формула игоревой присяги. «На всей (киевлян.— И. Ф.) воли», — так звучит она в летописи¹²⁹. Данная формула станет особенно ходкой в Новгороде Великом. Очень важно подчеркнуть, что ее применяли и в Южной Руси. Она — несомненное свидетельство больших полномочий киевского веча.

С вокняжением Изяслава в Киеве вечевая деятельность в городе не замерла. Изяслав не раз просил вече о военной поддержке и помощи. Однажды в 1147 г. он «созва бояры и дружину всю и Кыяны», чтобы увлечь киевскую тысячу в поход к Суздалю на Юрия Долгорукого, укрывшего Святослава Ольговича — заклятого врага Изяслава¹³⁰. «Кияне» не поддались уговорам и сказали: «Княже, ты ся на нас не гневаи. Не можем на Володимере племя руки въздаяти; опя же Ольговичи, хотя и с детми»¹³¹. Тогда Изяслав кликнул охотников. Добровольцев сбежалось множество. С ними князь и «поиде» против Юрия, «а брата своего Владимира оставил Киеве»¹³².

В. И. Сергеевич полагал, что Изяслав склонял «киян» на вече идти с собой в поход¹³³. Вероятно, так оно и было: с избранными лицами и за закрытыми дверями нельзя было обеспечить участие киевского ополчения в намечаемом предприятии, ибо тем ведало вече. К нему князь и возвзвал. Но «кияне» отказали. Летописный слог, внятный и четкий, избавляет нас от гаданий по поводу содержания понятия «кияне». Бояре и дружинники в данном случае отпадают, поскольку летописец о них говорит особо. Остается масса горожан, придающая вечу характер всенародного совещания.

Вскоре Изяслав вновь обращается к киевскому вечу. О том, как это было, рассказывают Ипатьевская и Лаврентьевская летописи, сведения которых не во всем совпадают, а иногда и противоречат друг другу.

Согласно Лаврентьевской летописи, Изяслав Мстиславич, находясь вне Киева, послал туда двух «киян» — Добрынку и Ра-

¹²⁸ «А се вы и тивуп а по вашей воли», — говорил на вече Святослав. — Там же, т. II, стб. 322; т. XXV, с. 37.

¹²⁹ Там же, т. II, стб. 322; см. также: Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910, с. 144; Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники, с. 107.

¹³⁰ ПСРЛ, т. XXV, с. 40; см. также т. II, стб. 343—344.

¹³¹ Там же, т. II, стб. 344.

¹³² Там же.

¹³³ Сергеевич В. И. Русские юридические древности, т. 2, с. 18—19; см. также: Юшков С. В. Очерки... с. 203.

дила, а по Ипатьевской, — какого-то безымянного мужа¹³⁴. Версию Лаврентьевской летописи повторяет Московский Свод конца XV в.¹³⁵, что в немалой мере повышает доверие к источнику, так как Московский Свод, вобранный древние и частью утраченные свидетельства XII в.¹³⁶, восполняет некоторые пробелы Ипатьевской летописи, представляя ценность при изучении Руси XI—XII вв.¹³⁷. Примечательно также и то, что текст Летописца Переяславля Сузdalского совпадает с лаврентьевским вариантом¹³⁸. В пользу истинности этого варианта можно привести еще два соображения. Во-первых, едва ли есть резон подозревать «книжного списателя», будто он выдумал имена посланцев. Во-вторых, очень правдоподобно выглядит тактика Изяслава, возложившего посольскую миссию на Добрынку и Радила, которые, будучи сами «киянами», имели шансы быстрее, чем кто-нибудь иной, найти общий язык с киевским вечем.

По свидетельству Лаврентьевской летописи, на вече «придоша Кыян много множество народа и седоша у святое Софии слышати. И рече Володимер к митрополиту: „Се прислал брат мои 2 мужа Кыянина, ато молвят братье своей“. И выступи Добрынько и Ра-дило и рекоста: „Целовал тя брат, а митрополиту ся поклонял и Лазаря целовал и Кияны все“. И рекоша Кияне: „Молвита, с чим вас князь прислал“. Она же рекоста: „Тако молвит князь. Целовала ко мне крест Давыдовичи и Святослав Всеиводичь, ему же аз много добра створих, а ноне хотели мя убить лестью. Но Бог заступил мя и крест честный, его же суть ко мне целовали. А ныне, братья, поидета по мне к Чернигову, кто имеет конь ли не имеет, кто ино в лодье. То бо суть не мене единого хотели уби-ти, но и вас искоренити“¹³⁹.

В Ипатьевской летописи вместо фразы «придоша Кыян много множество народа и седоша у святое Софии слышати» читаем: «Кияном же всим съшедшися от мала и до велика к святы Софии на двор, въставшем же им в вечи»¹⁴⁰. Встает вопрос: можно ли количественные описания обоих памятников считать тождественными? Мы даем положительный ответ; к тому нас побуждает лексика Ипатьевского летописца, именующего «въставших в вечи» народом¹⁴¹.

Итак, обе летописи, и Лаврентьевская и Ипатьевская, изображают массовую сходку «киян», созданных по просьбе князя Изяслава. Это — один из самых ярких примеров, иллюстрирующих народный склад древнерусского веча.

¹³⁴ ПСРЛ, т. I, стб. 316; т. II, стб. 347—348.

¹³⁵ Там же, т. XXV, с. 41.

¹³⁶ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания... с. 152.

¹³⁷ ПСРЛ, т. XXV, с. 4.

¹³⁸ ЛПС, с. 58.

¹³⁹ ПСРЛ, т. I, стб. 316.

¹⁴⁰ Там же, т. II, стб. 348.

¹⁴¹ «Народ оттоле поидоша на Игоря»; «и народи идяху по мосту». — Там же, стб. 349.

Рассказ летописца о вече 1147 г. у св. Софии замечателен еще и тем, что воспроизводит порядок ведения вечевых собраний. Перед нами отнюдь не хаотическая толпа, кричащая на разный лад, а вполне упорядоченное совещание, проходящее с соблюдением правил, выработанных вечевой практикой. Сошедшиеся к Софии киевляне рассказывают, степенно ожидая начала веча¹⁴². «Заседанием» руководит князь, митрополит и тысяцкий. Послы, как по этикету, приветствуют по очереди митрополита, тысяцкого, «киян». И только потом киевляне говорят им: «Молвита, с ним князь прислал». Все эти штрихи убеждают в наличии на Руси XII в. более или менее сложившихся приемов ведения веча. М. Н. Тихомиров счел вполне вероятным существование уже в ту пору протокольных записей вечевых решений¹⁴³.

Выслушав посольские речи, «кияне» заявили, что готовы «биться за своего князя и с детми»¹⁴⁴. И вдруг они вспомнили об Игоре Ольговиче, который к тому времени был освобожден из поруба и пострижен в схимники киевского монастыря св. Федора. «Киане же рекоша: „Князь нас вабит к Чернигову, а где ворог (Игорь.— И. Ф.) князя нашего и нашь, а хочем и убити”»¹⁴⁵. Люди, наверное, заговорили об Игоре не все сразу. Правдоподобной посему выглядит версия Ипатьевской летописи, по которой расправиться с князем-иноком призывал народ «един человек». Передавая его выступление на вече, летописец сообщает: «И рече един человек: „По князи своем ради идем, но первое о сем про-мыслимы, ако же и прежде створиша при Изяславле Ярославиче, высекше Всеслава ис поруба злии они, и постави князя собе, и много зла бысть про то граду нашему, а се Игорь ворог нашего князя и наш не в порубе, но в святом Федоре, а убивше того, к Чернигову пойдем по своем князи, кончаймы же ся с ними”. То же слышавше, народ оттоле поидаша на Игоря»¹⁴⁶. Призыв «единого человека» убить Игоря сам по себе не вызывает сомнений. Однако отдельные частности выглядят подозрительно. Не внушает доверия стремление «единого человека» очернить тех, кто в 1068 г. «поставил» киевским князем Всеслава Полоцкого. Своеобразную интерпретацию данному факту предложил Л. В. Черепнин. Он писал: «Интересы какой общественной группы выражал безымянный вечевой оратор? Об этом можно судить прежде всего по его словам, что в 1068 г., при Изяславе Ярославиче, в Киеве действовали „злии люди”. Раз он так именует восставших горожан,

¹⁴² Там же, т. I, стб. 316.— В. И. Сергеевич, М. В. Довнар-Запольский, М. Н. Тихомиров предполагали, что на месте вечевых собраний у св. Софии стояли скамьи для сидения.— См.: Сергеевич В. И. Русские юридические древности, т. 2, с. 58; Довнар-Запольский М. В. Вече, с. 234; Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 224.

¹⁴³ Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 224.

¹⁴⁴ ПСРЛ, т. I, стб. 317; т. II, стб. 349.

¹⁴⁵ Там же, т. I, стб. 316—317.

¹⁴⁶ Там же, т. II, стб. 349.

значит, он сам — представитель класса феодалов и, скорее всего, сторонник князя Изяслава Мстиславича. Надо думать, что перед нами агент правящих в Киеве князей Мономаховичей, желавших руками горожан расправиться с опасным для них и весьма непопулярным в городской среде Ольговичем¹⁴⁷. На наш взгляд, к летописному тексту, якобы копиющему зажигательную речь безвестного «киянина», надлежит относиться с большой осторожностью. Нельзя забывать, что «оратор» обращался к аудитории, состоящей преимущественно из простого люда, сродни хороминавшему в Киеве в 1068 г. Поэтому бранные эпитеты в адрес восставших в 1068 г. киевлян едва ли могли импонировать собравшемуся у св. Софии народу, а тем более воодушевить его на действия, желанные тем, кто с раздражением вспоминал о волнениях в Киеве почти восьмидесятилетней давности. Да и сопоставление происходящего в 1147 г. с происшествиями далекого 1068 г.— наяжка, рассчитанная на плохое знание прошлого или элементарную забывчивость «киян». Вот почему речь «единого человека», в той части, где говорится о зле, содеянном киевлянами в 1068 г., нам кажется изобретением самого летописца, отражающим его собственный взгляд на события 1068 г.

Мы не станем причислять «единого человека» к агентам правящих в Киеве Мономаховичей. Иначе не понять, почему брат Изяслава Мстиславича князь Владимир, рискуя собой, спасал от разъяренной толпы Игоря Ольговича. Правда, старания Владимира не предотвратили убийство Игоря. Но отказывать ему в искренности побуждений было бы несправедливо¹⁴⁸. Расправа

¹⁴⁷ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения... с. 257.

¹⁴⁸ П. П. Толочко уличает Владимира и его окружение в лицемерии и фальши. При этом автор не уверен в том, были ли вообще протесты Владимира, митрополита и тысяцкого против убийства Игоря. Но если они все-таки и были, убеждает П. П. Толочко, то выражались столь неэнергично, что «не воспринимались всерьез» (См.: Толочко П. П. Вече... с. 140). О том, что протесты имели место, рассказывает летописец, и от этого никуда не уйдешь (ПСРЛ, т. II, стб. 349). Но было еще и то, чего упорно не хочет замечать П. П. Толочко. Летописец говорит, как Владимир, соскочив с коня, прикрыл плащом обреченного на смерть Игоря, умоляя киевлян: «Братья мои, не мозите сего створити зла, ни убивайте Игоря». Однако «братья» в яростном опьянении «начата Игоря убивати и удариша Володимира, бьюче Игоря» (Там же, стб. 351—352). В Московском своде сказано, что люди «попчаша» быть Владимира «про Игоря» (Там же, т. XXV, с. 42). По Ипатьевской летописи, которой кстати заметить, пользуется П. П. Толочко, события представлены еще в более худшем для Владимира обороте: «И тако люди яша Володимира и хотеша убить про Игоря» (Там же, т. II, стб. 352). «Людь» избили также и некоего Михаила, помогавшего Владимиру спасать Игоря. По меньшей мере странным выглядят после этого утверждения П. П. Толочко на счет отсутствия у Владимираной энергичности при спасении Игоря. П. П. Толочко обвиняет Владимира в преднамеренной медлительности, фактически поощрившей убийство. Попутно достается и некоторым историкам, которые не разобрались, что к чему. Так, М. Н. Тихомиров оказывается неправ, когда пишет о полной беспомощности княжеских людей в попытках спасти Игоря. П. П. Толочко удивлен тем, что М. Н. Тихомирова, «равно как и многих других иссле-

«княн» над Игорем, произведенная вопреки воле князя Владимира, митрополита и тысяцкого, показывает самостоятельность вечевых собраний по отношению к княжеской власти, способность веча осуществлять принятые решения даже тогда, когда они не совпадали с планами знати¹⁴⁹.

Какие выводы вытекают из анализа летописных материалов О киевском вече 1146—1147 гг.? Прежде всего подчеркнем, что рассмотренные нами вечевые сходы суть народные собрания в буквальном смысле слова. В их компетенции находились важнейшие общественно-политические вопросы, касающиеся войны и мира, избрания князей, назначения судебно-административных «чиновников» и др. Состав вечевых собраний социально неоднороден: здесь встречаются как простые люди, так и «лучшие», т. е. знатные. Нет досаднее заблуждения, чем то, согласно которому народ на вече являлся чем-то вроде послушной овечки в руках знати¹⁵⁰. Напротив, глас народный на вече звучал мощно и властно, вынуждая нередко к уступкам князей и прочих именитых «мужей»¹⁵¹.

Соединившиеся на вече «люди» представляли грозную силу, часто одолевавшую княжескую дружину. В 1159 г., например, полочане задумали арестовать князя своего Ростислава и стали звать его «льстю у братыши к святей Богородици к Старей на Петров день, да ту имуть и»¹⁵². Князь, почувствовав недобро, «еха к ним, изволочивъся в броне под порты, и не смеша на нь дързнути». На следующий день полочане¹⁵³ под предлогом ка-

дователей, нимало не смущило то обстоятельство, что княжеские люди, в частности Владимир, ехавший на коне, подоспели к месту событий позже пеших киевлян». (См.: Толочко П. П. Вече... с. 140). Смеем уверить П. П. Толочко, что ни М. Н. Тихомирову, ни многим другим исследователям незачем было смущаться, ибо они знали летописные факты. Смутить здесь может, скорее, сам П. П. Толочко своей невнимательностью к летописи, где ясно написано, почему Владимир отстал от киевлян: «Они же кликнуша и поидаша убивать Игоря. И Володимер всед на конь погна. И народи идяху по мосту, он же не мота их минути, увортя коня на право, мимо Глебов двор, и въскореша Кияне перед Володимером». (ПСРЛ, т. I, стб. 317; т. II, стб. 349; XXV, с. 42).

¹⁴⁹ Мы не можем принять мнение Б. А. Рыбакова (Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники, с. 109) о том, что Изяслав организовал убийство Игоря, поскольку это мнение ничем не доказано.

¹⁵⁰ Толочко П. П. Вече... с. 130, 132, 140, 142.

¹⁵¹ Едва ли оправданы попытки некоторых ученых ослабить значение киевского вече.— См.: Белов Е. Об историческом значении русского боярства до конца XVII века.— ЖМНП, 1886, № 1, с. 69—77; Пресняков А. Е. Княжее право, с. 200.

¹⁵² ПСРЛ, т. II, стб. 495.

¹⁵³ У летописца «полочане» — синоним слова «люди» (Там же, стб. 493—495). В. Т. Пашуто, рассматривая вече 1159 г. в Полоцке, предлагает довольно сомнительное объяснение. Он считает, что вечевое выступление 1159 г. против князя «возглавила купеческая „братьицна“, которая хотела захватить князя обманом, а когда это не удалось, прибегла к помощи веча... Состав вече не раскрыт, но несомненна его связь с братицной» (См.: Пашуто В. Т. Черты политического строя... с. 28). «Купеческая

ких-то переговоров опять «начаша и вабити к себе». Ростислав резонно отвечал: «Вчера есмь у вас был, а чему есте не молвили ко мне». Однако он все же поехал на свиданье с полочанами и по дороге встретил своего детского, который предостерег: «Не езди, княже, вече ти в городе, а дружину ти избивають, а тебя хотять яти»¹⁵⁴. Ростислав повернулся коня и ушел с остатками дружины к брату в Минск, а в Полоцке приглашенный «людьми» сел княжить Рогволод¹⁵⁵.

Полоцкое вече, следовательно, распоряжалось княжеским столом по собственному усмотрению. Л. В. Алексеев, обозревая внутриполитическую жизнь Полоцкой земли, выявил «своебразие» социального строя, выражавшееся «в развитии вечевого начала в XII в. и в слабости княжеской власти. Отношения полоцкого князя с вечем в XII в. носили характер его подчинения последнему»¹⁵⁶. Л. В. Алексеев верно, по нашему мнению, определяет значение полоцкого вече. Но он вряд ли прав, когда говорит о его своеобразии. Аналогичную роль играло вече и в других землях. Мы видели, как князь пасовал перед киевским вечем. Довольно активно действует вече в Ростово-Суздальской области.

А. Н. Насонов в свое время убедительно раскрыл несостоительность представлений о ростово-суздальских князьях XII в. как самовластцах, подмывших вече¹⁵⁷. На северо-востоке он наблюдал «бытовые черты старой вечевой Киевской Руси, в основе своей общие укладу жизни всех волостей того времени, получавшие в различных волостях лишь различную степень и форму выражения в зависимости от местных индивидуальных условий волостной жизни»¹⁵⁸.

Деятельность вече в Ростово-Суздальском крае прослеживается прежде всего в связи с избранием князей. В 1157 г. «преста-вися» Юрий Долгорукий. Ростово-Суздальское «княжение» он передал младшим своим сыновьям Михалке и Всеволоду. Но «Ростовци и Суздальцы, здумавши вси, пояша Аньдрея, сына его стареишаго, и посадиша и в Ростове на отни столе и Суздали, занеже бе любим всеми за премногую добродетель»¹⁵⁹. Ипатьевская летопись присовокупляет к ростовцам и суздальцам еще владимирцев и сообщает, что Андрея «посадиша на отни столе

братьицна» — изобретение автора. Летопись ясно говорит, что Ростислав был приглашен «у братицну на Петров день», т. е. на праздничный пир, устроенный полочанами (см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975, вып. 1, с. 326). Схватить Ростислава хотела не какая-то мифическая «купеческая братицна», а все те же полочане — люди, собравшиеся сперва на пир, а потом на вече.¹⁵⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 495.

¹⁵⁵ Там же, стб. 495—496.

¹⁵⁶ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966, с. 290.

¹⁵⁷ Насонов А. Н. Князь и город в Ростов-Суздальской земле.—Века, 1924, 1. с. 8—9. 27.

¹⁵⁸ Там же, с. 27.

¹⁵⁹ ПСРЛ, т. I, стб. 348.

Ростове и Суздаля н Володимири»¹⁶⁰. С. В. Юшков, полемизируя с В. И. Сергеевичем, пытался доказать невечевой характер избрания князя Андрея. На «отни столе» его посадила якобы правящая верхушка Ростово-Сузdalской земли¹⁶¹. Мы полагаем, что выражение летописца «здумавше вси» свидетельствует о вече¹⁶². Необоснованным представляется нам и мнение Л. В. Черепнина, который писал: «Очевидно, Андрей Боголюбский был ставленником сузdalских бояр, действовавших в союзе с городским патрициатом. Ни о каком участии вече в посажении Андрея данных нет. Действовал, по-видимому, городской совет»¹⁶³. Сошедшиеся на думу («здумавше») ростовцы, сузальцы и владимирцы — разве это не указание на вече?! А вот о «сузdalских боярах» в летописи, действительно, нет и помину¹⁶⁴. Она говорит о ростовцах, сузальцах и владимирцах, под которыми надо понимать свободных жителей (включая знать) Ростова, Суздаля, Владимира и прилегающих к ним сел¹⁶⁵. Что касается «городского совета», то оставим его на совести исследователя, ибо летопись хранит полное молчание на сей счет.

После смерти Андрея Боголюбского снова возникла необходимость избрания князя. Летописец рассказывает, что ростовцы, сузальцы, переяславцы «и вся дружина от мала до велика съехавшая к Володимерю», где условились звать на княжение Мстислава и Ярополка Ростиславичей¹⁶⁶. Как понять это сообщение? Указывает ли оно на созыв вече? Летопись не содержит упоминаний о вече. Но по некоторым косвенным данным полагаем, что под Владимиром в 1175 г. состоялось именно вечевое собрание, а не совещание бояр или делегатов от высших сословий, как считают А. Н. Насонов, В. Т. Пашуто, С. В. Юшков¹⁶⁷. Сам предмет обсуждения — замещение княжеского стола — склоняет к мысли о вече. Вопрос о том, кто будет новым князем, затрагивал всю волость, почему ко Владимиру и съехались представители наиболее крупных городов Северо-Восточной Руси: Ростова. Суздаля, Переяславля. Мы ошибаемся, если примем их за

¹⁶⁰ ПСРЛ, т. II, сто. 490.

¹⁶¹ КХшков С. В. Очерки... с. 207—208.

¹⁶² См. с. 159 настоящей книги.

¹⁶³ Ч е р е п н и н Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства., с. 390.

¹⁶⁴ Не лучше обстоит дело и с «ростовскими боярами», о которых пишет Ю. А. Лимонов.— См.: Лимонов Ю. А. Летописание Владимира-Сузdalской Руси, с. 80.

¹⁶⁵ См. с. 234 настоящей книги.

¹⁶⁶ ПСРЛ, т. I, стб. 371—372; т. II, стб. 595.

¹⁶⁷ Па ш у т о В. Т. Черты политического строя... с. 44; Юшков С. В. Очерки... с. 208; Насонов А. Н. Владимира-Сузdalское княжество.— В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. М., 1953, ч. I, с. 329.—Ю. А. Лимонов думает, что то были ростовские, сузальские, переяславские и владимирские феодалы.— См.: Лимонов Ю. А. Летописание Владимира-Сузdalской Руси, с. 84.

бояр и верхи посада. Участники владимирской встречи были социально разнородны. Они принадлежали к различным слоям свободного населения, о чем говорит летописец, когда замечает, что во Владимир приехали «Ростовцы и Суждалцы, и Переяславцы, и вся дружина от мала до велика». Фразу «от мала до велика» нельзя воспринимать натурально, в смысле возрастном. Ее необходимо понимать в ключе общественном, т. е. как свидетельство о смешанном социальном составе объединившегося во Владимире люда, среди которого были и простые и знатные «мужи». А коль это так, можно предположить, что владимирский съезд 1175 г. являлся вечевым собранием общеволостного масштаба. Перед нами редчайшее показание летописи о созыве вече, где сошлись представители всей земли-волости.

Существует, правда, иной взгляд на события 1175 г. Так, Л. В. Черепнин заявляет: «Как только стало известно о гибели Андрея Боголюбского, „ростовцы и сужьальцы, и переяславцы, и вся дружина от мала и до велика съехавшая к Володимерю”.

Дружины здесь выделена особо от горожан („от мала и до велика”, очевидно, надо понимать: от младшей до старшей). Надо думать, это съезд руководящей социальной верхушки четырех городов¹⁶⁸. Летописный отрывок, по нашему убеждению, не дает оснований для подобных выводов. Л. В. Черепнин не объясняет, почему слова «от мала до велика» относят к дружине. Ведь с таким же успехом их можно отнести к ростовцам, сузальцам и переяславцам, ибо порядок слов в тексте не позволяет связывать фразу «от мала до велика» только с последней частью перечисления («дружиной»). Л. В. Черепнин также не разъясняет, почему под дружиной разумеет именно дружиинников, старших и младших. Это, вероятно, следовало бы сделать, поскольку в древнерусском языке дружина — понятие неоднозначное¹⁶⁹. Возникает далее сомнение, является ли «дружина» в цитированном тексте элементом перечисления наряду с ростовцами, сузальцами и переяславцами. По всему вероятию, «дружина» здесь — суммарное название ростовцев, сузальцев и переяславцев¹⁷⁰. Если это так, то под дружиной надо понимать товарищей, друзей в широком смысле слова. Справедливость нашего предположения подтверждает запись о событиях 1175 г., имеющаяся в Московском летописном своде конца XV в., содержащем вполне доброкачественные материалы по истории XII в.¹⁷¹. В Своде читаем:

¹⁶⁸ Ч е р е п н и н Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства... с. 391.

¹⁶⁹ С л о в а рь русского языка XI—XVII вв. М., 1977, вып. 4. с. 303.

¹⁷⁰ Так понимает текст и Ю. А. Лимонов, но у него ростовцы, сузальцы и переяславцы — лишь феодалы, собравшиеся во Владимир, с чем мы решительно несогласны.— См.: Лимонов Ю. А. Летописание Владимира-Сузdalской Руси, с. 84.

¹⁷¹ Т и х о м и р о в М. Н. Крестьянские и городские восстания... с. 152.

«Уведевше же княжу (Андрея — И. Ф.) Смерть Ростовци и Суздалци и Переяславци и въся область его снидоша в Володимерь...»¹⁷². Таким образом, во Владимир «снидоша область», т. е. представители всей волости. Это свидетельствует, бесспорно, о вечевом сходе.

С Вечевые порядки в Северо-Восточной Руси ничем в принципе не отличались от того, что нам удалось видеть в других землях Киевской Руси. Не был тут исключением и Новгород.

Новгородское вече, подобно вечу других древнерусских городов, призывало и прогоняло князей. В Ипатьевской летописи под 1141 г. говорится о новгородцах, которые, изгнав князя Ростислава Юрьевича, «испросиша у Всеволода брата Святослава в Новгород и посадиша и Новегороде»¹⁷³. Правил Святослав дурно, чем вызвал неудовольствие у новгородцев: «По мале же времени почаша въставати Новгородци у вечи на Святослава про его злобу». Князь, встревоженный назревающим конфликтом, отправил гонцов в Киев к Всеволоду со словами: «Тягота, брате, в людях сих, а не хочу в них быти...»¹⁷⁴. Святослав смотрел, как в воду,— опасения его оправдались: новгородцы, вновь сойдясь на вече, принялись избивать «приятеле Святославле про его насилие». Досталось бы и Святославу, не будь ему кумом тысяцкий, который выдал намерение новгородцев: «Княже, хотять тя яти». Изрядно перетрусив («убоявъся»), Святослав «с женою и дружиною своею» бежал из города¹⁷⁵. Состав новгородцев, «вставших» на вече, распознать не сложно. Святослав называет их людьми. Это — верный знак, свидетельствующий о массовом характере вечевых собраний. В. Т. Пашуту думает иначе. В летописных записях, уверяет он, «состав вече не раскрыт, но ответственность за его деятельность несут „лешние мужи“»¹⁷⁶. Автор не до конца исчерпывает содержащуюся в источнике информацию, проходя мимо термина «люди». Больше того, он «людей» заслоняет «лешими мужами», сделав их виновниками случившегося. Но так ли это?

Летопись рассказывает, что Всеволод, узнав о «тяготе в людех» новгородских, послал в Новгород Ивана Войтичу, «прося у них (новгородцев. — И. Ф.) мужь лепших, и поймав е привед к Всеволоду»¹⁷⁷. Зачем понадобились «лешние мужи» киевскому князю? Летописец связывает акцию Всеволода с его желанием заменить неугодного новгородцам брата Святослава своим сыном. Но тут пришла весть о волнениях в Новгороде и бегстве оттуда Ольговича. «Се слышав, Всеволод не пусти сына своего Свято-

слава, ни мужии Новгородьских, иже то бы привел к себе»¹⁷⁸. Вот и вся ответственность, какую понесли «лешние мужи», задержанные, видимо, как заложники. Вряд ли это им было по душе. Следует иметь в виду, что они были задержаны Всеволодом по милости новгородцев, изгнавших Святослава. Отсюда заключаем: в Новгороде либо забыли о «лешних мужах» (что сомнительно), либо там нашлись силы, которые дали событиям ход, не вполне соответствующий видам знати. Эти силы олицетворяли рядовые новгородцы. Им и принадлежит главная роль в происшествиях 1141 г.

Точно такую же роль играли «меньшие люди» несколько раньше, изгнав в 1136 г. из Новгорода Всеволода Мстиславича: «Новгородьци призваша пльсковиче и ладожаны и сдумаша, яко нзгонити князя своего Всеволода, и въсадиша в епископль двор с женою и с детьми и с тъщю...»¹⁸⁰. Всеволода держали под стражей два месяца, а потом «пустиша из города». Арест и последовавшее за ним изгнание князя были осуществлены по требованию веча¹⁸¹, где весьма активно действовали «людье»¹⁸².

В 1148 г. князь Изяслав Мстиславич «иде в мале дружины Новугороду», чтобы увлечь новгородцев в поход против «стрыя» своего Юрия Владимировича. Накануне вече, которое должно было санкционировать выступление местной рати, Изяслав «пос-ласта подвоискеи и бириче по улицам кликати, зовуши къ князю на обед от мала до велика, и тако обедавше веселившася радостью великою, честью разидоша в своя домы»¹⁸³. Вероятно, уже на этом грандиозном застолье Изяслав заручился согласием

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Это подтверждается и тем, что новгородцы выступили против Святослава, возмущенные его «злобой» и «насилием» (Там же, т. II, стб. 307). Насилиям подвергались скорее «людье», чем местная знать, с видными представителями которой князь находился даже в кумовстве.

¹⁸⁰ НПЛ, с. 24, 209.

¹⁸¹ Что новгородцы и ладожане сошлися на вече, заключаем по термину «сдумаша» (см. с. 159 настоящей книги). Данный термин позволяет увидеть вече там, где о нем нет вовсе упоминаний. Например, мы не располагаем известиями о вечевых собраниях в Рязани. Значит ли это, что в городе, как считает А. Л. Монгайт, вече не функционировало (М о н - г а й т А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 345). Отнюдь нет. Так, в 1177 г. на Лаврентьевской летописи узнаем, как рязанцы «сдумаша», т. е. согласившись на вече, выдали Всеволоду Юрьевичу враждебного ему Ярополка, укрывавшегося в Воронеже (ПСРЛ, т. I, стб. 385). По другому летописному сообщению, «рязанцы вси» сходились на думу в 1207 г. (Там же, сто. 433). А. Л. Монгайт (М о н г а и т А. Л. Рязанская земля, с. 345—346) в «рязанцах» усматривает рязанскую знать, что неправомерно, поскольку летописец пользуется понятиями «рязанцы» и «люди» как взаимозаменяемыми (ПСРЛ, т. I, стб. 434, 437).

¹⁸² НПЛ, с. 24, 209.—О важной роли социальных низов в событиях 1136 г. см.: Д а н и л о в а Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской Земле в XIV—XV вв. М., 1955, с. 84; Я н и н В. Л. Новгородские посадки. М., 1962, с. 71.

¹⁸³ ПСРЛ, т. II, стб. 369.

¹⁷² ПСРЛ, т. XXV, с. 84.

¹⁷³ Там же, т. II, стб. 306—307.

¹⁷⁴ Талг же, стб. 307.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ П а ш у т о В. Т. Черты политического строя... с. 28.

¹⁷⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 307.

новгородцев идти на Юрия¹⁸⁴. Но последнее слово оставалось за вечем, и «на утрии» день князь велел звонить в вечевой колокол; новгородцы и псковичи «снидоша на вече»¹⁸⁵. Изяславу «вечники» устроили бурную аваацию. «Ты наш князь, ты наш Во-лодимир, ты наш Мъстислав», — восторженно кричали они. Призыв Изяслава нашел горячую и единодушную поддержку. Едва ли мы ошибемся, если примем данное вече за массовую сходку, или народное собрание¹⁸⁶.

Подобное собрание вырисовывается и в описаниях 1161 г., когда «вече створиша Новгородди и посласта к князю своему Святославу Ростиславичю и рекоша ему: Не можем дву князю держати, а пошли выведи брата Давыда с Нового Торгу». Он же не вередя им сердца, вывед брата, пусти и Смоленьску»¹⁸⁷. Состав вече раскрывают последующие записи, повествующие о том, как все те же новгородцы, «мало веремя переждавше и створиша вече на Святослава». В тот момент князь сидел «на Городище у святого Благовещения», не подозревая, какой сюрприз ожидает его. Но вот «пригна к нему вестник и рече: „Княже, велико зло деется в городе, хотять тя людие яти“»¹⁸⁸. Отсюда, ясно, что «людие» — участники вече. А это в свою очередь означает массовый характер упомянутых вечевых сходов. Во избежание сомнений на сей счет напомним, что с вече к Святославу «поиде мно-жество народа людии и емше князя запроша в ыстебке»¹⁸⁹.

Столь же демократическим было вече, созванное в 1209 г. «на посадника Дмитра и на братью его». Об участниках собрания судим по косвенным данным, в частности по содержанию обвинений, обращенных в адрес посадника с его приспешниками, которые «повелеша на новгородцах сребро имати, а по волости куры брати, по купцам виру дикую, и повозы возити»¹⁹⁰. Перечисленные злоупотребления выявляют тех, кто страдал от беззаконий Дмитра Мирошкинича: купцов, широкие круги горожан и волост-

¹⁸⁴ Не имеет под собой никакой почвы предположение В. Т. Пашуто о том, что якобы Изяслав созвал на обед лишь городскую знать и с ней договорился о предстоящем походе, ибо князь, по сообщению летописи, пригласил новгородцев «от мала до велика». — См.: Пашута В. Т. Черты политического строя... с. 28.

¹⁸⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 370.

¹⁸⁶ Примечательно, что на этом собрании были представители новгородского пригорода Пскова.

¹⁸⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 510.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же. — Несмотря на это достаточно красноречивое свидетельство летописи, В. Т. Пашуто предпочитает оставаться в неизвестности по вопросу о составе названных вечевых собраний (См.: Пашута В. Т. Черты политического строя... с. 29). Автора можно понять, ибо, допустив «люден» (народ) как решающую силу на вече, он тем самым констатировал бы факт, диссонирующий с его общей концепцией древнерусского вече.

¹⁹⁰ НПЛ, с. 51.

ного населения¹⁹¹. Они, по всей видимости, и вели вече за собой¹⁹². Примечательно для нас еще и то, что по решению вече¹⁹³ деньги, полученные от распродажи имущества «злодеев», новгородцы «розделиша по зубу, по 3 гривне по всему городу, и на щит»¹⁹⁴. Этот уравнительный дележ как нельзя лучше доказывает демократизм вечевой сходки 1209 г., покаравшей чересчур зарвавшихся правителей. М. И. Тихомиров думал, что «расправа с Дмитром носила характер наказания по закону провинившегося посадника»¹⁹⁵. Если мысль историка верна, есть резон говорить о полномочии вече в сфере политического суда¹⁹⁶.

Таким образом, летописный рассказ 1209 г. позволяет заключить о деятельности вече в вопросах внутреннего управления и суда по делам политическим.

События 1209 г. в Новгороде — не последний пример вечевой активности народа (людей), фиксируемый летописью. Однако мы не станем привлекать новые иллюстрации, надеясь, что и на основании приведенного материала нетрудно составить достаточно определенное понятие о новгородском вече как органе народовластия¹⁹⁷.

Мы рассмотрели свидетельства источников, проливающие свет на существование древнерусского вече. Каким предстает оно перед нами?

¹⁹¹ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания... с. 242—243; Мародин В. В. Народные восстания в древней Руси XI—XIII вв., с. 95.

¹⁹² Участие волостного люда в сходке вполне вероятно, так как вече состоялось сразу же после возвращения из похода новгородского ополчения, в состав которого, надо полагать, входили и жители волости. — См.: Данилов А. В. Очерки... с. 85.

¹⁹³ В пользу этого предположения говорит организованность, с какой осуществлялись карательные санкции в отношении виновников зла, причиненного новгородцам. — См.: Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания... с. 243—244.

¹⁹⁴ НПЛ, с. 51. — Несколько загадочно здесь звучит фраза «и на щит». По М. Н. Тихомирову, она свидетельствует о том, что новгородцы поступили с усадьбой Дмитрия, как с вражеским городом, разграбили ее, взяли «на щит» (Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания... с. 243). Такому толкованию, на наш взгляд, препятствует одна тонкость, имеющаяся в летописном тексте, где сказано, что новгородцы не взяли «на щит», а разделили «на щит» имущество посадника. В целом же летописное известие надо, по-видимому, толковать следующим образом: новгородцы поделили деньги между горожанами («по всему городу») и ополченцами, жителями новгородской волости, только что вернувшимися из рязанского похода, принимавшими участие в вече и вместе с другими исполнившими вечевое решение. Стало быть, «разделить на щит» — это разделить на каждого волостного воина.

¹⁹⁵ Тихомиров М. Н. Крестьянские городские восстания... с. 240.

¹⁹⁶ См. также: Дьяконов М. А. Очерки..., с. 134.

¹⁹⁷ Ср.: Мародин В. В. Народные восстания в древней Руси XI—XIII вв., с. 90—91; Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики. — История СССР, 1970, № 1, с. 50—51; Подвикина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XI—

По своему происхождению вече — архаический институт, уходящий корнями в недра первичной формации. С переменами, происходящими в социальной структуре восточнославянского общества, менялось и учреждение: племенное вече эпохи первобытного строя отличалось от волостного вече второй половины XI—XII вв.

Нет оснований говорить о прекращении вечевой деятельности в X в. и о ее возрождении во второй половине XI—XII вв. в связи с ростом городов, как считал Б. Д. Греков¹⁹⁸. Как показывают факты, вече собираются и в X, и в XI, и в XII вв.

Обращает внимание демократический характер вечевых совещаний в Киевской Руси. Вече — это народное собрание, являвшееся составной частью социально-политического механизма древнерусского общества.

Подобно тому, как в далекие времена народные собрания не обходились без племенной знати, так и в Киевской Руси непременными их участниками были высшие лица: князья, церковные иерархи, бояре, богатые купцы. Нередко они руководили вечевыми собраниями. Но руководить и господствовать — вовсе не одно и то же. Поэтому наличие лидеров-руководителей (заметим, кстати, что без них не в состоянии функционировать любое общество, даже самое примитивное) на вечевых сходах нельзя расценивать в качестве признака, указывающего на отсутствие свободного волеизъявления «вечников». Древнерусская знать не обладала необходимыми средствами для подчинения веча¹⁹⁹. Саботировать его решения она тоже была не в силах.

Компетенция вечевых собраний была довольно обширна. Вече ведало вопросами войны и мира, распоряжалось княжеским столом, финансовыми и земельными ресурсами волости, санкционировало денежные сборы, входило в обсуждение законодательства, смешало неугодную администрацию.

Вече в Киевской Руси встречалось во всех землях-волостях. С помощью вече, бывшего верховным органом власти городов-государств на Руси второй половины XI — начала XIII в.²⁰⁰, народ влиял на ход политической жизни в желательном для себя направлении.

Это важное социально-политическое значение масс в истории Киевской Руси находит объяснение в военной организации той поры, в степени вооруженности народа и его воинственности, о чем речь в следующем очерке.

¹⁹⁸ П. П. Епифанов подверг убедительной критике эти построения Б. Д. Грекова. — См.: Епифанов П. П. О древнерусском вече. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История, 1963. № 3.

¹⁹⁹ См. с. 214 настоящей книги.
200 о городах-государствах в Киевской Руси см. последний очерк настоящей книги.

Очерк шестой НАРОД И

ВОЙСКО В КИЕВСКОЙ РУСИ

Киевская Русь находилась на той стадии социального развития, когда военная сила и общественная власть еще не оторвались друг от друга, составляя единое целое. Иными словами, власть принадлежала тому, кто представлял собой военную мощь. Этим и объясняется наш интерес к военной организации в Древней Руси.

Древнерусское войско нельзя рассматривать изолированно от военного строя у восточных славян, из которого оно выросло. Между вооруженными силами восточного славянства и Руси X—XII вв. обнаруживается преемственность¹.

По вопросу о военном устройстве эпохи антов в советской исторической литературе высказаны взаимоисключающие суждения. Б. Д. Греков, специально занимавшийся данным сюжетом, пришел к выводу о том, что у славян и антов все мужчины были вооружены и войском у них являлся сам народ². К этой мысли склонялись также Н. С. Державин, Б. А. Рыбаков, В. В. Мавро-дин и др.³. На противоположных позициях стоит М. Ю. Брай-чевский. Он полагает, что у славян еще в III—IV вв. наблюдаются глубокие перемены в организации войска: основная часть населения становится безоружной и на авансцену выдвигается профессиональная дружина, специализирующаяся в военной отрасли⁴. В другой работе, обращенной к эпохе антов, М. Ю. Брай-

¹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 338.

² Греков Б. Д. 1) Оргатзація військових сил східних слов'ян Кшв-ськот Русі. — Наукові записки штитуту історії та археології АН УРСР, 1946, кн. 2, с. 75; 2) Київська Русь, с. 310—320.

³ Державин Н. С. Славяне в древности. Б. м.. б. г., с. 122; Рыбаков Б. А. Военное дело. — В кн.: История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948, т. 1, с. 397; Мавродин В. В. 1) Образование Древнерусского государства Л., 1945, с. 47; 2) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 9.

⁴ Брайчевский М. Ю. Библиография слов'янско-дружинской Кшв, 1964, с. 311.

чевский вместе с В. И. Довженком заявляют, что в антском обществе оружие носили не все свободные люди, но лишь часть их, «ка именно выделявшаяся в то время дружинная знать»⁵. Дружины у антов, по М. Ю. Брайчевскому и В. И. Довженко, настолько обособились от массы соплеменников, что ее вооруженная сила «была противопоставлена не только внешнему врагу, но и в какой-то мере остальному, невооруженному населению»⁶. И. И. Ляпушкин с полным основанием поставил под сомнение эти построения М. Ю. Брайчевского и В. И. Довженко. Исследователь привел убедительные факты, свидетельствующие о наличии оружия у подавляющей массы восточных славян VI—VII вв.⁷ Однако И. И. Ляпушкин, увлекшись, вероятно, полемикой, сам впал в противоположную крайность, когда отрицал существование в восточнославянском обществе обозначенной поры каких бы то ни было дружинных образований. Антские дружины казались ему не более, чем фантазией⁸.

Несмотря на полярность положений М. Ю. Брайчевского, В. И. Довженко и И. И. Ляпушкина, в них есть нечто общее: взгляд на дружины как фермент классообразования. В самом деле, М. Ю. Брайчевский и В. И. Довженок, открыв у антов классовое общество, пришли к мысли об особой классообразующей роли дружины. И. И. Ляпушкин, напротив, отклонял (и в этом он был, безусловно, прав) всякие попытки изобразить антское общество классовым и потому настаивал на отсутствии дружины у славян VI—VII вв. В действительности же все было, на наш взгляд, несколько сложнее.

Первобытнообщинный строй и дружинные связи не относятся к явлениям несовместимым. Военные вожди свидали дружинные гнезда в недрах рода-племенного мира, ничем сперва не задевая остальных соплеменников⁹. В доклассовом обществе военные операции нередко ведутся как всем боеспособным населением, так и дружинами. Ф. Энгельс об ирокезах говорил, что у них выступления против «врагов организовывались большей частью отдельными выдающимися воинами; они устраивали военный танец, и всякий, принявший в нем участие, заявлял тем самым о своем присоединении к походу. Отряд немедленно организовывался и выступал. Защита принадлежащей племени территории от нападения также большей частью осуществлялась путем при-

⁵ Довженок В., Брайчевский М. О времени сложения феодализма в Древней Руси.— Вопросы истории, 1950, № 8, с. 75.

⁶ Там же, с. 76.— Как ни странно, но в том же 1950 г. В. И. Довженок выступил с небольшой книгой о военном деле в Киевской Руси, где писал, что у славян-антов войско и народ составляли одно целое.— См.: Довженок В. И. Вещькова справа в Киевской Руси. Кшв, 1950, с. 9.

⁷ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968, с. 156—161.

⁸ Там же, с. 161.

⁹ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. с. 366—367.

зыва добровольцев. Выступление в поход и возвращение из похода таких отрядов всегда служили поводом для общественных торжеств. Согласия совета племени на такие походы не требовалось, его не испрашивали и не давали. Это совершенно то же самое, что и частые военные походы германских дружин, как их нам рисует Тацит, только у германцев дружины уже приобрели более постоянный характер, составляют устойчивое ядро, которое организуется уже в мирное время и вокруг которого в случае войны группируются остальные добровольцы»¹⁰. Следовательно, нет никаких причин для односторонних заключений о воинстве у антов. Признавая славян VI—VII вв. (а также и более позднего времени) вооруженным народом, мы отнюдь не склонны считать, что войну в ту эпоху всегда вело все взрослое население¹¹. Решение, как выступать — племенем или отрядом,— принималось, очевидно, с учетом конкретной обстановки. Посредством отрядов осуществлялись, видимо, чаще всего молниеносные набеги на соседей. Но когда «кто-либо нападал на славян в их земле, то тогда на защиту этой земли выходил весь народ»¹².

Отряд, собиравшийся на время военного похода вокруг славянского вождя (как правило то была молодежь)¹³, мог легко усвоить наименование дружины, поскольку слово «дружина» обозначало первоначально друзей, товарищей, спутников¹⁴, что соответствовало характеру формирующегося отряда. Эти временные дружинные сообщества отличались от народного войска лишь в количественном и возрастном отношениях. Они являлись, если можно так выразиться, народными ополчениями в миниатюре.

Вполне возможно, что под дружиной в те времена понимали и военные соединения общеплеменного масштаба. Так думать позволяют сравнительно-исторические данные. Например, у индейцев Северной Америки военные мужские союзы, организованные по возрастному принципу, назывались «все друзья». В связи с этим Ю. П. Аверкиева подчеркивает: «Характерно совпадение этого названия со старорусским термином „дружина“»¹⁵. Но что бы мы не думали, ясно одно: самой ранней формой дружинных объединений выступали именно временные отряды, собиравшиеся на зов отдельных выдающихся, по словам Ф. Энгельса, воинов.

Мало-помалу дружины, возникающая сначала эпизодически, приобретает устойчивость, превращаясь в постоянный институт.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 94; см. также: Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974, с. 225.

¹¹ Ср.: Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы... с. 159—160.

¹² Рыбаков Б. А. Военное дело, с. 397.

¹³ Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, с. 195—196.

¹⁴ См. с. 66 настоящей книги.

¹⁵ Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки, с. 316.

Неизвестно, имелись ли подобные дружины у славян VI—VII вв.¹⁶. Для IX столетия они — свершившийся факт, о чем заключаем хотя бы на том основании, что в X в. дружины при князе или каком-нибудь воеводе выглядят как вполне налаженный механизм. Примечательны также известия восточных авторов, восходящие к IX в. Из сочинения анонимного персидского писателя, создавшего «Книгу пределов мира» узнаем, что народ страны русов «плохого нрава, непристойный, нахальный, склонный к ссорам и воинственный. Они воюют со всеми неверными, окружающими их, и выходят победителями. Царя их зовут хакан русов. Среди них есть группа из моровват»¹⁷. Некоторые ученые усматривают в слове «моровват» наименование дружиинников. Если это так, то по персидскому анониму получается, что у русов в войнах участвует масса населения, сочетающая производственные занятия с бранями. Но рядом с вооруженным народом сложилась группа людей, порвавших с производством и образовавших разряд воинов-профессионалов. Стало быть, «Книга пределов мира» повествует «о наличии у русов в IX в. определенной категории воинов-дружиинников, выделившихся из прочей среды русов»¹⁸.

Постоянные дружины нисколько не умаляли значения народного войска, продолжавшего играть решающую роль в более или менее крупных военных операциях. Военная организация восточных славян VIII — IX вв., народная по своей природе, была опорой демократических порядков, присущих восточнославянскому обществу.

Поднявшись в X в., обнаруживаем примерно то же самое. Наступательные войны ведутся Русью главным образом руками воев — представителей народа. Отправляясь в поход на Царь-град, князь Олег собрал огромное разноплеменное войско, куда вошли варяги, чудь, меря, словене, кривичи, древляне, радимичи, поляне, северяне, вятичи, хорваты, дулебы и тиверцы¹⁹. В 941 г., по сообщению Повести временных лет, пошла «Русь на Царь-град, скедий 10 тысячи»²⁰. Потерпев поражение, Игорь по возвращении домой «нача совкупляти вое многи»²¹. И вот князь, «совкупив вои многи, варяги, Русь, и поляны, словене и кривичи, и теверце, и печенеги наа... поиде в Греки в лодях и на ко-

¹⁶ М. Б. Свердлову кажется, будто такие дружины у восточных славян VI—VII вв. существовали. — См.: С е р д л о в М. Б. Общественный строй славян в VI — начале VII века. — Советское славиноведение 1977, № 3. с. 54, 57—58.

¹⁷ Н о в о с е л ь ц е в А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.—В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 399

¹⁸ Там же., с. 406.

¹⁹ ПВЛ, ч. I, с. 23.

²⁰ Там же, с. 33.

²¹ Там же.

них»²². О сыне Игоря, легендарном Святославе, летописец говорит: «Князю Святославу възрастъши и възмужавши, нача вои совкупляти многи и храбры...»²³. В Дунайской кампании Святослава народное ополчение принимало самое деятельное участие²⁴. Среди воинов немало было молодежи, о чем повествует Лев Диакон²⁵. Состав русского войска верно определяет В. В. Мавродин. «Поход Святослава, — пишет он, — был походом не дружин, а войска, даже больше того, вооруженного народа»²⁶. С «воями» брал Корсунь и Владимир Святославич.

Восточные походы Руси также не обходились без «многих воев». Русское войско, появившееся на Каспии в 913 г., плыло, согласно Масуди, на 500 судах, причем на каждом корабле находилось до 100 человек²⁸. Значит, общее число воинов приближалось к 50 тыс. В. В. Мавродин выразил сомнение по поводу данных Масуди о количестве войска русов, считая, что оно исчислялось более скромными цифрами²⁹. По мнению М. И. Артамонова, русская рать насчитывала до 20 тыс. человек³⁰. В любом случае перед нами не дружина, а народное войско³¹. В Каспийский поход 943—945 гг. шло около двух десятков тысяч воинов³², что, бесспорно, указывает на народное ополчение.

Если наступательные войны вовлекали значительные массы русского воинства, то тем более это характерно для войн оборонительных. Рядовое воинство («людье») во главе с Претичем сняло осаду печенегами Киева в 968 г.³³. Чтобы «прогнать» печенегов «в поле», Святослав собирал воев, т. е. народных ополченцев³⁴. Именно с воями князь Владимир «поиде противу» печенегам в 992 г.³⁵. Показательно, что в легенде, помещенной в летописи под этим годом и рассказывающей о битве русских с печенегами, героем выставлен не княжеский дружиинник, а юноша-кожемяка — выходец из простонародья, чем как бы оттеня-

²² Там же, с. 33—34.

²³ Там же, с. 46.

²⁴ Там же, с. 47, 50—51.

²⁵ И с т о р и я Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей/Пер. Д. Попова. СПб., 1820. с. 48.

²⁶ М а в о р о д и н В. В. Образование Древнерусского государства, с. 269.

²⁷ ПВЛ, ч. I, с. 75—76.

²⁸ Б а р т о л ь д В. В. Соч. в 9-ти т. М., 1963. Т. 2, ч. 1, с. 829.

²⁹ М а в о р о д и н В. В. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949, с. 47.

³⁰ А р т а м о н о в М. И. 1) История хазар. Л., 1962, с. 371; 2) Воевода Свенельд.—В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 33.—Б. А. Рыбаков в качестве возможных называет две цифры: 50 и 35 тыс. (Рыбаков Б. А. Военное дело, с. 400).

³¹ Мы, разумеется, не исключаем в этом войске дружиинной прослойки. При этом, однако, ясно, что дружина тонула в общей массе воинов.

³² А р т а м о н о в М. И. Воевода Свенельд, с. 33; см. также: Рыбаков Б. А. Военное дело, с. 400.

³³ ПВЛ, ч. I, с. 47—48.

³⁴ Там же, с. 48.

³⁵ Там же, с. 84.

ется главная роль народа в разгроме печенегов. В легенде есть другая любопытная деталь: Владимир в благодарность за победу, одержанную юным кожемякой над печенежским богатырем, «створи» победителя и его отца «великими мужами»³⁶. Стало быть, во времена Владимира ряды «княжих мужей» еще пополнялись людьми из народной среды, и дружина, следовательно, еще не сложилась в замкнутый коллектив, чуждый народу³⁷.

Последующие события снова и снова свидетельствуют о воях как основной силе в сражениях Руси с внешним врагом, в частности с печенегами. Примечателен в данной связи эпизод, описанный летописью под 997 г., когда печенеги осадили Белгород. Князь Владимир не мог оказать помощь белгородцам, и они остались один на один с вражеской ордой. Летописец роняет фразу, которая исчерпывающе объясняет, почему Владимир не сумел выручить белгородцев: «Не бе бо вой у него, печенег же множество много»³⁸. Дружина у князя, конечно, была, но вот воев явно не хватало. Отсюда и его беспомощность. Без народного ополчения (воев) справиться с печенегами было невозможно. Поэтому естественно, что мы встречаем воев и в других сценах борьбы Руси с печенежскими ордами³⁹.

Б. А. Рыбаков совершенно справедливо писал об активном участии народа в военно-оборонительных делах Владимира⁴⁰. От себя только «приложим»: вклад народа в эти дела был решающим.

Участие народа в военных предприятиях не ограничивалось внешними войнами. В своей политике подчинения восточнославянских племен Рюриковичи опирались в первую очередь на воев. И в этом нет ничего необычного, поскольку для покорения и обложения данью древлян, северян, радимичей и прочих князя нуждались в более мощных военных соединениях, нежели дружина. Уже Олег, отправляясь из Новгорода в Киев, «поим воя многи, варяги, чюдь, словене, мерю, весь, кривичи»⁴¹. Вдовствующая княгиня Ольга после резни «купившихся» древлян «собра вои много и храбры, и иде на Деревьску землю»⁴². В духе своих предшественников действовал и князь Владимир, который «собра вои многи, варяги и словени, чюдь и кривичи, и поиде на Рогъволовод»⁴³.

Не обходились первые Рюриковичи без воев и в междуусобных распрях. Владимир, по сообщению летописца, пришел к Киеву биться с Ярополком, имея воев многих⁴⁴. Поддержка воев про-

³⁶ Там же, с. 86.

³⁷ Рыбаков Б. А. 1) Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 61; 2) Первые века русской истории. М., 1964, с. 51.

³⁸ ПВЛ. ч. I, с. 87.

³⁹ Там же, с. 90.

⁴⁰ Рыбаков Б. А. Древняя Русь... с. 61.

⁴¹ ПВЛ, ч. I, с. 20.

⁴² Там же, с. 42.

⁴³ Там же, с. 54

⁴⁴ Там же.

кладывала князю путь к «столу». Советники Бориса Владимира-вича знали дело, когда говорили ему: «Се дружина у тебе отъя и вои. Пойди, сяди в Киеве на столе отни»⁴⁵. Вои также служили опорой Ярославу в его притязаниях на Киев, а Святополку — для отражения ярославовых полков⁴⁶.

Итак, мы можем с уверенностью говорить о весьма важном значении народных ополчений («воев многих») в военной жизни Руси X в.⁴⁷ Б. Д. Греков подчеркивал, что в ранний период Древнерусского государства для «больших предприятий Киевской Руси» одних дружин было недостаточно, отчего в «большие походы шел по-прежнему народ, хотя в целом и переставший уже быть войском, шел не весь народ, а известное количество „воев“, по мере надобности то большее, то меньшее»⁴⁸. Народное войско («вои»), как мы убедились, участвовало не только в «больших предприятиях Киевской Руси», но и в малых, если под ними разуметь межкняжеские конфликты. Далее, нельзя, по нашему мнению, видеть новость о том, что в поход «шел не весь народ», а лишь определенное количество «воев». Так было и раньше, когда весь народ вовлекался в войну только в исключительных случаях: при переселениях и при отражении врага, вступившего на племенную территорию. Вот почему понятие «народ-войско» весьма условно. В доклассовых обществах все мужчины, способные носить оружие, были вооружены. Но отсюда не следует, что боеспособное население всегда и везде ходило походами. Оно потенциально являлось войском. И здесь, конечно, много значила тотальная вооруженность народа⁵⁰. Возникает вопрос, сохранилось ли оружие у народа в XI—XII столетиях?

⁴⁵ Там же, с. 90.

⁴⁶ Там же, с. 97.—Нельзя согласиться с И. Д. Беляевым, который считал, что во времена первых Рюриковичей (вплоть до Владимира включительно) «войны князей друг с другом нисколько не касались земли и были ведены или одною княжею дружиной, или при помощи вольницы, или наемных варягов и печенегов» (См.: Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. М., 1865, кн. 1, с. 51). Это мнение есть следствие противопоставления интересов пришлых князей и туземного восточнославянского общества, которое будто бы жило само по себе, а князь и дружина сами по себе (Там же). Такое противопоставление одна ли правильно.—См. с. 67 настоящей книги.

⁴⁷ А. Н. Кирпичников, анализируя материалы курганов с оружием IX — начала XI в., пришел к мысли о довольно высокой вооруженности древнерусского общества, о значительной роли вооруженного народа в военной жизни Руси того времени.—См.: Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Л., 1971, вып. 3, с. 43.

⁴⁸ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 323; См. также: Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 3, с. 58.

⁴⁹ Там же, с. 313, 319.

⁵⁰ Древнерусское войско X в. строилось на тех же принципиальных основах, что и в предшествующий период. Между военной организацией Руси X столетия и более раннего времени наблюдается преемственность и сходство не только по форме, но и по существу. Поэтому мы не можем согласиться с Б. Д. Грековым, когда он говорит, что вооруженные силы

Современные исследователи признают наличие оружия у какой-то части рядового населения Руси XI—XII вв., но сопровождают свои признания такими оговорками, которые сводят их почти на нет. Оказывается, что мечь, доспех и вообще лучшие предметы вооружения были доступны прежде всего княжеской верхушке, т. е. так называемым феодалам⁵¹. В удел простых горожан и сельских жителей оставались топоры, копья, стрелы⁵². В стремлении изобразить народные массы в Киевской Руси плохо вооруженными отдельные авторы настолько увлекаются, что впадают в примитивизм. Так, М. Х. Алешковский верил, что даже боевой топор нельзя назвать оружием простолюдина. Оружием сельских людей (смурдов, по М. Х. Алешковскому) «были их рабочие топоры, рогатины, вилы, дреколье, тогда как у дружиинников было настоящее оружие — боевые топоры»⁵³.

Открытые археологами погребения знати, сопровождаемые дорогим и совершенным оружием, с одной стороны, и могильники «простой чади», содержащие обыкновенное оружие, уступающее в XI—XII вв. место ножам, — с другой, наталкивают некоторых историков на мысль о том, что «оружие все более становится монополией господствующей знати, а подвластное ей население разоружается»⁵⁴. Но археологические погребальные материалы не дают ответа, адекватного действительному положению вещей. Это понимают и сами археологи. А. Н. Кирпичников, например, призывает помнить, что «оружие мертвых» не обязательно соответствует «оружию живых». Захоронения XI—XII вв. он сравни-

страны (дружины, вой, вспомогательные отряды) уже во времена Олега, Святослава и Владимира были «частью государственного аппарата», что войско тогда имело иное «социальное назначение», чем раньше, будучи «той силой, которая помогала господствующему классу осуществлять функции раннефеодального государства» (Греков Б. Д. Киевская Русь, о. 531—532). Нет оснований и для вывода С. В. Юшкова о сильном изменении военной организации в княжение Владимира и Ярослава. «Поскольку при Владимире и Ярославе, — пишет С. В. Юшков, — окончательно определился процесс разложения дружины и превращение дружиинников в вассалов, войско стало состоять из так называемых феодальных ополчений...» (Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 236). Изучая источники, мы убедились в том, что окончательное разложение дружины — факт значительно более поздний. — См. с. 76—77 настоящей книги.

Арциховский А. В. Оружие.— В кн.: История культуры в Древней Руси. М.; Л., 1948, т. 1, с. 417; Кирпичников А. Н. 1) Древнерусское оружие. Л., 1966, вып. 1, с. 50, 59; 2) Древнерусское оружие, вып. 3, с. 9, 12.

⁵² А р ц и х о в с к и й А. В. Оружие, с. 433; Р а б и н о в и ч М. Г. Из истории русского оружия IX—XV вв. — Труды Ин-та этнографии. Нов. сер., 1947, т. 1, с. 89; Кирпичников А. Н. 1) Древнерусское оружие, вып. 1, с. 50; 2) Древнерусское оружие. Л., 1966, вып. 2, с. 45; 3) Древнерусское оружие, вып. 3, с. 49.

⁵³ А л е ш к о в с к и й М. Х. Курганы русских дружиинников XI—XII вв. — Советская археология, 1960, № 1, с. 71.

⁵⁴ М а в р о д и н В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности, с. 60.

вает с кривым зеркалом, искажающим «образы действительности»⁵⁵. По захоронениям XI—XII в. нельзя получить полное представление о вооруженности древнерусского общества⁵⁶. Важную услугу здесь оказывают письменные источники⁵⁷. Однако их использование специалистами оставляет еще желать лучшего. Достаточно сказать, что А. Н. Кирпичников, проделавший огромную работу по сбору, систематизации и обобщению археологических данных, относящихся к истории оружия в Древней Руси, хотя и пользуется письменными источниками, но далеко не постоянно и выборочно, чаще всего для подтверждения своих наблюдений, сделанных предварительно на археологическом материале, что нередко приводит его (да и не может не привести) к произвольной интерпретации письменных известий. Постараемся же разобраться в фактах, извлеченных из письменных памятников, и сопоставить эти факты с археологическими материалами.

В предании о борьбе славян с хазарами, сохраненном Повестью временных лет, рассказывается, как хазары напали на полян и стали требовать у них дань. «Съдумавше же поляне и вдаша от дыма мечь...»⁵⁸ В настоящем предании ученыe обычно видят иллюстрацию того, что мечь на Руси был традиционным оружием, своего рода военной эмблемой и символом⁵⁹. Но информация, какую можно извлечь из летописной легенды, не исчерпывается военной символикой и указанием на традиционность меча в вооружении Руси. Предание повествует о событиях, которые могли произойти и в VII и VIII вв.⁶⁰ Но в нем одновременно преломились взгляды людей XI—XII вв.⁶¹ И вот тут очень важно подчеркнуть: поляне дают по мечу от «дыма». Значит, в каждом Полянском «дыме» есть меч⁶². Следовательно, летописец, помещая предание в свою летопись, исходил из предпосылки весьма широкого распространения меча в древнерусском обществе, отнюдь не ограничиваемого кругом знати. Ценные данные содержат и договоры Руси с греками X в. В соглашении Олега с Византией читаем: «Аще ли ударить мечем, или бьеть кацем любо сосудом, за то ударение или бъенье да вдасть литр 5 сребра по закону рускому; аще ли не имовит тако соториый, да вдасть елико можетъ...»⁶³ Договор 944 г. повторяет цитированную статью, но

⁵⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 3, с. 46, 52.

⁵⁶ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 1, с. 11, вып. 2, с.

46.

⁵⁷ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 3, с. 54.

⁵⁸ ПВЛ, ч. I, с. 16.

⁵⁹ Арциховский А. В. Оружие, с. 220—422; Д о в ж е н о к В. И. Військова справа... с. 30; Рыбаков Б. А. Древняя Русь... с. 37; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 1, с. 48.

⁶⁰ Рыбаков Б. А. Древняя Русь... с. 37.

⁶¹ Довженок В. И. Військова справа..., с. 30.

⁶² Рыбаков Б. А. Древняя Русь... с. 37. "

ПВЛ, ч. I, с. 27.

в несколько видоизмененной редакции: «Ци аще ударить мечем, или копьем, или кацем любо оружьем...да того деля греха заплатить сребра литр 5 по закону рускому; эще ли есть неимовит, да како можетъ...»⁶⁴ Обладателями оружия, как явствует из договоров, были и «домовитые» люди, и неимущие, причем «неимо-вityе» могли иметь и меч. Сведения русско-византийских договоров дополняются показаниями Русской Правды. В статьях Краткой Правды, предусматривающих вознаграждения за ранения, увечья, побои и оскорблении действием, фигурирует «муж», орудующий мечом, бьющий во гневе батогом, чашей, рогом, а то и попросту — «плястью»⁶⁵. Многие современные историки считают, что здесь Правда разумеет дружиинную среду, что «муж» Правды — древнерусский рыцарь⁶⁶. Более убедительные результаты получены Е. Д. Романовой, которая, применяя метод А. И. Неусыхина, выработанный выдающимся историком-медиевистом при изучении варварских Правд Западной Европы, открыла в Русской Правде новые грани. Она резонно замечает: «Считая Русскую Правду памятником официального происхождения (как справедливо доказывает советская историография), нельзя предположить, что одни ее статьи говорят о дружиинниках, в то время как другие, рядом стоящие и описывающие действующее в них лицо в одинаковой форме, говорят уже об общинниках»⁶⁷. Е. Д. Романова далее не без иронии пишет: «А между тем именно так полагают те историки, по мнению которых получается, что драка мечом и рогом могла происходить только в дружиинной среде, тогда как, если дерущийся брался за дреколье (дрался „жердью“ или „батогом“), то это выдавало уже простого человека, не подпадавшего под правила „кодекса чести“»⁶⁸. Е. Д. Романова убедительно показывает, что статьи Правды, говорящие об ударе мечом, обращены и к простому равноправному свободному («лю-дину»)⁶⁹. Свободный общинник в Киевской Руси пользовался ничем не стесненным правом ношения оружия⁷⁰. Текст Русской Правды, справедливо полагает Е. Д. Романова, склоняет к выводу, что на Руси XI—XII вв. всякий свободный, в том числе и свободный общинник, был вооружен⁷¹.

В Краткой Правде есть еще одна характерная статья. Это — статья 13, гласящая: «Аще поиметь кто чюжъ конъ, любо оружие,

⁶⁴ Там же, с. 38.

⁶⁵ ПР, т. I, с. 70.

⁶⁶ См., напр.: Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 92; Рыбаков Б. А. Первые века русской истории, с. 74; Чепинин Л. В. Русская правда (в краткой редакции) и летопись как источники по истории классовой борьбы. — В кн.: Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 90—91.

⁶⁷ Романова Е. Д. Свободный общинник в Русской Правде. — История СССР, 1961, № 4, с. 87.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же, с. 87—88.

⁷⁰ Там же, с. 88.

⁷¹ Там же, с. 86.

любо порт, а познаеть в своеи миру, то взята ему свое, 3 гривне за обиду»⁷². По идее Б. Д. Грекова, в качестве потерпевшего тут выступает муж-рыцарь, у которого кто-то из общинников (членов «мира» — общин-верви) украл оружие, одежду и коня⁷³. Конструкция Б. Д. Грекова и высшей мере искусственна. Против нее решительно возражал М. Н. Тихомиров. По его убеждению, мысль Б. Д. Грекова, что ищущий пропавшую вещь должен быть непременно «мужем-рыцарем», т. е. феодалом, является очень спорной⁷⁴. М. Н. Тихомиров не видел никаких причин «настаивать на том, что речь (в упомянутой статье — И. Ф.) идет о тяжбе мужей-рыцарей с общиной, а не о судебном разбирательстве внутри самого мира»⁷⁵.

Таким образом, Русская Правда не оставляет сомнений насчет массового вооружения общинников, будь то горожане или селяне⁷⁶. Отсюда понятно, почему вооруженные толпы народа неоднократно мелькают в летописях, причем не на войне, а в сутолоке будничной городской жизни⁷⁷.

⁷² ПР, т. I, с. 70-71.

⁷³ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 92—93. — О дружиинном характере ст. 13 писал и А. А. Зимин. — См.: Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда. — Исторические записки, 1965, т. 76, с. 233, 239—240.

⁷⁴ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, с. 78. — Возражала Б. Д. Грекову и Е. Д. Романова. — См.: Романова Е. Д. Сводный общинник... с. 86—87.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ В их оружейном арсенале были, как мы убедились, п мечи. О том, что мечами вооружались рядовые воины свидетельствуют и другие данные. По сообщению Льва Диакона, после битвы у Доростола греки собрали на поле сражения множество русских мечей (История Льва Диакона Калойского, с. 96). В унисон с Диаконом говорят восточные писатели. Ибн-Мискарейх, к примеру, рассказывает, как из могил русов, погибших у Бердаа, мусульмане извлекали мечи (Якус и А. Ю. Ибн-Мискарейх о походе русов в Бердаа в 332 г.—943/944. — Византийский временник, 1926, XXIV, л. 69). Мнение А. Н. Кирпичникова (Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 1, с. 48), будто русы арабских авторов, в том числе Ибн-Мискарейха, представляли собой профессиональных воинов-дружиинников, считаем беспочвенным, поскольку в походе на Бердаа участвовали многие тысячи русов, которых нельзя уложить в прокрустово ложе дружины. Стол же неубедительны толкования А. Н. Кирпичникова и некоторых летописных известий XII в. Так, в Ипатьевской летописи под 1151 г. узнаем, что во время битвы Изыслава Мстиславича с Юрием Долгоруким «кияне пешши» хотели убить поверженного и раненого Изыслава, «мняще ратного, не знающе его». «Изыслав же рече: „Князь есмь“. И един от них (пешши. — И. Ф.) рече: „А так ны еси и надобе“. И вынза мечи свои и нача и сечи по шелому...» (ПСРЛ, т. II, стб. 438—439). По А. Н. Кирпичникову, киевский пехотинец, едва не убивший Изыслава, — состоятельный человек (Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 1, с. 59). Но в пешем войске XII в. чаще находились те, у кого коней не было, т. е. люди малосостоятельные. Цитированный летописный текст — прямое указание на наличие мечей у рядовой массы воинов.

⁷⁷ ПВЛ, ч. I, с. 58; ПСРЛ, т. I стб. 385; НПЛ, с. 259, 262, 273.

Заслуживают пристального внимания данные Устава князя Всеволода Мстиславича. В приписке к памятнику, хотя и поздней⁷⁸, но отразившей, на наш взгляд, значительно более ранние порядки, читаем: «Из велика живота дати урочная часть по ос-куду, а из мала живота како робично часть: конь да доспех, и покрут по рассмотрению живота»⁷⁹. Если «робично», сыну, прижитому свободным человеком от рабыни, даже «из мала живота» (иначе — скучного наследства) полагалось взять коня и доспех, то можно смело утверждать, что в обществе, где существовали такие правила, оружие являлось неотъемлемым признаком статуса свободного, независимо от его социального ранга.

Письменные источники, изображающие народ в Киевской Руси вооруженным, согласуются с археологическими источниками. При раскопках сравнительно малых древнерусских городов и городищ археологи находят разнообразные ремесленные и сельскохозяйственные орудия труда, а вместе с ними — оружие. Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что люди, жившие там, были не только ремесленниками и земледельцами, но и одновременно воинами. К числу названных поселений относятся Воинь⁸⁰, Чучин⁸¹, Ро-день⁸², Городеск⁸³, Искоростень⁸⁴, Райковецкое городище⁸⁵, Яро-полч⁸⁶, Залесский⁸⁷. Впечатляющую картину являет город Изяславль, обследованный М. К. Каргером. Здесь найдено множество сельскохозяйственных орудий (лемеха, чересла, серпы, косы, лопаты) и предметов вооружения (железные наконечники стрел, копий, боевые топоры, бронзовые и железные булавы, обломки мечей, сабель, шлемов, остатки кольчуг)⁸⁷.

⁷⁸ Зимин А. А. Историко-правовой обзор. — ПРП, вып. II, с. 170.

⁷⁹ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с. 158.

⁸⁰ Довженок В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньоруське місто Воинь. Київ, 1966.

⁸¹ Довженок В. И. 1) Літописний Чучин. — Археологія (Київ), 1964, т. XVI; 2) Древнерусские городища на Среднем Днепре. — Советская археология, 1967, № 4; 3) Сторожевые города на юге Киевской Руси. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968.

⁸² Мезенцева Г. Г. Древньоруське місто Родель. Київ, 1968.

⁸³ Везжев Р. И. 1) Раскопки в Городеске в 1955 р.—КСИА АН УССР, 1957, вып. 7; 2) Раскопки «Малого городища» летописного Городеска.—КСИА АН УССР, 1960, вып. 10.

⁸⁴ Самойловский И. М. Стародавний Коростень. — Археология, (Київ), 1970, т. XXIII.

⁸⁵ Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950.

⁸⁶ Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978.

⁸⁷ Каргер М. К. 1) Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1958 гг. — XV научная сессия 1958—1959 гг. (ЛГУ). Секция ист. наук. Тез. докл. Л., 1959, с. 17—20; 2) Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1961 гг. — Тез. докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962, с. 59—61; 3) Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1964 гг. — Тез. докл. советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965, с. 39—41.

Показателем высокой степени вооруженности древнерусского общества служит характер военного ремесленного производства. В XII в. заметно углубляется специализация в изготовлении оружия. Возникают специализированные мастерские по производству мечей, луков, шлемов, кольчуг, щитов и прочего вооружения⁸⁸. Внедряется постепенная унификация и стандартизация оружия, появляются образцы «серийного» военного производства, которое становится массовым⁸⁹. «Под напором массовой продукции все больше стираются различия в изготовлении „аристократического“ и „плебейского“, парадного и народного оружия. Возросший спрос на дешевые изделия приводит к ограниченному производству уникальных образцов и расширению выпуска массовых изделий»⁹⁰.

По словам А. Л. Шапиро, «тенденции к „серийному“ изготовлению оружия, как и выделение специализированных оружейных ремесел, свидетельствуют об увеличении спроса на дешевые виды оружия как со стороны младших дружиинников, так и со стороны горожан»⁹¹. Увеличение спроса на дешевое оружие, думается нам, шло не столько со стороны младших дружиинников, которые вооружались преимущественно за счет князей и бояр, а со стороны демократической части населения, городского и сельского.

Специализация затронула и производство снаряжения конников⁹². Седла, удила, шпоры стали массовой продукцией⁹³. В этом, конечно, выразилось увеличение конного войска на Руси XI—XII вв. Нас уверяют, что «всадник раннего средневековья — это прежде всего дружиинник-профессионал». Ему присуща боевая выучка, он разнообразно экипирован»⁹⁴. А. Н. Кирпичников, кому принадлежат цитированные строки, заявляет, что «в становлении конного дела Киевского государства решающую роль сыграли два фактора: выделение дружины вследствие феодализации и влияние степных кочевников»⁹⁵. А. Н. Кирпичников особенно оттеняет первый фактор — феодализацию русского общества X—XII вв. В результате усиления «раннефеодальной монархии» придворные гвардейцы и другие элементы сложились в конные дружины, «которые стали не только самой отборной и квалифи-

⁸⁸ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси IX—XV вв. Авто-реф. док. дис. М., 1975, с. 13.

⁸⁹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 2, с. 67.

⁹⁰ Там же, вып. 3, с. 73.

⁹¹ Шapiro А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977, с. 90.

⁹² Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси IX—XV вв., с. 13.

⁹³ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973, с. 16, 57, 70.

⁹⁴ Там же, с. 5; см. также: Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М.; Л., 1925, ч. 1, с. 132.

⁹⁵ Там же, с. 85.

цированной частью войска, но и представляли основную военную группировку, на которую опиралась феодальная власть; они составляли основу правящего класса и сами рекрутировались из него⁹⁶. Расцвет рыцарской конницы, непременной спутницы всех сколько-нибудь значительных военных операций, падает на XII в., «что связано с развитием феодальных отношений». Тогда же и «оформляется кастовый характер конницы, комплектовавшейся из ограниченного числа феодалов и их слуг»⁹⁷. Все эти построения А. Н. Кирпичникова лишены каких-либо серьезных оснований.

Мы уже видели, что в Русской Правде свободный общинник выступает не только «оружено», но и «конно»⁹⁸. Доспех и конь «робичича» из Уставной грамоты князя Всеволода тоже о многом нам говорит. Разумеется, не каждый свободный житель городов и сел Руси имел боевого коня. Поэтому древнерусские «вои» делились на пешую и конную рать. Вспомним призыв Изяслава Мстиславича ко всем «киянам»: «Пойдете по мне Чернигову на Олгович, доспевайте от мала и до велика, кто иметь конь, кто ли не иметь коня, а в лодью»⁹⁹. В 1103 г. русские «вои», конные и пешие, разгромили половцев и вернулись домой с «полоном» и славою¹⁰⁰. Простые воины на конях то и дело появляются на летописных страницах. В 1043 г. «иде Володи-мер, сын Ярославль, на Ямь, и победи я. И помроща кони у вои Володимеръ, яко и еще дышющим конем, съдираху хзы с них: толик бо бе мор в коних»¹⁰¹. Сто лет спустя «иде Изяслав Но-вугороду ис Кыева в помочь новгородцем на Гюргя, а воем по-веле по собе ити, и поидаша по нем, и похромша кони у них»¹⁰². Князь Юрий в свою очередь пошел «с Ростовци и с Суждалци и со всеми детми в Русь. И бысть мор в коних во всех воих его, ако же и не был николиже»¹⁰³. Ипатьевская летопись, повествуя об одном из военных столкновений между Изяславом и Юрием, сообщает, что с Изяславом были «кияне» всеми «своими силами и на конех и пеши»¹⁰⁴. В другой раз киевляне «поидаша друг друга не оста, но вси с радостью по своих князе и на коних и пеши многое множество»¹⁰⁵. Кроме конных киевлян,

⁹⁶ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 3, с. 56
⁹⁷ Там же, с. 56⁵⁷.

⁹⁸ Помимо ст. 13 Краткой Правды о коне общинника речь, вероятно, идет и в ст. 12. — ПР, т. I, ст. 70; см. также: Буровицкий И. У. О статье 12 Краткой Правды. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961

⁹⁹ ПСРЛ, т. I, стб. 316; т. II, стб. 348—349.

¹⁰⁰ ПВЛ, ч. I, с. 183—185.

¹⁰¹ Там же, с. 103.

¹⁰² ПСРЛ, т. I, стб. 320.

¹⁰³ Там же, стб. 341.

¹⁰⁴ Там же, т. II, стб. 427.

¹⁰⁵ Там же, стб. 434.

ростовцев, суждалцев, в летописях проходит конница, состоящая из новгородцев, курян, трубчан, пущивльцев и т. д.¹⁰⁶ Знаменитый поход Игоря Святославича на половцев, воспетый в «Слове о полку Игореве», был предпринят, по А. Н. Кирпичникову, силами лишь конного войска¹⁰⁷. Если это так, то весьма красноречиво участие в нем «черных людей» — народного ополчения¹⁰⁸.

В свете приведенных фактов теряет всякую убедительность идея, согласно которой селяне и горожане в Киевской Руси составляли, как правило, пехоту¹⁰⁹. Народное ополчение сплошь и рядом подразделялось на конные и пешие полки. Это была нормальная структура народного войска. Трудно сказать, что являлось главным, пехота или конница. Однако некоторые современные исследователи пытаются представить «пешцев» как сугубо вспомогательное войско и вывести вперед по значению в боевых операциях конницу¹¹⁰. Многое ближе к истине Б. А. Рыбаков. «Пешее войско, — пишет он, — обычно заслонялось от взора летописца удачью лихой конницы, но оно играло важную роль. Пешее войско заходило даже глубоко в степь (при походах на половцев); без пехоты князья иногда не решались даже вступать в бой, а в столкновениях с конницей пехота нередко одерживала победу»¹¹¹. Боеспособность русских ратей заключалась, судя по всему, в комбинированном применении пеших и конных

¹⁰⁶ ПВЛ, ч. I, с. 170; ПСРЛ, т. I, стб. 497; т. II, стб. 741—742. — О том, что за подобными терминами скрывалось народное ополчение см.: Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Удельной Руси. СПб., 1910, с. 353.

¹⁰⁷ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 3, с. 61, прим. — Автор отмечает, что в летописях не раз приводятся случаи, когда конными были «вой» не делает практически из этого надлежащих выводов. — Там же, с. 61.

¹⁰⁸ ПСРЛ, т. II, стб. 641. — В. Б. Вилинбахов считает, что в походе 1185 г. участвовали лишь конные княжеские дружины, с чем мы решительно не согласны. — См.: Вилинбахов В. Б. ЗіСторії ВіficKоВої справи старовину! Руси (XI—XIII ст.) — Украшьский (сторічний журнал, 1977, № 1, с. 65). — Необходимо далее отметить, что некоторые исследователи в «черных людях» усматривали пешую рать. — См.: Грецов Б. Д. Политический строй. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. М., 1953, ч. 1, с. 161; Лихачев Д. С. Вступительная статья. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Л., 1953, с. 13; Головенченко Ф. М. «Слово о полку Игореве». М., 1955, с. 455; Кудряшов К. В. Про Игоря северского, про землю русскую. М., 1959, с. 40. — Б. А. Рыбаков, напротив, отрицает наличие пехоты в войске Игоря. Он также полагает, что текст о «черных людях» Ипатьевской летописи — редакторская вставка. — См.: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 185—187, 225.

¹⁰⁹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 3, с. 58.

¹¹⁰ Арциховский А. В. Оружие, с. 435; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 1, с. 25; вып. 3, с. 56—57, 72.

¹¹¹ Рыбаков Б. А. Военное дело, с. 405.

соединений¹¹². Древнерусские «вои» по вооружению почти не уступали дружине, а по боевой структуре (благодаря «пешцам») превосходили ее. Этим и объясняется решающая их роль в сколько-нибудь крупных внешних войнах, выпавших на долю Руси. Чтобы не быть голословным, обратимся к источникам.

По известиям Повести временных лет, в 1031 г. «Ярослав и Мстислав собраста вой многъ, идоста на Ляхы»; битву с печенегами в 1036 г. Ярослав выиграл с помощью «кыян» и «новгородцев»¹¹³. «Вои многы» шли в последний поход Руси на Царьград, состоявшийся в 1043 г.¹¹⁴ В 1060 г. «Изяслав, и Святослав, и Всеволод, и Всеслав совокупиша вой бещислены, и поидаша на коних и в лодъях, бещислено множъство, на тор-кы»¹¹⁵. Те же «вой» защищали свое отчество от половцев¹¹⁶. Рассказывая о славном походе русских полков вглубь половецких степей, предпринятом в 1111 г., новгородский летописец замечает: «Иде Святополк, Володимир и Давыд и вся земля просто Русская на Половьце»¹¹⁷. На протяжении XII столетия войны с половцами, волжскими болгарами, финнами, литвой, поляками, венграми и другими велись при участии народного ополчения, являвшегося, как обыкновенно явствует из источников, основной ударной силой¹¹⁸. В сражении на Калке «рубились» киевляне, смольяне, галичане, черниговцы, куряне, трубчане, пущельцы и пр.¹¹⁹ Одних киевлян в бою пало 10 тыс.¹²⁰ Итак, основная тяжесть войн Руси XI—XII вв. с внешними врагами ложилась на плечи «воев» — народного ополчения¹²¹. Однако «простая чадь» не оставалась пассивной и в межкняжеских «которах». Уже в первых раздорах князья, последовавших вскоре после смерти Ярослава Мудрого, «воям» отведено далеко не последнее место. Так, в 1067 г. «заратися Всеслав, сын Бря-

¹¹² В Ипатьевской летописи есть исключительно интересный эпизод, очень показательный в данном случае. Однажды Изяслав Мстиславич хотел напасть на враждебных князей, но «Чернии Клобуци от того устяго-ша, рекуче: „Княже, не мочно ти поехати к ним, зане ратнии наши вси на конех суть“». — ПСРЛ, т. II, стб. 426.

¹¹³ ПВЛ, ч. I, с. 101—102.

¹¹⁴ Там же, с. 103—104.

¹¹⁵ Там же, с. 109.

¹¹⁶ Там же, с. 143—145, 151, 183—185, 190—192.

¹¹⁷ НПЛ, с. 20.

¹¹⁸ ПСРЛ, т. I, стб. 389, 394—395, 397, 400, 444; т. II, стб. 294, 540, 557—558, 608, 625, 641—642, 645, 767-768; НПЛ, с. 227, 230-231, 239.

¹¹⁹ ПСРЛ, т. I, стб. 506; т. II, стб. 741—742.

¹²⁰ Там же, т. I, стб. 446—447.

¹²¹ Недаром Б. Д. Греков, придававший дружине огромное значение, вынужден был признать, что «княжеских дружин было недостаточно для борьбы с внешним врагом, и в таких случаях решающей силой становились народные массы» (О ч е р к и истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. М., 1953, ч. 1, с. 163). О том, что войско, набиравшееся из народа, было главной силой в борьбе Киевской Руси с печенегами, торками и половцами писал и В. И. Довженок (Д о в ж е н о к В. И. Вицьков спрашивает... с. 15).

числавль, Полочьске, и зая Новъгород. Ярославичи же трие,— Изяслав, Святослав, Всеволод,— совокупише вои, идоша на Всеслава»¹²². Князь Изяслав, помогая брату своему Всеволоду, обиженному племянниками, «повеле сбирати вои от мала до велика»¹²³. Изяслав сложил голову за Всеволода. Смерть настигла князя, «стоящего в пеших»¹²⁴, — яркий штрих, подтверждающий большую значимость ополченцев в битве на Нежатиной ниве. В распрях Владимира Мономаха и его сыновей с Олегом Святославичем «вои» действуют с той и другой стороны как основная опора враждующих князей¹²⁵. Вот почему наличие многих «воев» внушало князьям уверенность в собственных силах, толкая их на враждебные акции против своих собратьев. В 1097 г., например, Святополк Изяславич замыслил захватить «волости» Володаря и Василька, «надеяся на множество вой»¹²⁶. В течение XII —начала XIII в. полки «воев», именуемых нередко в летописях «киянами», «переяславцами», «черниговцами», «ростовцами», «владимирцами», «суздальцами», «крязанцами», «смол-нянами», «новгородцами», «полочанами» и прочими подобными терминами, активнейшим образом участвуют в княжеских междоусобных войнах. Мы не станем приводить все имеющиеся в нашем распоряжении сведения на сей счет, ибо чересчур дли-нен будет их перечень¹²⁷. Остановимся лишь на фактах, которые особенно наглядно свидетельствуют о том, что именно «вои» определяли исход межкняжеских столкновений.

В 1146 г. нелюбимый «киянами» Игорь был разбит Изяславом Мстиславичем по той причине, что киевское войско изменило ему, перейдя под «стяг» Изяслава¹²⁸. Если «рать» сменялась «миром», то шансы заключить выгодный мир имел князь, за которым шла масса «воев». Достаточно характерен в этой связи летописный рассказ, как Изяслав Мстиславич уговаривал киевлян идти с ним на Юрия и Ольговичей: «кыяном же не хотящим, глаголющим: „Мирися, княже. Мы не идем“». Он же рече, ако мир будеть, поидете со мною, ать ми ся будет добро от силы мирити, и придоша Кыяне»¹²⁹. Не менее красноречива другая сцена с Изяславом и переяславским епископом Евфимием, умолявшем пылкого Мстиславича: «Княже, смирися с строем своим,

¹²² ПВЛ, ч. I, с. 111—112.

¹²³ Там же, с. 133.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же, с. 168, 169, 170.

¹²⁶ Там же, с. 178.

¹²⁷ ПСРЛ, т. I, стб. 296, 304, 305-306, 311-312, 315, 319, 320, 321, 322, 327, 328, 335, 341, 347, 350, 354, 365, 383, 413, 417, 426, 430, 432, 489, 497; т. II, стб. 228, 292, 296, 297, 299, 301, 323, 333, 347, 355-356, 357, 359, 360, 361, 370, 382-383, 400, 404, 414, 423, 427, 433-434, 463, 466-467, 468, 476—477, 491, 493, 496, 505, 509, 543, 560, 575—577, 618, 691, 753; НПЛ, с. 208, 214, 220—221, 223, 224, 227, 228, 251, 256, 257.

¹²⁸ ПСРЛ, т. II, стб. 325—326.

¹²⁹ Там же, т. I, стб. 321.

много спасенья приимеши от Бога и землю свою избавиши от великия беды»¹³⁰. Изяслав не послушал владыку, «надеяся на множество вои»¹³¹. На сей раз военное счастье отвернулось от Изяслава, и он проиграл битву. Причиной его поражения стало дружное бегство с поля боя «кыян», «переяславцев» и «поршан», не выдержавших натиска юрьевых полков¹³². Узрев своих «во-ев» бегущими, Изяслав поспешил им вослед: «Изяслав же виде полы бежаче побежены, побеже и перебреде на Канев толко сам третии и иде Киеву»¹³³. Юрий не заставил себя долго ждать и «поиде Киеву полы своими и пришед ста противу святому Михаилу по лугови»¹³⁴. И вот тут снова между Изяславом и «кы-янами» состоялся примечательный диалог, сохранившийся в Ипатьевской летописи. Там читаем: «Изяслав же, сгадав с братом своим Ростиславом, явила Кияном, рекуче: „Се стрыи наю пришел, а ве вам являеве, можете ли ся за наю бити“. Они же рекоша: „Господина наю князя, не погубити нас до конца. Се ны отци наши и братья наша и сынови наши на полку они изои-мани, а друзии избьени и оружие снято, а ныне ать не возмуть нас на полон, поедита в свои волости, а вы ведаете, оже нам с Гюргем не ужити, аже по сих днех кде узрим стяги ваю, ту мы готовы ваю есмы“. Изяслав же и Ростислав угодавша и розъеха-стася»¹³⁵. Без военной помощи киевских «воев», следовательно, Изяслав не мог удержаться в городе. Но и Юрий без нее чувствовал неуверенность. Поэтому нет ничего удивительного в сообщении летописца, что «Гюрги», опасаясь «кыян» («зане имеют пе-ревет ко Изяславу и брату его»), решил поздорову убраться из Киева¹³⁶.

Князья, добывающие «волости» при содействии воинов из различных городов, были привычны взору современников. В 1167 г., например, «ходиша Ростиславици с Андреевицм и с смоляны и с полочаны с муромци и с рязаньци на Мстисла-ва Киеву; он же не бияся с ними, отступи волею Кыева»¹³⁷. В 1173 г. «иде князь Гюрги Андреевиц с новгородци и с ростов-ци Киеву на Ростиславиче и прогнаша е ис Кыева»¹³⁸. После смерти владимирского князя Михалки в 1177 г. овладеть Владимиром попытался Мстислав, который «поиде с ростовци и с суз-дальци к Володимеру, и постави Всеволод с володимирицы и с переяславци против его полк, и биша, и паде обоих множь-

¹³⁰ Там же, стб. 322.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

¹³³ Там же, т. II, стб. 382—383.

¹³⁴ Там же, стб. 383.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же, т. I, стб. 330.

¹³⁷ НПЛ, с. 33, 220—221.

¹³⁸ Там же, с. 34, 223.

ство много, и одоле Всеволод»¹³⁹. В междуусобицу сыновей Всеволода Большое Гнездо включились массы новгородцев, смоль-нян, псковичей, ростовцев, владимирцев, муромцев, городчан. В Липицком сражении со стороны лишь Юрия и Ярослава Всеволодовичей погибло 9232 «мужа»¹⁴⁰. Победителем вышел, как известно, князь Константин с союзниками. Новгородский «книжный списатель» едва ли исказил существо дела, заметив, что Константина на Владимирском столе «посадиша новгородци»¹⁴¹. Итак, войны Руси XI—XII вв. по-старому велись с участием народного войска («воев» древних летописей). От победы или поражения народных ополченцев зачастую зависели успех или неудача в этих войнах. Мы считаем необоснованными утверждения некоторых исследователей, будто на Руси XI—XII вв. чаще всего приходилось воевать княжеским дружинам, что русские рати формировались преимущественно из профессиональных воинов-дружинников, а народное ополчение созывалось сравнительно редко¹⁴². Данные утверждения не согласуются с письменными источниками, прежде всего летописями, где «вои», простые воины, отличаемые от дружины¹⁴³, изображены участниками подавляющего количества батальных сцен.

Рассмотрим теперь состав древнерусских «воев» X—XII вв. Из кого состояло народное ополчение: из одних только горожан или же из городских и сельских жителей?

Присутствие селян среди «воев» Киевской Руси для многих дореволюционных историков было очевидным¹⁴⁴. В советской исторической литературе по этому вопросу нет полного единства взглядов. Б. Д. Греков считал доказанным присутствие в древнерусском войске сельского населения, т. е. свободных общинников¹⁴⁵. По словам Б. А. Рыбакова, рядовые воины («вои») «набирались, главным образом, в городах, но иногда привлекались

¹³⁹ НПЛ, с. 35, 224.

¹⁴⁰ ПСРЛ, т. I, стб. 497-499.

¹⁴¹ НПЛ, с. 56, 257.

¹⁴² Рыбаков Б. А. Военное дело, с. 403; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 1, с. 14, вып. 3, с. 72; Вилибахов В. Б. З истории військової справи... с. 64. — О постепенной утрате народным ополчением «основного боевого значения» под воздействием «развития техники, и прежде всего преобладания потребности в коннице», писал еще А. Е. Пресняков. — См.: Пресняков А. Е. Княжье право в Древней Руси. СПб., 1909, с. 165.

¹⁴³ Рыбаков Б. А. Военное дело, с. 403.

¹⁴⁴ Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. М., 1865, кн. 1, с. 377—378; Сергеевич В. И. Вече и князь. М., 1867, с. 389; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960, кн. 2, с. 20—21; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1907, с. 86—87; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912, с. 97.

¹⁴⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 330.

и смерды-крестьяне»¹⁴⁶. Еще в большой мере ограничивает причастность сельских людей к войску Новгорода и всей Руси М. Г. Рабинович. Селяне (смерды, по терминологии М. Г. Рабиновича) воевали «только в самых крайних случаях, когда в страну вторгались крупные войска неприятеля и необходимо было мобилизовать все силы для отпора»¹⁴⁷.

Свободные земледельцы-общинники, по нашему твердому убеждению, входили в состав «воев» наравне с горожанами. Памятники русского эпоса в лице своих популярных героев Ильи Муромца и Микулы Селяниновича засвидетельствовали это со всей ясностью¹⁴⁸. Мы знаем, что свободные общинники на Руси XI—XII вв. были вооружены¹⁴⁹. Право ношения оружия естественно предполагает активную военную деятельность¹⁵⁰. Древнерусские земледельцы занимались сельскохозяйственным трудом и вместе с тем, когда возникала необходимость, воевали. Они, следовательно, являлись и земледельцами и при случае — воинами. Данный вывод находит подтверждение как в отечественных, так и зарубежных источниках. Сага об Эймунде рассказывает, что по зову Ярослава собиралась «большая рать бондов», под которыми надо понимать свободных поселен¹⁵¹. В саге говорится и о способе созыва войска: «Ярицлейв (Ярослав) конунг послал боевую стрелу по всему своему княжеству, и созывают конунги всю рать»¹⁵². Выразительный материал, свидетельствующий о военных делах сельских жителей, поставляют древнерус-

¹⁴⁶ Рыбаков Б. А. Военное дело, с. 403. — Следует сказать, что в более поздней своей работе Б. А. Рыбаков рассуждает несколько иначе. Он говорит: «Оборонительная система XII в. опиралась на следующие людские резервы: княжеские и боярские дружины, торческая конница, крестьянское (зависимое) население княжеских крепостей и народное ополчение городов и деревень». — См.: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники, с. 168.

¹⁴⁷ Рыбаков Б. А. О социальном составе новгородского войска-X—XV вв. — Научные доклады высшей школы. Исторические науки, 1960., 3, с. 88, 91.

¹⁴⁸ Рыбаков Б. А. Древняя Русь... с. 57—58, 72—76.

¹⁴⁹ См. с. 194—195 настоящей книги.

¹⁵⁰ В качестве сравнительно-исторической параллели можно сослаться на порядки, бытавшие в раннесредневековой Норвегии, где «все свободные мужчины, имевшие право носить оружие — неотъемлемый признак их свободы и полноправия, были военнообязанными и должны были принимать участие в ополчении, когда оно созывалось королем» (Гуреев А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье. Проблемы социального строя и культуры. М., 1977, с. 86). Можно с уверенностью сказать, что участие в ополчении было и правом и обязанностью древнерусских общинников-земледельцев.

¹⁵¹ Рыдзеская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978, с. 95; см. также: Лященко А. И. «Eymundar Saga» и русские летописи. — Изв. АН СССР. Сер. 6, 1926, № 12; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности, с. 68.

¹⁵² Рыдзеская Е. А. Древняя Русь... с. 93.

ские летописи. Когда весть о гибели русских полков в сражении на Калке долетела до Руси, «бысть вопль и въздыхание и печаль по всем градом и по волостем»¹⁵³. Под «волостями» тут разумеются сельские местности. Именно так ориентирует нас новгородский летописец, выражающийся несколько конкретнее, чем владимирский хронист: «И погибе множество бещисла люди; и бысть вопль и плачь и печаль по градом по всем и по селом»¹⁵⁴. Плач о погибших в битве с татарами, раздававшийся «по селом», указывает на участие сельских людей в калкской баталии. В бою «на реце Липице» билась «вся сила Суздальской земли». Раскрывая смысл последней фразы, летописец сообщает: «Бя-шеть бо погънано и ис поселен и до пешьца»¹⁵⁵. В 1249 г. князь Ростислав собирал для ратных целей под Перемышлем «тъзе-мельцы многы»¹⁵⁶. Вряд ли стоит сомневаться в том, что «тъзе-мельцы» означают здесь селян.

Определив содержание понятия «вся сила Суздальской земли», летописец тем самым дает нам в руки ключ для расшифровки аналогичных выражений: «иде Святополк, Владимир и Давыд и вся земля просто Руская на Половце»; «приидоша под Новгород суздальцы с Андреевичем, Роман и Мстислав с смольяне и с торопцаны, и с муромци и с рязанци с двема князьма, и полочкии князь с полочаны, и вся земля просто Руская»¹⁵⁷, «приде Ярослав Лучьский на Ростислава же со всею Ведыньскою землею»; «и объеха Данил город (Галич.— И. Ф.) и, собрав землю Галичкую, ста на четыре части окрест его»¹⁵⁸. Итак, если летописец какое-либо войско именует «землей», можно быть уверенным, что в нем есть и общинники-земледельцы. Вероятно, такой состав войска был обычным, на что довольно прозрачно намекает Лаврентьевская летопись, рассказывая, как некий боярин, обращаясь к своим князьям, говорил: «Княже, Юрьи и Ярославе, не было того ни при прадедах, ни при дедех, ни при отце вашем, оже бы кто вшел ратью и силную землю в Суздальскую, оже вышел цел, хотя бы и вся Русская земля, и Галичская, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская и Рязанская...»¹⁵⁹.

В Новгородских летописях упомянутому термину «земля» соответствует термины «область», «волость». Это значит, что в них речь также идет об участии в войске сельского населения: «И в то же лето, на зиму, иде Всеволод на Суздаль ратью и вся новгородская область»¹⁶⁰; «ходи Святополк со всею областью

¹⁵³ ПСРЛ, т. I, стб. 509. ¹⁶⁴

НПЛ, с. 63, 267.

¹⁵⁵ ПСРЛ, т. I, стб. 494.

¹⁵⁶ Там же, т. II, стб. 800.

¹⁶⁷ НПЛ, с. 20, 203; 33, 221.

¹⁶⁸ ПСРЛ, т. II, стб. 577, 759.

¹⁵⁹ Там же, т. I, стб. 495.

¹⁶⁰ НПЛ, с. 23, 208.

Новгородскою на Юргя, хотя ити на Сузdalъ»¹⁶¹; «иде князь Ярослав с новгородци и со плесковици и со всею областю своею на Чудь»¹⁶²; «новгородци же, то слышавши, скопиша всю свою область»¹⁶³, «иде князь Ярослав с новгородци и со всею областю новгородчкою и с полки своими на Немцы по Гюргев»¹⁶⁴. Мы поспешили, если примем все это за новгородскую особенность, неизвестную другим древнерусским землям. Летописец-новгородец пользуется той же лексикой, когда сообщает о военных сборах за пределами своего отечества. Вот как он говорит о подготовке русских князей к первому в истории Руси походу против татар, завершившемуся плачевным финалом на Калке: «И начаша вои совокупляти, коикдъ свою область; и тако поидаша съвокупивше всю землю Рускую...»¹⁶⁵.

В сотенной организации Древней Руси мы усматриваем веское доказательство военных функций, присущих сельскому люду. Сотни и сотники (сотские) встречаются в Киеве¹⁶⁶ Смоленске¹⁶⁷, Новгороде¹⁶⁸, Пскове¹⁶⁹, Галицко-Волынском крае¹⁷⁰. Можно быть уверенным, что в Киевской Руси они — явление повсеместное¹⁷¹, уходящее своими корнями к первобытнообщинному строю¹⁷².

В исследованиях М. Д. Затыркевича и А. Е. Преснякова сотни толкуются как чисто городские институты¹⁷³. В черте города изучают сотни и сотских XI—XIII вв. С. В. Юшков и М. Н. Тихомиров¹⁷⁴. Сотня, однако, не укладывается в рамки древнерусского

¹⁶¹ Там же, с. 27, 214.

¹⁶² Там же, с. 40, 230-231.

¹⁶³ Там же, с. 64, 268.

¹⁶⁴ Там же, с. 72, 283.

¹⁶⁵ Там же, с. 62, 265.

¹⁶⁶ ПВЛ, ч. I, с. 86; ПСРЛ, т. II, стб. 276.

¹⁶⁷ ПРП, вып. И, с. 57.

¹⁶⁸ НПЛ, с. 70, 205, 235, 236; Древнерусские княжеские уставы... с. 149.

¹⁶⁹ ПСРЛ, т. II, стб. 608.

¹⁷⁰ Там же, стб. 763, 932.

¹⁷¹ Ефименко Т. К вопросу о русской «сотне» княжеского периода. — ЖМНП, июнь, 1910, с. 306—307; Бромлей Ю. В. К вопросу о сотне как общественной ячейке у восточных и южных славян в средние века. — В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, с. 75—77.

¹⁷² Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 313—318; Бромлей Ю. В. 1) К вопросу о сотне... с. 89; 2) К реконструкции административно-территориальной структуры раннесредневековой Хорватии. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 260; см. также Рабинович М. Г. Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII—XV вв. — КСИИМК, 1949, вып. XXX, с. 55.

¹⁷³ Затыркевич М. Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя русского государства в домонгольский период. М., 1874, с. 102; Пресняков А. Е. Княжое право... с. 173—181, 188.

¹⁷⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 228—229; Юшков С. В. 1) Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939, с. 223; 2) Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 368.

города, покрывая «областные», или сельские территории¹⁷⁵. Возможно, в Древней Руси существовали и городские сотни, но не изолированно, а в единой системе с областными¹⁷⁶. Сотские, стоявшие во главе сотен-округов, были не только администраторами, но и военными чинами¹⁷⁷. Значит, сотни — это территориально-административные образования и вместе с тем военные единицы. В целом они составляли тысячу, народное ополчение, организационным центром которого являлся город. Отсюда ясно, что так называемая «городская» тысяча суть народное войско, состоящее из горожан и селян¹⁷⁸. Органическое единство городского и сельского воинства стало той внеязыковой действительностью, на почве которой возникли характерные в данной связи военные термины «земля» и «область» со значением «войско»¹⁷⁹.

Таким образом, состав древнерусских «воев» вырисовывается четко: это — городские и сельские массы. Настал черед выяснить меру самостоятельности и независимости народных ополчений от княжеской власти.

Б. Д. Греков, говоря о переменах в военной организации, обозначившихся в эпоху Киевской Руси, утверждал: «Войско по сравнению с периодом „военной демократии“ изменилось в двух направлениях: оно стало собираться по мере надобности и потеряло прежнюю „демократичность“, т. е. не привлекалось к решению общих дел и оказалось в подчинении не у своих выборных или частично наследственных вождей, а у государства, во главе которого стояли князь и окружающая его знать. Дальнейшее развитие войска заключалось в постепенном освобождении войска от малоквалифицированных в военном отношении элементов и в усилении специального военного профессионального ядра»¹⁸⁰. О том, что развитие княжеских дружин на

¹⁷⁵ Ефименко Т. К вопросу о русской «сотне»... с. 313—314; Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в.— Исторические записки, 1938, 2, с. 150; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 124; Бромлей Ю. В. К вопросу о сотне... с. 77, 80, 88; Кузя А. В. Новгородская земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 164; Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 109.

¹⁷⁶ Ефименко Т. К вопросу о русской «сотне»... с. 302, 309, 316; Бромлей Ю. В. 1) К вопросу о сотне... с. 76; 2) К реконструкции административно-территориальной структуры... с. 255; Кузя А. В. Новгородская земля, с. 166.

¹⁷⁷ Ефименко Т. К вопросу о русской «сотне»... с. 309; Кузя А. В. Новгородская земля, с. 165.

¹⁷⁸ Просчет М. Н. Тихомирова, на наш взгляд, заключался как раз в том, что он рассматривал тысячу исключительно как городскую военную организацию (Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 225—231). Это замечание относится и к Ф. П. Сороколетову, который считает тысячу постоянной военной организацией города (Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке XI—XVII вв. Л., 1970, с. 76).

¹⁷⁹ Сороколетов Ф. П. История военной лексики... с. 87—88.

¹⁸⁰ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 330.

Руси X—XII вв. не оттеснило «воев» на второй план, у нас речь уже шла. Проверим, насколько согласуются с источниками заявления о подчиненности ополчений князьям и знати.

В 1068 г. киевские «вои», собравшиеся на вече после поражения в битве на Альте, решают снова сразиться с половцами, не спрашивая у своего князя Изяслава, хочет ли он того или нет. Независимо вели себя воины киевского полка в 1093 г., когда на берегу Стугны Святополк, Владимир и Ростислав «созвавша дружину свою на совет, хотяче поступити через реку». Владимир Мономах советовал своим не переправляться через Стугну и склонял их к миру с половцами. Мономаха поддержали «смы-слении мужи, Янь и прочии». Однако «кияне не восхотеша совета сего, но рекоша: „Хочем ся бити: поступим на ону сторону реки“». И воля «киян» одержала верх¹⁸¹. В 1096 г. русские опять сошлись в бою с половцами. Летописец рассказывает, что князь Владимир «хоте нарядити полк, они же не послуша, но удариша в коне к противным»¹⁸². Во время похода на Литву 1132 г. видим «киян» не с князем Мстиславом, а идущими «по немъ особе»¹⁸³. Самостоятельно действует киевский полк в событиях 1146 г.: «Кияне же особно сташа в Олговы могилы много мноъство стоящим же еще полком межи собою...»¹⁸⁴.

Нередко народное войско собиралось в поход не по княжескому повелению, а по собственному усмотрению. Когда Изяслав Мстиславович приглашал «кыян» идти с ним воевать против Юрия Долгорукого, они отвечали: «Княже, ти ся на нас не гне-ваи, не можем на Володимире племя руки въздаяти, оня на Олго-вичи, хотя и с детми»¹⁸⁵. Однажды в 1147 г. князь Мстислав узнал, что «идеть Гюргевичъ с Святославом Олговичем на нь к Курску и поведе Куряном, и Куряне рекоша Мстиславу, оже се Олгович, ради ся за тя бьем и с детми, а на Володимире племя на Гюргевич не можем руки подъти. Мстислав же то слышав, поиде к отцу своему»¹⁸⁶. Такую же самостоятельность по отношению к князьям проявляют «вои» Смоленска, Новгорода¹⁸⁷ и других, надо думать, городов. Сколь ни значительна была военная роль князя в Киевской Руси, все же не он, а вече распоряжалось в конечном итоге народным ополчением. Князю как военному специалисту высокого класса поручалось главным образом командование войском, строительство и организация вооруженных сил¹⁸⁸.

¹⁸¹ ПВЛ, ч. I, с. 144. — Для Б. Д. Грекова этот эпизод служил примером решающего влияния городовых ополчений на ход военных действий. — См.: Очерк истории СССР. Период феодализма IX—XIII вв., ч. 1, с. 162.

¹⁸² ПВЛ, ч. I, с. 151. ¹⁸³ ПСРЛ, т. II, стб. 294.

¹⁸⁴ Там же, стб. 325.

¹⁸⁵ Там же, стб. 344.

¹⁸⁶ Там же, стб. 355—356.

¹⁸⁷ Там же, стб. 647; НПЛ, с. 53, 251.

¹⁸⁸ См. с. 34—38 настоящей книги.

Решение веча о выступлении в поход было обязательным для всех. Наглядное тому свидетельство — летописная запись под 1151 г. о киевлянах, которые «рекоша Вячъславу и Изяславу и Ростиславу, ать же поидуть все (воевать с Юрием. — И. Ф.), како может и хлуд в руци взяти. покы ли хто не поидеть, нам даи, ать сами побьемы»¹⁸⁹. Разумеется, далеко не всегда к отлынивающим применялись столь радикальные санкции. В других случаях с них брали просто деньги¹⁹⁰.

Независимость древнерусских «воев» подтверждается наличием в народном войске собственных командиров — воевод, не принадлежащих непосредственно к княжеской среде. С одним таким воеводой знакомит нас Повесть временных лет, рассказывая об осаде Киева печенегами в 968 г. Тогда на выручку осажденным киевлянам пришли «люде оноя страны Днепра», возглавляемые воеводой Претичем¹⁹¹. К земским воеводам следует, вероятно, отнести воеводу Коснячко, имя которого фигурирует в летописи под 1068 г.¹⁹² Сделать это позволяет отсутствие Коснячко среди «мужей», окружавших Изяслава в момент его «прений» с толпой «людей киевстых» на княжом дворе¹⁹³. В памятниках вереницей тянутся воеводы «рускеи»¹⁹⁴, галицкие¹⁹⁵, новгородские и псковские¹⁹⁶. Согласно Ипатьевской летописи, к Владимиру, «нарядившему рать», пришли помочь «холмяне». Далее сказано: «бяшеть бо воевода с ними Тюима»¹⁹⁷. Но наибольший интерес представляет сообщение о том, как «ляхове воеваша у Бе-рестья по Кросне и взяша сел десять, и поидаша назад. Берестя-ни же собирашася и гнаша по них, бяшеть бо Ляхов двесте, а Бе-рестьян 70, бяшеть бо у них воевода Тит, везде словый мужь-ством на ратех и на ловех», а тако угонивъше е и биша с ними... победиша Берестяние Ляхи»¹⁹⁸.

Кроме земских воевод в источниках мелькают княжеские воеводы, которым князья поручали командование «воями»¹⁹⁹, что впрочем, не означало подчиненности народного ополчения или ущемления его прав в качестве самоопределяющегося воинства. Князь поставлял командные кадры, необходимые земскому вой-

¹⁸⁹ ПСРЛ, т. II, стб. 433—434.

¹⁹⁰ См., напр.: НПЛ, с. 45, 239.

¹⁹¹ ПВЛ, ч. I, с. 47.

¹⁹² Там же, с. 114. — Коснячко — крупная фигура из лидеров Киевского общества. Поэтому он как представитель земщины был привлечен к составлению так называемой «Правды Ярославичей». Возможно, он был тысячником. — См. с. 40 настоящей книги.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 622.

¹⁹⁵ Там же, стб. 507, 509.

¹⁹⁶ НПЛ, с. 184, 213, 215, 232, 239, 294.

¹⁹⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 884.

¹⁹⁸ Там же, стб. 890.

¹⁹⁹ ПВЛ, ч. I, с. 52, 54, 59, 97, 103, 180; ПСРЛ, т. I, стб. 359, 363, 364, 400, 444, 450, 460; т. II, стб. 320, 560, 357, 573, 622—623, 625, 661—662.

ску,— вот в чем заключался истинный смысл назначения княжеских воевод на командные должности.

Наряду с воеводами народное ополчение возглавляли тысяцкие. Между воеводой и тысяцким не было полного тождества. Сходство их в том, что и один и другой — военачальники²⁰⁰. Но если каждый тысяцкий — воевода, то не каждый воевода — тысяцкий²⁰¹. Должность тысяцкого, выражаясь словами В. И. Сергеевича, есть постоянная должность²⁰², тогда как должность воеводы была временной, обусловленной военной ситуацией. Тысячу «держат»: «воеводство держащю Киевская тысяча Яневи»²⁰³; «воеводство тогда держащю тысящая Киевьскыя Ивану Слав-новичю»²⁰⁴; «тысящю придержащю Роману Михайловичу и весь ряд»²⁰⁵; «держи ты тысячию, как еи у брата моего держал»²⁰⁶; «Яронови же тогда тысящю держащю в Переяшли»²⁰⁷; «Юрьеви тогда тысящю держащю»²⁰⁸. Формула «держать тысячию» указывает на постоянный характер должности тысяцкого, с одной стороны, и на весьма высокий социальный статус его — с другой²⁰⁹. Как и в примере с воеводами, тысяцкие могли быть людьми земскими и княжескими. С земскими тысяцкими нас часто знакомит новгородский летописец²¹⁰. Но мы ошибемся, если примем их за достопримечательность Новгорода. Нам известен киевский тысяцкий Лазарь, которого летопись определенно отличает от княжеского тысяцкого²¹¹. Известен и некий Улеб. «Держи ты тысячию, как еи у брата моего держал», — говорил ему Игорь Ольгович, устраиваясь на киевском столе после Всеволода Ольговича, почившего «в бозе»²¹². М. Н. Тихомиров, размышляя над этой летописной выдержкой, писал: «Следовательно, Улеб был киевским тысяцким уже при Всеволоде Ольговиче. Однако из

²⁰⁰ Сергеевич В. И. Вече и князь. М., 1867, с. 400.

²⁰¹ Ср.: Грушевский М. С. История Киевской Земли. Киев., 1891, с. 334.

²⁰² Сергеевич В. И. Вече и князь, с. 400.

²⁰³ ПВЛ, ч. I, с. 137.

²⁰⁴ ПСРЛ, т. I, стб. 457.

²⁰⁵ Там же, стб. 473.

²⁰⁶ Там же, т. II, стб. 324.

²⁰⁷ Там же, стб. 733.

²⁰⁸ Там же, стб. 748.

²⁰⁹ Термин «держать», связанный с отправлением общественных функций, означал «властвование» (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977, вып. 4, с. 224). Тысяцкие не только командовали войском, но также «судили и рядили», т. е. управляли (Юшков С. В. Очерки... с. 222; Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 227). Тысяцкий — очень важный чин в системе древнерусской администрации. Не случайно Русская Правда составлялась при непосредственном участии тысяцких, а летописец, повествуя о тех или иных событиях, специально оговаривает, что это было при таком-то тысяцком (ПР, т. I, с. 110—ПВЛ ч I с 137 ПСРЛ, т. I, стб. 457; т. II, стб. 733, 748). . . .

²¹⁰ НПЛ, с. 260, 273, 277, 309.

²¹¹ ПСРЛ, т. II, стб. 347-349.

²¹² Там же, стб. 324

дальнейшего изложения можно сделать вывод, что Улеб не был ставленником Ольговичей. Так, он был одним из инициаторов изменения киевлян, передавшихся на сторону Изяслава Мстиславовича. Видимо, Улеб был киевлянином по происхождению». М. Н. Тихомиров логично связывает Улеба не столько с князем, сколько с местным населением²¹³. К числу «земцев» надо, судя по всему, отнести и упоминаемого летописью киевского тысяцкого Давыда²¹⁴. Н. П. Павлов-Сильванский со знанием дела писал: «Весьма вероятно, что должности тысяцких поручались не-редко не княжеским, но более близким к земщине так называемым земским боярам»²¹⁵.

Часто бывало, что тысячу возглавляли «княжие мужи». Но в этом не видно ничего такого, что наносило бы ущерб волеизъявлению народа, который приглашая к себе на княжение какого-либо князя, открывал тем самым княжеским людям доступ к замещению престижных и доходных должностей в военном и гражданском управлении, в результате чего они вместе со своим «сюзереном» (князем) превращались в инструмент общинной власти и, следовательно, становились в некотором смысле этой властью²¹⁶.

Наличие в Киевской Руси земских воевод и тысяцких — неоспоримое свидетельство самостоятельности военной организации ветчевых общин. О том же говорит и существование на Руси постоянных общинных дружины, отличных от княжеских, правомерно доказываемое отдельными исследователями²¹⁷. Эти профессиональные общинные дружины, находившиеся на содержании общин, не уступавшие в военном мастерстве и сноровке дружинам княжеским, являлись ударными подразделениями ополчений («воев»), повышавшими боеспособность народного войска.

Под углом зрения самостоятельности земских вооруженных сил необходимо рассматривать упоминаемые в летописях военные события, при описании которых князья и их «мужи» либо вовсе не принимались в расчет, либо им отводилась сугубо подсобная роль. В 1135 г. зимой «бишася Новгородцы с Ростовци на Ждане горе, и победиша Ростовци Новгородце, и побиша множество их и воротиша Ростовцы с победою великою»²¹⁸. Лаврентьевская летопись, откуда взято данное известие, обходит полным молчанием участие в битве князей обеих сторон, говоря

²¹³ Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 226.

²¹⁴ ПСРЛ, т. I, стб. 304.

²¹⁵ Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб., 1898, с. 8, прим.

²¹⁶ См. с. 43 настоящей книги.

²¹⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. т. 3, с. 130; Пасек В. Княжеская и докняжеская Русь.—ЧОИДР, 1870, М., 1870, кн. 3, с. 23—25; Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876, ч. 1, с. 554—555; Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969, с. 91, 116-117. ²¹⁸ ПСРЛ, т. I, стб. 303.

лишь о новгородцах и ростовцах. В Ипатьевской летописи та же панorama, только вместо ростовцев называются сужальцы: «Бишася Новъгородъчи с Суждалъчи на Ждане горе, и одолеша Суждалци Новгородцем»²¹⁹. Правда, Новгородская Первая летопись сообщает, что на Суздалю пошел князь Всеволод, и «въся Новгородъская область»²²⁰. Сведения новгородского летописца дополняет Московский летописный свод, где читаем: «А тое зимы иде Всеволод Мъстиславич на Сузdalъ и на Ростов с Новоградци и Пъсковичи и Ладожаны и с всею областю Новоградскую. И сретоша их Суждалци и Ростовци на Ждане горе., и бысть им брань крепко зело...»²²¹ Заметим, что во всех привлеченных летописных вариантах ростовцы и сужальцы выступают как единственные защитники своей земли, обергающие ее от посягательств извне. Что касается новгородцев, то едва ли они шли вслед за князем. Скорее наоборот, достаточно вспомнить, что подготовка к походу и сам поход осуществлялись в обстановке антикняжеских настроений²²². Всеволод, должно быть, шел с новгородцами «без всякого удовольствия», что не замедлил подтвердить, бежав первым с поля боя.

Под 1134 г. в Новгородской летописи читаем о неурядицах: на юге: «раздъяся вся земля Русьская»²²³. В следующем 1135 г. «ходи Мирослав посадник из Новагорода мирить кыян с церни-говцы, и приде, не успев ницто же: сильно бо възмаялась вся земля русская»²²⁴. Далее летописец сообщает, что князь киевский Ярополк «к собе зваше новъгородъце, а церниговъский князь к собе; и бишася, и поможе бог Олгвию с церниговци, и многы кыяне исце, а другая изма руками»²²⁵. Оценивая эти летописные известия, нельзя не признать, что летописец мыслит киевлян и черниговцев как самостоятельные военно-политические союзы, отстаивающие собственные интересы. И хотя тут князья все-таки фигурируют, они сдвинуты как бы на второй план, а на переднем крае стоят «кыяне» и «черниговцы». О том, что гвоздь проблемы именно в киевлянах и черниговцах, свидетельствует соседняя летописная справка, согласно которой после посадника Мирослава тогда же в 1135 г. ходил «в Русь архиепископ Нифонт с лучшими мужи и заста кыяны с церниговъци стояще противу собе, и множество вои; и божею волею съмири-шася»²²⁶. В нашем распоряжении есть и другие факты аналогичного свойства. Так, в 1137 г. у новгородцев «не бе мира» ни с псковичами, ни с сужальцами, ни со смольянами, ни с полоча-

²¹⁹ ПСРЛ, т. II, стб. 300.

²²⁰ НПЛ, с. 23.

²²¹ ПСРЛ, т. XXV, с. 32.

²²² Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 70

²²³ НПЛ, с. 23.

²²⁴ Там же. ²²⁶ Там же.

²²⁵ Там же, с. 24.

нами, ни с киевлянами²²⁷. Грандиозный поход состоялся в 1145 г. когда «ходиша вся Русска земля на Галиць и много попустиша область их, а города не възяша ни единого, и воротиша, ходиша же и из Новагорода помочье кыяном, с воеводою Нереви-ном, и воротиша с любъвью»²²⁸. Зимой 1195 г. «бишася смол-няне с черниговыци, и поможе бог церниговыци, и яша кынязя Бориса Романовиця; и не бяше мира межи ими»²²⁹. Во всех этих баталиях передовую роль играют массы киян, новгородцев, черниговцев, смольянин, т. е. «людье», а иначе —народ, среди которого была, конечно, и прослойка знати.

Многочисленные войны являлись для «воев» прекрасной школой мужества и доблести, весьма ценимых в древнерусском обществе. Летописцы порой восторгаются их боевыми качествами: «переяславци же дерзи суще и поехаша наперед с Михаль-ком»²³⁰, «а мужи их Новгородци и Смоляне дерзи к боеви»²³¹. Невольно припоминается и «Слово о полку Игореве», где Буй-Тур Всеволод с большим пийетом отзывается о своих курянах: «А мои ти Куряни сведоми кмети, под трубами повити, под шеломы възлелеяны, конец копия въскръмлени, пути имъ ведоми. яругы им знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачуть акы серый вльци в поле, ищучи себе чти, а князю славе»²³².

На этом мы заканчиваем наше исследование роли народа в военной жизни Киевской Руси. Изученные факты убеждают нас в том, что рядовое население Руси было вооружено. Право

²²⁷ НПЛ, с. 25.

²²⁸ Там же, с. 27.

²²⁹ Там же, с. 42.

²³⁰ ПСРЛ, т. I, стб. 360; т. II, стб. 558.

²³¹ Там же, т. I, стб. 495.

²³² Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века. М., 1960, с. 263.— Авторы словаря-справочника, посвященного «Слову о полку Игореве», под «курянами» памятника разумеют жителей Курска (Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». М., 1969, вып. 3, с. 38). Не исключено, что за «курянами» скрывались жители курской волости, а не одного только города Курска. Но в любом случае они — земские воины, а не дружины князя. Их принадлежность к земщине подчеркивается, по нашему мнению, словом «кмети». Согласно Б. А. Ларину (Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка. М., 1975, с. 166), это слово принадлежит к древнейшим социальным терминам и восходит к племенному названию. В Киевской Руси оно означало отважных, лучших, опытных, искусных воинов (Сороколетов Ф. П. История военной лексики... с. 66). Нам кажется, что наиболее удачное определением слова «кметь» предложил В. И. Даль: земский воин, ратник (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956, т. 2, с. 124). О связи «кметей» с народной средой убедительно свидетельствует тот факт, что во многих славянских языках «кметь» означает сельского жителя или свободного человека (там же; Ларин Б. А. Несколько слов о значении и происхождении слова «кметь». — Москвитянин, 1853, т. 6, № 24, отд. 3; Сороколетов Ф. П. История военной лексики... с. 67; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967, т. 2, с. 261).

ношения оружия являлось неотъемлемым правом каждого свободного, несмотря на его социальное положение. Вооруженный народ был организован по десятичной системе (сотни, тысячи)²³³, зарождение которой относится к эпохе рода-племенного строя²³⁴. Разумеется, сотни и тысячи восточного славянства базировались на родственных связях, тогда как в Киевской Руси они преимущественно основывались на связях территориальных. Признание сотен и тысяч военными и территориально-административными образованиями влечет за собой вывод об устройстве древнерусского общества в значительной мере на военных началах. Народные ополчения («вои» древних источников) постоянно участвуют в войнах, как внешних, так и внутренних, определяя исход сражений. Мы не хотим этим принизить значение княжеской дружины. Оно было существенным. И все же не в ней заключалась главная военная сила Руси²³⁵. По меткому выражению А. Е. Преснякова, дружины — это отборное ядро княжих воинов-телохранителей, постоянных спутников и советников князя, своеобразный штаб, «который давал организаторов и вождей от руки князя народному ополчению»²³⁵. Но принимая «от руки князя» организаторов и командиров, народное ополчение не теряло своей самостоятельности по отношению к ним, подчиняясь не князю и его «мужам», а вечу. Эта самостоятельность еще более крепла благодаря существованию у народного ополчения собственных военачальников, вышедших из земли.

Вооруженный общинник — плохой объект для эксплуатации. Как показывает исторический опыт других народов, участие в военных действиях масс боеспособного населения препятствовало его угнетению²³⁶ и, следовательно, сдерживало процесс классообразования. Все это применимо и к Древней Руси, где народные ополчения являлись становым хребтом военной организации.

Высокая социально-политическая мобильность рядового населения Киевской Руси, его полновластие на вече опирались на военную мощь народа. В. И. Сергеевичу принадлежат глубокие слова, обращенные к Древней Руси: «В начале истории, когда военное ремесло не обособилось еще от других занятий и весь народ входил в состав войска, весьма натурально, что ему должно было принадлежать совсем иное значение в решении общественных вопросов, чем это сделалось возможным позднее, когда

²³³ Рыбаков Б. А. Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси. — В кн.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969, с. 25—28.

²³⁴ В. Пассек верно говорил, что «местные дружины были несравненно многочисленнее и сильнее, нежели собственно дружины княжеские», что «вся сила князей заключалась в дружинах местных и в преданности их к ним». — См.: Пассек В. Княжеская и докняжеская Русь, с. 24, 25.

²³⁵ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1938, т. 1, с. 181.

²³⁶ Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975, с. 252.

образовалась отдельная от народа военная сила. Где сила, там и власть; а в начале истории народные массы составляли силу»²³⁷.

Организационным центром народных ополчений в Киевской Руси был город. Он также выступал средоточием вечевой жизни. Такое значение древнерусского города ставит нас перед необходимостью изучения его социально-политической роли.

²³⁷ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1900, т. 2, с. 32—33.

Очерк седьмой

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА

Историография древнерусских городов насчитывает не одно десятилетие и даже не одно столетие. Первыми историографами городов Древней Руси у нас иногда представляют летописцев¹. Но подлинная историография древнерусского города начинается со времени превращения исторических знаний в науку. Таким временем стал XVIII в. В трудах крупнейших историков XVIII в. В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Г.-Ф. Миллера, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина и других затрагивались различные аспекты истории городов в России². Что касается древнейшей эпохи, то здесь преимущественно речь шла о том, когда возникли города и по каким причинам. И только по мере успехов исторической науки вообще, а также накопления и осмысливания данных о городском строе Руси в частности, появилась возможность и потребность более глубокого и многозначного подхода к теме³.

Мы не ставим перед собой задачу дать во всех подробностях и деталях обзор литературы, посвященной истории древнерусского города. Наша цель заключается в том, чтобы найти историографические прецеденты для постановки вопроса о городах-государствах в Киевской Руси.

Весьма существенным достижением дореволюционной исторической мысли, работавшей в данном направлении, явилось приз-

¹ Хорошкевич А. Л. Основные итоги изучения городов XI—первой половины XVII в. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966, с. 34.

² Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965, ч. 2, с. 150—151, 304, 316—320; Илизаров С. С. Русский город глазами историков XVIII в. — В кн.: Русский город (историко-методологический сборник). М., 1976, с. 145—164.

³ А. М. Сахаров отмечал, что «проблема города в историческом развитии России возникла как предмет специального исследования лишь в середине XIX в.» — См.: Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959, с. 3.

нание за городами Древней Руси роли общинных и волостных центров, находящихся в социально-политическом единстве с сельской округой и обладающих правительственными функциями. Эти положения в тех или иных вариациях содержатся в трудах И. Д. Беляева, А. Д. Градовского, В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова, А. П. Щапова, В. Пассека, Д. Я. Самоквасова, В. И. Сергеевича, И. Е. Забелина, М. Ф. Владимирского-Буданова, А. Е. Преснякова, С. А. Корфа⁴.

Другое крупное достижение досоветской историографии в означенной области заключалось в стремлении исследователей выйти из сферы отечественного материала в плоскость сравнительно исторических параллелей. Историки, в частности, сопоставляли городскую жизнь Древней Руси с городским строем античного мира и средневековой Европы. М. Д. Затыркевич, например, полагал, что во времена, предшествующие приходу варягов, устройство городского славянского населения «совершенно соответствовало тому государственному строю, с которого началась и на котором закончилась политическая жизнь древних народов», а устройство городов славянских «совершенно сходно было с устройством городов Древней Греции до завоевания Дориан и древней Италии до основания Рима»⁵. Обращаясь к более поздним векам русской истории, он отмечал, что в сословных отношениях и в государственном строе между Римской империей и русским государством XII столетия не существовало никакого различия⁶. На Руси XII в. города стремились к «политической самобытности». Однако «все установления, в которых выразилась политическая автономия городов древнего мира и средневековой Европы,— выборные правители, правительственные

⁴ Беляев И. Д. 1) Города на Руси до монголов. — ЖМНП, 1848, февраль; 2) Рассказы из русской истории. М., 1865, кн. 1, с. 134—135; Градовский А. Д. Государственный строй древней России.—Собр. соч. СПб., 1899, т. 1, с. 349—350, 380; Ключевский В. О. 1) Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919, с. 20—22, 26—29; 2) Соч. М., 1956, т. 1, с. 135—138, 192—194; Костомаров Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси.—Вести Европы, 1870, ноябрь, с. 19. 20. 27—28. 31. 34; Щапов А. П. Соч. СПб., 1906 т. 1, с. 783—795; Пасека В. Княжеская и докняжеская Русь. — ЧОИДР, 1870. М., 1870, кн. 3, с. 73—75; Самоквасов Д. Я. Древние города России. СПб., 1873, с. 39, 47—48, 52—53, 126—128; Сргевич В. И. 1) Вече и князь. М., 1867, с. 23—31, 331—337; 2) Русские юридические древности. Территория и население. СПб., 1902, т. 1, с. 1—13; Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1908, ч. 1, с. 596, 617—618, 642—643; Владыческий-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1907, с. 11, 13, 21—22; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1938, т. 1, с. 163—181; Корф С. А. История русской государственности. Основные черты древнерусского государства. СПб., 1908, т. 1, с. 7, 13—14, 39, 47; 44, 52, 66,

101.

⁵ Затыркевич М. Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя русского государства в домонгольский период. М., 1874, с. 49.

⁶ Там же, с. 203.

советы и народные собрания,— в России нигде не достигли полного развития и нигде не выразились в ясных определенных формах⁷. Только в Новгороде эти «установления» упрочились, да и то после завоевания Руси монголами⁸.

Политический строй Новгорода сближал с древними греческими республиками и Н. И. Костомаров⁹. При этом он подчеркивал: «Ниакие исторические данные не дают нам права заключить, чтобы Новгород по главным чертам своего общественного состава в давние времена отличался от остальной Руси, как позже в XIV и XV веках»¹⁰.

Немало сходных черт между Русью, Древней Грецией и Римом открылось взору А. И. Никитского. Он отмечал, что на Руси понятия «город» и «государство» были неразличимы и смешивались друг с другом¹¹. Пристальное внимание уделил А. И. Никитский кончанскому устройству, обнаруженному им не только в Новгороде и Пскове, но и в остальных городах Древней Руси¹². Концы, по убеждению автора, простирали свою власть за пределы города, обнимая определенные областные (волостные) территории, и были, следовательно, связаны с сельской местностью¹³. И в смешении города с государством, и в связи городских кон-нов с селом А. И. Никитский узрел сходство с античностью. Он замечал: «Эта неспособность отрешиться от смешения различных по существу понятий города и государства не составляет нимало исключительной принадлежности древнерусской жизни, а замечается одинаково и в классическом мире, и в истории Рима, и в особенностях Греции, Афин, которые политическим устройством своим представляют любопытные черты сходства с древнею Русью и потому при сличении могут подать повод к поучительным соображениям»¹⁴. Что касается концов, то они «были не что иное, как именно трибы, или филы, как последние были сформированы Клисфеном, то есть местные политические союзы; не что иное, как самые значительные второстепенные политические организмы или общины»¹⁵. А. И. Никитский шел дальше, сравнивая городские должности, новгородские в частности, с аналогичными институтами классической древности. Ему казалось, что звания посадника и тысяцкого давали носившим их лицам «такие же права, как курульские должности: консульство, пре-торство и эдильство, или позднее квесторство в Риме, как ар-

⁷ Там же, с. 290.

⁸ Там же, с. 291.

⁹ Костомаров Н. И. Начало единодержавия... с. 24.

¹⁰ Там же, с. 25.

¹¹ Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873, с. 58, 60, 161—162.

¹² Там же, с. 60, 87, 161.

¹³ Там же, с. 162—163.

¹⁴ Там же, с. 162.

¹⁵ Там же.

хонтат в Греции»¹⁶. Посадники, согласно А. И. Никитскому,— это «русские консуляры, претории и эдилиции»¹⁷. Указав на назначение псковских воевод концами на вече, А. И. Никитский говорит: «В этом отношении псковские воеводы напоминают нам греческих стратигов, которые в Афинах, точно так же как и в Пскове, назначались местными союзами или трибами»¹⁸.

Опыт А. И. Никитского, стремившегося воспользоваться фактами из истории античных обществ для объяснения социально-политических учреждений Руси, получил одобрительную оценку со стороны Н. И. Кареева, стоявшего в ряду крупнейших представителей русской исторической науки¹⁹.

Предпринятое А. И. Никитским сопоставление древнерусских институтов с учреждениями греков и римлян было продолжено другими исследователями. Так, Т. Ефименко, рассматривая сотенную организацию в Киевской Руси, убедился в том, что сотни охватывали как город, так и область, прилегающую к нему. Город и земля, таким образом, составляли административное единство, которое в условиях тогдашней Руси было неизбежным, исторически необходимым явлением, подобно городским и сельским трибам Рима, городским и областным демам Афин²⁰.

В начале XX в. изучение городовых волостей основывалось на столь прочной историографической традиции, а сравнительно-исторические экскурсы стали столь обычными²¹, что оказалось возможным приступить к некоторым важным обобщениям. Это и осуществил один из самых вдумчивых исследователей отечественной истории А. Е. Пресняков в блестящем лекционном курсе, посвященном Киевской Руси.

Городскую волость А. Е. Пресняков считал основным элементом древнерусской государственности²². Волость — это «территория, тянувшая к столльному городу»²³. Главный (столпный) город выступал «представителем земли; его вече — верховной властью волости»²⁴. Волостная организация есть совокупность верней, т. е. элементарных ячеек, соединение которых более механическое, нежели органическое, что выдает примитивный характер государственности, воплощенной в волости²⁵. Волостная структура, состоявшая из союза «ряда меньших общин, соеди-

¹⁶ Там же, с. 145.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 160.

¹⁹ Кареев Н. И. Государство-город античного мира. СПб., 1905, с. 324—325.

²⁰ Ефименко Т. К вопросу о русской «сотне» княжеского периода.— ЖМНП, 1910, июнь, с. 316.

²¹ Вспомним переворот, произведенный в этом отношении в исторической науке Н. П. Павловым-Сильванским.

²² Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1, с. 163.

²³ Там же, с. 167.

²⁴ Там же, с. 169.

²⁵ Там же, с. 167.

ненных в одной общине городской», напоминала А. Е. Преснякову греческий синоним²⁶, а сама волость — политию²⁷.

Таким образом, в дореволюционной историографии сложилась концепция, согласно которой древнерусский город, бывший центром городской волости, являл собой государственное образование. К сожалению, эта концепция не получила дальнейшего развития в исследованиях последующих историков. Правда, отход от нее произошел не сразу. Еще в трудах М. Н. Покровского говорилось о «федеративном» и «республиканском» характере «древнерусского государственного строя на самых ранних из известных нам ступенях его развития», о городской демократии XII в.²⁸ Волостное (во главе с городами) устройство Ростово-Суздальской земли в XII — первой половине XIII в. описывал А. Н. Насонов²⁹. Однако в советской историографии конца 20-х — начала 30-х годов древнерусский город начинает преимущественно изучаться как составная часть феодализма, как звено в системе феодальных производственных отношений³⁰. В результате города на Руси приобретают в умах историков значение центров феодального властовования. В последнем смысле особенно настойчиво высказывался С. В. Юшков³¹. Он категорически отверг идею о «городовой волости, возникшей еще в доисторические времена, сохранившей свою целостность до XIII в. и управлявшейся торгово-промышленной демократией. Основной территориальной единицей, входившей в состав Киевской державы, первоначально было племенное княжество, а затем, когда родо-племенные от-

²⁶ Там же, с. 169.

²⁷ Там же, с. 197; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939, т. 2, вып. 1, с. 7.

²⁸ Покровский М. Н. Избр. произв. М., 1966, кн. 1, с. 154, 165. — Необходимо сказать, что для М. Н. Покровского присущее было резкое противопоставление города деревне, «городского права» «деревенскому праву». Город и деревня различались прежде всего организацией власти: в первом господствовал народ, во второй — князь. «Наемный сторож в городе, — пишет М. Н. Покровский, — князь был хозяином-вотчинником в деревне. Этую политическую антиномию и приходилось разрешать Киевской Руси. Вопрос, какое из двух прав — городское или деревенское — возьмет верх в дальнейшем развитии, был роковым для всей судьбы древнерусских «республик». В конечном счете, как известно, перевес остался за деревней» (Там же, с. 168). Город, по убеждению автора, «жил самостоятельной жизнью, мало заботясь об окружающей его сельской Руси» (Там же, с. 174). При всем при том М. Н. Покровский, однако, пользовался термином «город-государство», когда рассматривал городской строй на Руси XII в. Он даже уподоблял новгородских посадников и тысяцких консулам и преторам древнего Рима (Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М., Л., 1925, ч. 1, с. 182—183).

²⁹ Насонов А. Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле. — Века (Пг.), 1924, 1.

³⁰ Ширина Д. А. Изучение русского феодального города в советской исторической науке 1917 — начала 1930-х годов. — Исторические записки, 1970, т. 86, с. 284—297.

³¹ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., Л., 1939, с. 131—137.

шения подверглись разложению, крупная феодальная сеньория, возникшая на руинах этих племенных княжеств. В каждой из этих феодальных сеньорий имелся свой центр — город, но этот город, хотя и превращался в торгово-промышленный центр, был все же в первую очередь центром феодального властовования, где основной политической силой были феодалы разных видов, а не торгово-промышленная демократия»³².

Б. Д. Греков, определяя город как средоточие ремесла и торговли, относил его зарождение к эпохе классового общества³³. Город, по словам Б. Д. Грекова, «всегда является поселением, оторванным от деревни». Больше того, он «противоположен деревне»³⁴. Ясно, что подобный взгляд на древнерусский город исключал возможность рассуждений о волости-государстве с венчающим ее главным городом.

Не нашлось места городу-волости и в капитальном исследовании М. Н. Тихомирова «Древнерусские города». М. Н. Тихомиров утверждал, что «настоящей силой, вызвавшей к жизни русские города, было развитие земледелия и ремесла в области экономики, развитие феодализма — в области общественных от-ношений»³⁵. В городах, находившихся под феодальным гнетом, ширится борьба за городские вольности. В XII столетии она до-стигает особого размаха, что привело к усилению политической роли городов и городского населения³⁶. Эта борьба, по разумению М. Н. Тихомирова, «близко напоминает борьбу горожан Западной Европы за образование городских коммун»³⁷. Но, увы, русские города не сравнялись в этом плане с западноевропейскими городами, чему «помешали печальные обстоятельства — в первую очередь татарские погромы, опустошившие Русскую землю»³⁸. И только в Новгороде, Полоцке, Пскове «коммунальное устройство» было добыто борьбой горожан, «да и то в весьма своеобразном виде»³⁹. Следовательно, М. Н. Тихомиров, как и Б. Д. Греков, не помышлял о том, чтобы рассматривать главнейшие города Киевской Руси как города правящие, а не самоуправляющиеся.

Несмотря на успехи советских историков в изучении городов

³² Там же, с. 172. — В предшествующий период, в IX—X вв., города, по С. В. Юшкову, выполняли роль племенных центров, где концентрировались племенные власти, князь, его дружины, «нарочитые люди» — племенная старшина. — Там же, с. 23.

³³ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 104, НО.

³⁴ Там же, с. НО. О противоположности города Киевской Руси. XI—XII вв. деревне писал и С. В. Бахрушин. — См: Бахрушин С. В. Научные труды в 4-х т. М., 1954, т. 2, с. 163.

³⁵ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 64.

³⁶ Там же, с. 185.

³⁷ Там же, с. 186.

³⁸ Там же, с. 185.

³⁹ Там же, с. 186.

в Древней Руси⁴⁰, с аналогичным положением мы сталкиваемся и сейчас. Далеко не случайно, что в новейших работах, где намечаются и решаются коренные проблемы истории древнерусских городов, нет никаких упоминаний о городских волостях, о городах-государствах в Киевской Руси⁴¹. То же самое видим⁴² и в трудах, в которых речь идет об эволюции государственного строя на Руси⁴³. В этих условиях проблема земского общинно-политического и волостного быта в Древней Руси представляется довольно актуальной⁴⁴. В рамках данной проблемы существенное значение имеет вопрос о городах-государствах в древнерусской истории. Для постановки этого вопроса есть все необходимые теоретические основания.

Еще Н. И. Караев в своем типологическом курсе, посвященном античным городам-государствам, говорил о большой социологической значимости города-государства в познании истории государственного устройства народов мира⁴⁵. Современная наука полностью подтвердила правоту Н. И. Караева. Ныне мы располагаем огромным количеством материалов, свидетельствующих о городах-государствах как универсальной в мировой истории форме государства. Города-государства встречаются, можно сказать, повсюду⁴⁶. Весьма показательно и то, что мы их нередко находим в обществах с незавершенным процессом классообразования. Назовем в качестве примеров города-государства шуме-

⁴⁰ В о р о н и н Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города.— КСИИМК, 1951, вып. XI; В о р о н и н Н. Н., Р а п - о п о р т П. А. Археологическое изучение древнерусского города.— КСИА АН СССР, 1963, вып. 96; М а в р о д и н В. В., Ф р о я н о в И. Я. К пятидесятилетию советской историографии Киевской Руси. — Вестн. Ленингр.

ун-т 1967, № 20; С о в е т с к а я историография Киевской Руси. Л., 1978.

⁴¹ См., напр.: Па ш у т о В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города.— В кн.: Города феодальной России. М., 1966; Р з п п о - п о р т П. А. О типологии древнерусских поселений.— КСИА АН СССР, 1967, вып. НО; Ка р л о в В. В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья.— В кн.: Русский город. Историко-методологический сборник. М., 1975; Р а б и н о в и ч М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978; П е т р у - к и н В. Я., П у ш к и н а Т. А. К предыстории древнерусского города.— История СССР, 1979, № 4.

⁴² См., напр.: Ры бак о в Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX—середины XIII века.— Вопросы истории, 1962, № 4; Ч е р е п - п и н Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X—начала XIII в.— Исторические записки, 1972, 89;

⁴³ Л а ш у к Л. П. Введение в историческую социологию. Конкретные проблемы исторической социологии. М., 1977, вып. 2, с. 84—85.

⁴⁴ Ка р е е в Н. И. Государство-город античного мира, с. 320.
⁴⁵ Ф. де Куланж. Гражданская община древнего мира. СПб., 1906; Ка р е е в Н. И. Государство-город античного мира; Д ы я к о н о в И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959; Ко чак о в а Н. Б. 1) Города-государства Иоруба в XIX в.— Народы Азии и Африки, 1965, № 6; 2) Города-государства йорубов. М., 1968; Ко зл о в а М. Г., С е д о в Л. А., Т ю р и н В. А. Типы раннеклассовых государств в Юго-Восточной Азии.— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, кн. 1; Б е л я в с к и й В. А. Вавилон ле-

рийцев⁴⁶ гомеровских греков⁴⁷, юго-западных славян⁴⁸, африканских йорубов⁴⁹.

Следовательно, и с точки зрения социологической и с точки зрения историографической⁵⁰ мы поступим вполне правильно, если обратимся к вопросу о городах-государствах в Древней Руси. К тому же побуждают и конкретные факты нашей старины. В рассказах Повести временных лет о далеком прошлом во-сточных славян проскальзывает идея о городе — носителе общественной власти. Она подспудно чувствуется уже в легенде о трех братьях Кие, Щеке и Хориве, которые «створиша град во имя брата своего старейшаго, и нарекоша имя ему Киев»⁵¹. Затем следует знаменательное сообщение: «И по сих братьи дер-жати почаша род их княженье в полях...»⁵². Стало быть, в легенде постройка города ассоциируется с началом «княжения».

В Новгородской Первой летописи читаем о славянских и финских племенах, изгнавших «за море» варягов-насильников и начавших «владети сами себе и города ставити»⁵³. Вскоре, однако, между ними пошли раздоры: «И въсташа сами на ся воевать,

гендарный и Вавилон исторический. М., 1971; А в е р к и е в а Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974; Б о р т ник Н. А. Средневековые города-государства Западной Европы.— Вопросы истории, 1975, № 12; А н д р е е в Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976; К у б б е ль Л. Е. Об особенностях классообразования в средневековых обществах Западного и Центрального Судана.— В кн.: Становление классов и государства. М., 1976; Г у л я е в В. И. 1) Проблемы становления царской власти у древних майя.— Там же; 2) Городогосударства древних майя.— В кн.: Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». Л., 1977; 3) Города-государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе). М., 1979; Ш и ф м а н И. Ш. Развитие городской организации в древнем Переднеазиатском Средиземноморье.— В кн.: Д р е в н и е города...; Л у н д и н А. Г. Город в древней Южной Аравии.— Там же; Ко бища-нов Ю. М. Системы общинного типа.— В кн.: Община в Африке: проблемы типологии. М., 1978; Д а н и л о в В. П., Д а н и л о в а Л. В. Проблемы истории общин.— Там же, с. 36.

⁴⁶ Д ы я к о н о в И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья, с. 153—195; В и т к и н М. А. Проблема перехода от первичной формации ко вторичной.— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ, кн. 1, с. 430—437.

⁴⁷ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис, с. 114—115; Д р е в н я я Греция. М., 1956, с. 87; Н е ч а и Ф. М. Социальный статус греков эпохи Троянской войны и количество греческих войск под Троей.— В кн.: Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1977, с. 29—33.

⁴⁸ Пашута В. Т., Шталь И. В. Корчула. М., 1976.

⁴⁹ Коцакова Н. Б. 1) Города-государства йоруба в XIX в., с. 82; 2) Города-государства йорубов, с. 117, 129, 133, 150, 166, 183—185; ср.: Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1977, с. 260—266, 299—300.⁵⁰

Обращаясь к городам-государствам в Киевской Руси, мы продолжаем дело, начатое исследованиями отечественных историков, о которых шла речь выше.

⁵¹ ПВЛ, ч. I, с. 13.

⁵² Там же.

⁵³ НПЛ, с. 106.

и бысть межи ими рать велика и усобица, и въсташа град на град, и не беше в них правды»⁵⁴. Повесть временных лет, говорящая о том же, содержит примечательное разночтение «и въста род на род»⁵⁵ взамен новгородского варианта «и въсташа град на град». Из приведенных летописных отрывков следуют, по-крайней мере, два вывода. Во-первых, самостоятельное управление покончивших с варяжским засильем племен связывается со-строительством городов. Во-вторых, города выступают не только средоточием самоуправляющихся союзных племен, но и синонимами этих племен. Последнее обстоятельство указывает на город как самодавлеющую организацию, заключающую в себе автономный общественный союз.

Допустим, впрочем, что перед нами не записи о действительных событиях, а реминисценция книжника начала XII в., переносившего собственные представления, обусловленные современной ему жизнью, в прошлое⁵⁶. Но в летописи, помимо упомянутых сохранились и другие сведения подобного свойства, изображающие русский город X в. в качестве суверена.

Во время похода Олега на Царьград греки, напуганные русской ратью, изъявили готовность платить дань, лишь бы князь «не воевал Греческие земли». Олег потребовал «дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь, а потом даяти уклады на рус-¹⁹ кыа грады: первое на Киев, та же на Чернигов, на Переяславль, на Полтеск, на Ростов, на Любечь и на прочаа города; по тем бо городам седяху велиции князи под Олгом суще»⁵⁷. Следовательно, дань с греков «кимали» не только те, кто участвовал в походе, но и крупнейшие города Руси, т. е. главнейшие общины, которые, по всей видимости, санкционировали и организовали поход на Византию. Конечно, цитированный текст — не протокольная запись требований, составивших ультиматум Олега. Поэтому естественно возникает сомнение, правду ли поведал нам летописец, говоря об укладах «на рускыа грады». Это сомнение давно беспокоит историков. И. Е. Забелин, например, писал: «Очень любопытно постановление Олега давать на русские города уклады. Если такой устав вместе с данью на 2000 кораблей, по 12 гривен на человека можно почитать эпическою похвальбою и прикрасою, то все-таки несомненно, что эти уклады явились в предании не с ветра, а были отголоском действительно

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ ПВЛ, ч. I, с. 18.

⁵⁶ Так считали некоторые историки.— см.: Костомаров Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси, с. 34; Покровский М. Н. Избр. произв. кн. I, с. 150.— Вместе с тем исследователи отмечают и реалии в данных записях.— См.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 35—36; Сахаров А. Н. Кий: легенда и реальность.— Вопросы истории, 1975, № 10; Кузьмин А. Г. 1) «Варяги» и «Русь» на Балтийском море.— Там же, 1970, № 10; 2) Об этнической природе варягов.— Там же. 1974, № 11.

⁵⁷ ПВЛ, ч. I, с. 24.

существовавших когда-либо греческих же даней, распределемых именно по городам»⁵⁸. О том, что летописец брал свои сведения «не с ветра», склонен был думать и Б. Д. Греков, когда подчеркивал несомненную согласованность между текстом русско-византийских договоров X в. и заметками летописца⁵⁹. Но Б. Д. Греков также предполагал, что летописец (или его продолжатель — компилятор) от себя прибавил к перечню городов Полоцк, Ростов и Любеч⁶⁰. При этом ученый принимал в соображение тот факт, что Полоцк был присоединен к владениям киевского князя лишь при Владимире Святославиче в 980 г.⁶¹ По нашему убеждению, решение данного вопроса должно зависеть не от того, когда был присоединен к Киеву тот или иной город, а от того, кто участвовал в походе. По свидетельству летописи, Олег «иде на Грекы», собрав «множество варяг, и словен, и чудь, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и севера, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци»⁶². Поэтому нет ничего искусственного в упоминании среди «градов» Полоцка — города кривичей, принявших непосредственное участие в походе на Царьград⁶³. То же самое можно сказать о Ростове, где жила мера и, вероятно, кривичи⁶⁴, а также о Любече, расположенным в области обитания северян⁶⁵. Кстати, М. Н. Тихомиров расценил упоминание Любеча в числе русских городов, получающих дань с Византии, как предостережение против распространенного мнения о вымыселности известий летописца⁶⁶. Положим, «книжный писатель» фантазировал. Но в тексте договора 907 г. фигурирует условие, отражающее все тот же своеобразный статус древнерусского города: «Приходячи Русь да витают у святого Мамы, и послеть царство наше, и да испишут имена их, и тогда возмутъ месячное свое,— первое от города Киева, и паки ис Чернигова и ис Переяславля, и прочий гради»⁶⁷. И. Е. Забелин следующим образом комментировал приведенный текст: «От каждого города в Царьград хаживали свои особые послы и свои гости, которые по городам получали и месячное содер-

⁵⁸ Забелин И.. Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1912, ч. 2, с. 130; см. также: Аксаков К. С. Поли. собр. соч., в 3-х т. М., 1889. Т. 1, с. 505—506.

⁵⁹ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 295.

⁶⁰ Там -/кв.

⁶¹ Там же, с. 295—296.

⁶² ПВЛ, ч. I, с. 23.

⁶³ Алексеев Л. В. 1) Полоцкая земля. М., 1966, с. 50—60; 2) Полоцкая земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 203—215.

⁶⁴ Горохова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961, с. 198—201; Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966, с. 290.

⁶⁵ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, с. 147—148.

⁶⁶ Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 345.

⁶⁷ ПВЛ, ч. I, с. 25.

жение от греков, а это, со своей стороны, свидетельствует, что главнейшими деятелями в этих сношениях были собственно города, а не князья и что князь в древнейшем русском городе значил то же, что он значил впоследствии в Новгороде⁶⁸. И. Е. Забелин несколько модернизирует события, уравнивая положение князя в Новгороде будущего с положением князей в городах Руси X в. И все-таки проглядывающая в источнике активная самостоятельная социально-политическая роль города им определена верно. Нам могут сказать, что договор 907 г. Руси с Византией мнимый, появившийся под пером составителя Повести временных лет⁶⁹. Но в русско-византийском договоре 944 г., чья подлинность сейчас общепризнана, находим сходный текст: «И приходящим им, да витають и святаго Мамы, да послеть царство наше, да испишеть имяна ваша, тогда возмут месячное свое, съли слебное, а гостье месячное, первое от города Киева, паки из Чернигова и ис Переяславля и ис прочих городов»⁷⁰. Итак, если мы даже отбросим сведения из договора 907 г., усомнившись в его действительном существовании, то остаются все же не возбуждающие недоверия указания договора 944 г., в свете которых русский город X в. предстает как самодавлею-щая социально-политическая организация⁷¹. Приняв это заключение, мы с большей внимательностью отнесемся к другому характерному летописному сообщению, взятому из рассказа о последней мести Ольги, завершившейся разорением древлянского города Искорostenя, повинного в смерти ее мужа Игоря. Расправившись с древлянами, Ольга «вложша на ня дань тяжьку; 2 части дани идета Киеву, а третьяя Вышгороду к Ользе; бе бо Вышгород град Вользин»⁷². Значит, Киев и Вышгород получали если не всю древлянскую дань, то, во всяком случае, какую-то ее часть, или урок, как тогда имели обыкновение выражаться. Киев — вольный город. С ним все ясно. Сложнее с Вышгородом. Его летописец называет «град Вользин». Как это понять? Может быть так, что город принадлежал Ольге на частном праве? Подобные суждения встречаются в историографии⁷³. Нам кажется, что А. Н. Насонов занимал более правильную позицию, когда говорил: «Вышгород XI—XII вв. возник не из княжеского села, как можно было бы думать, имея в виду слова летописца „Ольгин град“ (под 946 г.). В X—XI вв. это не село —

⁶⁸ З а б е л и н И. Е. История русской жизни... с. 130.

⁶⁹ ПРП, вып. I, с. 66.

⁷⁰ ПВЛ, ч. I, с. 36.

⁷¹ Для Д. Я. Самоквасова упомянутые постановления договоров Руси с греками служили прямым указанием «на общинный характер наших древних городов». — См.: Самоквасов Д. Я. Заметки по истории русского государственного устройства и управления. — ЖМНП, 1869, декабрь, с. 224.

⁷² ПВЛ, ч. I, с. 43.

⁷³ Юшкоб C. B. Очерки... с. 46; Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 294—295.

замок, а город со своим городским управлением (начало XI в.), населенный (в X в.) теми самыми „руссами“, которые ходят в полюдье, покупают однодеревки и отправляют их с товарами в Константинополь. Существование здесь в начале XI в. своей военно-судебной политической организации отмечено „Чтениями“ Нестора и сказанием о Борисе и Глебе. Здесь мы видим „властелина градского“, имеющего своих отроков или „старейшину града“, производящих суд»⁷⁴.

Поступление древлянской дани в Киев и Вышгород, иначе киевской и вышгородской общинам, не покажется странным, если учесть, что покорение древлян — дело не одной княжеской дружины, но и воев многих, за которыми скрывалось народное ополчение, формировалоющееся в городах. Без военной помощи земли киевским князьям было не по силам воевать с восточно-славянскими племенами, а тем более с Византией или с кочевниками⁷⁵. Именно этот решающий вклад земских ратников в военные экспедиции своих князей обеспечивал городам долю даней, выколачиваемых из «примученных» племен и Византийской империи, откупавшейся золотом и различными «узорочьем» от разорительных набегов варварской Руси⁷⁶.

Итак, на основании записей Повести временных лет мы приходим к выводу, что города Руси X в. являли собой самостоятельные общественные союзы, представляющие законченное це-лое, союзы, где княжеская власть была далеко не всеобъемлю-щая, а лишь одной из пружин социально-политического меха-низма, лежавшего в основе государственного устройства. Какова социальная природа этих союзов?

Ныне можно считать доказанным тот факт, что древнерусские города есть порождение сельской стихии. Органически связанные с селом, они не противостояли ему, но, напротив, являлись как бы ступенью в развитии сельских институтов⁷⁷. Именно поэтому древнейшие города, возникшие вокруг центральных капищ, кладбищ и мест вечевых собраний, ничем не отличались от поселений сельского типа⁷⁸.

⁷⁴ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 53—54; см. также: Ф о р я н о в И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974, с. 49—50; К у зь м и н А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 338.

⁷⁵ См. с. 188—190 настоящей книги.

⁷⁶ Необходимо отметить, что право граждан пользоваться доходами, получаемыми благодаря победоносным войнам, было характерным для античных городов-государств. — См.: Ш та е р м а н Е. М. Эволюция античной формы собственности и античного города. — Византийский временник, 1973, 34, с. 5.

⁷⁷ Ф а д е е в Л. А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов. — В кн.: Русский город, с. 31.

⁷⁸ Я н п и н В. Л., А л е ш к о в с к и и М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). — История СССР, 1971, № 2, с. 60.

Историки античного мира процесс образования полиса рассматривают как объединение нескольких общин, причем существование этих общин определяется ими по-разному: одни полагают, что в синойкизме сплавлялись родовые общины⁷⁹, другие — территориальные, соседские⁸⁰, третьи упоминают в данной связи промежуточные социальные формы⁸¹. Нечто похожее на синойкизм происходило и в Древней Руси. Из новейших исследований яствует, что древний Новгород возник в результате слияния совокупности родовых поселков — так называемых концов⁸². Общинный характер концов угадывается вполне определенно⁸³. Кончанское устройство прослеживается и в других городах Руси: Пскове, Старой Руссе, Ладоге, Кореле, Смоленске, Ростове, Киеве⁸⁴. Это позволяет предположить о единстве возникновения древних русских городов, появившихся вследствие слияния нескольких общин. Не случайно исследователи Новгорода В. Л. Янин и М. Х. Алешковский говорят, что «модель происхождения Новгорода из политического центра одной из предгосударственных федераций имеет, по всей вероятности, немалое значение для понимания происхождения первых южных городов, в частности Киева»⁸⁵. О том, что Киев, подобно Новгороду и прочим древнейшим городам, образовался путем синойкизма, свидетельствуют летописные и археологические источники. Вспомним летописную легенду о трех братьях Кие, Щеке и Хориве, основавших Киев. Современные исследователи находят в ней историческую основу⁸⁶. Археологи видят в легенде указание на реальное существование нескольких самостоятельных поселений, предшествовавших единому городу⁸⁷. И действительно, на территории

⁷⁹ Нечаев Ф. М. Образование Римского государства. Минск, 1972, с. 7.

⁸⁰ Маяк И. Л. Проблема генезиса римского полиса. — Вестник древней истории, 1976, № 4, с. 55.

⁸¹ Аддееев Ю. В. Раннегреческий полис, с. 76.

⁸² Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода, с. 56; Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 45.

⁸³ Фадеев Л. А. Происхождение и роль системы городских концов, с. 26—30.

⁸⁴ Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова, с. 87; Арциховский А. В. Городские концы в Древней Руси. — Исторические записки, 1945, 16, с. И—12; Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода, с. 56; Фадеев Л. А. Происхождение и роль системы городских концов, с. 19.

⁸⁵ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода, с. 60; см. также: Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV вв. — Советская археология, 1974, № 3, с. 109—110; Рабинович М. Г. Очерки... с. 17, 288, прим. 7.

⁸⁶ ПВЛ, ч. И, с. 220—221; Рыбаков Б. А. Древняя Русь... с. 22—38; Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970, с. 9—10.

⁸⁷ Каргер М. К. 1) Древний Киев. — В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, с. 45; 2) Древний Киев. М.; Л., 1958, т. 1, с. 115; Брайчевский М. Ю. Когда и как возник Киев. Киев, 1964, с. 74.

Киева, как показали археологические раскопки, стояло несколько (не меньше трех) поселений, относящихся к концу VIII—Хвв. Только на исходе X столетия они слились в один город⁸⁸. Д. С. Лихачев, считая мотив братства в легенде сравнительно поздним, полагает, что это братство стало «как бы закреплением союза и постепенным объединением этих трех поселений»⁸⁹.

Сходную картину археологи наблюдают и при образовании других городов Руси. Известно, что древний Чернигов возник из слияния нескольких поселений⁹⁰. Изучение исторической топографии Суздаля убеждает, что появлению города предшествовало несколько самостоятельных поселений на его будущей территории⁹¹. На месте Твери также вскрыта группа поселков⁹². Аналогичная группа обнаружена в Смоленске⁹³. Город Искоростень и остальные дрэвлянские «грады» зарождались в гуще городищ, размешавшихся гнездами⁹⁴.

Все перечисленные древнейшие города складывались на родоплеменной основе. Они выступали как племенные центры⁹⁵. Уместно здесь напомнить, что Ф. Энгельс в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (где, по словам В. И. Ленина, каждая фраза «написана на основании

⁸⁸ Каргер М. К. 1) Древний Киев, с. 45; 2) Древний Киев, т. 1, с. 115; см. также: Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953, с. 274—276.

⁸⁹ Брайчев Д. С. Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (Х—XI вв). — В кн.: Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953, т. 1, с. 155—157.

⁹⁰ Рыбаков Б. А. 1) Древности Чернигова. — В кн.: Материалы по исследования по археологии древнерусских городов. М.; Л., 1949, т. 1, с. 10; 2) Столичный город Чернигов и удельный город Вицк. — В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, с. 82; Богусевич В. А. Про топографию древнего Чернигова. — Археология, 1951, кн. 5, с. 121; Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 115; Зайцев А. К. Черниговское княжество. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв., с. 68.

⁹¹ Варганов А. Д. Суздаль. — В кн.: Сокровища русского зодчества. М., 1944, с. 3; Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 115; Боронин Н. Н. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польский. М., 1958, с. 163.

⁹² Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, с. 274.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Третьяков П. Н. 1) Древлянские «грады». — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 66; 2) Восточнославянские племена, с. 276.

⁹⁵ Рыбаков Б. А. О двух культурах русского феодализма. — В кн.: Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 27; Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967, с. 11; Седов В. В. 1) Славяне Верхнего Поднепровья и Подвилья. М., 1970, с. 77, 91; 2) Смоленская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв., с. 243—244; Мародин В. В., Форянов И. Я. Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси. — Вести. Ленингр. ун-та, 1970, № 20, с. 14.

громадного исторического и политического материала»)⁹⁶ говорил о городах, сделавшихся «средоточием племени или союза племен»⁹⁷.

На первых порах эти города имели, вероятно, аграрный характер⁹⁸. Иначе, среди их населения немало было тех, кто занимался сельским хозяйством. Яркой иллюстрацией может служить летописный рассказ о походе княгини Ольги на Искоростень. Простояв в долгой и бесплодной осаде, Ольга через послов говорила древлянам: «Что хотите доседети? А вси гради ваши предащася мне, и ялись по дань, и делають нивы своя и земле своя...»⁹⁹. Любопытна фразеология летописца, по которой именно города «делают нивы своя и земле своя». Отсюда явствует, что горожане у древлян еще не порвали с пашней, а это значит, что они еще тесно связаны с прилегающей к городу сельской территорией¹⁰⁰. Сельскохозяйственные занятия горожан прослеживаются и в других областях Руси¹⁰¹. Сама собой напрашивается историческая параллель с античностью. «Первоначальные греческие полисы, — замечает В. Д. Блаватский, — повсеместно имели земледельческий характер, а среди населения городов было много земледельцев. Да и в дальнейшем основная масса античных городов сохраняла тесную связь с ближайшей земледельческой округой»¹⁰². Экономика этих полисов базировалась на сельском хозяйстве¹⁰³. То же самое было и у африканских йорубов. В основе экономики их городов-государств лежало земледелие¹⁰⁴. Йорубские деревни «не противостояли городу в экономическом отношении. Они как бы служили его продолжением»¹⁰⁵.

Очень важное значение для понимания социально-политической природы русского города конца IX—X вв. имеет организация политической власти, управлявшей древнерусским обществом. Исследование источников убеждает в наличии трехступенча-

⁹⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 39, с. 67.

⁹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 163.

⁹⁸ Янин В. Л., Аleshковский М. Х. Происхождение Новгорода, с. 60.

⁹⁹ ПВЛ, ч. I, с. 42.

¹⁰⁰ По поводу цитированного текста М. Н. Тихомиров писал: «Связь городских жителей с земледелием ярко показана в словах Ольги, обращенных к жителям древлянского Искоростеня в середине X в.» — См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 67; см. также: Ефименко Т. К вопросу о русской «сотне»... с. 300; Рабинович М. Г. Очерки... с. 53, 55.

¹⁰¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 67—68.

¹⁰² Блаватский В. Д. Античный город. — В кн.: Античный город. М., 1963, с. 9.

¹⁰³ Там же, с. 10.

¹⁰⁴ Ко чак о в а Н. Б. 1) Города-государства йоруба в XIX в., с. 76; 2) Города-государства йорубов, с. 66; см. также: Лундин А. Г. Город в древней Южной Аравии, с. 33.

¹⁰⁵ Ко чак о в а Н. Б. 1) Города-государства йоруба в XIX в., с. 76; 2) Города-государства йорубов, с. 68.

той структуры власти Руси тех времен. Военный вождь-князь, наделенный определенными религиозными и судебными функциями, совет племенной знати (старцы градские)¹⁰⁶ и народное собрание (вече) — вот основные конструкции политического здания изучаемой эпохи. Эта структура соответствует политической структуре городов-государств Древнего мира¹⁰⁷. Обращает внимание совпадение терминов, обозначающих членов совета старейшин на Руси и в древнем Шумере: в летописи встречаем «старцев градских», а в шумерийских документах — «старцев города»¹⁰⁸. Совет «старцев» заседал и в гомеровском полисе¹⁰⁹. Большое сходство городских властей Руси конца IX—X вв. с властями городов-государств Востока и «доклассической» Греции, подкрепляемое терминологическими совпадениями в области политической лексики, вряд ли можно счесть случайностью. Оно по нашему глубокому убеждению, свидетельствует о схожести социально-политических процессов протекавших в древнем Шумере, гомеровской Греции и языческой Руси, говорит об их стадиальной близости.

Есть еще один элемент сходства Руси с гомеровским обществом, заключающийся в значительном социальном весе рода-племенной знати. Русские князья, бояре, старцы градские, подобно греческим царям и старцам¹¹⁰, занимали ключевое социальное положение. Правда, древнерусская знать несколько отставала от греческой, которая, как доказывает Ю. В. Андреев, прикрываясь фикцией народного суверенитета, по сути дела бесконтрольно распоряжалась общинной собственностью¹¹¹. Наши князья и прочие «народные мужи» не успели уйти так далеко. Народ, древнерусский демос, ощущал на ход общественной жизни, решая на вече вопросы государственной важности¹¹². Но все это происходило под руководством знатных людей. Привилегированное положение родовой знати — естественная вещь в условиях рода-племенного строя, особенно на последнем этапе его развития. Знать, как явствует из летописных данных, «держала землю», т. е. управляла обществом. Однако нет оснований рассуждать о политическом всесилии правящей верхушки, с одной стороны, и бесправии народных масс — с другой. В соперничестве знатных между собой побеждал тот, кому удавалось

¹⁰⁶ Мардин В. В., Фроянов И. Я. «Старцы градские» на Руси X в. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974.

¹⁰⁷ Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья, с. 139, 163; Беляевский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический, с. 223—224; Андреев Ю. В. Раннегреческий полис, с. 46.

¹⁰⁸ Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй... с. 130.

¹⁰⁹ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис, с. 46.

¹¹⁰ Там же, с. 100, 101.

¹¹¹ Там же, с. 100.

¹¹² См. с. 130, 160—164 настоящей книги.

увлечь народ и заручиться его поддержкой¹¹³. Поэтому «лучшие мужи» прилагали немало стараний, чтобы поднять свой престиж в массах. Ради этого они раздирали богатства направо и налево, устраивали шумные многолюдные пиры¹¹⁴.

Таким образом, суммированный нами материал позволяет заключить о существовании на Руси конца IX—X вв. городов-государств, складывавшихся из города и прилегающих к нему земель, или, говоря языком древних греков, хоры. В этом случае город являлся административным, военным и культурным (религиозным) центром. В нем пребывали местные власти: князь, совет старейшин, народное собрание. В нем формировалось народное ополчение, когда в том возникала потребность. Здесь же располагались центральные кипища и кладбища¹¹⁵. Его можно рассматривать и как экономический центр, если считать, что деревня являлась продолжением города¹¹⁶, а также видеть в нем центральный торговый пункт, стягивавший окрестное население¹¹⁷. В меньшей мере он был ремесленным средоточием, ибо для этого ему не хватало посада, начальные моменты образования которого падают на конец X — начало XI в.¹¹⁸. И все-таки определяющее значение города состояло в том, что он выступал как политико-административный и идеологический (религиозный) центр¹¹⁹.

Города-государства на Руси конца IX—X вв. строились на родоплеменной основе¹²⁰. В конце X — начале XI в. завершается в основном распад родо-племенных отношений, вследствие чего открывается новая фаза в развитии городов-государств на Руси, выразившаяся в складывании «городских (городовых) волостей», составленных из главного города с пригородами и сельских округ. Население теперь размещается преимущественно не по родственному, а территориальному принципу. Об этих «воло-

¹¹³ Ср.: А ндреев Ю. В. Раннегреческий полис, с. 105.

¹¹⁴ См. с. 140—143 настоящей книги.

¹¹⁵ Янин В. Л., А л е ш к о в с к и и М. Х. Происхождение Новгорода, с. 60; см. также: Ф. де Куланж. Гражданская община Древнего мира. СПб., 1906, с. 143—152.

¹¹⁶ Кочанова Н. Б. 1) Города-государства Йоруба в XIX в., с. 76; 2) Города-государства йорубов, с. 68.

¹¹⁷ Существенный интерес в этом плане представляют известия о жизни балтийских славян, чьи города служили местом торговли для деревенских жителей.—См.: Г ильфердинг А. История балтийских славян. М., 1855, с. 117—118, 151—153.— Можно привести здесь и любопытный факт, засвидетельствованный Новгородской Первой летописью, которая сообщает о некой «клильянине», собиравшемся вести в Новгород «гъронци» на продажу, по всей видимости.—НПЛ, с. 160.

¹¹⁸ Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 44, 47; Алексеев Л. В. Погоцкая земля, с. 133; М а в р о д и н В. В., Ф р о я н о в И. Я. Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового строя... с. 11.

¹¹⁹ Гуляев В. И. 1) Города-государства древних майя, с. 21—22; 2) Города-государства майя..., с. 17, 18, 284.

¹²⁰ в этом нет ничего необычного. То же самое мы встречаем у других народов.—См.: К обищанов Ю. М. Системы общинного типа, с. 232.

стях» в Лаврентьевской летописи под 1176 г. читаем красноречивую запись, о которой нам уже приходилось размышлять¹²¹. «Новгородци бо изначала и Смолняне и Кыяне и Полочане и вся власти яко на думу на веча сходятся. На что же старейший сдумают, на томъ же пригороди стануть». Как понять летописное «изначала»? Многие исследователи толкуют данное слово в значении незапамятных, во всяком случае, доваряжских времен¹²². На наш взгляд, указание летописца надо относить примерно к середине XI в., когда на Руси полным ходом шел процесс формирования территориальных общественных союзов, именуемых в летописи «кыянами», «новгородцами», «смолнянами», «полочанами»¹²³. О том, что за «кыянами» и остальными названиями стояли именно общественные союзы, говорит лексика летописца, отождествляющего понятия «кыяны», «новгородцы», «смолняны», «полочаны» с понятием «волости». А это, в свою очередь, означает, что термин «кыяны» и аналогичные наименования по смыслу шире, чем слово «горожане» — жители Киева, Новгорода, Смоленска и Полоцка. Кроме общих соображений мы располагаем и некоторыми конкретными сведениями иа сей счет. Под 1092 г. в Повести временных лет рассказывается о всадниках-невидимках, которые «куязляху люди полотьские и его область». И дальше летописец роняет знаменательную фразу: «Тем и человечи глаголаху, яко навье быть полочаны»¹²⁴. Стало быть, «полочаны» — это и «люди полотьские», т. е. горожане, и жители Полоцкой области, т. е. селяне. Новгородский книжник сообщает, что в 1164 г. «придоша Свяя под Ладогу, и пожъгоша ладожане хоромы своя, а сами затвориша в граде с посадником с Нежатою»¹²⁵. Ладожанами здесь называются те, кто жил под Ладогой, иначе — обитатели окрестных сел. Так было и в других областях. А. Е. Пресняков, например, имел все основания сказать, что под «кыянами» необходимо «разуметь часто не жителей только Киева, а Киевской земли»¹²⁶. Оно и понятно, ибо «не только в XI в., а и позднее трудно отделить городскую народную массу от сельского населения»¹²⁷. Подобно

¹²¹ См. с. 155—159 настоящей книги.

¹²² См., напр.: П а с с е к В. Княжеская и докняжеская Русь, с. 74—75; Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1900, т. 2, с. 33; П л а т о н о в С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1907, с. 82.

¹²³ См. с. 159 настоящей книги.

¹²⁴ ПВЛ, ч. I, с. 141.

¹²⁵ НПЛ, с. 31, 218.

¹²⁶ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1, с. 170.

¹²⁷ О ч е р к и истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. М., 1953, ч. 1, с. 176. Выражаем полную солидарность с Г. А. Хабургаевым, который в словах «белозерцы», «черниговцы», «нереяславцы», «володимерцы», «ростовцы» и т. п. усматривает наименования «населения соответствующих областей (волостей или земель)».—Х а б у р г а е в Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979, с. 171, 213—214, 215. Однако нельзя

тому как в Древней Греции афинянами, коринфянами, мегарянами, милетянами и прочими называли и непосредственно горожан, и проживающих в сельской местности, входящей в состав города-государства¹²⁸, так и на Руси второй половины XI—XII вв. под киевлянами, новгородцами, смоленянами, полочанами, черниговцами, Переяславцами и другими разумели не единственно лишь городских, но и сельских людей.

Как явствует из летописного известия 1176 г., старейшим городам подчинялись пригороды, которые следует считать новообразованием XI в. Предшествующее время их, по всей видимости, не знало. Появление пригородов, их количественный рост в XII в. свидетельствуют, с одной стороны, о заметном увеличении населения на Руси и об образовании территориальных делений взамен объединений, державшихся благодаря кровным узам, — с другой. Зависимое положение пригородов по отношению к старейшим городам отражено в самом наименовании «пригород». М. А. Дьяконов писал: «Само название «пригород» показывает, что пригород ниже города, в чем-то от города зависит, чем-то «тянет» к нему»¹²⁹. Не исключено, что зависимость пригородов от старших городов была следствием колонизации, освоения периферийных земель, исходившего из колонизационного центра — старшего города, который выступал как своего рода метрополия; она могла быть и фактом простого завоевания, покорения слабого сильному¹³⁰. Но скорее всего здесь действовали оба фактора: и колонизационный, и военный.

О главенствующем положении центральных волостных городов мы судим не только по известию владимирского летописца. В нашем распоряжении есть и дополнительные материалы говорящие о том же. В 1151 г. Юрий Долгорукий после неудачной попытки овладеть Киевом подступил к пригороду киевскому Белгороду «и рече Белогородцем вы есте люди мои, а отворити ми град. Белогородци же рекоша, а Киев ти ся кое отворил, а князь наш Вячеслав, Изяслав и Ростислав»¹³¹. Юрий вынужден был ни с чем отойти от Белгорода. Значит, белгородцы не пустили в свой город Юрия потому, что их старший город Киев не отворил ему ворот. Стоило, однако, какому-нибудь князю обосноваться в Киеве, и он получал возможность направлять посад-

согласиться с автором, когда он говорит, что «термин *кыяне*, в отличие от остальных аналогичных образований этого времени (*куряне*, *меняне*, *смольяне* и т. д.), сохраняется лишь за населением города».— Там же, с. 184.

¹²⁸ К о л о б о в К. М., Г л у с к и н а Л. М. Очерки истории Древней Греции. Л., 1958, с. 74.

¹²⁹ Д ь я к о н о в М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912, с. 70.

¹³⁰ Г р а д о в с к и и А. Д. Государственный строй древней России, с. 351; В л а д и м и р с к и й - Б у д а н о в М. Ф. Обзор истории русского права, с. 22—23, 42.

¹³¹ ПСРЛ, т. II, стб. 433.

ников в киевские пригороды. Так случилось с Всеволодом Чермным, который, будучи в Киеве, «посла посадники по всем городам Киевьским»¹³². Превосходство «старейшего» города над «молодшим» пригородом ярко выступает в речи, вложенной летописцем в уста князя Мстислава: «Да не будет Новый Торг над Новым го-родом, ни Новъгород под Торжъком; нь где святая София, и ту и Новъгород»¹³³. Трудно найти более ясное свидетельство о подначальном статусе пригорода. Столь же выразительно летописное сообщение, переносящее нас из Новгорода во Владимир на Клязьму, где в 1175 г. перед лицом врага «затворися» князь Ми-халко. В тот момент «не сущим Володимери, ехали бо бяжу по повелению Ростовець противу князема с полторы тысяче»¹³⁴. Владимирцы, как убеждаемся, едут «противу князема» по повелению ростовцев, что естественно, ибо Владимир — пригород Ростова.

Нельзя, разумеется, представлять себе взаимоотношения городов и пригородов как некую устойчивую социальную систему, сложившуюся раз и навсегда. Между старшими городами и пригородами нередко возникали конфликты. Больше того, мы замечаем стремление пригородов к обособлению¹³⁵. При успешном для пригорода обороте дела это приводило к разложению прежних волостей-государств на новые, более мелкие¹³⁶. Мотивы, побуждавшие жителей пригородов к обособлению от старших городов, не исчерпывались тем, что пригороды тяготились отправлением повинностей (финансовых, военных и пр.) в пользу главного города. К такому обособлению, преследующему цель создания самостоятельных городов-государств, толкала сама социально-политическая организация древнерусского общества с присущей ей непосредственной демократией, выражавшейся в прямом участии народа в деятельности народных вечевых собраний — верховного органа городов-государств. Чтобы лучше понять суть мельчания волостей, необходимо обратиться к сравнительно-историческому материалу. В Древней Греции большая часть городов-государств имела довольно незначительные территориальные размеры¹³⁷. И это закономерно, поскольку «территория города-государства не должна была превосходить известные, так сказать, обозримые размеры; в противном случае участие всех граждан в народном собрании обращалось в фикцию»¹³⁸.

¹³² Там же, т. I, стб. 427.

¹³³ НПЛ, с. 254.

¹³⁴ ПСРЛ, т. I, стб. 373.

¹³⁵ С е р г е е в и ч В. И. Русские юридические древности, т. 2. с. 117—

118.

¹³⁶ Там же, с. 118.

¹³⁷ К а р е е в Н. И. Государство-город античного мира, с. 24: У т ч е н - к о С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965, с. 13—14.

¹³⁸ Ш т а е р м а н Е. М. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии.— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ, кн. 1, с. 655.

Следовательно, территориальные ограничения тут были обусловлены внутренними причинами социально-политического порядка. И нет ничего невероятного в том, что сходная ситуация имела место и в Древней Руси XI—XII вв. Мы полагаем, что при объяснении дробления волостей (городов-государств) мы меньшие волости указанный фактор должен быть назван одним из первых. Правда, острота противоречий между размерами и народоправством древнерусских волостей-государств отчасти смягчалась тем, что население пригородов пользовалось правом участия в вечевых собраниях старших городов наравне с жителями последних¹³⁹. Кроме того, другим сглаживающим моментом являлось федеративное устройство волости-государства. Иными словами, пригороды входили в состав волости на федеративной основе¹⁴⁰. В каждом из них действовало свое вече, самостоятельно решавшее вопросы внутренней жизни пригорода и прилегавшей к нему окрестности. И лишь в вопросах внешней политики, а также общеволостных пригород должен был подчиняться главному городу. Но несмотря на все это, тяга к обособлению у пригородов проявлялась достаточно активно, что приводило к фактическому их выделению из старой волости. Так возникали новые города-государства, т. е. шел процесс, который современные наши историки выдают за феодальную раздробленность. Именно в образовании городов-государств мы видим главную причину раздробленности Руси XII в.

К сожалению, состояние источников лишает нас возможности подробно описать древнерусский город-государство. Но отдельные его черты, причем весьма существенные, все же улавливаются в памятниках. Бросается в глаза тесная, можно сказать органическая связь города с сельской округой, прослеживаемая по линии территориальной, экономической, военно-политической, административной и культурной.

Главный город не мыслился без «области», «волости», т. е. без пригородов и сел. «Город и волость» — стандартное термино-

¹³⁹ Сергеев В. И. Русские юридические древности, т. 2, с. 104—108.— В. И. Сергеевич, однако, верно отмечал, что «участие жителей пригородов в вечевой жизни волости не могло быть ни столь же постоянным, ни столь полным, как участие в ней жителей главных городов. Особые приглашения рассыпались только в особенно важных случаях, и когда было время ждать приезда пригородян. Но и в этих случаях приглашались жители не всех пригородов, а только важнейших. В случаях же внезапного созывания веча на собраниях могли присутствовать только те из жителей пригорода, которые случайно находились в это время в городе. Надо думать, однако, что и в случае особого приглашения жители пригородов являлись обыкновенно в меньшем числе, чем жители главного города. Эта разница легко объясняется удаленностью пригорода от места собрания, трудностями перехода, необходимостью больших жертв временем, деньгами и т. д.»—Там же, с. 105—106.

¹⁴⁰ Градовски А. Д. Государственный строй древней России... с. 3G1.

логическое сращение древнерусских источников¹⁴¹. Недаром С. В. Юшков, отрицавший наличие на Руси «городовых волостей», должен был признать: «Территориальный округ, тянувший к городу, так тесно с ним связан, что когда говорят о передаче города, то это означает передачу и всей городской округи. Город без окружавших его земель в этот период не мыслится»¹⁴². Действительно, факты показывают, что город и волость находились в единстве друг с другом, составляя одно территориальное целое. / Отсюда понятны названия «Киевская волость», «Черниговская волость», «Смоленская волость» и т. п.¹⁴³. Эти волости, т. е. города-государства, имели свои государственные границы. По сообщению Лаврентьевской летописи, в 1186 г. «на зиму иде на Полтеск Давыд Ростиславич из Смолиньска, а сын его Мстислав из Новгорода, из Ложьска Василко Володаревич, из Дреют-ска Всеслав. И слышаща Полочане и здумаша, рекуше: «Не можем мы стати противу Новгородцем и Смолняном, аще попустим их в землю свою, аще мир створим с ними, а много ны зла створять, попустят ны землю идучи до нас, пойдем к ним на сумежье». И собрашаася вси и идоша к ним, и сретоша я на межах с поклоном и с честью, и даша ему дары многы, и улади-шася и разидаша в страны своя кждо их»¹⁴⁴. Согласно Новгородской Первой летописи, в 1191 г. «ходи князь Ярослав на Лу-кы, позван полотьскою княжею и полоцяны, и поя с собою новъгородьць передъниою дружину; и съняща на рубежи»¹⁴⁵. Встреча Ярослава и новгородцев с полочанами произошла где-то между Великими Луками и Еменцом, так как именно там тянулась новгородско-псковская граница¹⁴⁶. Подобные встречи имели место и на иных рубежах. Под 1198 г. летопись сообщает, что князь Ярослав ходил зимой «с новъгородьци и с плесковици и с новотъръжци и с ладожаны и с всею областью Новгородьскою к Полотьску, и устретоша полоцяне с поклоном на озере на Ка-сыпле; и въземше мир, възвратиглася Новугороду»¹⁴⁷. Псковский рубеж, по А. Н. Насонову, проходил здесь между Касплинским озером и р. Лучесой¹⁴⁸. Тут и свиделись полочане с новгородцами. Итак, сумежье, межи, рубежи — это и есть государственные

¹⁴¹ См., напр.: ПВЛ, ч. I, с. 141; НПЛ, с. 253, 268, 277.

¹⁴² Юшков С. В. 1) Очерки... с. 136; 2) Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 262.

¹⁴³ ПСРЛ, т. I, стб. 309, 350, 367.

¹⁴⁴ Там же, стб. 403—404.

¹⁴⁵ НПЛ, с. 40.

¹⁴⁶ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, с. 156.

¹⁴⁷ НПЛ, с. 44.

¹⁴⁸ Насонов А. Н. «Русская земля»... с. 157.

границы городских волостей, или древнерусских городов-государств¹⁴⁹.

Древнерусский город второй половины XI—XII вв., как, скажем, и античный¹⁵⁰, был центром ремесла и торговли. Данная функция городов на Руси хорошо в свое время была изучена М. Н. Тихомировым¹⁵¹. Но экономическая связь города с деревней наблюдалась не только в сфере ремесла и торговли, а и в земледелии. Известно, что городские жители часто являлись землевладельцами. Пример тому — князья и бояре с их землями и селами. Но в качестве землевладельцев в Киевской Руси выступала не только городская княжеско-боярская знать. Любопытное свидетельство в этом отношении сохранилось в Житии Феодосия Печерского. Из Жития знаем, что родители Феодосия, живя в Курске, имели за городом село, куда после смерти отца отрок Феодосии вместе с «рабы своими» ходил дело «делати со всяким прилежанием»¹⁵². Б. Д. Греков относит отца Феодосия к числу небогатых землевладельцев¹⁵³. Имели пригородные села и рядовые горожане. Это объясняется аграрным в значительной степени характером древнерусских городов. Еще Н. И. Хлебников писал: «В городах жили купцы, ремесленники, но большинство жителей в них были обыкновенно земледельцы»¹⁵⁴. Важное место в экономической жизни города отводят сельскому хозяйству и советские историки. «Хозяйство горожан, — говорил М. Н. Тихомиров, — было еще сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огорода, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве»¹⁵⁵. О том, что город и близлежащие села составляли единый хозяйствственный комплекс, можно судить по истории возникновения Холма. Когда князь Даниил Галицкий «створи градец мал» и этот «градец» устоял перед полчищами Батыя, к нему стали стекаться «в день и во день и уноты и мастере всяции бежаху ис Татар: седелницы и лучницы, и тулницы, и кузнице железу и меди и сребру; и бе жизнь, и наполниша дворы окрест града, поле (и) села»¹⁵⁶. Данный пример, хотя и несколько поздний, но довольно яркий. Так

¹⁴⁹ Владимира-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права, с. 17, прим.; Алексеев Л. В. 1) О распространении топонимов «межа» и «рубеж» в Восточной Европе. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 245—250; 2) Полоцкая земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв., с. 217.

¹⁵⁰ Блаватский В. Д. Античный город, с. 27.

¹⁵¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города.

¹⁵² Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 17.

¹⁵³ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 180.

¹⁵⁴ Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872, с. 227.

¹⁵⁵ Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 92; см. также: Рабинович М. Г. 1) О земледелии в русском феодальном городе. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 129—132; 2) Очерки... с. 55—59.

¹⁵⁶ ПСРЛ, т. II, стб. 843.

было, несомненно, и раньше. Чтобы не быть голословным, сошлемся на случай, описанный в Новгородской Первой летописи под 1167 г., когда князь Святослав с помощью воинов Андрея Боголюбского «поже Новый торг, а новоторжцы отступиша к Новугороду, и много пакости творяще домом их (новоторж-цев. — И. Ф.) и села их потрати»¹⁵⁷. Надо заметить, что летописцы часто рассказывают о разорении и сожжении пригородных сел во время войн, бывших заурядным явлением на Руси XII в. Помимо индивидуального землевладения горожан существовало также землевладение коллективное, распространявшееся на пригородные луга. Так, в Лаврентьевской летописи читаем, что в 1150 г. люди, укрывшиеся в Переяславле от военной опасности, не смели «скота выпустисти из города»¹⁵⁸. Кроме того, древнерусский город в лице главенствующей общины обладал правом собственности на значительные массивы земель, разбросанных по волости. Приведем соответствующие факты. Великий князь Изяслав Мстиславич выпросил однажды «у Новгорода святому Пан-телемону землю село Витославицы и смерды и поля Ушково и до прости»¹⁵⁹. Значит, в распоряжении новгородского веча были земли, населенные смердами, сходными с рабами фиска Западной Европы¹⁶⁰, и земли пустые. В Смоленске видим подобную картину. С согласия смоленского веча князь Ростислав наделил только что учрежденную епископию селами Дросенским и Ясенским, где сидели изгои, сеножатами и озерами. Все эти земли¹⁶¹ и воды представляли собственность смоленской городской общины¹⁶¹. Весьма красноречивы отдельные фразеологические обороты уставной смоленской грамоты: «и озера Нимикорская и с сеножатами, и уезд княж, и на Сверковых луках сеножати, и уезд княж...»¹⁶². Что следует понимать под выражением «уезд княж»? Нам кажется, что его можно толковать как «въезд княж». Если наше толкование верно, то мы получаем новое сведение по истории земельных отношений в Древней Руси, сведение, подтверждающее высказанную нами выше мысль о широком развитии на Руси городской земельной общинной собственности, представляющей собой древнерусский вариант *ager publicus*. Ведь князь «въезжает» в сеножаты и озера, иначе только пользуется ими. Свое право «въезда» он передает вновь учрежденной епископии. Легко догадаться о настоящем собственнике упомянутых угодий. Таковым являлась смоленская городская община предоставившая

¹⁵⁷ НПЛ с 32 220

¹⁵⁸ ПСРЛ, т. I, стб. 328; см. также: Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 92.

¹⁵⁹ Корецкий В. И. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю. — Исторический архив, 1955, № 5, с. 204.

¹⁶⁰ Форянов И. Я. Киевская Русь... с. 125.

¹⁶¹ Там же, с. 19.

¹⁶² ПРП, вып. II, с. 41.

право князю Ростиславу и его людям эксплуатировать общинные покосы и озера, а затем санкционировавшая передачу этого права «святей Богородици и епископу».

Военно-политическая связь главного города с областью (волостью) не подлежит никакому сомнению. Частично о ней у нас уже шла речь, когда мы отмечали наличие в войске сельских жителей¹⁶³. Кказанному надо добавить, что древнерусский город служил местом укрытия и убежища на случай военной угрозы как для городского, так и для сельского люда. Есть основания предполагать, что не всегда волостное население запиралось в ближайших городах, сбегаясь к главному городу¹⁶⁴. На последний возлагалась организация обороны городской волости. Этот вопрос решало киевское вече после поражения русских в битве с половцами на Альте в 1068 г. «Се половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними», — говорили посланцы веча князю Изяславу¹⁶⁵. В их словах сквозит тревога за киевскую волость, которую они готовы защищать от «поганых». Стремление обезопасить волостные земли обусловливалось не только гражданскими и патриотическими побуждениями, но и сугубо практическими интересами, ибо разорение волости болезненно отражалось на городе, ставя его перед большими экономическими и финансовыми трудностями, что, в свою очередь, приводило к снижению военно-политической мощи городской общины. В качестве примера, хотя и косвенного, но вполне так сказать, репрезентативного, сошлемся на летописный эпизод, когда киевский князь Святополк в 1093 г. «поча собирали вое», намереваясь выступить против половцев. Но «мужи смыслении» пытались удержать князя от рискованного предприятия: «Не кушайся щотиву им, яко мало имаши вои». Он же рече: «Имею отрок своих 700, иже могут противу им стати». ...смыслении же глаго-лаху: «Аще бы их пристроил и 8 тысячъ, не лихо ти есть: наша земля оскудела есть от рати и от продажъ...». Оскудевшая земя — бич для города и властей, пребывающих в нем. Поэтому враждующие князья в междуусобных столкновениях неуклонно преследовали стратегическую цель, сводившуюся к опустошению земли-волости противника с тем, чтобы подорвать его экономические возможности, ослабить военную мощь и в конечном счете — поставить на колени¹⁶⁷. Поэтому же городская община принимала крутые меры, когда те или иные правители, «творили пакости» волости, т. е. разоряли ее и грабили¹⁶⁸.

Территориальная, экономическая, политическая и военная связь города с волостью сопрягалась со связью судебно-административной.

¹⁶³ См. с. 203—207 настоящей книги.

¹⁶⁴ ПВЛ, ч. I, с. 149; ПСРЛ, т. II, стб. 358; НПЛ, с. 32. ¹⁶⁵ ПВЛ, ч. I, с. 114.

¹⁶⁶ Там же, с. 143.

¹⁶⁷ Ф о р о я н о в И. Я. Киевская Русь... с. 63—64. ПСРЛ, т. I, 375; НПЛ, с. 37, 51.

стративной. Не подлежит сомнению, что в Древней Руси суд над людьми, жившими в сельской местности, нередко осуществлялся в городе. В Патерике Киево-Печерского монастыря читаем о неких разбойниках, которых связанными вели в город на суд и разправу¹⁶⁹. Русская Правда позволяет селянину-закупу бежать «ко князю или к судиям... обиды деля своего господина»¹⁷⁰. Надо полагать, что князь и судьи, упоминаемые Правдой, сидели в городе. Та же Правда постановляет: «А и своего города в чюю землю свода нетуть...»¹⁷¹. Этот текст примечателен в двух отношениях. Во-первых, в нем отождествляются понятия «город» и «земля»¹⁷², что указывает на неразрывность города и земли-волости. Во-вторых, город выступает здесь как средоточие судопроизводства¹⁷³.

В плане административном город был соединен с сельской окружной и пригородами землими нитями. Древнерусские города, как мы знаем, состояли из концов — самоуправляющихся районов¹⁷⁴. Исследованиями как дореволюционных, так и советских историков установлена непосредственная связь кончанского устройства с сельскими областями, включая и административную¹⁷⁵. Сотенная организация позволяет думать то же самое. Изучая древнерусские сотни, Т. Ефименко пришел к обоснованному выводу о социальном единстве и нерасторжимости города и села в Киевской Руси¹⁷⁶.

¹⁶⁹ Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 48.

¹⁷⁰ ПР, т. I, с. 110-111.

¹⁷¹ Там же, с. 108.

¹⁷² С а м о к в а с о в Д. Я. Древние города России, с. 35.

¹⁷³ Юшков С. В. 1) Очерки... с. 136; 2) Общественно-политический строй¹⁷⁴, с. 261.

¹⁷⁴ А р ц и х о в с к и и А. В. Городские концы в Древней Руси.

¹⁷⁵ Н и к и т с к и и А. И. Очерк внутренней истории Пскова, с. 62, 87, 161—164; Г р е к о в Б. Д. Избр. труды. М., 1960, т. 4, с. 184—185; К а фен-га у з Б. Б. Древний Псков. Очерки по истории феодальной республики. М., 1969, с. 61; Я нин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977, с. 226; Я нин В. Л., К о л ч и н Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии, с. 39; Ф а д е е в Л. А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов, с. 17—31; Р а б и н о в и ч М. Г. Очерки... с. 133—134.— М. Г. Рабинович верно отмечает, что «многие черты общественного быта русского города уходят своими корнями еще в древние общественные порядки, показывают тесную связь и взаимные влияния городов и сельских поселений страны».—

Там же, с. 284.

¹⁷⁶ Е ф и м е н к о Т. К вопросу о русской «сотне» княжеского периода.— ЖМНП, 1910, июнь, с. 298—317; см. также: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 164.— Н. А. Рожков справедливо говорил о том, что город в Киевской Руси «составлял неразрывную часть волости».— См.: Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории. Пг., 1919, с. 19—20.— Позднее связь города с сельской территорией постепенно слабела. Но еще в XVI в. трудно было людям представить город без прилегающего к нему уезда.— См.: С м и р н о в П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947, т. 1, с. 194—195.

Следует, наконец, указать на то, что древнерусский город был культурным и религиозным центром. Здесь обитали сановники церкви, державшие в подчинении низшее волостное духовенство. В главных городах возвышались почитаемые всей волостью храмы, символизировавшие суверенитет местных общин. Мы должны по достоинству оценить парадоксальный на первый взгляд факт: разорение в межволостных войнах храмов и монастырей противника¹⁷⁷. С точки зрения христианской — это, безусловно, весть вопиющая и безмерно греховная. Но тут есть и своя логика: разрушить храм врага — значит лишить его покрова божьего. Вот почему киевляне готовы были умереть за свою Святую Софию, новгородцы за свою Святую Софию, владимирцы за свою Святую Богородицу и т. п. Это и естественно, ибо, где святыня, там и город — сердце городовой волости-государства¹⁷⁸.

Волостные города как отдельные государственные образования располагали собственным войском — «тысячей»¹⁷⁹. Естественно предположить, что они в силу присущей им суверенности «правили» посольства друг к другу¹⁸⁰. Но самое замечательное состоит в том, что головные города направляли послов в зарубежные страны. В 1164 г. при византийском императоре Мануиле находились «Киевьский сол и Суждальский сол Илья, и Переяславь-ский, и Черниговьский»¹⁸¹. Для заключения договора Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. были отправлены послы «от Смолиня»¹⁸². Посольская практика городских волостей в Киевской Руси — яркая иллюстрация их государственной постановки.

Структура политической власти городских волостей весьма похожа на то, что мы наблюдаем в городах-государствах древности. Это — народное собрание-вече, являвшееся верховным органом власти, верховный правитель-князь, избирающийся вечем, и совет знати. Правда, в отношении совета знати у нас нет полной уверенности, поскольку мы не располагаем прямыми данными, свидетельствующими о его существовании. И все же исследователи предполагают, что таковой был¹⁸³. Подобное предположение правомерно, ибо есть косвенные сведения, которые можно истолковать в качестве указания на реальность совета знати. Сошлемся хотя бы на Житие преподобного Феодосия Печерского, где изображены «велможи» Курска «на трапезе у властелина граду»¹⁸⁴. Если учесть, что пиры в Древней Руси функ-

¹⁷⁷ На это обстоятельство обратил внимание еще В. Пассек. — См.: Пассек В. Княжеская и докняжеская Русь, с. 140—141.

¹⁷⁸ «Не будь Новый търг Новгородом, ни Новгород Търьком; нъ къде святая София ту и Новгород». — НПЛ, с. 55.

¹⁷⁹ См. с. 207 настоящей книги.

¹⁸⁰ НПЛ, с. 23; ПСРЛ, т. I, стб. 372.

¹⁸¹ ПСРЛ, т. I, стб. 352.

¹⁸² ПРП, вып. II, с. 57.

¹⁸³ ИВС ч. 1, гл. 1, § 1. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII в., с. 383.

¹⁸⁴ Патрик Киевского Печерского монастыря, с. 19.

ционировали и как советы¹⁸⁵, то эта сцена, взятая из Жития, может служить намеком на совет знати в действии.

В целом городские волости представляли собой союз общин во главе с торгово-ремесленной общиной главного города¹⁸⁶. Перед нами, следовательно, государства, воздвигнутые на общинной основе. Принятие общинной формы государства с точки зрения теоретической вполне естественно¹⁸⁷.

Необходимо иметь в виду, что городские волости-государства переживали в XII в. процесс становления. Замечаются местные особенности в развитии городов-государств (городских волостей). В Киевской волости и волостях Северо-Западной Руси прослеживаются демократические порядки. На северо-востоке во второй половине XII в. обозначились монархические тенденции, пробивавшиеся сквозь вечевую демократию, а в юго-западной Руси — олигархические. Смертельный удар городам-государствам в Древней Руси нанесло татарское нашествие. И только северные республики — Новгород, Псков и Вятка — сохранили память о былом.

¹⁸⁵ Липец Р. С. Эпос о Древней Русь. М., 1969, с. 127—131.

¹⁸⁶ Градовский А. Д. Государственный строй древней Руси, с. 350; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. 1, с. 169; см. также: Долгий В. М., Левинсон А. Г. Архаическая культура и город. — Вопросы философии, 1971, № 7, с. 101.

¹⁸⁷ Зак С. Д. Методологические проблемы развития сельской поземельной общины. — В кн.: Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975, с. 265—272.